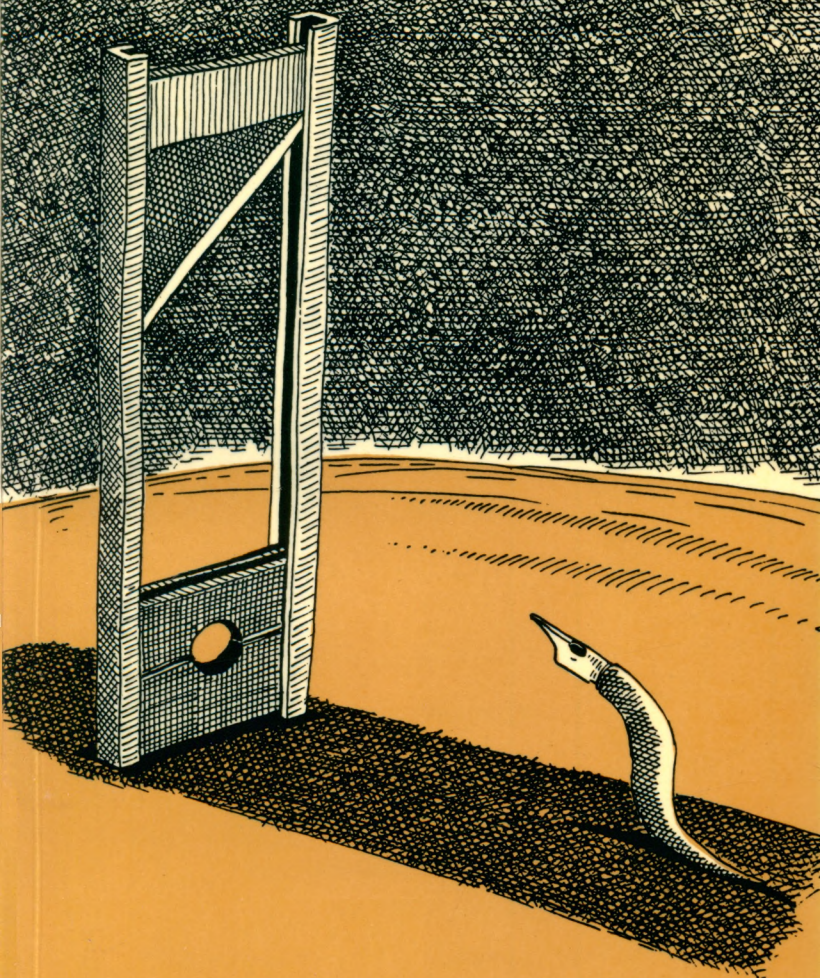

ЭДМУНД БЁРК

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

REFLECTIONS
ON THE
REVOLUTION IN FRANCE,
AND ON THE
PROCEEDINGS IN CERTAIN SOCIETIES
IN LONDON
RELATIVE TO THAT EVENT.

IN A
LETTER
INTENDED TO HAVE BEEN SENT TO A GENTLEMAN
IN PARIS.

BY THE RIGHT HONOURABLE

EDMUND BURKE

Translated from the English by Sima Weksler
Edited by Andrei Babich
With an Introduction and Notes
by Conor Cruise O'Brien

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1992

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ
И О ПРЕНИЯХ
В НЕКОТОРЫХ ЛОНДОНСКИХ ОБЩЕСТВАХ
КАСАТЕЛЬНО СЕГО СОБЫТИЯ,
СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ПИСЬМЕ,
ПРЕДПОЛАГАВШЕМСЯ БЫТЬ ОТПРАВЛЕННЫМ
НЕКОМУ БЛАГОРОДНОМУ ГОСПОДИНУ
В ПАРИЖ.**

**СОЧИНЕНИЕ ВЫСОКОПОЧТЕННОГО
ЭДМУНДА БЁРКА**

Перевела с английского Сима Векслер
под редакцией Андрея Бабича
Предисловием и примечаниями снабдил
Конор Круз О'Брайен

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1992

**Edmund Burke: RAZMYSHLENIA O REVOLIUTSII VO FRANTSII
I O PRENIIAKH V NEKOTORYKH LONDONSKIKH
OBSHCHESTVAKH KASATEL'NO SEGO SOBYTIIA.**

Translated from the English by Sima Weksler

Edited by Andrei Babich

With an Introduction and Notes by Conor Cruise O'Brien

First Russian edition published in 1992

by Overseas Publications Interchange Ltd

8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

First published in 1790

Published in Pelican Books 1968

Reprinted in Penguin English Library 1982

Reprinted in Penguin Classics 1986

Russian edition copyright © Overseas Publications Interchange Ltd, 1992

Introduction and notes copyright © Penguin Books Ltd, 1968

The moral rights of the editor, Mr Conor Cruise O'Brien, have been asserted.

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 1 870128 49 4

Cover design by Andrzej Krauze

Printed and bound in Israel

ПРЕДИСЛОВИЕ

"МАНИФЕСТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ"

1

Бродящий по Европе призрак, сошедший со страниц *Коммунистического Манифеста* и странствующий в наши дни по всему миру, впервые возник на страницах сочинений Берка:

"...из могилы убитой во Франции монархии восстал громадный, страшный, бесформенный призрак с обликом, более ужасающим, чем что бы то ни было дотоле вообразимое, который разрушил устои человеческого общества. Идя напролом к своей цели, не страшась опасности, не испытывая угрызений совести, попирая все общепринятые принципы и правила поведения, этот ужасный призрак подавил людей в силу того, что они не могли допустить и мысли о возможности его возникновения из принципов, которые они считали (скорее в силу привычки, чем естества) необходимыми для их же собственного блага и обычных форм их деятельности"¹⁾.

Революция, которой так боялся Берк, это, разумеется, не коммунистическая революция Маркса, но в ней много общего с последней по сути, а в некоторых отношениях она имеет больше общего с нею, чем с реально имевшей место Французской революцией времен Берка. Скорее в принципах коммунистической революции - и притом в еще более чистом виде - обнаружил бы Берк проявление того, что было ему так отвратительно в современной ему революции, которую он с ужасом, как замороженный, наблюдал во Франции и силой своего красноречия и мастерства жаждал предупредить в Англии. В революции мрачное прозрение Берка видело угрозу полных радикальных перемен в обществе: попрание всех законных прав, конфискацию собственности, уничтожение церкви, аристократии, дворянства, почитания предков, семьи, традиций, нравственных устоев, в конце концов - нации; все это проявилось позже в марксизме. В личности самого Маркса он увидел бы воплощение той энергии, которая представлялась ему наиболее опасной для упорядоченного общества, а именно: энергии таланта без собственности²⁾. В лице Энгельса он увидел бы идеального представителя той категории людей, чью деятельность он считал пагубной и непостижимой для понимания: категории собственников, поощряющих распространение идей, враждебных правам собственности³⁾. Подобно Берку, Маркс и Энгельс долго и страстно изучали Французскую революцию, выискивая в развитии ее событий секрет будущего развития европейской и мировой политики⁴⁾. Их воображение, как и воображение Берка, глубоко поразили те силы, которые высвободила революция; они были потрясены контрастом между масштабом событий и рутинной мировой политики, которая позволила себе не увидеть мировой угрозы революции и рассматривала ее как событие исключительно местного значения и из ряда вон выходящее, изолированное в пространстве и времени. Сквозь внешнюю политическую сторону революции Маркс и Энгельс различали, подобно Берку,

ее экономическую и социальную суть: в своих *Размышлениях*⁵⁾, как и в других сочинениях, Берк дает блестящие образцы той аристократической критики буржуазии, каковую саркастически и условно приветствует *Коммунистический Манифест*. И Берк, и Маркс стремились понять революционные принципы, действовавшие во Франции: Берк - с целью предотвратить их распространение и уничтожить корень заразы, Маркс - для того, чтобы ускорить победу новой революции, несущей с собой торжество всего самого ненавистного - хотя и не самого презренного - для Берка в революции предыдущей.

Великие революции нашего времени, революции в России и в Китае, вдохновленные идеями Маркса, произошли в странах, в которых были немыслимы события, подобные Французской революции. Сама Франция и те из западных стран, которые испытали на себе наибольшее влияние идей Просвещения и - подобно Британии и Соединенным Штатам Америки - оказались наиболее восприимчивыми к принципам политической демократии, каковые претили Берку, в наши дни - далеко не самые революционные страны в мире. Стране, которая была оплотом контрреволюции в его дни, - стране, императрицу которой он превозносил⁶⁾, - суждено было стать в наши рассадником революционной заразы, каковым в его дни была Франция. Нам довелось дожить до того времени, когда сама Россия, в результате своих революционных завоеваний, перестала быть революционной силой; на смену ей пришла власть, еще дольше, чем Россия, цеплявшаяся за устаревшие порядки и явившая собой величайший в мире пример приверженности социальному договору в форме, предвосхищенной Берком, а именно: "единением не только между живущими, но и между теми, кто жив, кто умер и кто еще не родился"⁷⁾. Если бы, как этого страстно желал и на чем настаивал Берк, европейские монархии искренне объединились для сокрушения революции во Франции в самом ее зародыше, безжалостно подавляя всякое

эмбриональное проявление потенциально революционного характера в собственных странах, еще неизвестно, к каким результатам это привело бы с течением времени. Разве не могло бы случиться так, что эти революционные силы, будучи не столько подавлены, сколь сдвинуты, разразились бы позднее и гораздо более бурно теперь уже под более организованным, последовательным и решительным руководством, что еще более радикально повлияло бы на структуру общества? Уже сама постановка такого вопроса, на мой взгляд, подвергает сомнению степень понимания собственных интересов международными контрреволюционными силами. Я еще вернусь к этой теме, когда буду говорить о связи Берка с воинствующим антикоммунизмом наших дней. Однако, в первую очередь, - поскольку Берк не просто так ополчился на революцию, - я считаю необходимым рассмотреть фактическое развитие его взглядов, душевных переживаний и представлений, связанных с Революцией, в той мере, в какой они проявились в дошедших до нас трудах.

2

С самого начала революции, сразу после падения Бастилии, события, которые столь многим казались зарей свободы, вызвали у Берка дурные предчувствия, однако он еще был далек от осознания их угрожающей сути.

"Что касается нас здесь," - писал он лорду Шарлемону 9 августа 1789 года¹⁾, - "мы перестали думать о чем бы то ни было, происходящем у нас на родине, замерев от изумления перед чудесным спектаклем, разыгравшимся в соседней и соперничающей с нами стране: что за спектакль и что за актеры! Англия следит, как завоуженная, за борьбой французов за свободу и не знает, то ли освистывать их, то ли аплодировать! В происходящем, хоть мне и кажется, что нечто подобное готови-

лось уже не один год²⁾, все же есть что-то парадоксальное и таинственное. Невозможно не восхищаться духом этих событий, но известная жестокость парижан вылилась в ужасающие формы. Вполне вероятно, что это не более, чем просто случайный взрыв... Но если эта жестокость превратится в характерное, а не случайное свойство, то это будет означать, что народ этой страны недостоин свободы и что для обуздания его нужна сильная рука его прежних правителей. Чтоб быть свободным, надо обладать определенным запасом сдержанности, иначе свобода губельна для того, кто к ней не подготовлен, и делает такого человека невыносимым для окружающих".

Эта же позиция заинтересованного и в целом отрицательно настроенного зрителя отражена и в других высказываниях Берка, относящихся к 1789 году. Его неодобрение, однако, растет. 10 октября 1789 года, после того, как революционные силы перевели короля из Версаля в Париж, он пишет своему сыну о "...зловещих событиях во Франции, где сословия, составляющие человеческое общество, похоже, совсем перестали существовать, а его место занял мир монстров, во главе которого стоит Мирабо - в качестве Великого Анарха, а покойный Великий Монарх представляет собой фигуру, столь же смешную, сколь и жалкую. Я жду, когда я услышу, что он разогнал свою гвардию, пившую за его здоровье, тогда как он призывал ее на помощь, и что в качестве телохранителей он предпочел иметь корпус парижских амазонок" (*Corr. VI*, стр. 29-30).

4 ноября Шам-Жан-Франсуа де Пон, тот самый "юный парижский джентльмен", о котором говорится в предисловии к *Размышлениям*, написал Берку письмо, ответом на которое - по форме - и явились *Размышления*. Он писал: "Его сердце впервые забилося при звуке слова "Свобода", услышав, как говорите о ней Вы. ...Ежели Вы изволите утверждать, что французы достойны быть свободными, что они сумеют отличить свободу от своеволия и законное правительство от

деспотической власти; если Вы, наконец, утверждаете, что начавшаяся революция восторжествует, - то, гордое Вашим свидетельством, оно никогда не впадет в уныние, столь часто сменяющее собой надежду" (*Corr. VI*, стр. 31-32).

Никогда за время с начала революции и до своей смерти не мог бы Берк дать своему юному корреспонденту того утешения, которое тот искал, но его подлинный ответ³⁾ очень далек по тону и характеру от яростной полемики *Размышлений*. Он подчеркивает свое незнание истинной ситуации и свою неуверенность в правоте собственного суждения. "Если в словах моих," - пишет он, - "вам послышится... осуждение, будьте столь любезны и расцените его как выражение сомнения и не более того". Он дает определение той свободе, которую он любит: "Свобода, которую я имею в виду, есть социальная свобода. Это такое общественное устройство, при котором свобода обеспечивается равным для всех ограничением; конституция, согласно которой свобода, предоставленная одному человеку, или группе людей, или множеству людей, не может позволить им посягнуть на свободу личности или некой общественной группы". Если это условие не выполнено, если вам не удалось создать "истинную, фактическую свободу и правительство, способное защитить и не посягнуть на нее..., то вы, хоть и свергли монархию, не обрели свободу... Вам предстоит теперь жить при новом государственном устройстве, подчиняясь правлению, о котором ни один человек на свете не может судить, исходя из опыта... Французскому обществу, быть может, еще предстоит пережить многие метаморфозы".

Советы Берка, не будучи во вкусе его просвещенного века, являются тем не менее плодом размышлений, основанных на опыте: "Никогда не рассматривайте достоинства какой либо политической доктрины в отрыве от людей, которых она затрагивает... Власть дурных людей - далеко не пустяк...". Заканчивается письмо восхвалением благоразумия и умеренности: "Благора-

зумие - в любых вопросах - одна из добродетелей, в политике - первая из таковых. Поверьте мне, милостивый государь, при всех изменениях в государстве умеренность - это достоинство не только приятное, но и могущественное. Это благорасполагающее, упорядочивающее, примиряющее, связующее начало... - осмеливаться быть исполненным опасений, когда все вокруг полны самонадеянности и самоуверенности..."

Эти дальновидные и достопамятные предостережения ни в коей мере не противоречат *Размышлениям*, в которых содержится несколько мест, выдержанных в том же ключе; просто искра этого великого трактата еще не разгорелась. Нет еще и намека на тревогу. "Что касается Франции," - пишет он Эрлу Фицвильяму приблизительно в то время, когда он, должно быть, сочинял ответ де Пону, - "если бы я предался размышлениям, на которые наводит меня нынешнее состояние дел и причины, его вызвавшие, а теперь начинающие раскрываться, я бы пришел к выводу, что эта страна погибла... Я бы, конечно, желал видеть Францию, ограниченную пределами умеренности. Интересы этой страны, а, возможно, и всего человечества требуют, чтобы она не была в состоянии деспотически диктовать законы Европе. Но я предвижу много неприятностей не только для Европы в широком смысле, но для самой этой страны, от полного вымирания великой цивилизованной нации, расположенной в самом сердце нашего западного мира"⁴⁾.

Это было написано незадолго до того, как Берк, а затем и многие другие задумались над "неприятностями" совсем другого свойства. До конца 1789 года, однако, он остается беспристрастным и спокойным. "Дела как Франции, так и Англии," - пишет он своему другу Филиппу Фрэнсису в декабре, - "вызывают у нас внимание чуть большее, чем простое любопытство; о первой наш долг не повелевает нам заботиться, на дела другой нам не дано повлиять сколько-нибудь значительно, и в конце концов, возможно, безрассудства Франции, которые пока еще не принесли нам вреда, могут послужить нам

полезным опытом в такой же степени, как и прегрешения Англии, которые должны нас огорчать"⁵⁾.

И только в январе 1790 года это созерцательное настроение начинает сменяться более активным. Письмо, написанное неизвестному адресату, вероятно, во второй половине января⁶⁾, на наш взгляд, отражает этот переход. В этом письме он подходит к ситуации во Франции более, чем когда-либо в дальнейшем, философически, или телеологически: "Человек - стадное животное. И он постепенно создает для себя условия, соответствующие его естественному предрасположению, каковые рано или поздно примут более приемлемую для него форму. В конце концов всякая рыба находит свою заводь". Затем, после нескольких едких замечаний в адрес Вольтера и Руссо, он находит новый повод для беспокойства: "Я вижу, что многие у нас желают, чтобы мы последовали их примеру и изменили наше государство по образцу, предложенному Францией. Они уже приступили к действиям; настало время тем, кто хочет сохранить *monet majorem*, насторожиться".

Первая фаза контрреволюционной деятельности Берка - период написания *Размышлений* - была посвящена борьбе против распространения идей этих людей в Англии. В этот период он не видел опасности в самой Франции, он видел ее в том образе мышления, который, по его мнению, привел к известным событиям во Франции, а также в людях, которые способствовали проникновению этих идей в Англию. Он остро ощутил опасность лишь по прочтении проповеди доктора Прайса и переписки Общества революции с Национальным собранием⁷⁾. Вскоре после этого на заседании парламента Чарльз Джеймс Фокс стал превозносить Французскую революцию и заявил, "восхваляет ее как по зову чувства, так и исходя из принципов". Питт также ждал, что обновленная и свободная Франция станет "одной из наиболее выдающихся держав в Европе".

Именно в это время, а именно 9 февраля 1790 года — Берк впервые публично выступил против самих прин-

ципов революции. Из опубликованного текста его выступления становится ясно, что главным провозглашенным им поводом для беспокойства является опасность распространения заразы из Франции в Англию:

"Палате должно быть ясно из его выступления, спровоцированного несколькими высказываниями его друзей, как страстно он желал уберечь Англию от французской чумы, ибо он был уверен, что уже имелись опасные люди, изъявившие намерение рекомендовать подражание французскому духу реформ. Он был настолько сильно настроен против любых, самых слабых тенденций в пользу средств установления демократии, подобной французской, а также против конечного результата, что как бы горько ему это ни было, но случись так, что произошла бы попытка совершить нечто подобное Французской революции и кто-нибудь из его друзей оказался бы ее участником (он, правда, был очень далек от того, чтобы поверить в это), он бы отрекся от своих друзей и перешел на сторону своих худших врагов, чтобы вместе противостоять либо средствам, либо результатам и оказать сопротивление всем яростным усилиям духа новшеств, столь далекого от всех принципов истины и здорового реформизма, духа, вполне способного сокрушить государства, но абсолютно не способного улучшить их"⁸⁾.

Размышления о революции во Франции развивают, обосновывают и иллюстрируют его позицию.

3

Два факта: первый из которых - скорый, хоть и не молниеносный успех *Размышлений* у имущих слоев общества на фоне растущей тревоги в связи с революционными событиями во Франции, и второй, состоявший в том, что благодаря этой книге Берк снова оказался в фаворе у короля¹⁾ и ему была назначена пенсия²⁾ по удалении от дел, - привели к тому, что противники

Берка позволили себе утверждать, что Берк, как сказали бы в наше время, "продал" свои истинные принципы за славу и состояние. Том Пэйн в *Правах человека* прямо обвиняет его во взяточничестве; карикатуры того времени обыгрывают ту же тему; Маркс спустя много лет воспользовался всем этим, чтобы объяснить контрреволюционную направленность сочинений Берка³⁾. Как еще можно объяснить отступничество от дела борьбы за свободу человека, который, по его же утверждению, отстаивал американскую революцию? Обвинение казалось вероятным как в свете финансовых затруднений Берка, про чье дорогое обходящееся имение в Биконсфильде доктор Джонсон сказал: "Non equidem invideo; miror magis", так и вследствие репутации, которой пользовалось "семейство Берков" из-за определенных финансовых операций, осуществленных ими в прошлом⁴⁾.

Однако, сколь ни правдоподобным это кажется современным ему и последующим его оппонентам (споры вокруг *Размышлений* остаются по-прежнему столь живыми, что существует тенденция превращения всех противников в "современных ему"), обвинение в том, что Берк выступил против революции из корыстных побуждений, не находит подтверждения. Еще в молодости, в начале своей карьеры (в качестве способа реализации таковой) Берк связал свою судьбу с людьми состоятельными и занимающими высокое положение в обществе. Он являл собою примечательный пример той комбинации, которую он же считал самой опасной для организованного общества: таланта без собственности. Если бы он родился в той же социальной среде в Аппассе в 1750-е годы или в Дублине или Белфасте - в 1760-е, он бы, вполне вероятно, стал революционером и притом опасным - в соответствии со своими выдающимися способностями. Это мнение разделяла Мэри Уолстонкрафт: "Когда я внимательно читала ваши *Размышления*, меня не покидала мысль о том, что, будь Вы французом, несмотря на все Ваше уважение к титулам и древности

происхождения, Вы бы стали ярым революционером... Ваше воображение разгорелось бы..."⁵⁾. Но, родившись в Дублине в 1729 году, он с самого начала поставил свои способности на службу сильным мира сего и оставался верным, без подобострастия, той группировке, которую он избрал. Написанное им по поводу событий в Америке не носило революционного характера: это была скорее попытка предотвратить развитие и обострение революционной ситуации. Американскую революцию, в отличие от Французской, он, действительно, никогда не осуждал, но, в конце концов, отделение нескольких колоний нельзя сравнивать с ниспровержением существующего строя в крупном государстве, пусть даже оба эти события и называются "революцией". Цитировавшиеся выше письма Берка второй половины 1789 года показывают, что с самого начала он отнесся к Французской революции неодобрительно, даже до того еще, как встал вопрос о том, чтобы начать публичную кампанию против нее. Даже принимая во внимание необычайный дар политического предвидения, которым обладал Берк, трудно рассматривать его нападки на Французскую революцию - еще в первой половине 1790 года - как верный путь выслужиться. В 1790 году Французская революция большинству англичан еще не казалась опасной. Тогда создавалось впечатление, что Франция успокаивается. Ближе к концу 1789 года сам Берк получил известие о том, что "жар начинает спадать"⁶⁾. Период с момента отправки короля в Париж (октябрь 1789 года) до его попытки к бегству (июнь 1791 года) - один из самых спокойных в ходе революции: "первые волнения" окончились; идет процесс создания конституции, причем очень много говорится о примере Англии; главные события, которым предстояло стать "ужасами революции": сентябрьская бойня, казнь короля и королевы, царство террора - все они были в будущем. В таком контексте ярость атаки Берка, притом что она, безусловно, только привела бы к отчуждению между ним и многими из его старых по-

литических единомышленников, вовсе не обещала привлечь на его сторону новых и, действительно, привела к тому, что его непопулярность, похоже, только возросла. Один из современных авторов резюмировал ситуацию, возникшую сразу после публикации *Размышлений*, следующим образом:

"Итак, Берк не завоевал симпатий ни правительства, ни оппозиции. В политических кругах все считали, что Берк, при всем своем красноречии и уме, зашел слишком далеко и в своих оценках, и в своем абсолютном и систематическом осуждении Французской революции, и в своих нападках на неконформистов и реформаторов, и в своих опасениях перед угрозой английской конституции, и в том, что он устраивает публичные скандалы и порывает дружеские отношения - и все это из-за того, что публично и обсуждать-то не было нужды"⁷⁾.

Его репутация была спасена единственно развитием революции именно в том направлении, которое он предсказывал. Во время дискуссии, когда Берк опубликовал свою точку зрения, - в феврале 1790 года - сам Питт говорил о революции без враждебности. Даже в более поздние годы, когда события, казалось бы, подтвердившие многие из зловещих предчувствий Берка, сблизили его с правительством, он никогда не следовал линии правительства, а скорее упрекал его в прагматизме и отсутствии контрреволюционного пыла.

4

"Чему я больше всего завидую у Берка,"- говорил доктор Джонсон, - "так это тому, что он всегда остается равным самому себе"¹⁾. Джонсон, видимо, имеет в виду в первую очередь уравновешенность характера, свойственную Берку в зрелые годы, но читающий его сочинения, пожалуй, согласится с тем, что эта характеристика скорее относится в общем ее смысле к его трудам, в том

числе и к *Размышлениям*. Чем больше читаешь Берка, тем больше, мне кажется, поражает удивительная внутренняя согласованность - не столько языка или взглядов, но чувства: согласованность, корни которой лежат в способности к сильному чувству и в глубоком недоверии ко всем рассуждениям, не продиктованным любовью к тому, что близко и дорого. "Я невысокого мнения о той чистой, абстрактной, метафизически обратимой, условной гуманности, которая *хладнокровно* подвергает настоящее время и тех, кого мы *ежедневно видим и с кем разговариваем*, непосредственной опасности ради будущего и сомнительного блага людей, *существующих только теоретически*"²⁾. Перегруженная эмфаза, столь несвойственная Берку, соответствует, я думаю, силе его чувств в данном случае (см. *Размышления*, стр. 294, отрывок, заканчивающийся словами: "множеством миниатюрных образов великой страны, где сердце находило нечто, на что способно было излить себя"). Эта последовательность ни в коей мере не исключает сложности и противоречивости, скорее это постоянство, свойственное сложной и сильной личности, успешно противостоящей необычным потрясениям.

Семейные привязанности Берка были - в глазах некоторых из его современников англичан - преувеличенными, в том смысле, что они распространялись не просто на его семью непосредственно: его жену Джейн, его обожаемого сына Ричарда, на брата Ричарда, но и на тех, кто, по определению антропологов нашего времени, составлял его "расширенную семью". "Он всегда шел," - как сказал профессор Коупленд, - "во главе клана"³⁾. Кузены из Ирландии, всякого рода бедные родственники - все находили приют и привет в Биконсфильде. В обществе его "свита" всегда насчитывала так много ирландской "деревенщины", что это шокировало даже его почитателей⁴⁾. Если бы Берк был исключительно своекорыстным авантюристом, каким его изображали некоторые из его противников, он бы относился к своим компрометирующим его родственникам

по-другому. Его привязанности выходили за пределы - но не бесконечно за пределы - семьи. Они охватывали его родную страну и единоверцев его матери; он никогда не переставал бороться за уступки в Ирландии и за послабления католикам. Это опять-таки компрометирующие связи: честолюбивый ирландский авантюрист в Англии восемнадцатого века, если им руководил чистый расчет, постарался бы избегать подобных тем: вряд ли его успеху способствовали карикатуры, изображавшие его в одеянии иезуита, или высказывания, подобные высказыванию Уилкса, который говорил, что его красноречие "припахивает виски и картошкой". Берк на всю жизнь сохранил привязанность к своему старому школьному учителю квакеру Шеклтону и его сыну, а также к своему покровителю маркизу Рокингему, и вообще всегда оставался верным вигам, той части английского общества, чьим интересам он служил и благодаря чьему покровительству он и его клан укрепили свое положение. И столь же сильно, как он любил и уважал этих людей и то, что составляло их жизнь, он ненавидел все, что, как подсказывал ему его острый и глубокий ум, могло угрожать им⁵⁾. И вот эту огромную пропасть между разорившимися ирландскими католиками и владельцами больших состояний в Англии должны были преодолеть чувства Берка. На основании того, что будет изложено ниже, я полагаю, что существует связь между тем напряжением, которое вызывал этот разрыв, и эмоциональной обостренностью, пафосом и неистовством, которыми дышат *Размышления*.

Вполне естественно, что именно словам священника-нонконформиста доктора Прайса⁶⁾ суждено было направить поток красноречия Берка против революции. Чувства Берка к нонконформистам отличались остротой и противоречивостью, а в последние годы его враждебность к ним возобладала. Поздней осенью 1789 года, задолго до того, как события во Франции стали занимать умы англичан, Ричард Брайт обратился к Берку с

просьбой поддержать какие-то меры, предпринятые с целью облегчить положение диссидентов. Ответ Берка исчерпывающ:

"Вряд ли найдутся такие люди, к которым бы я испытывал большую привязанность, более искреннее уважение и любовь, чем некоторые из диссидентов. С ранних лет я был самым тесным образом связан с ними. Я льщу себя надеждой, что и до сих пор у меня есть среди них друзья. Когда-то они были настолько любезны, что даже считали себя обязанными мне в чем-то (что было в моих слабых силах сделать для них). В 1784 году наступила великая перемена⁷⁾ - все они, объединившись, выставили меня на всеобщее позорище, обвинив в участии в заговоре мятежников и цареубийц, намеревавшихся одним ударом свергнуть монархию, уничтожить - беспричинно - все корпоративные привилегии в королевстве, а также конституцию нашей страны. Но, к счастью для меня, мое положение вынуждает их или кого-либо другого просить у меня моей слабой поддержки"⁸⁾.

Вскоре после этого у Берка появилась возможность обратить против диссидентов лагеря доктора Прайса все те обвинения, которые, как он считал, они выдвигали против вигов: он обвинил их и в попытке организации восстания, цареубийства, в стремлении к радикальным переменам, грозящим существующей конституции. 13 февраля 1790 года Брайт снова обратился к Берку с просьбой поддержать предложенные им меры⁹⁾. К этому времени Берк уже прочитал проповеди Прайса и другие документы и выступил с речью на прениях по поводу военного бюджета. Ответ Берка столь же суров (*Размышления* назревали), как и в предыдущий раз:

"Со времени последнего Вашего обращения произошли и стали мне известны многие события, которые только утвердили меня в желании сохранить мое невмешательство [в вопрос о петициях диссидентов]. Необычайные события происходят во Франции; невероятные вещи делаются и говорятя, и даже печатаются у нас,

причем весьма нарочито, с целью склонить нас к единомыслию с народом этой страны и заставить нас последовать их примеру. Я считаю, что такие далеко идущие замыслы крайне опасны и угрожают конституции и благосостоянию нашей страны. Совсем недавно мне в руки попали два совершенно из ряда вон выходящих документа¹⁰⁾, сам факт публикации которых не оставляет сомнения в том, что формируется и приступает к систематическим действиям значительная партия, целью которой является уничтожение весьма существенных статей нашей конституции. К своему огромному удивлению, я узнал о превращении религиозных собраний в политические сборища, на которых выступают и предводительствуют лица, вскармливающие партию, цель каковой - внесение раздора и захват власти, а не стремление к благочестию...¹¹⁾

Совершенно очевидно, я думаю, что, если бы диссиденты оказались на стороне вигов, а не против них в 1784 году, реакция Берка на сочинения Прайса, Пальмера, Робинсона и других, вполне возможно, была бы гораздо более сдержанной¹²⁾. Берка отличала большая эмоциональность, он был вспыльчив и весь отдавался как приязни, так и неприязни, поэтому вряд ли следует предполагать, что ему не доставило удовольствия отплатить диссидентам той же мерой, какой он оценивал их поведение по отношению к себе за шесть лет до этого. Неприязнь Берка к диссидентам была той особой политической мотивацией, которая в соединении с его неудачами в парламенте в последние годы высвободила до сих пор затаенные силы его души. Если бы жив был Рокингем и если бы он и его друзья были у власти, поддержанные диссидентами, едва ли бы Берк смог так безоглядно осуждать революцию во Франции. Но в положении поверженного он мог позволить себе полную свободу высказывания¹³⁾.

Расхождение Берка с диссидентами в вопросе о революции¹⁴⁾, отраженное в его сочинениях, имеет гораздо более глубокое значение, чем просто разногласия в воп-

росах партийной политики. Вполне естественно, что диссиденты - и также умеренные английские протестанты вообще - приветствовали Французскую революцию на первых ее этапах, ибо видели в ней ниспровержение папизма. Самым первым достижением, за которое доктор Прайс благодарен революции, было "распространение знаний, подрывавшее предрассудки и заблуждения"¹⁵⁾. Большинство англичан того времени, независимо от того, были они диссидентами или нет, должно быть, разделяли это мнение, так как оно было высказано в контексте, который непременно предполагал, что речь идет о "предрассудках и заблуждениях", свойственных римско-католической церкви. Но Берк не был англичанином, хоть часто писал и выступал как англичанин. Он был коренным ирландцем, не из новых переселенцев; как сказал один из современных биографов, "Эдмунд Берк был чистокровным ирландцем"¹⁶⁾. Эта характеристика в некоторых отношениях даже важнее, чем официальное вероисповедание. Новые переселенцы были, в основном, воинствующими протестантами, что в их глазах было непременным условием их права на земли и их главенствующее положение в обществе. Ирландцев же из старинных семей, перешедших в протестантство, всегда подозревали в том, что они пошли на этот шаг ради того, чтоб не подпасть под законы против папистов и нонконформистов: не потерять земли, если таковые имелись, и иметь возможность продвижения по службе. Берк, как мы можем видеть, сам не избежал подобных подозрений: в начале своей карьеры он был обвинен в тайной приверженности к католической церкви, о чем было доведено до сведения Рокингема¹⁷⁾. Нет необходимости не доверять его словам. Сам характер его сочинений говорит о том, что он не был человеком, способным придерживаться одних убеждений - или мыслей, - притворно прикрывая их другими. Что касается его чувств, то это другой вопрос. Одному неизвестному корреспонденту, который - в разгар революционной полемики - поинтересовался его ве-

роисповеданием, он ответил, что был крещен в англиканской церкви и был воспитан в этой вере и "не видел причины отказываться от нее". "Когда такое случится, я буду действовать в согласии со своими убеждениями или заблуждениями. Я считаю, что Церковь вполне отвечает нашим гражданским установлениям. Меня привлекает христианство вообще, в значительной степени в силу убеждения, в еще большей - в силу любви"¹⁸⁾.

Как видим, он говорит об англиканской церкви достаточно холодно и дипломатично, с оговорками и условно. Он привязан - "в значительной степени в силу убеждения, в еще большей - в силу любви" - далеко не к англиканской церкви, а к "христианству вообще". Это звучит странно. Не могло быть ничего более чуждого Берку, свойственной ему манере мыслить, писать и чувствовать, чем испытывать привязанность к чему-либо "вообще", а не к своей собственной части этого чего-либо. Если на этот раз он не проявляет энтузиазма по отношению к своему "маленькому отряду"¹⁹⁾, а ратует за армию "вообще", мы вправе, мне кажется, заключить, что у него нет убежденности в том, что он полностью принадлежит своей конфессии. Это не должно удивлять нас. Мать Берка была католичкой, также как и его тесть и друг, доктор Наджент; его отец Ричард Берк, "видимо", согласно профессору Томасу Коупленду, "перешел в государственную церковь 13 марта 1722 года, приблизительно в то время, когда начал свою адвокатскую практику в Дублине"²⁰⁾. Для того, чтоб заниматься адвокатской практикой в Дублине того времени, принадлежность к государственной церкви была необходимым условием. Жена Эдмунда, Джейн, как и он сам, происходила из "смешанной семьи". Где они с Эдмундом венчались, неизвестно, но существует мнение, что они венчались в католической церкви в Париже²¹⁾. "Клан", во главе которого выступал Эдмунд Берк, был пронизан католицизмом, и это в таком месте и в такое время, когда вполне можно было притворяться протестантом.

стантом, тогда как быть католиком было как социально, так и экономически невыгодно, если не губительно, поэтому надо полагать, что приверженцы католического вероисповедания должны были быть твердыми в своих убеждениях. Берк, может быть, и "не видел причины отказываться" от англиканского вероисповедания, но его семейные связи были таковы, что - принимая во внимание силу его привязанности к семье - он просто не мог относиться к нападкам на католическую церковь так же, как любой добропорядочный англичанин, то есть беспристрастно, с удовлетворением или прямо-таки одобрительно²²⁾. Эта его эмоциональность в вопросах религии, безусловно, во многом объясняет как характер, так и быстроту его реакции на события во Франции.

5

Ирландское происхождение и связи Берка определили его реакцию на революцию не только в религиозном, но и во многих других аспектах. Знатные и богатые англичане конца восемнадцатого века - до 1793 года - вряд ли могли представить себе социальную революцию как реальность. Но "Берки", которым близки были и боль, и социальные и политические обиды Ирландии, гораздо лучше чувствовали подспудные настроения общества и поэтому осознавали грозящую ему опасность. Ричард Берк - часто выражавший мысли своего отца с неблагоразумной горячностью - в период написания *Размышлений* посылает взволнованное предупреждение лорду Фицвильяму, чьим доверенным лицом он был: "Когда Вы идете по улицам Питерборо, подумайте о тех, кто скрывается за каменными стенами и кто, вырвавшись из этих грязных доходных домов, которые Вы купили у м-ра Паркера, не захочет больше подчиняться их владельцу. Что тогда будет толку от убедительного красноречия, умеренных уступок и ком-

промиссных уловок м-ра Фокса?"¹⁾ Безмятежный тон ответа лорда Фицвильяма²⁾ не позволяет предполагать, что молодому Берку удалось передать свои ощущения убедительно. Здесь, что было характерно для того времени, типичное для Берка умозаключение, продиктованное страхом перед призраком революции³⁾, натывается на непонимание со стороны "тех, кто не мог допустить и мысли о невозможности его существования...". Ирландец не был бы столь спокойным и скептическим. В Ирландии восстание, действительно, надвигалось, оно разразилось в 1798 году, через год после смерти Берка. Никто во всей Англии не осознавал его неизбежности более остро, чем Берк. "Мы считали рост якобинства величайшим злом нашего времени," - писал он доктору Хасси в декабре 1796 года, - "и были убеждены, что в силу целого ряда причин из всех входящих в наше королевство стран наша несчастная Ирландия представляла собой наиболее благоприятную почву для его роста"⁴⁾. Его приводило в ужас "Движение объединенных ирландцев", целью которого было объединение диссидентов и католиков в одно национальное, демократическое и революционное движение, вдохновляемое и навеянное примером Франции: "собрать вместе всех недовольных, независимо от их вероисповедания, с целью учинять всякого рода беспорядки"⁵⁾. Тем не менее, когда дело касается ирландских католиков, он единственный раз находит слова оправдания - если не для узаконенного якобинства, то по крайней мере для того рода якобинства, который коренится в человеческой натуре; по мнению Берка, оба эти вида очень близки. "То якобинство," - пишет он Хасси, - "которое по своему происхождению умозрительно и рождается из каприза и сытости, вероятно, можно сдерживать твердостью и благоразумием..., но якобинство, рожденное нуждой и раздражением, поруганной и отвергнутой лояльностью, имеет гораздо более глубокие корни. Они вскармливаются глубинами человеческой природы..., а не настроением, прихотью или сиюминут-

ными представлениями о привилегиях или свободах"⁶⁾.

Чаще всего об опасности революции в Ирландии Берк, естественно, говорит в последние годы своей жизни, в период, когда восстание было неминуемо. Но думать об Ирландии он не переставал никогда. Сегодняшний исследователь Берка написал об этом так: "... как всякий достойный и истинный ирландец во все времена до наших дней, Берк в сердце своем не расставался с Ирландией, как с талисманом"⁷⁾. В 1780 году Берк писал, что, когда он четырнадцать лет назад впервые вошел в парламент, его "первой и самой главной мыслью было постараться без ущерба для государства быть хоть в какой-то мере полезным своей родине..."⁸⁾. Из проекта мер, направленных на смягчение законов против папистов, написанного незадолго до его избрания в Парламент, мы знаем, каким образом он намеревался осуществить эту мечту; этот проект полностью соответствует всему, что он позднее писал о положении в Ирландии⁹⁾.

Поэтому есть основания предполагать, что образ Ирландии - угнетенной и грозящей взрывом - постоянно стоял перед его мысленным взором. Его отношение к Ирландии и обуславливало тот факт, что он не мог реагировать на первые этапы революции так, как англичане, а именно: либо одобряя то, что представлялось им антипапистской реформацией, либо словами: "У нас такого быть не может". Для Берка "у нас" включало в себя не только Англию, но и Ирландию, а потому с самого начала он и допускал возможность взрыва. Этим объясняется настороженность и быстрота реакции Берка, а также тот факт, что именно он оказался первым из высокопоставленных людей в Англии, кто увидел и вслух заявил об опасности, которая через несколько лет взволновала умы всех состоятельных людей. Это объясняет восприимчивость и интуицию Берка, однако не объясняет силы его контрреволюционного пыла. По меркам того времени он сам не был человеком богатым, хотя ему и удалось сколотить определенное состояние.

Обвинения же в том, что он старался за взятку или пенсию, как мы убедились, не подтверждаются¹⁰⁾: его преданность вигам была искренней, но едва ли пламенной; в период написания *Размышлений* Берк был уже немолод, разочарован и переутомлен и изнемогал под бременем тех огромных сложностей, которые свалились на него в связи с привлечением к суду Уоррена Гастингса. От человека в его положении, но осознающего опасность, грозящую из Франции, можно было бы ожидать лишь трезвого предупреждения, не более того. Откуда же тогда идет эта страстность, воодушевляющая не только *Размышления*, далеко не оправдывающие своего названия, но и все его сочинения, касающиеся революции, вплоть до четвертого *Письма о мире с царевубийцами* включительно, которое так и осталось незаконченным из-за его смерти?

На такого рода вопрос, независимо от того, касается он живых или мертвых, нельзя ответить однозначно. Я бы хотел дать здесь предположительный ответ, который, на мой взгляд, вполне согласуется с тем, что мы знаем о жизни и творчестве Берка. Он состоит в том, что Берк в своих контрреволюционных выступлениях в какой-то мере высвобождает - в допустимой форме - свои собственные подавленные революционные порывы. Его сочинения - которые, на первый взгляд, направлены на защиту существующего порядка вещей - в одном из своих аспектов (далеко не маловажном для Берка) представляют собой удар по существующему строю в стране, где он родился, и по господствующей идеологии в самой Англии.

6

Существующее положение в Ирландии характеризовалось преобладанием протестантизма, то есть узаконенным превосходством протестантского меньшинства над католическим большинством. Это превосходство ос-

новывалось на соглашении 1688 года, до сих пор празднуемом в Белфасте и его округе как годовщина славной победы над католиками, поныне пребывающими в подчиненном положении. Входя в партию вигов, Берк неизбежно разделял принципы Славной революции. Независимо от того, руководствовался ли "ирландский искатель приключений" соображениями личной выгоды, когда примкнул к вигам, или нет, совершенно очевидно, что личные симпатии, привычки и убеждения - все то, что Берк не был склонен отделять одно от другого, - вскоре тесно связали его с вигами воедино. Но если Берк-виг приветствовал, по крайней мере, хотя бы теоретически Славную революцию, то Берк-ирландец, душевными узами тесно связанный с побежденными, ненавидел господство протестантов, которое навязала народу его страны эта революция. В некоторых из его ранних выступлений эта ненависть, казалось бы, "ловко" прикрывается "хорошо скроенной маской", в неосторожных же сочинениях последних лет его жизни она становится неприкрытой и даже безудержной. "Я думаю, что вряд ли можно преувеличить пагубность влияния идеи протестантского превосходства на Ирландию..."¹⁾. "Слово 'протестант' как заклятие держит в темнице поработленным твой трехмиллионный народ..."²⁾.

Взгляды Берка на ирландскую историю и чувства, которые она в нем рождает, раскрываются в замечательном неоконченном письме к сыну Ричарду, написанном в 1792 году. Если бы захватившие власть в Ирландии были мудрее, говорит он, они не стали бы подчеркивать происхождение своих имений, полученных в результате конфискаций.

"Они не стали бы тревожить вечный сон покойных, чтобы узнать у них, по какому указу деспотичных монархов, в ходе расследования каких продажных трибуналов и по решению каких подвергавшихся пыткам присяжных, при помощи каких фиктивных документов на право владения, изобретенных для того, чтобы ли-

шить права собственности целые невинные племена и их вождей (sic), получили они свои имения! Они не стали бы вызывать духов из руин замков и храмов, чтобы узнать, за какую попытку борьбы за независимость ирландской законодательной власти и организации армии добровольцев (без официальных полномочий от короны в поддержку этой независимости) были конфискованы поместья старой ирландской аристократии и дворянства. Они не стали бы бессмысленно вызывать эти призраки, чтобы узнать, какими постановлениями английского парламента, навязанными двум сопротивлявшимся королям, земли их родины были выставлены на низкую и позорную распродажу в каждой ювелирной лавке Лондона, разделены на куски и поделены на части, чтобы заплатить наемным войскам узурпатора-цареубийцы. Они не стали бы радоваться титулам, полученным от Кромвеля, который, мстя ирландскому повстанцу против верховной власти парламента Англии, сам восставал против того же парламента, чью власть он отстаивал, - так же, как и ирландский народ, который он был послан подавить, мог восстать против этого парламента или против короля, против которого восставал и он, и парламента, которому он служил и который предал"³⁾.

Что же до коренных ирландцев, если они и совершили грех неповиновения, то "страдали за этот грех сами, как и дети их, и внуки до пятого и шестого колена".

Контраст между этим страстным взрывом и словами о спокойном и гармоничном союзе Ирландии с Британией, встречающимися в его ранних публичных выступлениях, говорит о напряженности, которая существовала между официальным статусом Берка и той столь важной частью его души, которая связывала его с его народом и родной землей⁴⁾. Французская революция и особенно тот радостный энтузиазм, с каким приветствовали ее доктор Прайс и его друзья, ослабили эту напряженность. Ибо Прайс и его друзья, поставив Французскую революцию в один ряд с Английской, на-

помнили ему о том, насколько революционной, антикатолической и для него чуждой была Английская революция⁵⁾. От этой навязчивой идеи надо было избавиться: значительная часть доводов - и притом наиболее искусственных - как в *Размышлениях*, так и в *Возвращении новых вигов к старым* представляет собой попытку доказать, что Английская революция, в отличие от Французской, вовсе не носила революционного характера. Эту попытку можно считать успешной, только если намеренно забыть о результатах деятельности современников Генриха VIII и Оливера Кромвеля. Вся драматичность сочинений Берка о революции и в значительной степени их сила заключены именно в этом как бы слиянии двух личностей. Создается впечатление, что слова и действия Прайса и его друзей пробудили в благоразумном престарелом виге дремавшего в нем якобита⁶⁾.

По отношению к Англии и Европе позиция "якобита", конечно, позиция контрреволюционная. Но по отношению к Ирландии это позиция, безусловно, объективно революционная, ибо она является выражением воли покоренного народа освободиться от рабства. Таким образом, выступая как ярый контрреволюционер по отношению к Франции и Европе, он тем самым весьма завуалированно подрывает существующий порядок вещей в своей стране. Его доводы, обращенные к аристократии и дворянству Англии, имеют своей целью убедить их в том, что их интересы связаны с католицизмом в Европе, что католицизм - оплот порядка, тогда как протестантство в его воинствующе антикатолических проявлениях - протестантство диссидентов и им сочувствующих - это естественная почва для якобинства⁷⁾. Этот довод, если его принять, был в конечном счете губителен для господствующей системы кастовых привилегий в Ирландии, которая держалась на следующей доктрине: лояльность предполагает антипапизм как необходимое условие существования. И этот довод был-таки принят, в своем "прокатолическом"

аспекте, хотя и значительно позже и более нерешительно, чем надеялся Берк. Известно, что слои общества, к которым были обращены эти слова, считались с мнением Берка, и что он, таким образом, повлиял на развитие британской политики именно так, как он того желал⁸⁾. Издание в 1793 году закона о легализации католичества, предоставляющего католикам право голоса, а также основание в 1795 году Мэйнута - католической семинарии (субсидируемой государством) - явились важными шагами в этом направлении⁹⁾. После принятия унии господство протестантства постепенно сошло на нет везде, за исключением одного района, Восточного Ольстера, где оно широко поддерживалось населением. С точки зрения рядового представителя правящего класса Ирландии эпохи Берка это явления революционного характера, первоначально навеянные распространением якобы контрреволюционного трактата. Однако, с той же точки зрения, призрак якобинства был коварно использован для того, чтобы реставрировать папизм и реабилитировать папистов¹⁰⁾. Нельзя сомневаться в том, что реставрация католицизма входила в намерения Берка; он недвусмысленно утверждает это, стремясь внушить мысль о том, что "религиозные предубеждения" предпочтительнее атеизма. Тот же факт, что это не была его единственная цель, очевиден: он действительно был одержим ненавистью к якобинству. Нельзя даже допустить и мысли, что он притворялся ради какой-то тайной цели. Тем не менее его антиякобинство неотделимо от его отождествления себя с католиками, иными словами, от его ирландского происхождения.

В письме 1795 года он говорит, что "вся его политика зиждется на антиякобинстве", что "якобинство враждебно религии изначала, по сути и в конце", что "исповедование католической веры католиком образует при нынешнем положении дел самый действенный, если не единственно возможный, барьер против якобинства" и "что в Ирландии следует поддерживать почитание и благоговение именно перед римско-католической цер-

ковью"¹¹⁾. Тот самый Берк, которого возмущало преследование якобинцами "непокорных" священников и монашенков, возмущался тем, что в 1766 году "мятежный" о. Шихи был приговорен к повешению и четвертованию¹²⁾. Тогда он не мог открыто выразить свой протест. Он откровенно объяснил своим друзьям-ирландцам, почему он не мог и пытаться публично встать на защиту осужденного ирландского паписта¹³⁾. Но зато в 1790-1797 годы он мог открыто отстаивать французских католиков и тем самым косвенно реабилитировать и таким образом помочь подняться своей семье и соотечественникам. Согласитесь, что есть основания в этом необычайном потоке сдерживаемого, но исполненного страсти красноречия, начало которому положили *Размышления*, усмотреть высвобождение негодования, долго сковываемого благоразумием.

Важность того факта, что Берк был ирландцем, при рассмотрении его сочинений, касающихся Французской революции, часто недооценивается или вообще понимается неправильно. Эта тенденция объясняется требованиями классификации: "Берк об Ирландии" совершенно отдельная тема от таких, как "Берк о Франции" или "Берк об Америке". Тем не менее, как правильно заметил Йейтс, Берк всегда остается собой. Берк не был человеком, который любит раскладывать все по полочкам, поэтому можно быть уверенным в том, что его чувства и убеждения (для него неотделимые друг от друга), когда он пишет сэру Херкулесу Лангришу об Ирландии, а месье де Пону о Франции, это чувства и убеждения одного и того же человека.

Тенденция недооценивать важность того, что Берк сам был ирландцем, обуславливается другими факторами. Одним из них является распространенное мнение, что Берк был англо-ирландцем и воспитывался в протестантских традициях¹⁴⁾. В действительности его семья и родня, по крайней мере, насколько нам это известно, не имели никакого отношения ко всему английскому, а он сам - во всяком случае, в своих позднейших сочине-

ниях, о которых идет здесь речь, - тщательно избегает определения "протестантский". И, наконец, те, на кого сочинения Берка о Французской революции произвели впечатление, просто не задумались над тем, что сам он был ирландцем, возможно, в силу того, что, по их мнению, в сравнении с глобальными проблемами, затронутыми в *Размышлениях*, проблемы Ирландии казались незначительными и локальными. В принципе такое предположение вполне оправдано, однако по отношению к Берку оно неприемлемо. Ситуация в Ирландии в масштабе Великой революции - явление незначительное, однако именно эта ситуация сформировала Эдмунда Берка, а Ирландия и якобинство, отдельно и вместе взятые, всецело занимали его мысли в последние годы. Автор *Размышлений о революции во Франции* писал от лица англичанина (что само по себе может ввести в заблуждение), а на самом деле был ирландцем до мозга костей.

7

Ниже предлагается толкование запутанного вопроса о стиле или стилях Берка. В своих трудах, посвященных Французской революции, Берк использует три основных художественных стиля, которые он время от времени комбинирует в разных соотношениях. Первый соответствует тому, что можно было бы назвать "позицией вигга": рациональной, аналитической и деловой. В основном этот слог он использует в речах и трудах, посвященных Америке, он же остается преобладающим и в большей части *Размышлений*, но только не в тех отрывках, которые чаще всего цитируются. Эта позиция вполне отвечает стоящей перед ним цели, а именно: убедить людей, которым есть, что терять, что одна линия поведения отвечает их интересам, а другая - нет. Таким тоном он предупреждает лордов-виггов о том, что конфискация собственности церкви во Франции (за-

тея, которая под влиянием идей "Реформации" и "Просвещения" вызвала одобрительную реакцию) представляет собой реальную угрозу их собственному экономическому существованию: "Главное, что вызывает у меня озабоченность - это чтобы в Англии поиски источников конфискации не стали государственной политикой, когда всякое сословие граждан сможет глядеть на любое другое как на свою добычу... Революции благоприятствуют конфискациям, и невозможно предугадать, под каким преступным именем будет дано соизволение на следующую конфискацию. Я уверен, что принципы, главенствующие ныне во Франции, затрагивают очень многих людей и многие сословия во всех странах - всех тех, кто полагает свою безобидную безопасность гарантией своей безопасности. Сей род безобидности у владельцев собственности может вызвать по их адресу упрек в бесполезности, а бесполезность могут счесть свидетельством того, что они непригодны для своих поместий." (*Размышления*, стр. 242-243).

Едва ли можно предположить, что какой-либо землевладелец-виг, прочитав этот пассаж, не умерил своего положительного отношения к идеям антипапистского просвещения.

Второй стиль Берка можно было бы назвать "якобитским": смесью слога варварски-грубого и трогательно-патетического. Самым замечательным образцом такого в *Размышлениях* является знаменитый отрывок, посвященный королеве Франции (стр. 169-170), который многим преподносился их учителями как характерный для Берка. Это, действительно, так, но только в этой манере Берк пишет исключительно редко¹⁾. Ведь те, кто читают этот отрывок вырванным из всего произведения, не улавливают его силы, каковая создается за счет частого изменения тона, прерывающегося голоса, прорыва чувств сквозь панцирь рассудительности. Но как только читатель ощутит эти сдерживаемые чувства, даже самые прозаические строки приобретут более грозное звучание.

Третий стиль Берка - это особого рода злая ирония. Ирония вообще характерна для писателей ирландского происхождения; я уже говорил в другой своей работе²⁾ о том, что то трудное положение, в котором пребывают ирландцы, и разительный контраст между показным и реальным чрезвычайно способствовали развитию именно такого способа выражения мысли. Рассматривая конкретную ситуацию Берка, можно сказать, что противоречие между внешним вигом и внутренним "якобитом" заключало в себе иронию и являлось источником той скрытой агрессивности, которая и есть движущая сила иронии. Ирония Берка в сочинениях о Французской революции, пожалуй, скорее прямо агрессивная, здесь он в позиции атакующего. И все же его ирония более двусмысленна, чем кажется, поскольку его грубый сарказм, открыто направленный против апологетов Французской революции, косвенно бьет по господствующей протестантской культуре, в которой он, несомненно, ассимилировался.

В самих *Размышлениях* ирония Берка приглушена, она сверкает только изредка, как бы брошенная между прочим: "Этот довод звучит вполне убедительно, особенно если в качестве вспомогательного доказательства выступает фонарный столб...", "...короля заставили провозгласить, что образование дофина будет сообразно его положению. Если уж его будут воспитывать сообразно положению, занимаемому им ныне, то он вообще не получит никакого образования". В более поздних сочинениях, касающихся революции, когда он уже не осторожничает, а потому резких, негодующих, дерзких и блестящих, его ирония бьет фонтаном. Его знаменитое *Письмо к благородному лорду* (1796), направленное против герцога Бедфордского, который возражал против назначения Берку пенсии, представляет собой образец иронии, который произвел впечатление на Карла Маркса, и не без оснований. Иронию Берка нельзя назвать утонченной: она иногда приближается к юмору Палаты общин, который, в свою очередь, приближается

к школьному юмору³⁾, но сочетание вкуса, воображения и ирландской гиперболы, свойственное только Берку, преобразует грубость его иронии. Два отрывка о кошках заслуживают быть процитированными. Первый - из *Письма к благородному лорду*. В нем говорится о том, как истинные парижские революционеры смотрят на своих английских сторонников, таких как лорд Бедфорд:

"Что бы ни думал о себе его светлость, он сам и его богатство значат для них не больше, чем усы того маленького длиннохвостого зверька, который всегда был добычей вальяжных, но коварных, бархатнолапых, но с острыми когтями и быстрой хваткой зеленоглазых философов, ходят ли они на двух или на четырех ногах"⁴⁾.

Второй отрывок, взятый из первого *Письма о мире с царевубийцами*, касается того аргумента, который использовали сторонники мира с Францией (в 1796 году), ссылавшиеся на то, что уже был однажды заключен договор с еще более непристойным правительством пиратов, незаконно захвативших власть в Алжире.

"Неужели господа, додумавшиеся до такой удачной аналогии, не понимают, что зло, находящееся на огромном расстоянии, и зло под боком требуют разного подхода к себе?... Я могу без страха представить себе королевского или национального тигра на границе Перу. Я могу смотреть на него с легким любопытством, когда он сидит в клетке в зверинце Тауэра. Но если б, по habeas corpus или почему бы то ни было еще, он вдруг вошел в холл Палаты общин, окажись дверь открытой, всякий, кто не выскочил бы в окно, был бы скорее отважен, чем умен. Я, безусловно, скорее испугался бы дикой кошки у себя в спальне, чем всех львов, рыкающих в пустынях Африки. Но в данном сравнении именно кошка далеко, а львы и тигры у нас в передней: Алжир далеко, Алжир не могуществен, Алжир - не наш сосед, Алжир не заразен. Алжир, каким бы он ни был, существует давно, и мы достаточно хорошо знаем его, чтобы предвидеть, каких неприятностей от него ожи-

дать. Вот когда Алжир окажется перенесенным к Кале, я скажу вам, что я об этом думаю⁵⁾.

Из трех стилей, которые мы выделили: "виговского", "якобитского" и иронического - только первый представлен в относительном избытке и в чистом виде и является основным в *Размышлениях*. "Якобитский" стиль в чистом виде встречается очень редко, это: отрывок, посвященный королеве в *Размышлениях*, а в *Письмах о мире с цареубийцами* - отрывок о "могиле убиенной монархии", цитировавшийся в начале данного предисловия. Вот те два единственных отрывка, выдержанных в этом стиле. Однако, однажды выработав этот тон, Берк позволяет себе обращаться к нему как к второстепенному средству:

"Жаль, что Клоотц не успел закончить свой труд до того, как опустился занавес над обольстительнейшей картиной мира"⁶⁾.

Во многих самых замечательных отрывках в *Размышлениях* Берк использует стиль, промежуточный между "виговским" и "якобитским": более возвышенный, чем первый, и менее театральный, чем второй, - стиль и серьезный, и величественный, достойный глубокомысленного церковнослужителя-тори. В этом стиле написаны знаменитый период в защиту принципа наследования на основании уподобления его естественному праву (стр. 99-101), а также аргументы в защиту неравенства в собственности (стр. 121), теория непрерывности и связи - "не только между живущими, но и между теми, кто жив, кто умер и кто еще не родился" (стр. 175). В этой промежуточной тональности Берк чувствует себя увереннее всего; именно эта манера речи примиряет в нем вига и якобита, и именно говоря таким языком, увереннее всего может он добиться внимания той аудитории, для которой его слова и предназначены: английских землевладельцев и - после них - состоятельных людей вообще. Такой язык придает величие, силу и религиозную торжественность отстаиваемым им идеям. Он как бы заготавливает нрав-

ственные установки и линию поведения консерваторов и либеральных консерваторов девятнадцатого века. Поскольку основы status quo были столь авторитетно определены и мотивированы, легкий оттенок якобинства на заднем плане должен был скорее привлекать, чем отталкивать. Он сообщал делу, которое те, к кому обращался Берк, твердо решили отстоять, пафос и романтический ореол проигранного дела. В то же самое время признание этого пафоса и романтического ореола способствовало реабилитации самого безнадежно проигранного дела Британии. Римско-католическая церковь начинала приобретать трогательную притягательную силу в такое время, когда такая притягательность становилась социально уместной.

У Берка есть еще один слог, представляющий собой нечто среднее между "ироническим" и "виговским" подобно тому, как его серьезный и величественный стиль занимает промежуточное положение между "виговским" и "якобитским". Это его афоризмы и эпиграммы. Мастер развернутого периода, он превосходно владеет умением кратко выразить мысль. Его сочинения на тему Революции полны тех лаконичных и незабываемых определений, которыми восемнадцатый век обогатил нашу культуру. Но афоризмы Берка очень своеобразны: его устах эта чисто рассудочная форма оказывается направленной против интеллектуального высокомерия. "Мудрость - не самый строгий корректор глупости", "Человек небезразличный - уже хороший гражданин", "...Настраивая обстоятельства против себя, вы поступаете неумно, если считаете это своей обязанностью)". Это не просто случайные сентенции, они имеют социальное значение. Интеллектуальное высокомерие - или самоуверенность - свойственно революционерам, поэтому они и могут себе позволить ставить под вопрос правомерность существующего порядка вещей во всех областях: в обществе, в государстве, в церкви, в семье. Именно таким образом талант и посягает на собственность. Используя свой замечательный ум для того, что-

бы обесценить притязания интеллекта, Берк, как всегда, преследует две цели. Он служит интересам собственников, таким образом завоевывая их благодарность. И в тоже время он реабилитирует религию, и особенно, хотя и осторожно и косвенно, ту форму религии, которая на протяжении всего восемнадцатого столетия более всех других подвергалась безжалостным нападкам Разума. А то, как он это делает, уже само по себе показывает, что сам он этим качеством, которое стремился принизить, обладает в высокой мере. Радикального рационалиста, который вознамерился бы прочесть Эдмунду Берку лекцию о важности ума, уже само качество языка Берка предупреждает о том, что ему грозит стать посмешищем.

Возможность выделить в прозе Берка эти различные стили и их комбинации⁸⁾ весьма удобна для исследователя. Но изящество и сила его языка лучше всего проявляются в той лирической легкости, с какой он переходит от одной манеры к другой и от одной степени напряженности к другой. От обличений и иронии он может взмыть к высотам романтического пафоса - в отрывке о королеве, а с этих высот снова устремиться вниз к обличениям с новой силой. Или, ограниченный пределами одного предложения, он может от пасторальной чувствительности в начале перейти в заключительной части его к иронии праведного судии: "Все крошечные тихие ручейки, которые питают бедное узенькое, но не бесплодное поле, потеряются в пустынных просторах и безграничном, бесплодном океане смертоносного человеколюбия Франции"⁹⁾.

Быстрые смены настроения являются, безусловно, приемом ораторского искусства и адвокатской защиты: Берк хорошо изучил Цицерона¹⁰⁾. Берк в совершенстве владеет традиционным ораторским искусством - всем запасом его приемов, - и все же то, что выходит из-под его пера, уникально и беспрецедентно. Ни один оратор, ни один писатель-политик, ни до, ни после него не обладал таким сочетанием достоинств: таким широким

диапазоном ясно сформулированных чувств, его врожденной способностью быстро схватывать движение общественных сил, его умением аналитически мыслить, его пафосом, воображением и умом и его способностью, превосходно используя все возможности языка, употребить свой талант для достижения четко обозначенных и страстно желаемых целей.

8

Эта живость и разнообразие *Размышлений* Берка с самого начала очаровывали и ослепляли одних, но приводили в замешательство и отталкивали других. *Размышления* трудно классифицировать, и есть люди, которых это возмущает. Название книги не соответствует ее тону, часто страстному и всегда дискуссионному. Произведение начинается как письмо, а заканчивается как нечто среднее между научным трактатом, памфлетом и спичем. Даже до опубликования художественная форма *Размышлений* вызвала серьезные возражения. Филипп Френсис, работавший с Берком над материалом по привлечению к суду Уоррена Гастингса, находил, что первая часть *Размышлений*, которую Берк прислал ему для прочтения, страдает слишком свободной композицией¹⁾. Поскольку Берк ставит своей целью "направлять и поучать чужой народ", а фактически обращается "ко всей Европе", он должен писать с "особой осмотрительностью". "Никаких острот, никаких насмешек, никакого сарказма. Все, что Вы говорите, должно быть серьезно, недвусмысленно и степенно"²⁾.

Берк был задет (отвечая на письмо Френсиса, он пишет: "Ваше письмо лишило меня сна"), но не поколеблен: "Вы говорите, что композиция свободна, и я с Вами совершенно согласен. Именно к этому я и стремился..."³⁾. Получив вышедшие из печати *Размышления*, Френсис критикует их еще строже, но в полушутливой

манере, которую Берк, должно быть, нашел еще более оскорбительной, чем прямое осуждение:

"Позвольте мне преподать Вам урок английского языка... Почему Вы не даете убедить себя в том, что изысканность слога способствует долговечности произведения? Я так и не смог одолеть более одной трети Вашей книги. Мне приходится вкушать ее с осторожностью: аромат слишком резкий, вино слишком пряное - я не могу выпить его залпом"⁴⁾.

Как очень многим критикам-стилистам, Френсису не нравились не только форма, но и содержание. Некоторые из тех, кто тоже не одобрял содержания, проявили большую тонкость восприятия. Один из первых критиков, сэр Джеймс Макинтош, сразу увидел, что эта форма, сколь беспорядочной она бы ни казалась, на самом деле бесконечно умножала силу доводов Берка:

"Он умеет прикрыть самое позорное отступление остроумнейшим каламбуром. А в тех случаях, когда его аргументы сильны, он умеет искусно выставить их на показ. Выход из невозможного положения он находит в блестящей декламации. Он умеет подорвать самый неопровержимый довод пафосом и целый сонм силлогизмов обратить в бегство насмешкой. Его грубый метод, не сдерживаемый никакими законами, позволяет ему нарисовать такую картину ужасов, которая пробьет брешь у нас в сердце, а уж сквозь нее найдут в него путь и любые, самые невообразимые аргументы"⁵⁾.

Френсис со своей "осмотрительностью" и "изысканностью" не заметил того, что так зорко увидел Макинтош. И именно Макинтош, самый тонкий из ранних критиков Берка, первый - еще в 1791 году - дал самое точное определение *Размышлениям*:

"Это манифест контрреволюции..."

Высказывания Макинтоша о методе Берка и то определение, какое он дал его книге, представляют Берка прежде всего как пропагандиста. Что бы ни скрывалось за этим "прежде всего" (вопрос, к которому мы еще вернемся), не может быть сомнения в том, что Берк

был сознательным и целенаправленным пропагандистом: первым, осознавшим необходимость организованных усилий, адекватно финансируемых и подкрепляемых действиями государства⁶⁾ для того, чтобы формировать общественное мнение по вопросам идеологии и международной политики. Он же был первым, кто показал пример такого усилия⁷⁾. Разумеется, не следует преувеличивать оригинальность его мысли: со времени Реформации и Контрреформации вся Западная Европа гудела от пропаганды; восемнадцатый век стал свидетелем расцвета памфлетистов. Оригинальность Берка заключалась уже не в самой идее пропаганды, но в том, что он серьезно задумался о ее природе и силе, и о том, как ее лучше всего использовать. Он очень тонко понимал, какую роль антирелигиозная и прочая пропаганда Вольтера и его единомышленников сыграла в подрыве *ancien régime*, а также осознавал необходимость организованной контратаки. Его трактовка этой темы в *Размышлениях* (см. отрывок, стр. 191, начинающийся словами "Вместе с денежной собственностью выросло новое сословие... я имею в виду политических писателей") получает свое дальнейшее развитие во втором *Письме о мире с цареубийцами*:

"Переписка финансовых и коммерческих кругов, литературные связи профессоров, но - в первую очередь - пресса, которая оказалась у них [средних классов] в руках, создали своего рода сеть наэлектризованного общения⁸⁾. Действительно, пресса сделала все правительства по духу почти демократическими. Без нее первые великие события Революции, возможно, не могли бы произойти".

Берк возмущался тем, что французская аристократия, оказавшись в положении беженцев, не проявила никакого интереса к пропаганде. В январе 1791 года он обратился к одному французскому аристократу с просьбой сообщить ему некоторые подробности о французской системе землевладения, которые, как он пишет, "могли бы оказаться полезными в будущем, случись

так, что кто-нибудь из вас, французов, начнет систематически бороться за расположение общественности в нашей стране в свою пользу, что, на мой взгляд, необходимо сделать, но под руководством здравомыслящих англичан"⁹⁾. Берк продолжает настаивать на этой идее, но его тревожит явная инертность французской аристократии в этом вопросе в сравнении с активностью их противников. "...Эмиссары узурпаторов в нашей стране проявляют исключительную активность в распространении легенд, призванных настроить англичан против страдальцев. Ни один из французских беженцев не проявил достаточно ума или силы духа, чтоб возразить им"¹⁰⁾. Он настаивал на том, что французские эмигранты должны собирать деньги для этой цели: "Если их скупость или их разобщенность помешают им собрать средства для защиты своей чести и безопасности, их дело заслуживает еще большего сожаления"¹¹⁾.

В этом вопросе, как и во многих других, Берк опережает свое время: ему суждено было в одиночку поднять действенную пропагандистскую кампанию за дело контрреволюции. В своих сочинениях - помимо всего прочего - он выступает как сознательный пропагандист. Он намеренно использует для этого эмоционально окрашенную речь. Это было для него делом привычным: занимаясь политической деятельностью, он давно понял силу исполненного страсти слова. Задолго до Французской революции, когда мысли его были заняты совсем другими проблемами, он писал своему коллеге по оппозиции, что, если оппозиция не собирается сдать вообще, ей следует "изменить свой тон спокойного убеждения, каковой неприемлем при обсуждении важных и животрепещущих тем ...придерживаясь его, нам никогда не удалось бы покончить с лордом Норт-том..."¹²⁾.

Спустя два года, в связи с делом о предании суду Уоррена Гастингса, он развивает свою теорию словесного натиска, оспаривая высказанное лордом-канцлером Тэрлоу предложение "вести расследование спокойно", а

следовательно, наиболее плодотворно: "Спокойно расследуя, мы также спокойно ничего не добьемся, даже благоразумия со стороны нашего противника. Наш единственный шанс заставить его быть рассудительным - это вести дело грубо и резко".

Он стал еще более "резким", когда "важная и животрепещущая тема" реакции на Французскую революцию стала актуальной: по сравнению с более поздними по времени написания *Письмами о мире с цареубийцами*, *Размышления* могут показаться образцом "спокойного расследования". Что же касается *Воззвания Новых вигов к Старым* (1791), то здесь он проявляет себя как истинный пропагандист, который в отличие от обычного защитника какой-либо идеи, сознательно выбирает прием тактического преувеличения¹³⁾. В письме к сыну, заметив, что даже среди вигов лишь около 10% одобряют принципы Французской революции, он продолжает: "Меня могут спросить: почему я представляю всю партию как попустительствующую, а, следовательно, и поощряющую подобные действия? Чтобы, преувеличенно выставляя их бездействие, заставить их открыто высказать свое мнение..."¹⁴⁾.

Тот факт, что Берк пишет как убежденный пропагандист и истинный политик, прекрасно понимающий последствия, к которым могут привести его слова, слишком часто не учитывается неспособными к критическому взгляду почитателями его таланта, которые хотят видеть в нем только политического философа. Однако значительность пропагандистской стороны его сочинений тоже не следует преувеличивать. Нет никаких оснований сомневаться в искренности возмущения Берка, вызванного тем, что он обнаружил наличие и характер симпатий англичан к Французской революции. Это возмущение звучит также явно в его частной переписке, как и в предназначенных для печати трактатах. Утверждения, высказывавшиеся Марксом и другими, о том, что оно напускное, что он просто "играл в романтика"¹⁵⁾, как когда-то "играл в либерала", не мо-

гут быть приняты всерьез. Расчет Берка проявляется не в том, что он разыгрывает чувства, которых не испытывает, а в том, что он четко знает, насколько далеко он может позволить себе зайти в проявлении искренне испытываемых им чувств публично. В определенных обстоятельствах - если бы, например, виги, и он в том числе, были правящей партией - Берк едва ли мог бы себе позволить это вообще. Но когда он решает-таки позволить себе переступить границы, он неизбежно заходит дальше, чем это предусматривал бы любой расчет. Он вступает в дискуссию как виг, а в конце ее оказывается апологетом тори. Он разносит своего друга Чарльза Джеймса Фокса, как когда-то разнес лорда Норта. Весьма маловероятно, чтобы такой конец мог быть рассчитан заранее. Гораздо вероятнее было бы предположить, что Берк никогда до конца не осознавал, - пока события во Франции не стали пробным камнем, - в каком глубоком разладе он был с большей частью того, что было фундаментальным в философии англичан, с которыми он вступил в союз: англичан, дороживших идеями Славной революции и Просвещения и считавших, что идеи эти по сути своей были одними и теми же, или, по крайней мере, имели общее начало: разумное отрицание предрассудков.

Но и тори, несмотря на их почитание, не устраивали его. Они были холодны и прагматичны и готовы были пребывать в состоянии ограниченной войны с Францией, но не были воодушевлены идеей контрреволюции.

К концу жизни политическая активность Берка как будто постепенно гаснет. *Письма о мире с царевубийцами*, безусловно, являют собой пропаганду, но эта странная, страстно-личная пропаганда, это пророческие излияния - подчас почти бред - человека одинокого, безутешно несчастного, умирающего и все же наслаждающегося своей несравненной способностью выразить свою неистовую ярость словами, обилие которых изумляет. Эти *Письма* - бессмертное объявление умираю-

щим человеком "долгой войны"¹⁶⁾, войны, которая фактически завершилась только через двадцать лет после его смерти.

9

Для Берка революционная доктрина - это воплощенное зло: "Те, кто устроил демонстрацию 14 июля, способны на любое зло. Они не совершают преступлений во имя какой-либо цели, их цель - совершать преступления. Их побуждает к этому не необходимость, а их природа"¹⁾. Это зло имеет стратегический центр обитания, из которого его необходимо изгнать: "Это зло, засевшее в центре Европы, должно быть вырвано из этого сердца, иначе никому вокруг не уберечься от его излияния, которое будет распространяться все шире и шире, несмотря на все жалкие профилактические меры, предпринимаемые против его распространения"²⁾. Это страшная сила, - противостоять которой должно с оружием в руках, - имеющая целью ниспровержение всех устоев:

"Сейчас у нас в руках есть оружие, у нас в Англии есть возможность поставить разум, мужество, изобретательность, все запасы сил на борьбу против хитроумного, самого изощренного, самого широкого и самого далеко идущего за всю историю человечества плана, целью которого является уничтожение всякой собственности, всякого порядка, всякой религии, законности и истинной свободы"³⁾.

Эта доктрина зла, вооруженные силы на службе тех, кто ее исповедует, и сторонники этой доктрины в других странах составляют единую угрозу, противостоять которой следует силой:

"Мы воюем против системы, которая, по сути своей, враждебна всем другим правительствам и которая заключает мир или вступает в войну, только если мир или война способствуют свержению этих правительств. Мы боремся с вооруженной доктриной. В силу своей сущно-

сти она имеет сторонников, убежденных, интересующихся или восторженных, во всех странах. Для нас это Колосс, перешагнувший через пролив. Одна нога его стоит на чужом берегу, другая - на британской земле. Если он вообще может существовать, то, имея это преимущество, он неизбежно победит"⁴⁾.

Борьба против вооруженной доктрины - это "религиозная война"⁵⁾, "новый крестовый поход"⁶⁾. Она должна вестись не просто вооруженными силами за границей, но и посредством внутренних репрессий; судьи "должны открыто контролировать распространение изменнических книг, деятельность раскольнических союзов и всяческие связи, переписку или общение с порочными или опасными людьми из других стран"⁷⁾.

Проповедуемая им война против вооруженной доктрины - это война тотальная, жестокая и идеологизированная. Он предвидит задолго до развития событий, что эта война будет более жестокой, чем любая из прошлых войн, и принимает необходимость таковой:

"Правила цивилизованной войны соблюдаться не будут, и французы, уже отказавшиеся от этих правил, не должны надеяться, что те будут соблюдаться противником. Они, чья политика, как известно, заключается в том, чтобы уничтожать любого гражданина, заподозренного ими в недовольстве их тиранией, и подкупать солдат любой открыто враждебной им силы, не должны ждать милости. Вся война, если она не выльется в открытые сражения, уподобится массовым расстрелам по приговору военно-полевого суда. Это породит акты возмездия с вашей стороны, а возмездие породит новую месть. Церберы войны - со всех сторон - будут спущены без намордников. Новая школа убийства и варварства, созданная в Париже, поправ все правила и принципы, на которых была воспитана Европа, уничтожит и правила ведения цивилизованной войны, кои более, чем что-либо другое, отличали христианский мир"⁸⁾.

Берк презрительно отвергает идею, что то, что мы в наше время называем "политикой сдерживания," будет

достаточной защитой от этой доктрины: зверя необходимо уничтожить в самом его логове:

"Франция является своего рода хранилищем накопления и центром распространения всех пагубных идей, которые возникают в других государствах. Было бы глупостью, едва ли заслуживающей жалости и слишком опасной, чтоб вызвать презрение, даже подумать о создании препон на пути возникновения такового в любой другой стране, пока это хранилище существует"⁹⁾.

10

Практически неважно, как автора читают и понимают, важнее, как его следует читать и обоснованно применять его сочинения. Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что в наши дни Берка читают и превозносят в основном как консервативного и контрреволюционного писателя, которого можно использовать в подтверждение и для придания законной силы политике сдерживания коммунизма. Но не всегда контрреволюционность Берка была на первом плане. На протяжении всего девятнадцатого века его труды возвращали либералов и консерваторов в Великобританию¹⁾. Действительно, тот "подрывной" дух Берка, о котором мы говорили в связи с Ирландией, испугал некоторых консерваторов девятнадцатого века. Морли пишет, что, когда Гладстон обдумывал свою оценку Гомруля, он читал Берка и делал выписки²⁾. "Легко вообразить," - пишет Морли, - "что жар этой огнедышащей печи еще больше накалил экзальтированную решимость м-ра Гладстона, заставив его ужесточить задачи. Герцог Аргильский писал, что очень огорчился, услышав, что Гладсон изучает Берка: «Вашему *per fervidum ingenium Scoti* не следует прикасаться к горящему углю этого ирландского алтаря»"³⁾.

Но если на фоне относительной политической стабильности Британии девятнадцатого века Берк мог казаться радикальным и почти революционным, условия,

в которых революция ощущается как реальная угроза, пробуждает интерес к Берку с точки зрения его контрреволюционности. Это произошло в Европе девятнадцатого века. Немецкий переводчик *Размышлений*, Фридрих фон Гентц (1768 - 1832), был доверенным советником и главным секретарем Венского Конгресса, и контрреволюционные сочинения Берка - наравне с трудами де Местра и Бональда - вдохновляли глав и функционеров Священного Союза.

Тот факт, что *Размышления* должны привлекать интерес защитников и сторонников современной контрреволюции, не требует доказательств. Но зачем предлагать этот первый контрреволюционный манифест тем, кто противостоит современной контрреволюции и неоконсерватизму, каковой является одним из наиболее очевидных проявлений контрреволюции?

То, что такой вопрос, несомненно, может возникнуть, само по себе указывает на специфическую и очевидно глубоко укоренившуюся слабость левых. Разумному правому не нужно объяснять, почему он должен читать Маркса и марксистов. Он читает их, потому что это важно и потому что они его противники. Они учат его, а иногда и предостерегают: например, в девятнадцатом веке немецкий буржуа мог узнать из сочинений Маркса и Энгельса, что было бы неразумно спешить с уничтожением феодальных пережитков. Разумный правый тоже использует прозрения Маркса (как это делало не одно поколение буржуазных историков), но - для своих целей, подобно тому, как Гудериан использовал труды де Голля. Он узнает у своих противников сильные и слабые стороны как своей, так и их позиции.

Мыслящие же левые, с другой стороны, - правда, бывают и примечательные исключения, - склонны пренебрегать своими противниками и с насмешкой отбрасывать даже их самые важные труды, не читая их. Это связано, я думаю, с другой ярко выраженной тенденцией левых, которая заключается в непонимании и не-

дооценке сил, им противостоящих. На самом деле левым следует уделять *Размышлениям* не меньше внимания, чем правые давно уже уделяют *Коммунистическому Манифесту*. Тот факт, что манифест Берка поднял и сплотил первое в новой истории контрреволюционное движение и что его работы и сейчас апеллируют к современной контрреволюции, должен бы служить достаточным основанием для того, чтоб его тщательно изучать.

Если допустить, что у Берка есть чему поучиться, пусть даже не соглашаясь с его основными идеями, то чему же? Конечно же, не системе политической философии. Берк намеренно несистематичен, а различные системы так называемой "философии Берка", которые построили доктринеры из малозначимых деталей его риторики и общих мест его работ, представляют собой жалкие и скучные потуги, не стоящие внимания. Не станем мы искать у Берка и анализа Французской революции. Благодаря открытому доступу в архивы, а также трудам нескольких поколений историков мы знаем - или можем знать - о Французской революции больше, чем самый пытливый современник тех событий, изучавший революцию на расстоянии. Но даже если бы Берк и знал гораздо больше, чем он знал на самом деле, *Размышления* тем не менее не представляли бы интереса с точки зрения исторического анализа, так как не это было их целью. Берк намеренно отказался от метода непредвзятого "спокойного расследования"; он был готов в случае необходимости говорить "не всю правду". Его слова - не анализ, это целенаправленное убеждение.

Но и не обычная попытка убедить. Это, как говорит Берк, "поздний, зрелый плод опыта". Четкие доводы Берка не менее важны, чем опыт, стоящий за ними, чем политическое чутье как в отношении мощных сил, движущих политикой, так и в деталях. Его ощущение этих мощных сил достигает уровня пророчества. Занимаясь Берком со студентами-выпускниками, я обнаружил,

что они считают, что *Размышления* были написаны на более позднем этапе революции, чем это было в действительности: они верят, что сентябрьская бойня, казнь короля и королевы, террор уже имели место к моменту написания *Размышлений*, тогда как все это еще было, конечно, впереди⁴⁾. Безусловно, это объясняется не только пророческим даром Берка, но и силой его ораторского искусства. Он преувеличивает то, что уже произошло, но делает это, поскольку предчувствует, что должно произойти дальше. Контраст между мрачными предчувствиями Берка в 1790 году и тоном его прореволюционно настроенных корреспондентов Пейна и Клоотца, которые в это же самое время пишут ему, убеждая его в том, что все тяжелое позади, и славная и почти бескровная революция завершена, огромен⁵⁾. Массовая эмиграция и "множество заключенных без суда и следствия", которые, как предвидел Берк, явятся плодом революции, еще должны были вылиться в смертные приговоры и Пейну, и Клоотцу, причем Клоотца ждала гильотина.

Берк не только предвидел эскалацию насилия и войну в масштабе, превосходящем все предыдущие войны (стр. 46), но он точно предсказал возникновение военной диктатуры. Это произошло через девять лет после его пророчества, спустя два года после его смерти, 18 брюмера 1799 года. Действительно, - и обычно это упускается из виду почитателями Берка, - его пророчества в значительной степени способствовали их осуществлению. Враждебность к революционной Франции, намеренно возбуждавшаяся Берком, и война против нее, к которой столь настойчиво призывал Берк, толкали революцию к принятию более жестоких форм и порождали необходимость в военной диктатуре. Это, однако, не уменьшает его заслуги как провидца. Реакцию других стран на революцию и ответ революции на эту реакцию - все это он принимал в расчет; его утверждения о характере контрреволюционной войны показывают, что он ясно понимал действие диалектики насилия. Он

знал, что под угрозой нападения, к которому он призывал, революционная Франция сможет мобилизовать такие силы, о которых тогда почти никто не подозревал:

"Франция, действительно, слаба, разорвана на части и в смятении," - писал он в январе 1791 года, - "но один Бог знает, не случится ли так в час испытания, что посягнувшим на нее придется не просто поддерживать одну из партий, а вступить в войну с целым государством"⁶⁾.

Он не только предвидел "долгую войну", но и призывал к ней. В 1796 году он знал, что весь его мир стоит "на пороге великих потрясений"⁷⁾. Его пронизательный ум и провидческое воображение позволяли ему представить себе лавинообразность событий, которые начались в 1789 году. Его современники считали, что он преувеличивает (и в некотором смысле так оно и было), но по мере того, как действительность все больше приближалась к его предсказаниям, становилось очевидно, что не поняли ситуацию как раз те, "кто сохранил трезвость суждений".

Зоркость Берка к важным деталям, его ощущение подлинной материи повседневной политики не менее замечательны, чем его понимание главных движущих сил; вместе взятые, эти взаимосвязанные способности и выливаются в политическую интуицию, не имеющую себе равной по тонкости. Одно брошенное вскользь замечание Берка может оказаться более поучительным, чем целый трактат иного теоретика-аналитика. *Размышления* изобилуют такими "поздними, зрелыми плодами" его мысли. Порою тонкость его замечаний проникает в самую суть его противника:

"У вас вызовет улыбку последовательность поведения этих демократов, которые, когда забываются, относятся к нижестоящим с величайшим презрением, тогда как в то же самое время притворно утверждают, что вся власть находится в их руках"⁸⁾.

Иногда его прозорливость рождает афоризмы - такие, как приведенный ниже о литературе и левых:

"Литераторы очень любят выделяться и потому редко питают отвращение к новациям."

Иногда его замечания имеют форму обобщения, протекающего из глубокого понимания политической реальности, подобно следующему - первому классическому определению по сути своей буржуазного характера революции:

"Вся власть, завоеванная в ходе этой революции, сконцентрируется в городах в руках у бюргеров и финансовых воротил, которые управляют ими".

Эти примеры можно привести бесконечно. Но составлять антологию *Размышлений* столь же бессмысленно, как и пытаться пересказывать или систематизировать их. Их нужно читать как единое целое, как уникальное политическое художественное произведение.

11

"Всякому умному человеку, занимающемуся политикой, накануне принятия важного решения," - сказал покойный Гарольд Ласки, - "не мешает освежить свой ум дискуссией с Берком". "Различные "либеральные" позиции Берка", - продолжает Ласки, - "не должны затенять нам тот неопровержимый факт, что в глубине души Берк был крайним консерватором, который приносил огромное утешение людям, либерально настроенным, не столько глубиной своего понимания, сколько душой, столь благородной и сострадательной, что в случаях особой важности его просто выносило из обычной гавани, где он чувствовал себя в мире со своим разумом"¹⁾.

Поскольку эти слова принадлежат человеку, не имеющему отношения к консервативным и либерально-консервативным кругам, где Берк особенно почитаем, они особенно ценны. Однако, мне кажется, что попытки Ласки объяснить, почему этот "крайний консерватор" должен так импонировать "людям, либерально настро-

енным", не совсем удачна.

Не так уж великодушен и сострадателен был Берк, как полагает Ласки. Он, безусловно, был и великодушен, и сострадателен в своих личных отношениях с людьми и в гражданских вопросах (и даже заслужил непопулярность, протестуя против того, чтоб гомосексуалистов сажали в колодки), но в вопросах политики в последние годы своей жизни он мог проявить и твердость, доходящую до жестокости. О какой сострадательности можно говорить, если вспомнить то, как он намеренно призывал к заведомо жестокой "долгой войне" параллельно с суровыми внутренними репрессиями?²⁾ И совсем не очевидно, что "в глубине души" Берк был крайним консерватором. В старости он оказался на позициях крайнего консерватора, но едва ли можно доказать, что это и была та "гавань, где он чувствовал себя в мире со своим разумом". Я далеко не уверен, что он нашел душевный покой вообще: его современники, похоже, тоже так не считали - напротив, они часто находили его истеричным; кроме того, человек со спокойной душой редко проявляет такую бурную умственную активность. Ритм его прозы, а также патина, покрывающая для нас восемнадцатый век, создают иллюзию: мы видим Берка более мягким, чем он был в действительности. Берк просто не мог "в глубине души" быть крайним консерватором. Он был чужаком из страны, где его народ находился в угнетении, страны, систему управления которой он всегда мечтал подорвать. Это не те условия, в которых человек естественно становится консерватором. Мэри Уолстонкрафт, безусловно, проявила большую проницательность, увидев в Берке человека, который мог бы стать "ярим революционером."

Революционером он так и не стал, но когда вставал вопрос о положении в Ирландии, в его душе начинал тлеть все время подавляемый мятежный огонь. Его консерватизм определяется не особенностью его характера, а особенностью его позиции, которую я назвал выше двойственной позицией между якобитом и вигом. Впол-

не можно предположить также, что противоречивость положения Берка способствовала развитию его ораторского искусства, что именно она расширяла диапазон его красноречия, углубляла его пафос, подстегивала фантазию и, как это ни странно, делала его понятным "людям либеральных взглядов".

При таком толковании секрет его способности проводить революционные процессы частично объясняется подавленной симпатией к революции вообще, а также интуитивным пониманием влияния подрывной силы контрреволюционной пропаганды на существующее государственное устройство на его родине. Именно это и придает "крайнему консерватизму" Берка его специфический характер, кардинально отличающий его от таких европейских реакционеров, как де Местр и Бональд. В отличие от них он может понять чувства революционера, для него силы революции и контрреволюции существуют не только в мире вообще, но и внутри него самого.

ЭДМУНД БЕРК

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Эдмунд Берк родился в Дублине в январе 1729 года. Отец его был адвокатом и принадлежал к англиканской церкви, но вполне возможно, что по рождению он был католиком (см. предисловие, стр. 22, а также постскриптум к данному очерку). Его мать, урожденная Мэри Нейгл, была католичкой. Эдмунд Берк воспитывался в англиканском вероисповедании, хотя начальное образование он получил в школе для бедняков под руководством учителя (по всей вероятности, католика) по имени О'Халлоран, которая располагалась в разрушенном замке Монаними в Баллидуфе (графство Корк).

В 1741 году его отправили в школу в Баллиторе (графство Килдейр), которой руководил Абрахам Шеклтон, член Общества Друзей (квакеров). В 1744 году он поступил в Тринити Колледж в Дублине, где в 1748 году получил степень бакалавра гуманитарных наук. В 1750 году он отправился в Лондон готовиться к адвокатуре. С этого момента по приблизительно 1757 год о его жизни известно очень немногое, но адвокатом он так и не стал. В 1756 году он опубликовал свои первые

литературные труды: *В защиту естественного общества и Философское исследование происхождения наших представлений о возвышенном и прекрасном*. Последнее заинтересовало Лессинга и Гердера и оказало определенное влияние на развитие эстетической теории в Европе. Приблизительно веком позднее в статье *Что такое искусство?* старый и отрицающий эстетику Толстой использует эту работу Берка, доказывая, что возвышенное означает войну, а прекрасное - секс¹⁾.

Зимой 1756-1757 года Эдмунд Берк женился на Джейн Наджент; где и в какой церкви происходило венчание, неизвестно.

У Берков было двое детей: Ричард (1758-1794) и Кристофер, умерший в детстве.

В 1758-1759 годах Эдмунд Берк начал издавать *Annual Register*, с которым был связан более 30 лет. В 1759 году он поступил секретарем к Вильяму Джерарду Гамильтону (1729-1796), который в 1761 году стал главным секретарем у лорда Галифакса, лорда-наместника Ирландии. Порвав с Гамильтоном в 1765 году, Берк в том же году стал личным секретарем второго маркиза Рокингема (1730-1782), который как раз в это время был назначен первым лордом казначейства. Между Рокингемом и Берком возникла глубокая дружба, продолжавшаяся до конца жизни Рокингема (Берк многократно пользовался его помощью). К этому времени Берк был уже членом клуба на Джеррард-стрит и до конца своих дней был другом Гаррика, Рейнольдса и Джонсона.

При поддержке лорда Верни (1712?-1791) Берк был избран в парламент от города Вендовера и занял свое место в парламенте 14 января 1766 года. Он поддерживал вигов группировки Рокингема, которые были у власти с июля 1766 года по июль 1767 года, и вместе с Рокингемом перешел в оппозицию. В 1768 году он купил поместье Грегори в Биконсфильде, в Бэкингемшире; эта покупка была ему не по средствам, и в результате он не избавился от финансовых затруднений

до конца жизни. В 1769 году он опубликовал *Замечания по поводу недавней публикации под названием 'Современное состояние страны'*, а в 1770 году - *Мысли о деле нынешних недовольных*, два серьезных политических памфлета. В 1770 году он был избран консульским представителем штата Нью-Йорк в Лондоне, на каком посту получал 500 фунтов в год. В 1773 году он посетил Париж и увидел "восхитительную картину", о чем упоминает в *Размышлениях*. Вполне возможно, что он был шокирован французским легкомыслием и рационализмом того времени.

В результате выборов 1774 года он стал членом парламента от Бристоля и провозгласил принцип, согласно которому парламентский представитель считается изменившим своим избирателям, если отказывается от своей точки зрения в пользу их мнения.

С 1774 года он стал другом и союзником Чарльза Джеймса Фокса, вместе с которым возглавил сильную оппозицию в правление лорда Норта. Его речи *Об американской системе налогообложения* (1774) и *О внесении резолюций по соглашению с колониями* (1775) разоблачали безрассудность правительственной политики в Америке. В 1774 году он и его "рокингемские" друзья разошлись с парламентом по всем вопросам, касающимся Америки; он изложил основания такой линии поведения в *Письме бристольским судьям*.

В 1780 году он потерял место в парламенте от Бристоля, поскольку оскорбил бристольских коммерсантов, выступив в защиту коммерческих прав Ирландии, а также всколыхнув дебаты о "религиозных предрассудках". Лорд Рокингем, однако, обеспечил ему место от своего города Мальтона²⁾.

Когда Рокингем пришел к власти в 1782 году, Берку не было предложено место в кабинете, но он стал военным казначеем. Смерть лорда Рокингема в 1782 году явилась тяжелым ударом для Берка и разрушила его планы. При коалиционном правительстве Портленда он снова стал казначеем (1783), но его деятельность на

этом посту вызвала недовольство и осуждение. После падения правительства Портленда и победы Питта на выборах 1784 года Берк снова оказался в оппозиции и стал непопулярен в новом парламенте, где его выступления часто прерывали и относились к нему презрительно. Все это время он был погружен в приготовления к импичменту Уоррена Гастингса (1732-1818) в связи с его административной деятельностью в Индии.

Импичмент, рассматривавшийся в Палате общин в 1786 году, сначала привлек огромное общественное внимание, но не способствовал росту его популярности, так как у Гастингса в Палате общин было много друзей. Во время кризиса Регентства в 1788 году Фокс, которому предстояло сформировать правительство, не пригласил Берка, с которым так долго работал до того, но вместо этого собирался назначить его снова казначеем и обеспечить ему пенсию.

Таким образом, ко времени Французской революции Берк, чья партия в любом случае оставалась в оппозиции, был одинок, непопулярен, разочарован, измучен непосильным трудом и оставлен своими старыми парламентскими друзьями и коллегами.

О реакции Берка на известие о Французской революции и о том, как он представлял себе, какое влияние она окажет на Англию, а также о его трудах, посвященных революции, можно прочесть в предисловии.

Размышления о Революции во Франции были написаны в первой половине 1790 года и опубликованы в ноябре того же года. Они имели огромный, хотя и не мгновенный успех в Англии и у противников Французской революции в Европе, где в 1790 году были переведены на французский, а в 1793 году - на немецкий язык. Они вызвали много откликов, из которых самый известный - *Права человека* Томаса Пейна (1791). Кроме того, представляет большой интерес работа Мэри Уолстонкрафт *В защиту прав человека* (1790) и Джеймса Макинтоша *Vindiciae Gallicae* (1791).

Выступления и сочинения Берка на тему Француз-

ской революции привели к ухудшению его отношений с Фоксом. Окончательный разрыв произошел 6 мая 1791 года на заседании парламента. Берк оказался человеком вне партии, но соответствие реального хода революционных событий его предсказаниям поддержало его престиж в глазах состоятельных слоев общества (см. предисловие). В последние годы жизни почти все свое внимание он отдавал положению дел во Франции и Ирландии: взаимосвязанность этих проблем рассматривается в предисловии.

В июне 1794 года, закончив свою работу по делу Хастингса, Берк вышел в отставку, и лорд Фицвильям отдал его депутатское место от Мальтона его сыну Ричарду. Ричард умер в августе 1794 года. Берк был охвачен горем, но не прекратил своей деятельности. Его последние сочинения, особенно *Письмо к благородному лорду* (1796) и *Письма о мире с цареубийцами* (1796-1797), содержат одни из самых великолепных образцов его риторики. Сразу после того, как его друга лорда Фицвильяма отозвали с поста лорда-наместника Ирландии, где по совету Берка он твердо решил действовать в защиту католической конфессии, все внимание Берка было сосредоточено не только на победах революционной Франции, но и на угрожающей ситуации в Ирландии, где, действительно, через год после его смерти в 1798 году произошло восстание.

Берк умер в Биконсфильде 9 июля 1797 года. "У нас произошло только одно событие," - писал Джордж Каннинг, - "но событие всемирного значения: умер Берк".

ПОСТСКРИПТУМ

В письме, полученном, когда эта книга была в печати, профессор Томас Коупленд сообщил следующее об отце Берка: "Все сведения о нем неопределенны, даже его переход в англиканскую конфессию в 1722 году. Неский Ричард Берк, действительно, был обращен в 1722

году, и это вполне мог быть его отец, но фамилия эта распространенная, а списки обращенных - наш единственный источник информации" (Коупленд - редактору, 25 апреля, 1968 г.).

М-р Бэзил О'Коннел утверждает: "Обращение Ричарда Берка, отца Эдмунда Берка, является достоянием семейной истории Нейглов, дальних родственников и потомков государственного деятеля Нейгла, к которым принадлежит и автор данной статьи" (*Журнал Исторического и Археологического Общества графства Корк*, LX, 192, июль-декабрь 1955 г.).

Не будет, пожалуй, излишним уведомить читателя о том, что нижеследующие "Размышления" ведут свое происхождение от переписки между автором и одним весьма молодым господином из Парижа, оказавшим автору честь, пожелав узнать его мнение относительно важных событий, каковые с той поры и по сей день столь привлекают всеобщее внимание. Ответ на письмо из Парижа был закончен мною в один из дней октября 1789 года¹⁾, но не был тогда отправлен из соображений осторожности. Об этом письме и упоминается в начале нижеследующего сочинения. С тех пор письмо было доставлено лицу, коему было адресовано, а причины задержки были объяснены в отдельном кратком письме, отправленном тому же господину. Это побудило последнего вновь обратиться к автору с весьма настоятельной просьбой поделиться с ним своими соображениями.

Автор предпринял вторую попытку более подробно изъяснить свои взгляды на обсуждаемый предмет. Он подумывал о том, чтобы опубликовать эти заметки в начале весны прошлого года. Однако же тема все более захватывала его, и он пришел к заключению, что предпринятое им сочинение не только намного превосходит рамки письма, но что самая важность задачи требует, пожалуй, более подробного изложения, нежели то, какое позволяли ему посвятить писанию тогдашние его досуги. Но успев уже набросать первые свои мысли в форме письма, и действительно имея с самого начала намерение писать частное письмо, автор обнаружил, что трудно переменить форму обращения, хотя размышления его разрослись и приняли иное направление. Автор, впрочем, сознает, что иной план мог бы оказаться более удобен для должного распределения и членения обсуждаемого предмета.

Милостивый государь! Вы изволили снова и даже с некоторою настойчивостью обратиться ко мне, побуждая меня изложить мои мысли по поводу последних событий во Франции. Я не хочу создавать у вас впечатления, будто почитаю мнения свои столь ценными, что лишь жду предлога, чтобы их высказать. Они слишком незначительны для того, чтобы вызвать слишком горячее стремление делиться ими или их утаивать. Лишь внимание к вам, и к вам одному, заставило меня некоторое время колебаться, когда вы впервые пожелали узнать их. В первом письме, которое я имел честь написать вам, и которое в конце концов отослал, я не следовал ничьему описанию; не буду я делать этого и в нынешнем письме. Заблуждения мои, если таковые имеют место, принадлежат мне одному, и ответ за них будет нести лишь мое доброе имя.

Вы видите, сударь, из того длинного письма, которое я направил вам, что хотя я всем сердцем желаю, чтобы Франция была одушевлена стремлением к разумной свободе, я полагаю, что вам надлежит, исходя из честной политики, создать постоянный орган, в коем сие стремление найдет свое воплощение, а также исполнительный орган, посредством коего оно будет осуществлять свое воздействие, - несмотря на все это я, к вели-

кому сожалению, испытываю серьезнейшие сомнения относительно нескольких практических моментов недавних событий в вашей стране.

В своем последнем письме Вы высказали предположение, что меня можно, вероятно, причислить к тем, кто одобряет известные события во Франции, основываясь на том торжественном публичном одобрении, какое они получили со стороны двух клубов людей благородного звания, именующихся Конституционным обществом и Обществом революции²⁾.

Я, разумеется, имею честь принадлежать к более нежели одному какому-либо клубу, где высоко почитаются конституция нашего королевства, а также принципы Славной революции. Я также отношу себя к наиболее убежденным приверженцам поддержания этой конституции и этих принципов в их наибольшей чистоте и силе. Именно поэтому я полагаю необходимым для себя позаботиться о том, чтобы здесь не возникало ошибок. Тем, для кого драгоценна память о нашей революции, и тем, кто привержен конституции нашего королевства, следует с величайшей осторожностью обращаться с лицами, которые под предлогом ревностной преданности революции и конституции слишком часто отклоняются от двух этих принципов и готовы при всяком случае отступаться от твердого, но осмотрительного и благоразумного духа, породившего нашу революцию и воплотившегося в нашей конституции. Прежде, чем перейти к ответу на более конкретные вопросы, затронутые в вашем письме, я желал бы просить у вас дозволения сообщить вам те сведения, каковые имел я возможность получить относительно двух упомянутых клубов, которые сочли уместным в качестве общественных институций вмешиваться в дела Франции, предварительно заверив Вас, что я не являюсь и никогда не был членом ни одного из упомянутых обществ.

Первое из них, именующее себя Конституционным обществом, или Обществом по распространению конституционных сведений, или чем-то в этом роде, суще-

ствуется семь или восемь лет, и до сих пор занималось похвальной деятельностью: оно было учреждено для распространения за счет его членов многих книг, на приобретение коих мало кто, кроме них, стал бы тратить, и кои могли бы задержаться у книгопродавцов к большому ущербу общества. Были ли книги, распространяемые с такой доброжелательностью, столь же доброжелательно прочитаны, мне неизвестно. Возможно, некоторые из них были вывезены во Францию, и вполне вероятно, что, подобно иным товарам, не пользующимся спросом у нас, они нашли там сбыт. Я изрядно наслышан о просветительном воздействии книг, посланных из моей страны. Не могу сказать, какие улучшения претерпели книги эти во время пути (подобно тому, как некоторые вина улучшаются благодаря морскому путешествию); однако никогда я не слыхивал, чтобы здравомыслящий человек или, по крайней мере, человек, обладающий минимальными сведениями, сказал единое слово похвалы о большей части публикаций, распространяемых упомянутым обществом, точно так же, как никто, кроме самих его членов, никогда не почитал, будто труды сего общества имеют серьезные последствия.

Ваше Национальное собрание, по-видимому, придерживается относительно этого жалкого благотворительного клуба мнения, сходного с моим. Как нация, вы отдали весь запас своей красноречивой признательности членам Общества революции, тогда как часть оной по справедливости должны были получить и их сотоварищи из Конституционного общества. Однако, поскольку вы избрали объектом благодарности и восхвалений со стороны вашего народа именно Общество революции, вы извините меня, если я сделаю предметом рассмотрения недавнее поведение этого общества. Национальное собрание Франции придало этим господам важность, признав их, а они отблагодарили господ депутатов, действуя в Англии как общество по распространению принципов Национального собрания. Отныне мы должны считать их некими привилегированными лицами и не

последними среди членов дипломатического корпуса. Это единственная из революций, придавшая блеск неизвестности, сообщившая отличие незаметным заслугам. Не могу припомнить, чтоб я когда-либо прежде слышал об этом клубе. Я уверен, что он ни на мгновение не занимал моих мыслей, так же, впрочем, как и ничьих иных, кроме людей, в него входящих. Произведя разыскания, я обнаружил, что в годовщину революции 1688 года некий клуб диссентеров (правда, наименование его мне неизвестно) имел давнишний обычай прослушивать проповедь в одной из своих церквей; после этого члены клуба весело проводили день, по обыкновению всех прочих клубов, - в таверне. Но я никогда не слышал, чтобы какие-либо общественные мероприятия или политическая система, а того менее достоинство конституции в какой-нибудь из соседних стран были предметом формального разбирательства на их празднествах - покуда, к невыразимому своему изумлению, не обнаружил, что этот клуб выступил в качестве некоего представителя общественности, направив приветствие Национальному собранию Франции, в котором выражалась поддержка деятельности последнего.

В его прежних принципах и поведении клуба, по крайней мере, в той степени, в какой они были открыто провозглашены, я не усматриваю ничего, что могло бы вызвать мое неодобрение. Я полагаю весьма вероятным, что с какой-то целью в клуб могли войти новые члены, а также, что некоторые поистине христианские политики, любящие раздавать благодеяния и тщательно скрывающие руку, подающую милостыню, могли сделать клуб орудием своих благочестивых замыслов. Но каковы бы ни были причины, вызывающие у меня подозрения по поводу частных дел, я не стану говорить с уверенностью ни о чем, помимо того, что общеизвестно.

Во-первых, мне было бы жаль, если бы меня сочли прямо или косвенно замешанным в их действия. Несомненно, я, как и все прочие люди, могу в полной мере воспользоваться своим личным правом рассуждать о

том, что происходило или происходит на арене общественной жизни - в любом месте мира, будь то древние времена или нынешние, Римская республика или республика Парижская; однако, не будучи наделенным всеобщей апостольской миссией, а являясь гражданином определенного государства и вследствие этого будучи в значительной степени связанным общей волей его граждан, я счел бы по меньшей мере неуместным и неподобающим для себя вступать в формальную переписку с правительством иностранного государства, не получив на то формальных полномочий от правительства страны, в коей я живу.

Еще того менее желал бы я вступать в такую переписку, ставя свою подпись под сочинением весьма двусмысленного толка, когда многие лица, не знакомые с нашими обыкновениями, могли бы счесть поздравительный адрес, к коему и я бы присоединился, делом людей, выступающих как некий общественный орган, признанный законами нашего королевства и уполномоченный выражать мнение некоторой его части. Имея в виду двусмысленность и неясность подобных неофициальных сочинений, а также возможное введение в заблуждение, коему они нередко служат покровом, а вовсе не из чистой формальности, наша Палата общин отвергла бы столь раболопное послание по столь ничтожному случаю, да к тому же подписанное эдаким образом - послание, перед коим вы распахнули двери своей Палаты представителей и со всей торжественностью препроводили его в ваше Национальное собрание, со столь непомерными рукоплесканиями, точно вас посетила во всем своем величии миссия высших представителей всей английской нации. Если бы адрес, который Общество революции сочло уместным направить вам, содержал бы хоть какие-то соображения, неважно было бы, кому они принадлежат. Они были бы не более и не менее убедительны от того, какая именно партия их выдвинула. Но в этом адресе содержатся лишь результаты голосования и резолюция. Он держится исключительно

на авторитете, а в данном случае это авторитет отдельных лиц, из коих упомянуты совсем немногие. Их подписи должны бы, по моему разумению, быть приложены к сему документу. Тогда мир бы имел возможность узнать, каково число этих лиц, кто они такие, и какую ценность могут иметь их мнения, исходя из их личных способностей, знаний, опыта или положения и веса, кое имеют они в нашей стране³⁾. Мне, человеку совсем обыкновенному, избранная процедура представляется чересчур утонченной, чересчур изысканной; в ней слишком много от политической уловки, к коей прибегли, дабы за счет звучного имени придать важность публичным заявлениям упомянутого клуба - важность, какою, если хорошенько разобраться, они вовсе не столь заслуживают. Это политика, которая слишком смахивает на мошенничество.

Льшу себя мыслью, что я предан идеалу мужественной, нравственной, согласной с установлениями свободы не менее любого из членов Общества революции, кто бы он ни был; и надеюсь, что деяниями своими на общественном поприще я сумел дать не менее веские доказательства своей приверженности делу свободы. Полагаю, что я не более, чем члены сего достойного клуба, завидую свободе любого другого государства. Но я не могу выступить с порицанием или похвалою чему-либо, связанному с человеческими поступками и человеческими заботами, исходя только лишь из рассмотрения одного предмета, взятого в отрыве от всех его связей, в неприкрытой наготе и оторванности, свойственных метафизической абстракции. Обстоятельства (кои для некоторых господ ничего не значат) в действительности сообщают каждому политическому принципу свой отличительный оттенок и особое воздействие. Именно обстоятельства делают любую гражданскую или политическую программу благотельной или пагубной для человечества. Отвлеченно говоря, государственная власть, как и свобода, вещи благие; однако стал бы я по здоровом размышлении, десять лет назад

поздравлять Францию с тем, что там существует правящая власть (ибо тогда она существовала), не разобравшись сперва, какова природа этого правления и как оно осуществлялось? Стану ли я теперь поздравлять французский народ по случаю приобретения свободы? Разве от того, что абстрактная свобода может почитаться одним из благословений человечества, должен я всерьез поздравлять сумасшедшего, бежавшего от защитительных уз и благодетельного мрака заточения, с тем, что он может наслаждаться светом и свободой? Должен ли я поздравлять разбойника и убийцу, вырвавшегося из тюрьмы, с восстановлением его естественных прав? Это означало бы вновь разыгрывать сцену между приговоренными к галерам преступниками и их избавителем, метафизическим рыцарем печального образа⁴⁾.

Когда я вижу дух свободы в действии, я понимаю, что тут действует мощная сила; и до некоторого времени это - все, что может мне быть известно. Необузданный газ, сжатый воздух явно вырвался на волю, и мы должны отложить свое решение до той поры, покуда не уляжется пена, покуда напиток не прояснится, и мы сможем увидеть нечто более глубокое, нежели бурление взбаламученной, вспененной поверхности. Прежде чем публично поздравлять кого-то со снизошедшим на него благословением, я должен увериться в том, что это поистине благословение. Лесть губительна и для того, кто льстит, и для того, кому льстят; а низкоклонство не приносит народу более пользы, нежели королям. Посему я отложу поздравления Франции по случаю новообретенной свободы, покуда не получу сведений о том, как сия свобода сочетается с правлением, с влиянием общества, с повиновением и дисциплиною в армии, со сбором и справедливым распределением государственного дохода, с моралью и религией, с устойчивостью собственности, с миром и порядком, с гражданскими и общественными нравами. Все перечисленное также представляет собой благо (каждое в своем роде); и без этих благ свобода не является благом, покуда она суще-

ствуется, да к тому же она вряд ли долго продержится без них. Применительно к людям свобода означает, что они могут делать, что им заблагорассудится: мы должны предвидеть, что же захочется им делать, прежде, чем отважиться приносить поздравления, кои могут вскорости перейти в жалобы. Благоразумие диктует это даже в случае частных лиц; однако когда люди действуют сообща, свобода становится *властью*. Разумные люди, прежде чем заявить что-либо, должны убедиться в том, какое применение находит себе *власть*; это тем более верно, когда речь идет о столь непростой материи, как *новая власть новых людей*, о принципах, нраве и построениях коих мы почти или совсем не осведомлены, да еще в таких ситуациях, когда те, кто кажутся наиболее деятельными на сцене, могут и не быть истинными руководителями событий.

Все эти соображения были, однако, ниже возвышенного достоинства философов из Общества революции. Пока я оставался в деревне, откуда имел честь писать Вам, у меня было лишь самое несовершенное понятие о том, чем сие общество занимается. Приехав же в город, я послал за отчетом о деятельности ононого, опубликованным с его ведома и с приложением проповеди доктора Прайса, письма герцога де Рошфуко и архиепископа Экского, а также других документов⁵⁾. Содержание этой публикации, явно замысленное с целью связать французские дела с английскими, побудив нас подражать поведению Национального собрания, привело меня в весьма сильное замешательство. Влияние поведения сего собрания на мощь, процветание и спокойствие Франции, а также на доверие к ней, становилось день ото дня очевиднее. Форма конституции, каковую надлежало ввести для будущего образа правления, сделалась яснее. Мы теперь в состоянии с достаточною четкостью увидеть истинную природу предмета, который предлагают нам как образец для подражания. Ежели благоразумная сдержанность и приличия предписывают в определенных обстоятельствах молчание, то в иных обстоя-

тельствах надлежит, руководствуясь высшим благоразумием, высказать свои мысли. Начатки смятения у нас в Англии в настоящий момент еще крайне слабы; однако мы видели, что у вас они при зарождении своем были еще слабее, но, выросши, превращались в силу, способную двигать горами и объявлять войну самому Всевышнему. Когда горит дом соседа, не худо полить водой и свой собственный. Лучше оказаться предметом насмешек из-за чрезмерной осторожности, нежели разориться из-за чрезмерной уверенности в своей безопасности.

Радея прежде всего о мире в моей собственной стране, но ни в коей мере не пренебрегая миром в Вашей, я желал бы придать большую огласку своим замечаниям, которые в начале были предназначены для Вас одного. Я и далее постараюсь писать, не выпуская из виду Ваших дел и обращаясь к Вам. Пользуясь непринужденностью дружеской переписки, я, с Вашего позволения, стану излагать свои мысли и выражать свои чувства так, как они созревают во мне, мало заботясь о формальностях. Начну с деятельности Общества революции, однако не стану ограничиваться ею. Да разве возможно, чтобы я только этим и ограничился? Мне видится, что мы имеем здесь дело с великим кризисом, касающимся не одной только Франции, но всей Европы, а может быть, и более, чем Европы. Приняв во внимание все обстоятельства, можно сказать, что Французская революция - самое поразительное из всего, что когда-либо происходило в мире. Самые замечательные события вызываются нередко до невероятного смешными средствами, происходят самым забавным образом и, по видимости, осуществляются самыми презренными орудиями. Все кажется неестественным в этом странном хаосе легкомыслия и жестокости, когда всевозможные преступления перемешиваются со всевозможными безумствами. Наблюдая сие чудовищное, трагикомическое зрелище, испытываешь попеременно противоположные чувства, подчас они переплетаются в душе:

пренебрежение сменяется возмущением, смех слезами, презрение ужасом.

Нельзя, однако, отрицать, что кое-кому странное это зрелище представляется совсем иным, не вызывая других чувств, кроме упоения и восторга. В том, что происходит во Франции, они не видят ничего, кроме твердого и воздержанного проявления свободы, вполне совместимого в целом с нравственностью и благочестием, - до такой степени, что сия свобода заслуживает не только мирских рукоплесканий бойких политиков макиавеллиевского толка, но достойна того, чтобы сделать ее предметом излияний проповеднического красноречия.

Утром 4 ноября прошлого года Ричард Прайс, известный диссентерский проповедник, произнес в молельном доме диссентеров в лондонском Старом Гетто* проповедь для своего общества, проповедь весьма необычайную и пеструю по составу, где добрые нравственные и религиозные чувства, совсем не дурно выраженные, смешивались с различными политическими мнениями и размышлениями. Впрочем, Французская революция была одним из основных составляющих сего странного варева. Я полагаю, что поздравительный адрес, переданный Обществом революции Национальному собранию Франции через графа Стэнхоупа⁶⁾, впитал в себя принципы этой проповеди и является ее следствием. Он возник под влиянием того, кто произносил эту проповедь. Люди, ею заразившиеся, отправили свое обращение безо всякой цензуры, безо всяких оговорок, явных или подразумеваемых. Если, однако, кто-либо из замешанных в этом деле господ пожелает отделить проповедь от обращения, они знают, как воздать должное достоинствам первой и отречься от второго. Сделать это могут они, но отнюдь не я.

Что до меня, то я смотрел на сию проповедь как на

*"Old Jewry" — старый еврейский квартал в Лондоне, возникший в конце XII века (прим. пер.).

публичное заявление человека, тесно связанного с интриганами от литературы и философии, теологами от политики и политиками от теологии, и у нас в стране, и за границей. Я знаю, что они избрали этого человека чем-то вроде оракула, поскольку с самыми лучшими на свете намерениями он обрушивает филиппики или выпевает свои пророческие гимны четко в унисон с их замыслами⁷⁾.

Проповеди этой свойствен тон, коего мы еще не слышали в нашем королевстве ни с одной кафедры, пользующейся здесь поощрением властей или терпимой ими, начиная с 1648 года, когда предшественник доктора Прайса, достопочтенный Хью Питерс⁸⁾ заставил своды королевской часовни в Сент-Джеймском дворце звучать хвалою святым, про коих сказано: "Славословия Богу на устах их, и меч обоюдоострый в руке их. Для того, чтобы совершать мщение над народами, наказание над племенами, заключать царей их в узы и вельмож их в оковы железные". Мало какие образчики церковного красноречия, исключая, быть может, лишь времена Лиги у вас во Франции или "Торжественной лиги и ковенанта" в Англии менее были проникнуты духом умеренности, чем эта проповедь, произнесенная в Старом Гетто. Допустим все же, что нечто, сходное с умеренностью, наблюдалось в сей политической проповеди, но политика и церковная кафедра все же плохо согласуются между собою. В церкви не должно быть слышно иных голосов, кроме целительного гласа христианского милосердия. За счет такого смешения обязанностей дело гражданской свободы и гражданского правления приобретает столь же мало, как и религия. Те, кто отступаются от своего назначения, дабы надеть чужую личину, по большей части не понимают ни своего истинного назначения, ни того, что они на себя напускают. Совершенно не зная мира, с коим они столь жаждут смешаться, не имея опыта в его делах, о коих судят с такою уверенностью, они ничего не имеют общего с политикой, кроме страстей, ими возбуждаемых.

А ведь где, как не в церкви, подобает соблюдать однодневное перемирие между всеми враждующими сторонами, и умирять все человеческие раздоры.

Сей проповеднический стиль, оживший после столь длительного перерыва, имел для меня привкус новизны, причем новизны небезопасной. Я не усматриваю опасности равно во всех частях указанной речи. Намек на благородного и достопочтенного мирянина, облеченного правом служения в церкви и занимающего высокую должность в одном из наших университетов, а также на иных священнослужителей-мирян, принадлежащих "к знати и литературному кругу"⁹⁾, может быть уместен, но все же несколько неожидан. Если благородные "Искатели"¹⁰⁾ не найдут для удовлетворения своих благочестивых порывов ничего подходящего среди товаров старой англиканской церкви или же во всем богатом разнообразии запасов, хранящихся на складах диссентерских конгрегаций, то доктор Прайс советует им идти еще далее по пути нонконформизма, а для начала каждому из них надлежит установить собственный моленный дом, исходя из собственных принципов¹¹⁾. Поистинне замечательно, что наш преподобный богослов столь жаждет создавать новые церкви и столь равнодушен к той доктрине, какую будут они нести в мир. Рвение его весьма любопытного свойства. Он ратует за распространение не собственных воззрений, но любых воззрений вообще. Он тшится не распространять истину, но сеять противоречия. Пусть лишь благородные наставники идут на раскол, не важно с кем или с чем. Как только сия великая истина восторжествует, то религия их сама собою станет разумною и мужественною. Я сомневаюсь, пожнет ли религия все те преимущества, кои расчетливый богослов ожидает от сего "выдающегося общества выдающихся проповедников". Оно, несомненно, будет ценным пополнением разряда диковинных уникумов в полной коллекции уже известных видов, родов и особей, кои в настоящее время украшают hortus siccus¹²⁾ сектантства. Проповедь благородного герцога

или благородного маркиза, или благородного графа, или отважного барона, бесспорно, расширит круг развлечений нашего города, которому уже начинает приедаться пресное единообразие существующих сект. Я лишь говорю себе право сказать, что все эти доморощенные апостолы в мантиях и коронах должны соблюдать какие-то границы в демократических и уравнилельных идеях, кои они, должно быть, станут развивать со своих кафедр. Новые евангелисты, осмелюсь сказать, разочаруют тех, кто возлагает на них большие надежды. Они ни буквально, ни фигурально не станут полемическими богословами, да и вряд ли будут расположены поучать свою паству, чтоб та, как в прежние благословенные времена, разносила их учение драгунским полкам, пехотным корпусам и артиллерийским бригадам. Такие условия, сколь ни были бы они привлекательны для дела принудительной свободы - гражданской, а равно религиозной - могут оказаться не столь же благоприятны для национального спокойствия. Надеюсь, эти немногие ограничения не явятся слишком резким проявлением нетерпимости и дикого деспотизма.

Но я не могу сказать про сего нашего проповедника *utinam nugis tota illa dedisset tempora saevitiae*¹³⁾. Тенденция его блестящей буллы вовсе не так уж безобидна. Его доктрины затрагивают все жизненно важные части нашей конституции. Он сообщает в своей проповеди Обществу революции, что наш король "является чуть ли не *единственным* законным государем на свете, ибо он *единственный* из государей обязан своей короной *выбору своего народа*". Что же до государей мира, то всех их (за исключением одного) наш святейший владыка *прав человека* ничтоже сумняшеся в одном округлом обороте подвергает анафеме и объявляет узурпаторами всего земного шара - с полнотою папской власти в зените ее могущества, свойственной двенадцатому столетию. Всем государям мира надлежит обсудить, как примут они в своих владениях миссионеров-апостолов, коим следует объявить сей венценосной пастве, что они -

короли незаконные. Об этом пусть позаботятся они сами. А наша забота, поскольку это представляет определенный интерес для нашего отечества, - серьезно обсудить твердость единственного принципа, исходя из коего эти господа признают британского короля достойным их преданности.

Сия доктрина в приложении к государю, занимающему ныне британский трон, есть либо бессмыслица и потому не может быть не истинною, ни ложною, либо подтверждает самую необоснованную, незаконную и неконституционную позицию. Согласно нашему подобному доктору от политики, если Его Величество не обязан своею короною народному выбору, он не является государем законным. Однако ничего не может быть дальше от истины, чем утверждение, будто Его Величество владеет короною нашего королевства на подобном основании. Итак, следуя логике этих господ, король Великобритании, который, вне сомнения, не обязан своим высочайшим положением какой-либо форме народного избрания, ничем не лучше остальной шайки тех узурпаторов, что правят или, вернее, разбойничают во всем нашем несчастном мире, не имея не малейшего права или основания на верность своих поданных. Цель этой, с позволения сказать, доктрины достаточно ясна. Распространители сего политического евангелия питают надежды, будто никто не обратит внимания на тот факт, что их абстрактный принцип (а именно, что народный выбор необходим для законного монархического правления) не распространяется на короля Великобритании. Тем временем уши их прихожан привыкнув к тому, будто это воистину первичный принцип, который принимается без обсуждения. Пока суть да дело, он будет почитаться всего лишь теорией, осуществление коей лучше оставить на будущее, замариновав ее покамест в соках церковного красноречия. *Condo et compono quae mox depromere possim*¹⁴⁾. И покуда наше правительство тешится оговоркой, сделанной нашими почтенными политиками в его пользу (на которую оно,

впрочем, не претендовало), наносится ущерб его безопасности, ибо мнения людские и составляют оную безопасность, общую для нашего и других правительств.

Итак, наши политики продвигаются вперед, хотя на их доктрины почти не обращают внимания; когда же оных политиков начинают расспрашивать об истинном значении их слов и прямой направленности их доктрин, они могут прибегнуть ко всяческим словесным уловкам. Когда они утверждают, что наш король обязан короною выбору народа и потому является единственным законным государем на свете, они, быть может, скажут, что имеют в виду всего-навсего то обстоятельство, что один из предшественников короля был призван на трон вследствие народного выбора, а потому и нынешний наш король владеет короною согласно выбору народа. Такими презренными подстановками они надеются придать своим убеждениям обоснованность, на самом же деле обращая их в бессмыслицу. Они оказываются в том самом доме душевнобольных, коего заслуживают своими преступлениями, ибо они ищут прибежища в безумии. Ибо если вы признаете вышеприведенное толкование, то чем их идея избрания отличается от нашей идеи наследования? И как передача короны по линии Брунсвиков, происходящей от Иакова I, может сделать нашу монархию более законной, чем монархию в любом из соседних государств? В какой-то момент все основатели династий, несомненно, были избраны теми, кто призвал их править. Можно с достаточным основанием утверждать, что все королевства Европы были в отдаленные эпохи выборными при больших или меньших ограничениях в предмете выбора? Но кем бы ни были короли в нашей стране или в прочих странах тысячу лет назад, каким бы способом ни начались правящие династии Англии и Франции, все же ныне король Великобритании является королем согласно установленным правилам престолонаследия, сообразующимися с законами его страны; и покуда он исполняет условия, предусмотренные законом для монарха (как это имеет

место теперь) - до тех пор он владеет своею короною, не обращая ни малейшего внимания на выбор Общества революции, члены коего не имеют никакого права голоса - ни как отдельные лица, ни сообща - в отношении избрания короля. Впрочем, я не сомневаюсь, что они скоро сделали бы себя выборной коллегией, если б созрели предпосылки, соответствующие их притязаниям. Но наследники монарха Великобритании, каждый в свой час, взойдут на престол, невзирая на выбор Общества революции, точно так же, как вступил на трон Его Величество нынешний наш король.

Как бы успешно ни уклонялся наш проповедник от объяснения грубейшей *фактической* ошибки, которая состоит в том, что Его Величество обязан своей короною выбору народному (хотя он и владеет ею в соответствии с желаниями народа), однако им никак невозможно уйти от полного и ясного провозглашения своих взглядов относительно принципа о праве народа на выбор, праве признанном и неукоснительно соблюдаемом. Все косвенные инсинуации относительно выборов исходят из этого предположения и сводятся к нему. Дабы положение об исключительности законной власти короля не казалось напыщенной и лъстивой тирадой в пользу свободы, наш политиканствующий богослов догматически утверждает, что, согласно принципам нашей революции, народ Англии приобрел три основных права, что все они составляют единую систему и могут быть сведены к одной короткой фразе, а именно: мы получили право

1. "избирать себе правителей",
2. "низлагать их в случае недостойного поведения",
3. "вырабатывать для себя образ правления".

Это новый и доселе неслыханный билль о правах, хоть и провозглашенный от имени всего народа, принадлежит лишь господам из Общества революции. Народ Англии не принимал в нем никакого участия. Англичане явно его опровергают. Они будут сопротивляться практическому его осуществлению, не жалея ради

того ни своего состояния, ни своей жизни. Они обязаны поступать так по закону своей страны, установленному во времена той самой революции, к коей взывают для обоснования своих вымышленных прав члены злополучного общества, злоупотребляющие именем нашей революции.

Господа из Старого Гетто пространно рассуждают о революции 1688 года, но на самом деле их глаза и сердца столь прикованы к революции, коя произошла в Англии лет за сорок до нее, а также к недавней Французской революции, что они непрестанно путают все эти три революции. Но нам необходимо разграничить то, что они путают. Мы должны сверить их ошибочные фантазии с актами революции, кою мы почитаем, дабы обнаружить истинные ее *принципы*. А если вообще можно где-нибудь обнаружить *принципы* революции 1688 года, так скорей всего в документе, озаглавленном "Декларация о праве"¹⁵⁾. В этой предельно мудрой, трезвой и обдуманной декларации, составленной великими юристами и государственными деятелями, а не пылкими в своей неопытности энтузиастами, не сказано ни единого слова, не сделано ни единого предположения о праве "избирать себе правителей, низлагать их в случае недостойного поведения и вырабатывать для себя образ правления".

Сия Декларация о праве является краеугольным камнем нашей конституции, подкрепившей, разъяснившей и усовершенствовавшей ее основные, навечно установленные принципы. Декларация сия именуется "Акт, провозглашающий права и свободы подданных, а также устанавливающий порядок престолонаследия". Заметьте, что права и порядок престолонаследия провозглашаются в едином документе, они неразрывно соединены друг с другом.

Несколько лет спустя представилась еще одна возможность установить право избрания монарха. В связи с отсутствием наследников у короля Вильгельма, а также принцессы, будущей королевы Анны, вопрос о по-

рядке престолонаследия и дальнейшем обеспечении народных свобод вновь сделался предметом обсуждения в парламенте. Были ли на этот раз сделаны какие бы то ни было поползновения обосновать права на престол теми незаконными революционными принципами, кои проповедуют господа из Старого Гетто? Нет. Законодатели и на сей раз следовали принципам Декларации прав, уточнив, что наследовать должны представители протестантской ветви династии. В этом акте также одновременно содержались и наши свободы, и правила наследственной передачи престола. Вместо права "избирать себе правителей" в нем провозглашалось, что престолонаследие по указанной линии (то есть по линии протестантской, восходящей к Иакову I) совершенно необходимо "для мира, спокойствия и безопасности королевства", а также, что столь же настоятельно необходимо "сохранять в дальнейшем *непреложность порядка престолонаследия*, дабы подданные могли спокойно прибегать к королевской власти для защиты своих прав". Оба эти акта, в которых слышится несомненный и недвусмысленный отклик политики, характерной для нашей революции, а отнюдь не поощрение обманчивых и мошеннических предсказаний о "праве избирать своих правителей", показывают, как далека была мудрость нации от того, чтобы превратить единый случай, продиктованный необходимостью, в закон.

Несомненно, во время революции особа короля Вильгельма означала небольшое и временное отклонение от строгого порядка наследственной передачи престола; однако противоречило бы всем истинным принципам законности выводить принцип из постановления, принятого по особому случаю и касательно одного конкретного лица. "*Privilegium non transit in exemplum*"¹⁶⁾. Если было когда-либо время, благоприятное для установления принципа, что король, избранный по воле народа, является единственно законным государем, то это, несомненно, было время Революции. И раз в то время таковой принцип не был установлен; значит, нация

придерживалась мнения, что сего не следует делать никогда. Нет человека, настолько несведущего в нашей истории, чтобы не знать, что парламентское большинство обеих партий столь мало было расположено к чему-либо, напоминающему сей принцип, что в парламенте сперва намеревались возвести на пустующий престол не принца Оранского, а супругу его Марию, дочь короля Иакова, старшую среди отпрысков сего короля и признанную его несомненным потомком¹⁷⁾. Пришлось бы повторять избитую историю, если б я пожелал напомнить вам все обстоятельства, кои продемонстрировали, что признание короля Вильгельма не было, в сущности, избранием; однако для всех тех, кто не желал, следуя примеру короля Иакова, ввергать свою страну в кровопролитие и вновь подвергнуть религию, законы и свободы опасности, коей они лишь незадолго до того избежали, акт этот был необходимостью, в самом строгом нравственном смысле слова "необходимость".

Любопытно отметить, как в том самом акте, в коем временно и для единственного случая парламент отступил от строгого порядка престолонаследия в пользу принца, который, хоть и не являлся следующим наследником, но был очень близок к престолу по линии престолонаследия, лорд Сомерс¹⁸⁾, составивший билль, названный "Декларацией о праве", справился с этим деликатным затруднением. Любопытно, как умело он отодвигает это временное решение на задний план, тогда как все, что можно найти в этом продиктованном необходимостью акте для поддержания идеи наследственной передачи престола, всячески выдвигается и подчеркивается сим великим человеком, а также следовавшими за ним законодателями. Отходя от сухого, повелительного стиля парламентских актов, он направляет членов Палаты лордов и Палаты общин на путь выражения горячей и благочестивой признательности за то, что они почитают "знаком чудесного провидения и милосердной благодати Господа к английскому народу, что Он счаст-

ливо сохранил королевские особы Их Величеств, дабы они могли править нами, восседая на *троне своих предков*, за что депутаты приносят Господу свою смиренную благодарность и хвалу из глубины сердца". Законодатели со всею очевидностью подражали биллям о восшествии на престол королевы Елизаветы I и Иакова I. В обоих указанных актах торжественно провозглашается наследственная природа королевской власти, и "Декларация прав" во многих разделах следует им с буквальной точностью, как в выражениях, так и в форме изъяснения благодарности, содержащихся в этих древних актах.

Обе палаты в Акте о восшествии на престол короля Вильгельма благодарят Господа не за то, что им представилась прекрасная возможность установить право народа "избирать себе правителей", а уж того менее - за возможность сделать выборы "единственным законным основанием королевской власти". Именно то, что они сумели избежать даже видимости чего-то подобного, и было воспринято ими как помощь Провидения. Они поспешили благоразумно набросить покров на все обстоятельства, способные ослабить законные права престолонаследия, кои они желали увековечить, на обстоятельства, кои могли бы сделаться прецедентом для любого будущего отступления от закона, установленного ими во веки веков. Точно так же, стремясь ни в коей мере не ослаблять устоев монархии и сохранять связь с обычными предками, как они выступают в Актах о восшествии на престол королевы Марии и королевы Елизаветы, законодатели в следующем же параграфе облачают Их Величества *всеми* законными прерогативами короны, провозглашая, что "они облечены этими правами на самом *полном*, законном основании". В последующем параграфе для предотвращения вопросов и во избежание любых иных толкований права на корону законодатели провозглашают (придерживаясь при этом традиционных оборотов речи, а также традиционной политики страны, как это делалось в предшествующих

Актах о восшествии на престол Елизаветы и Иакова), что отныне "единство, мир и спокойствие нашего государства с Божьего соизволения всецело зависит от соблюдения непреложного порядка престолонаследия".

Тогдашние законодатели знали, что сомнительное право на престолонаследие будет слишком напоминать избрание, а избрание может стать в высшей степени пагубным для "единства, мира и спокойствия нашего государства" - соображения, имевшие для них немаловажное значение. Дабы обеспечить достижение сих целей, и таким образом исключить навсегда доктрину господ из Старого Гетто о "праве избирать себе правителей", наши законодатели включили далее параграф, содержащий торжественное обязательство, заимствованное из предшествующего Акта о восшествии на престол Елизаветы - обещание, наиболее торжественное из всех когда-либо сделанных в пользу наследственной передачи престола, и тем самым торжественнейшим образом отреклись от принципов рассматриваемого нами общества. "Лорды духовные и светские, а равно представители общин от имени вышеупомянутого народа смиренно и преданно вручают навсегда себя, своих наследников и потомство воле Их Величеств и верноподаннейше обещают, что будут повиноваться Их Величествам и защищать их, а также ограничения престолонаследия, кои были здесь поименованы, всеми своими силами", и прочая, и прочая.

Утверждение, будто революция дала нам право избирать себе короля, настолько далеко от истины, что даже если бы английский народ и обладал им прежде, то во время революции он торжественно отрекся от него для себя, а также для своих потомков на веки вечные. Господа из Общества революции могут сколь угодно гордиться собою как поборниками принципов вигов. Однако я не желаю ни почитаться лучшим вигом, чем лорд Сомерс, ни понимать принципы революции лучше тех, кто ее совершили, ни вычитывать в Декларации о праве такие тайны, о коих и не подозревали те, чья проница-

тельность запечатлела в наших законах и в наших сердцах слово и дух сего бессмертного закона.

Верно, что в силу обстоятельств наш народ был в то время в некотором смысле волен избрать подобающий способ заполнить пустующий трон, но волен лишь на тех самых основаниях, исходя из коих можно было вообще отменить монархию и любую другую составляющую нашей конституции. Однако предки наши не взяли на себя совершение столь смелых преобразований. В самом деле трудно, а быть может и невозможно, ставить ограничения самой *отвлеченной* правомочности верховной власти, подобной той, какой обладал в те времена парламент; однако ограничения *моральной* правомочности, подчиняющей даже в наиболее независимых правящих инстанциях случайную волю постоянному разуму, а также устойчивым повелениям веры, справедливости и установленной политики, совершенно внятны, и обязывают всех, кто облечен любой властью в нашей стране, независимо от того, как эта власть именуется и по какому праву исполняется.

К примеру, Палата лордов не имеет морального права распустить Палату общин или даже распустить самое себя или отречься, если она того пожелает, от какой-либо части законодательных прав в нашем королевстве. Король, хотя и может отречься, сложив власть со своей особы, но не может отменить монархию. Согласно столь же или даже еще более веским основаниям, Палата общин не может сложить с себя своей доли ответственности. Обязательство и общественный договор, обычно называемый конституцией, запрещает такое посягательство на права и такое отречение. Законодательные органы государства обязаны сохранять доверие общества и друг друга, а также всех, кто проявляет серьезный интерес к оным обязанностям, точно так же как государство в совокупности обязано честно исполнять свой долг по отношению к отдельным своим частям. Иначе правомочность и власть скоро смешаются, и не останется иного закона, помимо воли того, кто сильнее. Исходя из

этого принципа, порядок престолонаследия всегда был тем, чем и поныне остается, - то есть законным наследованием престола: в прежней линии порядок этот определялся обычным правом; в новой - писаным законом, каковой действует согласно принципу общего права, и не изменяя сути, регулирует его характер и определяет ту или иную особу. Обе эти разновидности права имеют одинаковую силу, исходящую из равных прав власти, питаемой общим соглашением и первоначальным договором в стране, *communī sponsione republicae*¹⁹⁾ и как таковые одинаково обязывают короля и народ, коль скоро соблюдаются принятые условия, те продолжают прежнюю единую политику.

Если мы сами не запутаемся в лабиринтах метафизической софистики, то вполне возможно примирить существование твердо установленного правила и случайного отклонения от него; святость наследственного принципа престолонаследия наших правителей и возможность изменения его применительно к случаям чрезвычайным. Даже и в таком из ряду вон выходящем случае (если считать мерилom наших прав то, как они применялись во время революции) изменения надлежит ограничить одною лишь несоответствующей стороной - той, которая вызвала необходимость в отклонении, причем даже тогда изменения следует проводить, не разрушая целостности гражданских и политических установлений, имея целью создать новый гражданский порядок из первичных элементов общества.

Государство, лишенное средств к введению определенных изменений, не имеет и средств для самосохранения. Без таких средств ему грозит даже потеря той части конституции, каковую оно стремится благоговейно сохранить. Два этих принципа: сохранения и исправления - мощно действовали в продолжение двух критических периодов - Реставрации и Революции, когда Англия оказалась без короля. В обе эти эпохи нация утратила узы единства, скреплявшие ее древнее здание, однако весь его состав не распался. Напротив, в обоих

случаях недостающие части прежнего строения возродились чрез посредство не пострадавших частей. Старые части были сохранены именно там, где они были прежде, с тем, чтобы восстановленная часть могла быть под них подогнана. Законодатели использовали древние формы государственного образования в старинном их соотношении, а не опирались на органические частицы рассеявшегося народа. Никогда, пожалуй, законодатели не проявили более осторожности к исконным основам британского уложения, чем во время революции, когда произошло отклонение от прямой линии принципа наследственной передачи престола. Корона перешла не совсем по прямой линии, по коей передавалась прежде, но новая ветвь выросла из того же ствола. Она по-прежнему оставалась линией наследственной передачи престола - наследственного престолонаследия в той же династии, но исключительно протестантской ветви. Когда законодатели, изменив направление, сохранили принцип, они тем самым показали, что принцип этот почитают нерушимым.

На основе этого принципа в закон о наследственной передаче престола была некогда, задолго до революционной эпохи, внесена поправка. Вскоре после завоевания Англии норманнами возникли серьезные вопросы касательно законных принципов наследственного престолонаследия, а именно того, должен ли наследовать престол наследник *per capita* или *per stirpes*²⁰⁾. Однако безотносительно к тому, отступал ли наследник *per capita*, когда происходило наследование *per stirpes*, или же наследник католического вероисповедания должен был уступить престол наследнику-протестанту, невзирая на эти превращения, самый принцип наследственного престолонаследия всегда сохранялся - *multosque per annos stat fortuna domus et avi numerantur avorum*²¹⁾. Таков дух нашей конституции - не только в ее установившемся течении, но и во всех преобразованиях, кои она претерпела. Кто бы ни всходил на престол, и как бы ни доставалась новому королю корона - закон-

ным путем или силой - наследственность ее передачи либо продолжалась, либо устанавливалась вновь. Господа из Общества революции не видят в революции 1688 года ничего, кроме отклонения от общего законоуложения, они принимают отклонение от принципа за самый принцип. Они мало учитывают очевидные последствия своей доктрины, хотя должны бы видеть, что та оставляет положительную власть за очень небольшим числом институций, существующих в нашей стране. Когда единожды введено такого рода недопустимое правило, гласящее, что власть государя законна только в случае его избрания, то ни один из актов тех государей, кои предшествовали эпохе незаконных выборов, не может оставаться в силе. Неужто сии теоретики намерены подражать некоторым из своих предшественников, вытаскивавшим тела наших прежних властителей из гробниц, где они покоились? Неужто они намерены задним числом бесчестить и делать неспособными всех королей, царствовавших до революции, а следовательно, запятнать трон Англии позором непрерывной узурпации? Намерены ли они объявить неправомерными и отменить или даже поставить под сомнение, вместе с целой королевской династией, основную часть нашего уложения, которая была принята в правление тех, кого они почитают узурпаторами? Намерены ли они отменить законы, имеющие несравненную ценность для наших свобод - ценность, не меньшую, по крайней мере, чем любой другой закон, принятый во время или после революции? Если короли, кои не обязаны короною выбору народа, не имели права принимать законы, то что же станет с актом *de tallagio non concedendo*? С Петицией о праве? С Актом *habeas corpus*²²⁾? Неужели наши новоявленные доктора прав человека осмеливаются утверждать, что король Иаков II, унаследовавший корону по праву ближайшего родства, исходя из законов неограниченного тогда принципа наследственного престолонаследия, не был в каком-либо отношении законным королем Англии прежде, чем он совершил все

те поступки, которые были совершенно справедливо признаны основанием для его отречения от престола? Если б он не был законным королем, парламент мог бы избежать многих забот в ту эпоху, память о которой все эти господа желают увековечить. Король Иаков II был плохим, но законным королем, а отнюдь не узурпатором. Государи, взошедшие на престол согласно парламентскому акту, давшему корону курфюрстине Софии и ее потомкам, являющимися протестантами, обладали столь же законными правами на престол, как ранее король Иаков. Он взошел на престол согласно закону - такому, каков он был в ту эпоху; а государи из династии Брунсвиков также унаследовали корону не на основе избрания, но на основе закона - такого, каков он был, то есть с ограничением о наследовании престола только протестантами - надеюсь, я уже достаточно разъяснил это.

Закон, согласно коему сей королевской фамилии было суждено взойти на престол - это Акт о престолонаследии короля Вильгельма. Этот акт обязывает "нас, наших наследников и все наше *потомство* быть подданными их наследников и их *потомства*", кои будут протестантами, на веки вечные - в тех же самых словах, в каких Декларация о праве обязывает нас быть подданными наследников короля Вильгельма и королевы Марии. Таким образом, закон обеспечивает наследственность королевской власти и наследственность верноподданства. На каком основании, кроме законной политики, направленной на обеспечение такого рода престолонаследия, которое должно навсегда предотвратить избрание монарха народом, могли бы наши законодатели столь прихотливо отвергнуть превосходный выбор, имевшийся в отечестве, и искать в далеких землях чужестранную принцессу, дабы династия наших будущих властителей, явившихся на свет из ее чрева, имела законное право повелевать миллионами людей на протяжении веков?

Принцесса София была упомянута в Акте о престоло-

наследии как принадлежащая к *роду* наших королей, а отнюдь не по ее заслугам, не как временная распорядительница той власти, которою она могла бы и не воспользоваться и в действительности не воспользовалась. К ней обратились лишь по одной причине, поскольку, как говорилось в акте: "...Ее Превосходительство принцесса София, курфюрстина и вдовствующая герцогиня Ганноверская, является *дочерью* высокочтимой принцессы Елизаветы, покойной королевы Богемской, *дочери* нашего покойного *повелителя, короля* Иакова Первого блаженной памяти и потому она объявляется следующей *наследницей* по протестантской линии", и прочая и прочая; "...корона же будет и далее передаваться наследникам, кои будут протестантами". Последнее ограничение было сделано парламентом ради того, чтобы через принцессу Софию линия наследования не только продолжалась в будущем, но (и члены парламента полагали это весьма существенным), чтобы через нее эта линия восходила к прежнему королевскому роду, а именно к королю Иакову Первому; ради того, чтобы монархия могла сохранить свое непрерывное единство на протяжении всех веков и смогла сохраниться (с безопасностью для нашей религии) в древнем, освященном веками порядке престолонаследия, при коем если даже права наши и бывали подчас нарушены, но все же сохранялись, несмотря на все потрясения. Наши законодатели оказались воистину предусмотрительны. Мы на опыте убедились, что при любом другом порядке правления, кроме наследственной королевской власти, наши свободы не могут быть навечно сохранены священными в качестве наследственных наших прав. Судорожное движение может быть необходимо, когда надлежит отбросить прочь судороги болезни. Однако порядок престолонаследия является здоровой привычкой британского законодательства. Быть может, законодатели наши не отдавали себе отчета в том, что ограничение права наследования по Ганноверской линии, через женских потомков Иакова Первого, должно повлечь за со-

бою определенное неудобство, ибо два или три, а возможно и более иностранцев оказывались наследниками британской короны? Нет! Они вполне сознавали все зло, кое могло произойти от такого иноземного правления. Нельзя, однако, дать более решительного доказательства полной убежденности народа Британии в том, что принципы революции не уполномочивают его избирать королей по своей воле, не обращая внимания на древние исконные основы нашего правления, чем то, что законодатели наши все же приняли план наследования престола древним родом по его протестантской линии, прекрасно сознавая все неудобства и опасности, возникавшие от того, что род этот стал иностранным...

Несколько лет назад я бы постыдился обременять предмет, не нуждающийся в моей защите, какими бы то ни было доводами. Однако подстрекательская, незаконная доктрина избрания королей теперь публично провозглашается, преподается и распространяется в печати. Неприязнь моя к революциям, призыв к коим так часто раздавался с амвона, дух перемен, отправленный в изгнание, господствующее у вас и могущее распространиться у нас всеобщее презрение ко всем древним установлениям, противоречащим выгодам сегодняшнего дня или сиюминутным настроениям, - все эти соображения заставляют думать, что небесполезно будет обратить внимание на истинные принципы нашего внутреннего законодательства - дабы Вы, мой французский друг, узнали их, а мы продолжали и далее их лелеять. Народы наши, каждый по свою сторону пролива, не должны допустить, чтобы нас обманули подделками, кои некоторые лица, совершая двойной подлог, вывозят к вам в таре с двойным дном как плоды, возвращенные на британской почве (хотя они совершенно чужды ей), а позднее намереваются контрабандой ввезти их назад в нашу страну, после того, как они пройдут обработку в соответствии с последней парижской модой на улучшенную свободу.

Народ Англии не станет подражать этой неизвестной

ему моде, и не пойдет за теми, кто был изобличен в мошенничестве. Он почитает законную наследственную передачу престола одним из своих прав, а не нарушением оных, благодеянием, а не основанием для недовольства, залогом своей свободы, а не клеймом рабства. Он видит в своей государственности, *такой, какова она есть*, неоценимое достоинство, он почитает ненарушимость престолонаследия залогом прочности и незыблемости всех остальных составляющих нашего законодательства.

С вашего позволения, прежде, чем продолжить, я желал бы коснуться некоторых жалких проделок, к коим готовы прибегнуть проповедники выборов, как единственного законного права на престол, дабы возбудить отвращение к справедливым принципам нашей законности. Всякий раз, как вы принимаетесь отстаивать наследственную природу престолонаследия, эти софисты подменяют ее ложным тезисом и указывают на вымышленных лиц, в чьих интересах вы якобы выступаете. Они обычно рассуждают так, как если бы вступали в спор с какими-то фанатиками рабства, что прежде утверждали тезис, который теперь, я полагаю, уже не поддерживает ни одна душа, а именно, "что корона дана королю по божественному, наследственному и неотчуждаемому праву". Эти старозаветные фанатики единой самодержавной неограниченной власти, застывшей догмы, утверждали, будто наследственное королевское право есть единственная законная форма правления, которая существует на свете, - и точно также наши новоявленные фанатики народовластия утверждают, что народный выбор есть единственный источник законной власти. Верно, старые приверженцы королевских привилегий нередко повторяли неразумное и, быть может, также неблагочестивое утверждение о том, что монархия более угодна Богу, нежели любая иная форма правления; как если бы право властвовать, полученное по наследству, было строго неотчуждаемым у любого лица, которое окажется на престоле, и при всех обстоятельст-

вах, чего нельзя сказать ни об одном гражданском или политическом праве. Однако абсурдное мнение относительно королевского наследственного права на корону не преуменьшает другого разумного права, которое покоится на твердых принципах законности и благоразумия. Если бы все бессмысленные теории юристов и богословов лишали права на существование все те предметы, о коих они трактуют, на свете не осталось бы ни закона, ни религии. Однако безрассудная теория, проповедуемая одной стороной, не оправдывает ссылок на ложные факты или выдвижения злонамеренных принципов другою стороною.

Второе требование Общества революции - "право низлагать дурных правителей". Быть может, опасения, кои имелись у наших предков насчет прецедента "низложения дурных правителей" и были причиной того, что акт, объявлявший об отречении короля Иакова, был (если можно найти в нем какие-то недостатки) скорее чересчур осторожен, слишком изобиловал оговорками²³⁾. Чрезмерная осторожность в оборотах, нагромождение разъяснений и оговорок свидетельствуют об осмотрительности, господствовавшей на парламентских совещаниях, - и это тогда, когда люди, раздраженные прежним угнетением и разгоряченные победой над ним, способны, забывшись, поддаться искушению крайних и насильственных мер. Сей избыток осторожности показывает, как заботились великие люди, влиявшие на ход дел в тех великих событиях, о том, чтобы революция стала матерью успокоения, а не колыбелью будущих революций.

Ни одно правительство не могло бы удержаться и минуты, если его можно было бы сместить за нечто столь неясное и неопределенное, как "дурное управление". Те, кто возглавляли революцию, не обосновывали предполагавшегося отречения короля Иакова подобными легковесными и неясными принципами. Они обвинили его в преступном намерении, проявившемся во множестве конкретных действий, ниспровергнуть протестант-

скую церковь и государство, а также их *основные* неоспоримые законы и вольности; они обвинили его в нарушении исконного договора между королем и народом. Это было нечто гораздо большее, чем "дурное правление". Серьезная, господствующая над всеми прочими соображениями необходимость заставила их предпринять шаг, который они совершили с величайшим нежеланием и только под давлением этого неумолимого из законов. Их вера в то, что конституция сохранится и впредь, не основывалась на будущих революциях. Величайшее благоразумие всех их установлений состояло в том, что для любого из будущих властителей стало совершенно невозможно принуждать хранителей государственной законности королевства вновь прибегать к подобным опасным средствам. Они оставили корону такой, какой она всегда была в оценке закона - то есть совершенно не ответственной ни пред кем. А дабы еще более облегчить бремя королевской власти, они возложили еще большую ответственность на государственных министров. Согласно Первому акту парламента короля Вильгельма, 2-го заседания, озаглавленному "Акт о провозглашении прав и вольностей подданных, а также порядка престолонаследия", они постановили, что министры должны служить короне, исходя из условий, перечисленных в данном акте. Вскоре они предписали законом проводить *частые заседания парламента*, посредством чего все правительство должно находиться под непрерывным наблюдением и контролем представителей народа и вельмож королевства. В следующем великом законодательном акте, именно в 12-м и 13-м актах парламента короля Вильгельма в целях дальнейшего ограничения королевской власти и лучшего обеспечения прав и вольностей подданных они предусмотрели, "что никакое помилование, скрепленное великой печатью Англии, не может служить основанием, отменяющим обвинение, вынесенное парламентской Палатой общин". Предписание, изложенное в "Декларации о праве", постоянный надзор со стороны парламента,

практическую возможность обвинения высших лиц они полагали несравненно лучшим средством обеспечения не только своих конституционных свобод, но также лучшим противоядием против пороков правления, нежели столь малоосуществимое и столь неясное по своей сути, столь чреватое пагубными последствиями установление как "право низлагать своих правителей".

В упомянутой проповеди доктор Прайс весьма обоснованно клеймит позором обращения к королю, исполненные грубой лести. Вместо употребления сего лицемерного стиля он предлагает, обращаясь к королю с поздравлениями, напоминать Его Величеству, что тому следует почитать себя скорее слугою, нежели повелителем своего народа. Право же, таковая новая форма приветствия не представляется особо утешительною. Те, кто является слугами по названию, как и по сути, не любят, когда им напоминают об их состоянии, их долге и обязанностях. В старинной пьесе раб говорит своему господину: "*Haec commemoratio est quasi exprobratio*"²⁴⁾. Такое напоминание не назовешь любезным, да и как назидание оно вряд ли окажется полезно. В конце концов, если бы король должен был отвечать на новые эти приветствия в сходных выражениях и даже взял бы в качестве королевского титула наименование "Слуга Народа", то мне, право же, трудно вообразить, как это могло бы способствовать исправлению и его, и нашему. Мне неоднократно приходилось видеть весьма надменные письма, подписанные "ваш покорнейший слуга". Самый отъявленный деспотизм, существовавший когда-либо на земле, выступал в личине еще большего смирения, чем то, какое предлагает усвоить королям наш апостол свободы. Властители и народы попирались ногой того, кто величал себя "Слугою Слуг", а указы о низложении государей скреплялись печатью "Рыбара"²⁵⁾.

Я счел бы все эти рассуждения попросту легкомысленными и бесполезными, почел бы их тлетворным дымом, в коем для иных испаряется дух свободы, если бы

они не были явно связаны с идеей о "низложении дурных правителей". Однако в свете этого положения на них следует остановиться.

Короли в некотором смысле, несомненно, являются слугами народа, коль скоро их власть не имеет иных разумных целей, кроме общего блага; неверно, однако, что они являются чем-то вроде слуг в обычном смысле слова (по крайней мере, согласно нашей конституции). Суть положения слуги состоит в том, что он должен подчиняться приказаниям другого, и по воле сего другого может быть заменен. Но король Великобритании никому не подчиняется; все прочие люди как вкуче, так и по отдельности, стоят ниже его и обязаны по закону подчиняться ему самому. Закон, не способный ни льстить, ни оскорблять, называет этого высшего правителя не слугою нашим, но именует его "Король, наш верховный повелитель", и мы, со своей стороны, научились выражаться лишь на простом языке закона, а не на путаном наречии проповедника из Общества революции.

Поскольку же не король должен подчиняться нам, а мы должны подчиняться закону в его лице, в нашем законодательстве не предусмотрено никакого способа возложить на него, точно на слугу, какой бы то ни было ответственности. В нашей конституции нет ничего подобного *Justicia* королей Арагона²⁶⁾, никакого назначаемого законом суда, никакого законного процесса, посредством коего можно законно призвать короля к ответственности, такой же, как и у прочих слуг. В этом отношении он не отличается от представителей палаты общин или лордов, которые в пределах исполнения своих обязанностей никогда не обязаны давать отчета в своем поведении, хотя Общество революции предпочитает утверждать, вступая в прямое противоречие с самою мудрою и благородною частью нашей конституции, "что король не более, чем первый слуга общества, поставленный обществом и *несущий перед ним ответственность*".

Заслуживали бы наши предки, жившие во время революции, своей славы, если бы они не обеспечили свою свободу иначе, как ограничив возможность действий верховной власти, лишив ее устойчивости; если бы они не нашли лучшего средства против произвола, чем гражданская неразбериха. Пусть эти господа укажут, кто те *представители* общества, пред коими король, подобно слуге, будет ответствен. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы предъявить им действующее положение закона, утверждающее, что король отнюдь не ответствен перед ними.

Церемония низложения королей, о которой так много рассуждают эти господа, может лишь в редчайших случаях - если это вообще возможно - совершаться без применения силы. Тогда этот ритуал становится поводом к войне, а не к введению конституции. Пред лицом оружия закону приходится держать язык за зубами, а суды рушатся вместе с миром, который они более не в состоянии поддерживать. Революция 1688 года победила в справедливой войне, в единственных в своем роде обстоятельствах, когда война, а того более - гражданская война - может быть справедливою. *Justa bella quibus necessaria*²⁷⁾. Вопрос о свержении с трона, как предпочитают выражаться эти господа, вопрос о "низложении королей", всегда был и всегда будет вопросом исключительным в жизни государства, вопросом всецело незаконным, вопросом, который вытекает (подобно другим вопросам государственной жизни) более из действительных возможностей, средств и учета вероятных последствий, чем из действующих прав. И поскольку он касается не обычных злоупотреблений, то не решается обычными умами. Умозрительная линия, та граница, за которою должно прекратиться повиновение и начаться сопротивление, - нечетка, запутанна, ее нелегко прочертить. Она определяется не одним поступком и не одним событием. Должно совершиться действительное злоупотребление властью, прежде чем вообще можно помыслить о подобном деле, и виды на будущее не дол-

жны сулить ничего лучшего, чем горький опыт прошлого. Когда положение делается столь прискорбным, сама природа болезни подсказывает средства исцеления тем, кто по натуре своей был призван управлять смятенным государством на сем решающем, противоречивом и мрачном отрезке пути. Время, возможности и побуждения станут их наставниками. Мудрый решится действовать исходя из серьезности положения, вспыльчивый - от ощущения угнетения, благородный - из-за презрения и возмущения злоупотреблением властью, оказавшейся в недостойных руках, смелого подвигнет стремление встретить опасность в почетной борьбе за правое дело, но - с правом или без него - революция все же останется самым последним выходом для людей мыслящих и достойных.

Третье право, провозглашенное проповедником из Старого Гетто, а именно "право учреждать для себя образ правления", находит так же мало поддержки во всем, что совершалось во время революции на деле, или в самых ее принципах, как и два первых права, им провозглашенных. Революция была совершена ради сохранения древних неоспоримых законов и вольностей, и того древнего образа правления, который один только защищает эти законы и вольности. Если вы желаете узнать дух нашей конституции, а также политику, преобладавшую в ту великую эпоху, которая сохранила ее до сего дня, то взгляните на наши исторические хроники, на акты нашего парламента, а не вслушивайтесь в проповеди, произносимые в Старом Гетто, или в послеобеденные тосты Общества революции. В первых вы найдете совсем иные идеи и выражения. Требование "учредить для себя образ правления" столь же плохо сочетается с нашим нравом и желаниями, насколько не находит поддержки в любой власти. Самая идея об учреждении нового образа правления уже наполняет нас отвращением и ужасом. В эпоху революции англичане желали, как желаем мы и теперь, видеть во всем, чем мы владеем, *наследие своих предков*. К этому наследст-

венному стволу мы остерегались прививать какие бы то ни было побеги, чуждые природе основного растения. Все реформы, нами доселе произведенные, зиждились на принципе верности старине. И я надеюсь - нет, я верю, что все реформы, кои, возможно, будут произведены впоследствии, также будут основываться на аналогичных прецедентах и примерах.

Самая древняя реформа есть реформа Великой хартии вольностей. Вы заметите, что сэр Эдвард Кок, этот великий знаток наших законов, а также все знаменитые его последователи, вплоть до Блэкстона, умело прослеживали родословную наших вольностей²⁸⁾. Они стремились доказать, что эта старинная хартия короля Иоанна Безземельного была связана с другой хартией короля Генриха Первого, а также что обе они суть не что иное, как подтверждение еще более древнего, действовавшего в нашем королевстве закона. В сущности, в большинстве случаев эти авторы оказываются правы, хотя, быть может, не всегда. Но если юристы и ошибаются в некоторых частностях, то это еще более подтверждает мое положение, показывая, насколько мощна у нас склонность к старине и традиции, ибо все законодатели и правоведы, а также и все люди, на коих они стараются повлиять, всегда были преисполнены ею. И неизменная политика нашего королевства состоит в том, что все его наиболее священные права и вольности почитаются *наследственными*.

В прославленном законе парламента 3-го созыва короля Карла I, именуемом "Петиция о праве", парламент обращается к королю со словами: "ваши подданные унаследовали эту свободу, обосновывая свои вольности не отвлеченными принципами, вроде "прав человека", но правами англичан, наследием своих предков". Селден²⁹⁾ и другие высокоученые люди, написавшие "Петицию о праве", были по меньшей мере столь же знакомы с общими теориями касательно "прав человека", как и все члены Общества революции или ваши трибуны, и не менее хорошо, чем доктор Прайс или аббат Сьей-

ес³⁰⁾. Однако, исходя из здравого смысла, заменявшего им теоретические знания, они предпочли это действующее, занесенное в анналы истории, наследственное обоснование всем прочим обоснованиям, дорогим сердцу человека и гражданина, всем этим туманным умозрительным правам, допускавшим, чтобы их несомненное наследственное достояние могло быть поставлено под удар и растаскано по клочкам всяческими сутягами, одержимыми духом сумасбродства.

Та же политика понижает все законы, кои с тех пор были приняты для сохранения наших свобод. В знаменитом 1-ом акте парламента короля Вильгельма и Марии, озаглавленном "Декларация о праве", обе палаты парламента не произносят ни звука о праве учреждать для себя образ правления. Вы увидите, что вся их забота была о том, как охранить религию, законы и вольности, коими они издавна обладали, и которые незадолго до этого оказались под угрозой. "Принимая к самому серьезному рассмотрению *наилучшие* средства для обеспечения того, чтобы их религия, законы и вольности не оказались вновь подорванными", они предваряют свои труды выражением решимости всегда поступать так, "как обыкновенно поступали в подобных случаях их предки, отстаивая свои старинные права и вольности", - а затем умоляют короля и королеву: "...должно быть провозглашено и установлено, что все до единого утвержденные и провозглашенные права и вольности суть истинные, старинные и несомненные права и вольности народа сего королевства".

Вы можете заметить, что, от Великой хартии вольностей до Декларации о праве, наша конституция всегда утверждала и обосновывала наши свободы как наследие, полученное нами от предков, которое надлежит передать потомству, как достояние, принадлежащее народу нашего королевства, без упоминания каких-либо иных более общих или первенствующих прав. Таким образом наша конституция сохраняет единство во всем великом разнообразии составляющих его частей. У нас

есть наследственная передача престола, наследственное пэрство, а также палата общин и народ, наследующий привилегии свободы и вольности вслед за длинной чередой предков.

Такая направленность представляется мне результатом глубокого размышления или, скорее, счастливого следования природе, являющей собой мудрость, не нуждающуюся в размышлении и стоящую выше всяких рассуждений; тогда как дух нововведений обычно является следствием самовлюбленности и ограниченного взгляда на мир³¹⁾. Люди не станут думать о своем потомстве, если оно, в свою очередь, не будет оглядываться на предков. Кроме того, англичане хорошо знают, что идея наследия питает собой надежный принцип сохранения и надежный принцип передачи, отнюдь не исключая принципа совершенствования. Идея эта оставляет простор для приобретения нового, но она обеспечивает сохранность приобретенного. И каких бы успехов не достигало государство, живущее на таких основах, все они надежно сохраняются как фамильное состояние, как навеки неотчуждаемая собственность. Согласно нашей конституции, следующей законам природы, мы получаем существующий в стране образ правления со всеми привилегиями, им даруемыми, пользуемся ими и затем передаем их потомкам - точно так же, как передаем им нашу домашнюю собственность и самую жизнь. Политические установления, богатство и дары Провидения - все они сходным образом передаются нам, а затем от нас далее. Наша политическая система пребывает в четком соответствии и симметрии и с мировым порядком, и с тем способом существования, какой предписан вечному организму, состоящему из преходящих частей, - так промышлением изумительного разума, в великом таинстве воплощения рода человеческого целое не бывает старым, или среднего возраста, или молодым, но пребывает в состоянии неизменного постоянства, продолжая свое движение по разнообразным путям, в извечной смене упадка, умирания, обновления

и движения вперед. Так, сохранив заведенный в природе порядок в ведении наших государственных дел, мы никогда не бываем совершенно новы в вводимых улучшениях, а в том, что сохраняем, никогда не устареваем. Наша приверженность заветам предков проистекает не из предрассудков, свойственным антикварам, но из духа философической аналогии. Выбрав принцип наследования, мы придали нашему образу правления вид кровного родства, связав законодательство своей страны с любезными нашему сердцу домашними узами, и тем самым основные законы нашего государства вошли в лоно наших семейных привязанностей; все наиболее драгоценные для нас стороны жизни остаются нерасторжимыми, они отражаются друг в друге, и мы, не отделяя одно от другого, лелеем наше государство, домашний очаг, гробницы предков и алтари.

Посредством того же плана сообразности с природой, призывая на помощь ее непогрешимое и могучее чутье, мы укрепляем соображения слабого и подверженного ошибкам разума. Рассматривая наши свободы в свете наследственного достояния, мы обрели и другие немаловажные преимущества. Оттого, что мы в любом важном поступке ощущаем подле себя присутствие предков, память о коих для нас священна, дух свободы, ведущий сам по себе к беспорядкам и излишествах, умеряется сам по себе благоговейной торжественностью. Мысль о нашем благородном происхождении преисполняет нас чувством привычного природного достоинства, предотвращающего наглость выскочек, почти всегда позорящую тех, кто первыми добились какого-либо отличия. Таким образом, наша вольность становится благородной свободой. Она приобретает вид внушительный и величественный. За нею стоит вереница блестящих предков. У них свои гербы, свои знамена, своя галерея фамильных портретов, свои надписи на монументах, хроники и титулы. Мы чтим наши гражданские установления, исходя из тех же принципов, на основе коих природа учит нас почитать отдельных людей - помня

про их возраст и про тех, от кого ведут они свое происхождение. Все ваши софисты не могут выдумать ничего лучше приноровленного для поддержания разумной и мужественной свободы, чем путь, коему следуем мы - путь, предопределивший скорее нашу природу, нежели наши рассуждения, нашу душу, нежели всякого рода соображения касательно прав и привилегий.

Вы могли бы, если бы того пожелали, воспользоваться нашим примером, придав вашей вновь обретенной свободе сообразное достоинство. Ваши права, хоть и нарушенные, не изгладились из памяти. Ваша конституция, покуда вы были лишены ее, успела обветшать, однако у вас все же оставалась часть стен и все основание благородного древнего замка. Вы могли бы починить эти стены, вы могли бы возвести новое строение на древнем основании. Действие вашей конституции было приостановлено еще до того, как она успела усовершенствоваться, но у вас были начала конституции, почти столь же превосходной, какую вы могли бы себе только пожелать. В старинном вашем государственном правлении были разнородные части, соответствующие разным элементам, счастливо сочетавшимся в вашем обществе; у вас было то единство и противоположность интересов, то действие и противодействие, кое и в мире природы, и в мире политики выводит из взаимной борьбы противоборствующих сил гармонию вселенной. Сии противоположные и сталкивающиеся друг с другом интересы, кои вы почитали столь великим изъяном вашей старинной и нашей нынешней конституции, подвергают целительной проверке все поспешные решения. Они делают осмотрительность не вопросом выбора, но необходимостью; они превращают любые изменения в предмет компромиса, каковой естественно способствует умеренности, они вырабатывают нравы, не дающие развиться язве грубых, резких и неограниченных преобразований, они навсегда кладут предел всем безудержным проявлениям произвола как среди немногих, так и среди большинства. За счет такого разнообразия составля-

ющих и интересов, общая свобода приобретала столько охранителей, сколько было разных взглядов в разных сословиях общества; в то же время вес подлинной монархии, сдавливая это разнородное целое, не давал каждой из его составляющих сбиться с пути, сдвинуться с уготовленного ему места.

Вы обладали всеми этими преимуществами в старинном вашем образе правления, однако вы предпочли вести себя так, будто вы никогда не были цивилизованным обществом и вам приходилось все начинать сызнова. Вы заболели, ибо начали с презрения ко всему, что вам принадлежало. Вы пустились в торговлю без капитала. Если последние поколения вашей страны не имели особого блеска в ваших глазах, вы могли, обойдя их, обратиться к более древним вашим предкам, благоговейно склоняясь перед ними. Ваше воображение узрело бы в сих предках образец добродетели и мудрости, стоящие выше грубых потребностей насущного момента, и вы могли бы возвыситься, подражая образцу, вдохновившему вас. Почитая предков своих, вы научились бы почитать самих себя. Вы не сочли бы французов нацией низкородных жалких людишек, появившейся на свет в освободительном 1789 году. Тогда вам не пришлось бы в ущерб своей чести снабжать ваших здешних апологетов непотребными оправданиями ряда чудовищных преступлений, совершенных в вашей стране, вы не удовлетворялись бы тем, что вас изображают бандой беглых негров, которые внезапно вырвались из темницы, и потому для них прощительно злоупотребление свободой, к коей не были они приучены. Разве не было бы, мой достойный друг, мудрее, чтобы о вас думали как о великодушной и отважной нации, каковой, к примеру, всегда почитал вас я, нации, которая, к своему несчастью, слишком долго шла на поводу у высоких романтических представлений о верности, чести и преданности закону? Разве не лучше было бы, если б другие понимали, что хотя обстоятельства и не благоприятствовали вам, но вы не были поработаны; что в самом искреннем пови-

новении вас одушевлял принцип общественного блага; что в особе своей короля вы поклонялись своей стране? Если б вы смогли объяснить, что в этом простительном заблуждении вы зашли дальше, чем мудрые ваши предки; что вы исполнены решимости вновь обрести ваши старинные вольности, сохраняя в то же время дух древней и вечно юной вашей преданности и чести, или же, если чувствуя неуверенность в себе, и уже неясно различая почти стершиеся черты конституции ваших предков, вы обратили бы свой взор на соседей своих, на нашу страну, где вживе сохранились старинные принципы и образцы древнего общего права, некогда существовавшего в Европе, где его усовершенствовали и довели до нынешнего состояния, - то следуя мудрым образцам, вы явили бы миру новые образцы мудрости. Вы сделали бы дело свободы почетным для любого достойно мыслящего человека, принадлежащего к любой нации. Вы заклеили бы деспотизм и показали бы, что свобода (когда она умеряется дисциплиной) не только примирима с законом, но является его необходимой помощницей. У вас были бы не тягостные, но обильные налоговые сборы. У вас была бы процветающая торговля, дабы питать их. У вас было бы свободное законодательство, могучая монархия, дисциплинированная армия, почтенное и реформированное духовенство, умиротворенное, но одушевленное дворянство, способное возглавить народные добродетели, не подавляя их. У вас было бы свободлюбивое сословие простолюдинов, способное подражать дворянству и пополнять его, у вас был бы защищенный, довольный, трудолюбивый и послушный народ, приученный ценить счастье, которое во всех состояниях обретается лишь в добродетели. В этом и состоит истинное равенство человечества, а не чудовищном вымысле, который, возбуждая ложные идеи и тщеславные мечты в людях, осужденных идти темным путем тягостной жизни, лишь отягощает и усугубляет то истинное неравенство, кое никогда нельзя будет устранить, кое установлено порядком цивилизованной жизни столь же ко

благу тех, кому надлежит оставаться в низком состоянии, как и тех, кому удалось возвыситься до положения, более блестящего, но не более счастливого. Пред вами лежал бы гладкий путь развития, благосостояния и славы, достижений, превосходящих все, известное в мировой истории. Но вы доказали, что человек склонен выбирать тернистые пути.

Сделайте расчет: где ваша выгода? Взгляните, чего добились вы сумасбродными и самонадеянными идеями, научившими ваших вождей презирать всех своих предшественников и всех своих современников и даже себя самих вплоть до той минуты, когда они стали воистину достойны презрения. Следуя этим ложным светочам, Франция приобрела неописуемые бедствия за более высокую цену, чем любая другая нация заплатила бы за самые несомненные блага! Франция купила бедность ценой преступления! Франция не принесла своей добродетели в жертву своим интересам, она забыла о своих интересах, дабы бесстыдно торговать своей добродетелью. Все прочие государства начинали строительство нового образа правления или реформу старого, старательно насадив или же введя силой определенные религиозные установления и обряды. Все прочие народы заложили основы гражданской свободы большею строгостью нравов, системой более суровой и мужественной морали. Франция же, вырвавшись из узды королевской власти, удвоила дикую разнузданность нравов и наглое безверие, проявившееся и во мнениях, и в обычаях, она распространила на все сословия все несчастные пороки, являющиеся обычно болезнью богатых и знатных, точно это была некая привилегия или тайное благо. Таков один из новых принципов равенства во Франции.

Франция вероломством своих вождей подорвала доверие государей к увещаниям и советам царедворцев, лишив силы их самые веские доводы. Она освятила темные принципы подозрительности и тиранического безверия, научила королей содрогаться от обманчивого правдолюбия морализаторствующих политиков. Вла-

ститители будут отныне считать тех, кто советует им бес-
предельно верить своему народу, ниспровергателями
престола, предателями, стремящимися их погубить,
опираясь на природную доброту, заставить их под бла-
говидным предлогом разделить власть с дерзкими и ве-
роломными. Одно это (если бы не было прочего) наносит непоправимый урон и вам, и всему человечеству. Вспомните, как ваш парламент в Париже заявил королю, что созыв Генеральных штатов ничем ему не угрожает, что депутаты будут лишь соревноваться между собою в рвении, стремясь поддержать трон. Верно, что люди эти должны теперь прятать глаза. Верно, что они должны нести ответственность за гибель, которую принесли такие советы их государю и их стране. Подобные жизнерадостные обещания усыпляют власть, побуждают ее необдуманно вступить на неведомый путь, чреватый опасными авантюрами, или пренебречь приготовлениями и мерами предосторожности, отличающими добросердечие от глупости, без коих никто не может отвечать за целительное воздействие любого отвлеченного плана правления или введения свобод. Не помышляя о нехватке таких мер, люди эти спокойно наблюдали, как то, что должно было стать лекарством для государства, превращалось в яд. Они спокойно наблюдали за тем, как французы подняли против мягкого и законного государя бунт, проявляя более остервенения и оскорбительного произвола, чем когда-либо высказывал какой-нибудь народ, восставая против самого незаконного из узурпаторов, самого кровавого из тиранов. Их сопротивление было вызвано уступками, их бунт был направлен против тех, кто их защищал; их удар был направлен против руки, раздававшей милости, привилегии и льготы.

Это было противно естеству. Остальное же было в порядке вещей. Люди эти нашли наказание в самом своем успехе. Законы были перевернуты, суды подорваны, в промышленности иссякло оживление, торговля замерла, налоги не собирались, однако народ беднел, церковь

была разграблена, но государство не разбогатело, гражданское и военное беззаконие сделалось законом королевства, все человеческие и естественные начала были принесены в жертву идолу общественного блага, но следствием этого был лишь национальный крах. И венцом всего сделались бумажные ассигнации новой, неустойчивой власти - не вызывавшие доверия ценности обедневшего мошенника, обнищавшего грабителя; эти бумажные деньги были введены взамен двух всем известных и пользовавшихся неизменным доверием монет, исчезнувших и скрывшихся в породившей их земле, когда принцип собственности, созданиями и представителями коего они являлись, стал постоянно нарушаться. Были ли все эти ужасы необходимы? Были ли они неизбежным следствием отчаянной борьбы убежденных патриотов, вынужденных пройти сквозь кровь и мятежи, дабы выбраться на тихий берег, где царствует спокойствие и процветает свобода? Нет! Отнюдь нет! Еще дымящиеся руины Франции, потрясающие нас, куда бы мы ни обратили взора, не суть опустошения гражданской войны; это печальные, но поучительные памятники поспешных и невежественных решений, принятых во времена полного мира. Они свидетельствуют о неразумной и самонадеянной власти, сделавшейся такою вследствие того, что ей не оказывалось никакого сопротивления. Люди, пустившие по ветру сокровища, доставшиеся им ценою преступления, люди, щедро рукою выпустившие на волю все зло, таившееся в обществе (последняя ставка, прибереженная для выкупа государства), не встретили на своем пути никакого или почти никакого сопротивления. Их продвижение напоминало скорее триумфальное шествие, нежели ход войны. Провозвестники выступали впереди, они разрушали и повергали к своим стопам все, что им встречалось. Они не пролили ни одной капли *своей* крови в борьбе за страну, разрушенную ими. Они не принесли никаких жертв ради своих далеко идущих проектов, кроме разве пряжек на башмаках, покуда они держали в заключении своего

короля, убивали сограждан, разоряли и мучили тысячи достойных людей и благородных семейств. Жестокость их не была даже низким следствием страха. Она возникла от сознания полной безнаказанности, от той власти, которая оправдывала предательства, грабежи, насилия, убийства, поджоги по всей истерзанной стране. Однако причина всего этого была ясна с самого начала.

Сей добровольный выбор зла, сие упоение злом показались бы совершенно необъяснимыми, если бы мы не учли состава Национального собрания. Я не имею в виду его формального сложения, каковое при нынешних обстоятельствах уже достаточно необычно, но того вещества, из коего оно в значительной степени состоит, и которое имеет в тысячу раз большее значение, нежели все на свете формальности. Если бы нам ничего не было известно о Национальном собрании, кроме его названия и круга его полномочий, нельзя было бы вообразить ничего более почтенного. В этом свете сторонний наблюдатель, проникнувшись благоговением к сему воплощению добродетели и мудрости всего народа, собранной в фокус, остановился бы и заколебался, не решаясь осуждать даже самые страшные по видимости деяния. Вместо того, чтобы быть достойными осуждения, они показались бы лишь загадочными. Но никакое наказание, никакая власть, никакие полномочия, никакое искусственное установление не могут сделать людей, из коих состоит любая система управления людьми, иными, чем сотворил их Господь, чем сделала их природа, воспитание и образ жизни - нельзя дать больше, чем имеешь. Добродетель и мудрость могут быть предметом выбора, однако выбор этот сам по себе не дарует оных качеств. Люди не в состоянии сделать того, что осуществляет природа, от них невозможно сего ожидать.

После того, как я прочел список, где указаны были лица и звания избранных от *Tiers Etat* (третьего сословия - *фр.*), ничто ими впоследствии содеянное не могло показаться мне удивительным. Среди них, в самом деле, было несколько людей известных, несколько блестя-

щих талантов, однако никто из них не обладал практическим опытом ведения государственных дел. Лучшие из них были всего лишь теоретиками. Однако сколь бы ни были выдающимися несколько лиц, характер всякого собрания определяется большинством его участников, и именно оно, в конечном счете, обуславливает его деятельность. Во всяком совете те, кто возглавляет его, должны также до известной степени следовать большинству. Они должны соотносить свои предложения со склонностями, способностями и настроениями тех, кого они желают вести за собою. Поэтому, если очень большая часть членов какого-либо собрания состоит из людей слабых и порочных, то ничего, кроме высочайшей добродетели (которая столь редко является в нашем мире и по этой причине не может приниматься в расчет), не предотвратит того состояния, когда люди талантливые станут лишь умелыми исполнителями бессмысленных проектов. Если же, как чаще всего случается, вместо того, чтобы проявлять необычайную добродетель, они будут действовать под влиянием низменных страстей и жажды незаслуженной славы, то слабая часть собрания, к которой они сперва принаравливаются, в свою очередь, станет жертвой обмана и орудием их замыслов. В этом политическом торге вожди обязаны будут склониться перед невежеством своих последователей, а те, в свой черед, должны будут содействовать худшим замыслам своих вождей.

Дабы обеспечить некоторую степень трезвости в предложениях, вносимых вождями любого общественного собрания, последние должны уважать, а до некоторой степени, быть может, и страшиться тех, кого они ведут за собою. Для того же, чтобы не идти за вождями вслепую, последователи должны быть подготовлены, если не к роли деятелей, то к роли судей; они должны быть способны оценить природные достоинства и авторитет. Ничто не может обеспечить постоянного и умеренного ведения работы таких собраний, если состав их не будет сообразно отражать разных сословий, как то:

владеющих собственностью, людей образованных, а также обладающих умением переступить через предубеждения и способствовать достижению взаимопонимания.

Первое, что поразило меня при созыве Генеральных штатов, было резкое отступление от сего старинного обычая. Я обнаружил, что представители третьего сословия составили в нем шестьсот человек. Число их равнялось числу депутатов двух других палат вместе взятых. Если бы сословия действовали отдельно, то численный состав палат не имел бы большого значения, исключая разве затраты на содержание такого большого числа депутатов. Но когда стало ясно, что представители трех сословий сольются в одно целое, то неизбежное влияние такого широкого представительства стало очевидным. Отсутствие на заседании весьма незначительного числа депутатов от любого из двух сословий неизбежно отдаст их прерогативы в руки третьего. Фактически вся государственная власть вскоре оказалась в руках этого собрания. Поэтому его надлежащий состав приобрел несравненно большую важность.

Вообразите, сударь, каково было мое удивление, когда я обнаружил, что весьма большая часть Национального собрания (полагаю, большинство депутатов, участвовавших в заседаниях) состояла из лиц судейского сословия. Причем это были не прославленные судьи, в познаниях, благоразумии и честности коих страна имела возможность убедиться, не ведущие адвокаты, составлявшие гордость судейского сословия, не известные университетские профессора, но, по большей части, - как и должно было быть при такой численности - неученые представители юридической профессии, исполнявшие чисто механические обязанности. Были, правда, и превосходные исключения, однако общая масса состояла из безвестных провинциальных стряпчих, служащих мелких местных судов, поверенных, нотариусов, а также муниципальных чиновников, занимавшихся мелочными деревенскими тяжбами. С того времени, как я прочел этот список, я ясно увидел все, что должно про-

изойти, и почти не ошибся.

Степень уважения к определенной профессии становится мерилom, согласно коему держат себя лица, ею занимающиеся. Каковы бы ни были личные заслуги многих отдельных юристов, а они, несомненно, весьма значительны у многих из них, однако во Французском королевстве, где отдавали предпочтение военным, судейское сословие особо не почитали, кроме самых высших его представителей, часто сочетавших свое должностное положение с фамильной славой и облеченных большою властью и почетом. К ним, разумеется, относились с глубоким, даже благоговейным почтением. Однако следующие за ними в иерархической лестнице пользовались уже не слишком большим уважением, а с простыми исполнителями вообще никто не считался.

Подобный состав собрания, облеченного высшими полномочиями, не мог не возыметь своего воздействия, ибо полнота власти оказалась в руках людей, не привыкших уважать себя, не имевших прежде богатства, могущего оказаться под угрозой, - людей, от коих нельзя было ожидать, чтоб они вели себя с умеренностью и осмотрительно пользовались властью, которую они получили неожиданно для всех, а того более для самих себя. Кто мог льстить себя надеждою, что эти люди, точно по волшебству вознесенные на вершину из самого смиренного подневольного состояния, не будут опьянены своим неожиданным величием? Кто мог бы предположить, что люди беспокойного нрава, ловкие, дерзкие, деятельные и привыкшие соваться не в свое дело, с легкостью вернутся к своему незавидному положению и удовлетворятся не приносящим дохода крючкотворством? Кто усомнился бы в том, что чем бы ни пришлось расплачиваться за их деятельность государству, в управлении коим они ничего не смыслят, они не преминут действовать в личных своих интересах, в коих разбираются преотлично? Это не было событие, зависевшее от случая или непредвиденных обстоятельств. Это было неизбежно, необходимо, было заложено в самой приро-

де вещей. Они должны были *примкнуть* (если способности их не позволяли им *возглавить* его) к любому проекту, обеспечивавшему им конституцию, могущую быть оспоренной и стать предметом запутанных судебных разбирательств, открывающую перед ними бесконечное число прибыльных мест, сопровождающих всякое великое потрясение и революцию в государстве, а в особенности обширную и насильственную передачу собственности из одних рук в другие. Можно ли было ожидать, чтобы они проявили приверженность к неприкосновенности собственности, они, чье существование всегда зависело от того, что делало собственность спорной и ненадежной? Цели этих людей должны были расти вместе с их возвышением, однако их нравы и привычки, а равно и способы осуществления их замыслов не могли не оставаться неизменными.

Что ж! Людей этих должны были сдерживать люди иного разбора, с более трезвым умом, более широким пониманием. Но могли ли внушить им страх чрезвычайные полномочия и благоговейное почтение, коим пользовалась горстка получивших места в Национальном собрании деревенских шутов, когда некоторые из них слыли еще и безграмотными? Или небольшое число торговцев, кои, хоть и были чуть лучше образованы и занимали чуть более высокое положение на общественной лестнице, но никогда не знали ничего, кроме своих расчетов? Нет, обе эти разновидности были скорее обречены на то, что судейские крючкотворы своими интригами и ловкостью одолеют их и станут ими управлять, нежели на то, чтобы стать им противовесом. При таком опасном нарушении равновесия Национальное собрание в целом должно было подпасть под господство судейских. К стряпчим присоединилось весьма заметное число членов лекарского сословия. Сословие это прежде пользовалось во Франции не бóльшим уважением, нежели судейское. Занимавшиеся медициною должны были посему иметь все свойства людей, не привыкших ощущать свое достоинство. Однако если предполо-

жить, что они занимали подобающее им положение, коим они пользуются в нашем королевстве, то и тогда ложе больного не есть академия для подготовки государственных деятелей и законодателей. Затем пришел черед биржевых дельцов, кои должны были любой ценой стремиться сменить свои невесомые бумаги на более надежную семейную собственность. К ним присоединились люди других состояний, от коих столь же мало можно было ожидать знаний или внимания к интересам великого государства, и столь же мало - уважения к устойчивости любого из существующих в нем установлений. Это были люди, предназначенные сделаться орудиями управления, а не кормчими. Таков был, в общем, состав третьего сословия в Национальном собрании; в нем едва ли можно было сыскать малейшие следы тех, кого мы называем землевладельцами.

Мы знаем, что британская Палата общин, не закрывая своих дверей перед заслуженными представителями любого класса, путем исправного выполнения соответствующих постановлений, вобрала в себя всех блестящих представителей наследственного и приобретенного богатства, а также развитых талантов, заслуг в военной, гражданской, флотской и политической областях, коими располагает наша страна.

Однако допустим, хоть это и трудно вообразить, что Палата общин составлена таким же образом, как *Tiers Etat* во Франции - будут ли у нас терпеливо сносить это засилие крючкотворов, о коем и помыслить нельзя без содрогания? Упаси Бог, я отнюдь не хочу сказать ничего дурного о судейском сословии, являющем собою, по сути, иной вид духовенства, отправляющего обряды священного правосудия. Но коль скоро я почитаю людей, исполняющих возложенные на них обязанности, и сделаю все возможное, дабы предотвратить их недопущение к оным, я не могу, дабы польстить им, приукрашивать природу. Судейские хороши и полезны в составе законодательного собрания, но они могут сделаться пагубны, если получают перевес настолько сильный, что по

существом заменят собою целое. Самое их совершенство в особых занятиях может помешать им преуспевать в прочих занятиях. Нельзя не заметить, что когда люди слишком ограничены своими профессиональными и словесными привычками, и закоренели в непрестанных занятиях сего узкого круга, это скорее лишает их возможности верно судить о нравах людей, поскольку знание людей зиждется на разнообразии занятий, на всеобъемлющем охвате разных сложных внешних и внутренних интересов, составляющих столь многогранное явление, как государство.

В конце концов, если бы Палата общин и состояла из одних представителей свободных профессий, то какую такую властью обладает Палата общин, урезанная и зажатая неподвижными барьерами законов, обычаев, установлений, предписаний теории и практики, уравновешенная Палатой лордов? К тому же король имеет полномочия в любую минуту приостановить ее деятельность или вообще распустить. На самом же деле у Палаты общин большая власть, прямая и косвенная, и она может продолжительно сохранять свое величие и дух, присущий истинному величию, - так будет, доколе она сможет ссылать правонарушителей в Индию, чтобы они не сделались законодателями в Англии³²⁾. Однако власть Палаты общин, даже если отнюдь не преуменьшать ее, подобна капле воды в океане по сравнению с властью большинства в вашем Национальном собрании. Это Национальное собрание со времени разрушения сословной системы не связано никаким основополагающим законом, никакими строгими договорами или почитаемыми обычаями. Вместо того, чтобы быть вынужденными соотносить свои действия с четкой конституцией, депутаты его наделены властью создавать конституцию, удовлетворяющую их замыслам. Ничто ни на земле, ни на небе не может управлять ими. Какие головы, сердца, нравы должны быть у тех, кто осмелился не только творить законы при установленной конституции, но одним махом изобрести совершенно

новую конституцию для обширного королевства, на всех его ступенях, от монарха на престоле до какого-нибудь собрания прихожан? Однако "дураки торопятся там, где ангелы страшатся шаг ступить". При неограниченной власти, и не имея пред собою поддающихся определению целей, зло, проистекающее от нравственной и почти физической непригодности человека к деятельности, за которую он берется, должно быть наибольшим, какое только можно измыслить в человеческих делах.

Изучив первоначальный состав депутатов от третьего сословия, я обратил внимание на представителей духовенства. Здесь тоже, как кажется, в самых принципах выбора депутатов было уделено возможно меньше внимания неприкосновенности собственности или пригодности депутатов к исполнению их общественных обязанностей. Выбор этот был замыслен так, чтобы возложить великий и тяжкий труд преобразования государства на плечи множества простых приходских кюре. Люди, никогда не видевшие государства, иначе как на картинке, люди, не знавшие ничего о мире, лежащем за пределами их захолустной деревушки, погруженные в безнадежную бедность, не могли глядеть на всякую собственность - как на светскую, так и на церковную - иначе как с завистью; среди них должно было быть немало и таких, кто за малейшую надежду на прибыль при дележе награбленного добра с готовностью присоединились бы к любому покушению на богатства, в коих они вряд ли могли иметь какую-либо долю, кроме как при общей свалке. Вместо того, чтобы стать противником власти предприимчивых крючкотворов, эти приходские священники не могли не сделаться деятельными помощниками или, в лучшем случае, безвольными орудиями тех, кто обычно вел их за собою в мелких деревенских заботах. Вряд ли наиболее добросовестные члены духовного сословия, сознававшие недостаточность своего разума, могли стремиться к положению, заставлявшему их, забыв естественную связь с па-

ствою и естественную для них сферу деятельности, приняться за возрождение королевства. Этот непосильный груз, еще более увеличивший могущество партии интриганов в третьем сословии, дополнил собою напор невежества, поспешности, самонадеянности и жажды наживы, который уже ничто не могло остановить.

Людям наблюдательным должно было с самого начала стать ясно, что большинство членов третьего сословия в сочетании с таким представительством духовенства, какое описал я выше, - что большинство это, стремившееся сокрушить дворянство, неизбежно должно было сделаться раболепным орудием самых злокозненных замыслов отдельных дворян. Во вред и поношение собственному своему сословию дворяне эти должны были иметь надежные источники для того, чтобы расплачиваться со своими новыми сторонниками. Расточать то, что составляло счастье их собратьев, отнюдь не было для них жертвою. Буйные, недовольные по натуре люди, коих распирает надменность и высокомерие, обычно презируют свое собственное сословие. Один из первых признаков сего себялюбивого и пагубного честолюбия есть развратное пренебрежение достоинством, кое они делят с другими. Ощущать себя членом некоего малого отряда внутри общества и любить его - есть первая заповедь (или, точнее, зародыш) любви ко всему обществу. Это первое звено того ряда, который подводит нас к любви к родине и всему роду человеческому. Интересы любого разряда общества доверены тем, кто его составляет; и так же, как никто, кроме людей дурных, не станет оправдывать этими интересами злоупотреблений, никто, кроме предателей, не поступится ими ради личной выгоды.

Во времена гражданских потрясений у нас в Англии нашлось несколько человек (не знаю, существуют ли таковые в вашем Национальном собрании), подобных тогдашнему графу Холланду³³⁾, которые сперва возбуждали ненависть к трону, проматывая богатства, доставшиеся им и их семейству вследствие королевских

милостей, а затем примкнули к мятежу, выросшему из недовольства, причиною которого были они сами. Люди эти способствовали свержению короля, коему одни из них были обязаны своим существованием, другие - всем тем могуществом, какое они употребили, дабы сокрушить своего благодетеля. Если неутолимые требования подобных людей пытаются отчасти ограничить, или если другим позволяют взять часть того, чем желали бы они завладеть, то вскоре ненасытная пустота, оставшаяся от их жадности, заполняется завистью и жаждой мести.

Неумеренные страсти смущают их разум, воззрения их делаются расплывчатыми и невнятными, необъяснимыми для других и неясными для них самих. В любом твердом порядке вещей они, куда ни кинь, наталкиваются на пределы, установленные их честолюбием, не сдерживаемому нравственными началами. Однако в тумане и мареве замешательства все предстает преувеличенным и кажется не имеющим границ.

Когда люди высокого положения жертвуют всем своим достоинством в угоду беспредметному честолюбию и с помощью низких средств добиваются низких целей, то все вокруг них становится вместе с ними низким и подлым.

Разве нечто подобное не происходит ныне во Франции? Разве не приводит это к низким и бесславным последствиям? Разве не окрашивается вся господствующая там политика некой подлостью? Разве нет во всем, что там делается, стремления унижить вместе с отдельными лицами также достоинство и важность государства? Прочие революции совершались людьми, кои, пытаясь произвести изменения в общественном устройстве, освящали свои честолюбивые замыслы, возвеличивая достоинство народа, чье спокойствие они нарушали. Они смотрели далеко вперед. Они стремились к господству над своею страной, но не к ее разрушению. То были люди великих гражданских и военных талантов, и если они внушали страх, то одновременно состав-

ляли красу своего века. Они не походили на евреев-торгашей, препирающихся друг с другом насчет того, кто из них может посредством фальшивых денег лучше справиться с развалом и обнищанием страны, вызванным их же порочными советами. Вспомним, как хвалил одного из таких дурных людей старого закала (Кромвеля) его сородич, прославленный поэт того времени. Самое восхваление это показывает, к чему стремился Кромвель и что он действительно в большой мере совершил, осуществляя свои честолюбивые замыслы:

Твоею волей мир преображен,
В твоём сияньи изменился он -
Так Солнца свет нам озаряет дни,
Затмивши ночи жалкие огни³⁴⁾.

Тогдашние нарушители спокойствия были не столь узурпаторами власти, сколь утверждали свое естественное место в обществе. Возвышение их освещало и украшало мир. Они побеждали противников, затмевая их собою. Десница, поражавшая страну, подобно ангелу-истребителю, одновременно сообщала государству ту силу и мощь, которая ее же и терзала. Я вовсе не говорю (упаси Господь), что добродетели таких людей уравновешивают их преступления, но первые все же отчасти исправляют последствия вторых. Таким был, как я уже говорил, наш Кромвель³⁵⁾. Таковы были ваши Гиз, Конде, Колиньи и им подобные³⁶⁾. Таков был Ришелье, который в более спокойные времена действовал в духе гражданской войны. Таковы были ваш Генрих IV и ваш Сюлли³⁷⁾, которые, конечно, были лучшими людьми, и дело их не было столь сомнительно, хоть и выросли они в смутные времена и несли на себе печать их пороков. Можно лишь поражаться тому, как быстро Франция, едва получив минутную передышку, воспряла духом после самой долгой и ужасной гражданской войны, когда либо известной какому-либо народу. Почему? Потому, что среди всей резни они не убили разума своей страны. Сознание своего достоинства, благородная гор-

дось, чувство славы и великодушного соперничества не исчезло. Напротив, оно воспламенялось и разжигалось. Органы государства, хоть и потрясенного, продолжали существовать. Все награды чести и добродетели, все отличия сохранялись. Но нынешняя ваша смута, точно паралич, поразила самый исток жизни. Каждый человек в вашей стране в час, когда надлежит действовать по побуждению чести, унижен и опозорен; он не может почувствовать в себе трепета жизни кроме как в униженном и затравленном чувстве возмущения. Но нынешнее поколение скоро уйдет со сцены. Следующее же поколение дворянства будет подобно мошенникам и шутам, менялам, ростовщикам и евреям³⁸⁾, кои всегда будут их сотоварищами, а иногда и господами. Поверьте мне, сударь, те, кто желают уравнивать всех, никогда не добиваются равенства. Во всех обществах, состоящих из различных разрядов граждан, один из них должен быть наверху. Посему уравниатели лишь извращают природный порядок вещей, они подрывают здание общества, вознося на воздух то, что, исходя из требований прочности всего сооружения, должно быть на земле. Сообщества портных и столяров, из коих состоит коммуна (Парижская, например), не могут встать вровень с положением, в которое вы, совершая самую страшную из узурпаций - узурпацию природных преимуществ, пытаетесь их насильно поставить.

Открывая заседание учредительного Национального собрания Франции, его председатель³⁹⁾ в порыве ораторского красноречия заявил, что все занятия почтенны. Если он имел в виду только то, что ни одно честное занятие не позорит человека, то он не погрешил против истины. Однако, утверждая, что все занятия почтенны, мы одновременно подразумеваем некое преимущественное различие. Занятие парикмахера или торговца сальными свечами не может никому принести чести, не говоря уже о ряде прочих, более холопских занятий. Люди такого звания не должны испытывать притеснений со стороны государства, однако государство ока-

жется притесненным, если людям этим позволят поодиночке или сообщая им управлять. В таком случае вам только кажется, будто вы боретесь с предрассудком, на самом же деле вы вступаете в борьбу с самой природой⁴⁰⁾.

Я не полагаю, милостивый государь, что Вы принадлежите к тем придирчивым или до скуки неискренним людям, кои требуют для каждого общего замечания подробного перечня всех поправок и исключений, каковы разум предполагает содержащимися во всех общих высказываниях, исходящих от людей разумных. Вы не вообразите, что я желаю ограничить власть и достоинство одним только происхождением, именем, титулом. Отнюдь нет. Нет никаких иных предпосылок для участия в правлении, кроме добродетели и мудрости, истинной или предполагаемой. Где бы ни обнаруживались сии свойства, они в любом состоянии, в любой свободной профессии или ремесле, по велению неба, раскрывают их обладателям двери к почетному положению в обществе. Горе стране, которая неразумно и нечестиво отвергает услуги таланта и добродетели - гражданской, военной или религиозной, - призванных возвеличивать ее и служить ей, она обрекает на безвестность все созданное для того, чтоб придать государству славу и великолепие. Но горе и той стране, которая, впадая в противоположную крайность, полагает недостаточность образования, узкий взгляд на мир, убогое мелочное занятие предпочтительным правом для управления государством. Все возможности должны быть открыты, однако не для всякого человека без разбору. Не должно быть ни простой очередности, ни назначения по жребию; ни один образ правления, при котором избрание на должность поκειται на очередности или жеребьевке, не может принести блага, ибо все перечисленные способы не позволяют выбирать людей, пригодных для определенных обязанностей. Я не колеблясь скажу, что путь к власти и влиянию из безвестного состояния не должен быть чересчур легок, не должен сделаться чем-то само

собою разумеющимся. Коль скоро редкостное достоинство есть самая редкая из всех редкостей, значит, оно должно подвергаться какому-то испытанию. Храм чести должен покоиться на заслугах. И если ворота его открываются пред добродетелью, то следует помнить, что добродетель испытывается лишь в трудностях и борьбе.

Представительство государства не является должным и полным, если в нем не представлены как таланты, которыми оно одарено, так и собственность. Поскольку же талант есть материя, наделенная силой и предприимчивостью, а собственность неповоротлива и робка⁴¹⁾, она никогда не может обезопасить себя от вторжения таланта, откуда она не получит в правительстве перевеса, пусть даже не отражающего истинные соотношения. Собственность должна быть представлена теми, кто располагает ею в особенно крупных размерах, иначе она не будет справедливо защищена. Отличительная суть собственности, происходящая из соединения принципов ее приобретения и сохранения, состоит в ее *неравенстве*. Поэтому крупная собственность, возбуждающая зависть и соблазняющая ненасытных, должна быть поставлена вне угрозы. Тогда она станет естественным оплотом всех более мелких видов собственности. Та же самая собственность, но разделенная за счет естественного хода вещей между многими, не имеет такого воздействия, как собственность, находящаяся в одних руках. Охранительная сила собственности уменьшается по мере ее распыления. В таком распылении доля каждого человека оказывается меньше, чем он льстит себя надеждою получить, расточая накопленное другими достояние. Если разделить то, что принадлежит немногочисленному меньшинству, между многими, то каждый, действительно, получит крайне малую долю. Однако эти многие неспособны на подобный расчет, а те, кто призывает их к грабежу, никогда не намереваются распределять награбленное добро поровну.

Возможность хранить и приумножать собственность в рамках семьи есть одно из наиболее ценных и интерес-

ных качеств, ей принадлежащих; это качество, наиболее способствующее вечной сохранности самого общества. Оно ставит наши слабости на службу нашей добродетели, оно сообщает благотворность даже алчности. Обладатели фамильного богатства и того достоинства, какое имеет наследственная собственность (как самый почтенный вид собственности), являются естественным обеспечением ее передачи из поколения в поколение. У нас в стране на этом принципе покоится существование Палаты лордов. Она состоит всецело из представителей наследственной собственности и наследственных привилегий; она поэтому имеет в руках треть законодательной власти и в конечном счете является единственным судьей касательно любой собственности во всех ее разрядах. Палата общин также - не в обязательном порядке, но на деле - по большей части составлена подобным образом. Каковы бы ни были крупные собственники (а они имеют возможность быть также и в числе лучших), но и в худшем случае они будут лишь балластом в трюме судна, именуемого государством. Ибо хотя наследственное богатство и положение, ему сопутствующее, чересчур боготворились низкопоклонниками, слепыми и жалкими почитателями власти, но, с другой стороны, ими чересчур поспешно пренебрегают в плоских своих рассуждениях самонадеянные, вздорные и близорукие фигляры от философии. Некоторое упорядоченное законом предпочтение (но не исключительное право) высокого рождения не противно ни природе, ни справедливости, ни разумной политике.

Говорят, что двадцать четыре миллиона должны главенствовать над двумястами тысяч. Верно - если законы королевства были бы арифметической задачей. Такого рода рассуждения хорошо вести, имея собеседником фонарный столб, для людей же, способных рассуждать трезво, это попросту смешно. Воля большинства и его интересы могут очень часто не совпадать, особенно же велико будет это различие, когда большинство сделает дурной выбор. Правительство из пятисот безвестных

поверенных и приходских священников вовсе не благо для двадцати четырех миллионов людей, будь оно выбрано даже сорока восемью миллионами; не станет оно лучше и от того, что будет возглавляться дюжиной людей высокородных, предавших доверие своего сословия ради получения этой власти. В нынешний момент вы, по видимости, совсем уклонились от пути природы. Владельцы собственности более не управляют Францией. Разумеется, собственность при этом разрушается, а разумная свобода перестает существовать. Все, что вы получили на сегодняшний день, - это бумажную монету и шулерскую конституцию. Что же касается до будущего, то неужто вы всерьез полагаете, что территория Франции при республиканской системе восьмидесяти трех независимых муниципалитетов (не говоря уж о составляющих их частях) может когда-либо управляться как единое целое или приводиться в движение единою мыслью? Когда Национальное собрание завершит свою работу, оно довершит и свою гибель. Эти отдельные муниципалитеты не долго будут оставаться в подчинении у Парижской коммуны. Они не станут сносить того, что один этот орган завладел пленным королем и господствует в собрании, называющим себя Национальным. Каждый из них пожелает прибрать к рукам долю награбленных церковных богатств и не захочет, чтобы эти богатства, доходы от местной промышленности, или плоды нив ублажали наглость или служили роскошеству парижских мастеровых. В этом они не усмотрят того равенства, ради коего их соблазнили отбросить верность своему монарху и древние законы их родины. При конституции, подобной только что принятой, не может быть столицы. Французы позабыли, что когда они создавали демократические органы правления, они по существу лишили права членства в них свою страну. Особа, кою они продолжают упорно называть королем, не обладает более никакой властью над сотою частью страны, способной удержать воедино это сборище республик. Парижская коммуна будет по-прежнему поощрять

разврат в армии и незаконно продлевать prerogatives Национального собрания, не прибегая к его избирателям, видя в этом органе средство продолжения своего деспотизма. Сделавшись центром неограниченного обращения бумажных денег, оно приложит усилия притянуть все к себе - но тщетно. Вся эта политика в конце концов окажется столь же слабой, сколь теперь она основана на насилии.

Если таково ваше истинное положение по сравнению с тем, к какому вы были призваны Богом и людьми, то не могу сыскать в душе сил, дабы поздравлять вас как с выбором, вами сделанным, так и с успехом, достигнутым вами в ваших начинаниях. Столь же мало склонен я советовать любой другой нации вести себя на основе подобных принципов и применять подобные средства. Это я должен предоставить тем, кто может далее меня заглянуть в ваши дела и кто лучше меня знает, насколько действия ваши благоприятствуют их замыслам. Господа из Общества революции, поспешившие со своими поздравлениями, по-видимому, твердо убеждены, что имеется некоторая политическая схема, относящаяся к нашей стране, в рамках коей ваши деяния могут каким-то образом быть полезны. Ибо ваш доктор Прайс, как видно, с немалым прилежанием размышлявший над этим вопросом, обращается к своим слушателям с такими весьма знаменательными словами: "Я не могу завершить своего слова, не обратив вашего *особого* внимания на то соображение, о котором я уже *не раз упоминал* и которого вы, вероятно, уже давно *ожидаете*, на то соображение, которое на меня оказывает большее впечатление, *нежели могу я выразить*. Я имею в виду мысль о *благоприятности нынешнего времени для всех усилий в пользу дела свободы*". Ясно, что в уме сего политического проповедника созрел в это время какой-то необычный замысел, и весьма вероятно, что мысли слушателей, понимавших его лучше, чем я, опережали самые слова, предвосхищая и его рассуждения, и всю цепь последствий, к коим они вели.

Прежде, чем я прочел его проповедь, я и вправду думал, что живу в свободной стране, я лелеял это свое заблуждение, ибо оно позволяло мне еще более любить страну, в коей я живу. Я полагал, что ревнивая, бдительная охрана сокровищницы нашей свободы не только от вторжения, но также от разложения и загнивания, была нашей лучшей мудростью и первейшим долгом. Однако я почитал это сокровище именно нашим достоянием, нуждающимся в охране, а не наградой, за которую нам еще предстоит бороться. Я не понимал, как нынешнее время оказалось столь благоприятным "для всех усилий в пользу дела свободы". Нынешнее время отличается от любого другого только теми событиями, кои происходят во Франции. Если пример этой страны должен оказать влияние на нашу, то я легко могу догадаться, почему некоторые французские события, имеющие неприятные стороны, не вполне примиримые с человеколюбием, великодушием, верностью и справедливостью, замалчиваются с такою снисходительностью к участвующим в них лицам, почему на страдальцев взирают с такою стоической невозмутимостью. Разумеется, неблагоразумно развенчивать тот пример, коему мы намереваемся следовать. Но если допустить это, мы приходим к вполне естественному вопросу: каково то дело свободы и каковы те усилия, коим столь исключительно благоприятствует пример Франции? Должна ли быть уничтожена наша монархия со всеми ее законами, судами и всеми старинными корпорациями, существующими в нашем королевстве? Должны ли мы расстаться со всем, что отличает нашу страну, в угоду геометрическо-арифметической конституции? Должна ли быть Палата лордов признана бесполезной? Должно ли быть отменено епископство? Следует ли распродать церковные земли евреям и мошенникам, или отдать их новомодным муниципальным коммунам, дабы подкупить их и вовлечь в святотатственное ограбление Церкви? Следует ли нам проголосовать за то, что все налоги суть притеснения и что их надлежит заменить патриотическими

взносами или патриотическими пожертвованиями? Должны ли серебряные пряжки с башмаков заменить поземельный налог и налог на солод, обеспечивающие морскую мощь нашего королевства? Следует ли перемешать все сословия, без различия, дабы из всеобщего беспорядка, соединенного с национальным банкротством, три или четыре тысячи демократий объединились в восемьдесят три, а затем все они по воле некоей неведомой, но благодетельной силы преобразовались в одно целое? Ради сей великой цели следует ли отвратить армию от дисциплины и верности долгу сперва всяческим распутством, а затем ужасающим примером денежных награждений ради увеличения жалования? Следует ли отвратить священников от преданности своим епископам, прельщая их обманчивой надеждой на долю при дележе имущества, принадлежащего их собственному сословию? Надлежит ли отвращать граждан Лондона от их верноподданнических чувств, подкармливая их за счет иных сограждан? Должно ли ввести принудительным порядком бумажные деньги вместо законной монеты нашего королевства? Следует ли все, что останется от разграбленных государственных доходов, истратить на безумный проект содержания двух армий, кои следят друг за другом и сражаются между собою? Если таковы цели Общества революции и его средства, то, должен признать, они отлично соответствуют друг другу, а Франция может подать пример того и другого.

Я вижу, что вашу страну приводят в пример, дабы устыдить нас. Я знаю, что нас почитают унылым и вялым народом, который сделался бездейственным, ибо признает свое положение сносным; народом, коему умеренная свобода мешает когда-либо достичь ее совершенного воплощения. Французские вожди начали с восхищения британской конституцией; однако по мере своего продвижения вперед, они стали глядеть на нее со все более надменным пренебрежением. Друзья вашего Национального собрания среди нас придерживаются столь же низкого мнения о том, что прежде почиталось

славою их страны. Общество революции открыло, что английский народ не свободен. Члены этого общества убеждены, что неравенство в нашем представительстве есть "столь грубый и ощутимый недостаток нашей конституции, что делает оную превосходной лишь *по форме и в теории*". Они утверждают, что представительство в законодательных органах королевства есть не только основа конституционной свободы, но и *"всякого законного правления* и что без него *правление* есть, по существу, *узурпация*"; что "когда представительство частичное, королевство обладает лишь частичной свободой, если же представительство является сугубо частичным, то имеется лишь *видимость* свободы, а если оно не только сугубо частично, но и избрано порочными путями, то превращается просто в *помеху*". Доктор Прайс полагает эту нашу недостаточность представительства нашей главною бедой, и в то же время эта видимость представительства, по его мнению, еще не дошла до предела испорченности. Он опасается, что мы не приблизимся к достижению "самого существенного из благ, покуда какое-нибудь огромное злоупотребление властью не возбудит нашего негодования или какое-нибудь *страшное бедствие* не пробудит в нас страха, или, быть может, покуда в нас не разожжет стыда то обстоятельство, что в других странах, где достигнуто подлинное и полное представительство, насмеваются над тенью представительства, существующего у нас". К этому присоединяет он следующее замечание: "Воистину, у нас представительство, избранное, главным образом, казначейством да тысячей-другой черни из тех, кому обычно платят за голосование".

Здесь Вы улыбнетесь над последовательностью наших демократов, которые, когда они не настороже, относятся к более смиренной части общества с величайшим презрением, но одновременно делают вид, будто собираются вручить им всю полноту власти. Потребовалось бы очень длинное разбирательство, чтобы указать Вам все промахи, таящиеся во всеобщности и уклончи-

ности определения "недостаточное представительство". Скажу лишь, отдавая должное тому старомодному государственному устройству, под защитой которого мы издавна преуспевали, что представительство наше было признано превосходно соответствующим всем целям, для коих можно желать и создавать народное представительство. Сомневаюсь, чтобы враги нашей конституции могли доказать обратное. Дабы подробно остановиться на всех частностях, кои столь превосходно сочетаются с его целями, потребовалось бы написать трактат по действующему у нас законодательству. Я разбираю здесь доктрину членов Общества революции только для того, чтобы Вы и другие люди могли понять, каково мнение этих господ о государственном устройстве их страны и почему они, видимо, полагают, будто огромное злоупотребление властью или страшное бедствие было бы им в угод, поскольку оно может открыть возможность достижения того блага, коим они почитают конституцию, согласную с их воззрениями. Вы видите, почему они столь увлечены вашим равным и справедливым представительством, которое, будучи однажды установлено, может повлечь за собой те же последствия. Вы видите, почему они почитают нашу Палату лордов лишь "видимостью", "формой", "теорией", "тенью", "насмешкой", а быть может, и "помехой".

Эти господа ценят себя за методичность - и не без причины. Посему они должны смотреть на сей грубый и осязаемый недостаток нашего представительства, на это главное притеснение (как они его именуют), как на нечто не только порочное само по себе, но превращающее весь наш образ правления в совершенно *незаконный*, не отличающийся от обычного *узурпаторства*. Еще одна революция, ради избавления от этого незаконного, узурпаторского правления была бы, конечно, вполне оправданной, а, возможно, и абсолютно необходимой. В самом деле, их идеи, если Вы следите за ними с некоторым вниманием, заходят гораздо дальше изменения способа избрания Палаты общин. Ибо если на-

родное представительство, или выбор, необходимы для законности любого образа правления, то одним махом Палата лордов становится учреждением выродившимся и порочным. Палата эта вообще не представляет народа, даже "по видимости" или "форме". Впрочем, с королевскою властью дело обстоит столь же скверно. Напрасно будет она заслоняться от нападков господ из Общества революции тем, что было установлено во времена нашей Революции. Эта Революция, к коей они прибегают лишь для основания своей системы, сама нуждается в основании. Эта Революция построена, согласно их теории, на основе не более прочной, чем нынешние наши формальности, ибо она была совершена Палатою лордов, не представляющей никого, кроме себя самой, а также Палатою общин, точно такую же, какова она ныне, то есть, по их классификации, лишь "тенью и наметкой над истинным представительством".

Этим господам просто необходимо что-нибудь разрушить, иначе существование кажется им бесцельным. Одни выступают за разрушение светской власти с помощью церковной, другие - за свержение власти церковной посредством власти светской. Они сознают, что это двойное разрушение церкви и государства может иметь самые пагубные последствия для общества, но, пребывая в угаре своих теорий, они весьма прозрачно намекают на то, что такое разрушение со всеми бедами, кои должны привести к нему и ему сопутствовать (и которые для них самих кажутся вполне неизбежными), не были бы для них полностью неприемлемы, или чересчур далеки от их стремлений. Один из этих людей, пользующийся среди них большим авторитетом и, несомненно, наделенный большими талантами⁴²⁾, говоря о якобы существующем союзе между церковью и государством, замечает: "Быть может, нам следует выждать падения гражданской власти, прежде чем нарушится этот неестественный союз. Время это, конечно, будет бедственным. Но какое потрясение в мире политики может быть предметом сожалений, если оно будет со-

пряжено со столь желательным исходом?" Вы сами видите, с какою твердостью готовы эти господа взирать на величайшие бедствия, кои могут постичь их родину!

Неудивительно потому, что полагая конституцию и образ правления в своем отечестве, как в области церковной, так и в государственной, незаконными или в лучшем случае видя в них пустую насмешку, они с жадным и страстным восторгом глядят за рубеж. Покуда они одержимы ненавистью к старинным законам своей страны, к ее установлениям, нет смысла говорить с ними о нашей конституции, достоинства коей испытаны долгим опытом, подтверждены нарастающею силою общества и национальным процветанием. Опыт они презирают как мудрость людей необразованных, что же до всего прочего, то они роют подкоп, желая разом взорвать все проявления старины, все прецеденты, все хартии, все парламентские акты. У них есть "права человека". Против них не может быть никаких правил, против них никакой договор не обязывает, они не терпят никакого компромисса, все, что не отвечает сполна правам человека, есть обман и несправедливость. Против требований прав человека ни одно государственное устройство не может искать опоры в продолжительности своего непрерывного существования, в справедливости или снисходительности существующей системы управления. Возражения оных теоретиков остаются в силе против старинного и благодетельного правления, если оно не согласуется с их теориями, как и против самой жесткой тирании или узурпации самой свежей даты. Они ведут спор с правительствами - не по вопросу о злоупотреблениях, а по вопросу о полномочиях и основании власти. Мне нечего сказать по поводу неуклюжих хитростей их политической метафизики. Пусть ими развлекаются в школах. "*Illa se jactet in aula - Aeolus, et clauso ventorum carcere regnet*"⁴³⁾. Но пусть они не вырываются из тюрьмы, дабы, подобно порыву восточного ветра, ураганом пронестись над землею, разрушить глубинные источники и разорить нас.

Я далек от отрицания в теории, и был бы столь же далек от препятствования осуществлению на практике (будь у меня власть позволять или препятствовать) подлинных прав человека. Отвергая лишь неправомерные притязания на несуществующие права человека, я не имею в виду причинить ущерб тем из них, которые на самом деле существуют и таковы, что мнимые права совершенно уничтожили бы их. Если гражданское общество было сотворено для блага человека, то все преимущества, для коих оно сотворено, становятся его правами. Это благодетельное установление, и самый закон есть лишь благодетельное, действующее как правило. Люди обладают правом жить согласно этому правилу, они имеют право на справедливость среди своих собратьев, независимо от того, занимаются ли их собратья политической или обычными делами. Они имеют право на плоды своего трудолюбия, а также на средства, вознаграждающие трудолюбие плодами. Они имеют право на состояние, приобретенное их родителями, на то, чтобы прокормить своих потомков и воспитать их, право на наставление при жизни и на утешение на смертном ложе. Что бы ни пожелал делать каждый человек сам по себе, не нарушая права других, он имеет право заниматься этим делом самостоятельно. Он имеет право на справедливую долю всего, что общество со всеми имеющимися в нем сочетаниями умения и силы, может сделать для его блага. В этом содружестве все люди наделены одинаковыми правами, однако не на одинаковые вещи. Тот, кто вложил в это содружество лишь пять шиллингов, имеет такое же право на них, как и тот, кто вложил пятьсот фунтов, имеет право на свою, бóльшую долю. Однако первый не имеет прав на равную прибыль от такого совместного предприятия. Что же касается до той доли власти и влияния, кою должен каждый человек иметь в управлении государством, то их я должен исключить из прямых исконных прав человека в гражданском обществе, поскольку я рассматриваю здесь гражданского, общественного человека, а не какого-либо

иного. Эти вопросы должны быть улажены по договору.

Если гражданское общество порождено договором, то договор этот должен быть его законом. Такой договор должен ограничивать и определять разные виды законов, создаваемые при его верховенстве. Всякая законодательная, юридическая или исполнительная власть есть его создание. Она не может существовать ни при каком ином положении вещей. И как может кто-либо, соблюдая договор о гражданском обществе, притязать на права, которые даже не предполагают его существования? На права, совершенно ему противные? Один из первых принципов, подвигающих на создание гражданского общества, и который становится одним из его основных правил, гласит: *"Ни один человек не должен быть судьей в своем собственном деле"*. Таким образом, каждый человек однажды лишил себя первого и основного права несвязанного договором человека, а именно: *права судить самого себя и разбирать собственное дело*. Он отказался от всякого права быть своим собственным правителем. Тем самым он в значительной степени отказался от права на самозащиту, являющуюся главным законом природы. Люди не могут пользоваться одновременно правами нецивилизованного и цивилизованного состояний. Дабы обеспечить для себя справедливость, человек отказывается от права определять, какова она в тех случаях, когда это наиболее существенно для него. Дабы обеспечить свою свободу, он передает всю ее полноту в распоряжение своим доверенным лицам.

Правительство не образуется в силу естественных прав, кои могут существовать и существуют в полной независимости от него - и существуют с тем большею ясностью и со значительно большею степенью отвлеченного совершенства. Однако отвлеченное совершенство есть практический недостаток сих прав. Имея право на все, люди всего желают. Правительство есть изобретение человеческого разума, направленное на удовлетворение человеческих потребностей, и люди имеют

право на то, чтобы сей разум удовлетворял сии потребности. Среди них следует упомянуть и потребность цивилизованного общества в достаточном сдерживании бушующих в нем страстей. Общество требует не только того, чтобы страсти отдельных лиц держались в узде, но также и того, чтобы наравне с ними пресекались склонности целой массы народной, чтобы волею ее управляли, а страсти были приведены в повиновение. Сделано это может быть властью, *стоящей вовне*, властью, которая при исполнении своих обязанностей не была бы подчинена той воле и тем страстям, кои надлежит ей обуздывать и покорять. В этом смысле ограничения, сдерживающие людей, следует отнести, наряду с их свободами, к правам. Но поскольку свободы и ограничения меняются вместе с временами и обстоятельствами, допуская бесконечное разнообразие, они не могут покоиться на каком-то отвлеченном правиле, и нет ничего глупее, чем обсуждать их, исходя из такого принципа.

В тот момент, когда вы убавляете что-то от полного права любого человека управлять собою и налагаете некое искусственное позитивное ограничение на это право, - с сего момента весь строй правления делается лишь вопросом удобства. Вот что делает конституцию государства и распределение власти в нем материей исключительно деликатной, требующей важных навыков. Она требует глубокого знания человеческой природы и человеческих потребностей, всего того, что облегчает или затрудняет достижение различных целей, кои преследует механизм гражданских установлений. Государство должно откуда-то черпать силы, должно иметь средства обуздания против возмутителей его спокойствия. Какой прок обсуждать отвлеченные права человека на пищу или лечение? Вопрос заключается в способе обеспечения и удовлетворения этих прав. И рассуждая о таких делах, я непременно посоветовал бы обратиться к крестьянину и врачу, нежели к профессору метафизики.

Науку строительства государства или его обновления, его реформирования нельзя, как и всякую иную

экспериментальную науку, преподавать *à priori*. Да и краткого опыта недостаточно, чтобы дать нам познания в практической этой науке, ибо вещественные последствия нравственных причин не всегда проявляются тотчас, но то, что при первоначальном рассмотрении кажется приносящим вред, может оказаться весьма полезным при длительном воздействии, и полезность эта может происходить даже из тех самых дурных последствий, которые вызвало оно вначале. Случается и обратное: весьма многообещающие и радужные поначалу проекты часто приводят к постыдным и печальным последствиям. В государственных делах часто действуют некие незаметные, почти скрытые причины, кажущиеся на первый взгляд незначительными, но от них может на самом деле в очень большой степени зависеть процветание или упадок государства. И потому наука управления, столь прикладная сама по себе, направленная на столь практические цели, требует опыта, опыта даже большего, нежели может накопить человек на протяжении своей жизни, сколь ни был бы он прозорлив и наблюдателен, и потому всякий, кто отважится разрушать здание, веками бывшее приемлемым для общих целей общества, или перестраивать его, не имея перед глазами образцов, доказавших свою полезность, должен проявлять безграничную осторожность.

Эти метафизические права человека, вторгаясь в общественную жизнь, подобно лучам света, проникающим в плотное тело, согласно законам природы отклоняются от прямой линии. В самом деле, в запутанном переплетении массы человеческих страстей и забот простейшие права человека проходят столько разнообразных преломлений и отражений, что абсурдно говорить о них так, как если бы они по-прежнему следовали своему простому первоначальному направлению. Природа человека причудлива, общество - вещь самая сложная на свете, и потому никакое простое распределение или направление силы не может быть приемлемо ни для человеческой природы, ни для деятельности людей. Когда

я слышу о стремлении к простоте, к коей стремятся и коей похваляются какие-нибудь новые политические системы, я безо всякого затруднения могу заключить, что изобретатели их совершенно невежественны в своем ремесле или напрочь пренебрегают своими обязанностями. Простые способы правления неудовлетворительны в самой своей основе - чтоб не сказать хуже. Если бы вы рассматривали общество лишь с одной точки зрения, то все эти простые способы государственного устройства обладали бы чрезвычайною привлекательностью. Действительно, каждое средство служило бы достижению своей единственной цели куда лучше, чем средство более сложное - достижению своих сложных задач. Но лучше все же, чтобы достигались цели всего организма, пусть несовершенно и с отклонениями, нежели чтобы некоторые части целого обеспечивались со всевозможною точностью, тогда как другие оказались бы в полном небрежении или пострадали бы из-за излишнего внимания к той части, которой было отдано предпочтение.

Права, о коих твердят наши теоретики, - суть сплошь крайности, и настолько истинны они с метафизической точки зрения, насколько же мнимы с точки зрения нравственной и политической. Права человека находятся где-то посередине; им трудно дать определение, но вполне можно распознать. Права человека в отношении правления - суть преимущества, а эти последние часто находятся в равновесии между разными видами добра, часто они обеспечиваются компромиссом между добром и злом, а иногда между одним злом и другим. Политическое благоразумие есть принцип, поддающийся расчету; можно складывать, вычитать, умножать и делить применительно к истинным нравственным категориям, но на нравственной, а не на метафизической или математической основе.

Наши теоретики почти всегда софистически подменяют права народа его властью. Основная масса общества, будучи приведенной в действие, не может встре-

тить никакого соразмерного ей сопротивления; но покуда власть и право есть одно и то же, все общество в целом не обладает никакими правами, несовместимыми с добродетелью, и первой из всех добродетелей - благоразумием. Люди не имеют прав на то, что неразумно, на то, что не служит их благу. Добродушный автор сказал: "*Liceat perire poetis*". Однако, когда такой поэт хладнокровно бросается в жерло вулкана, как другие бросаются в будущее пламя революции, *Ardentem frigidus Aethnam insiluit*⁴⁴⁾, я склонен считать сию выходку ничем не оправданной поэтической вольностью, а не одной из привилегий, правом на кои наделены жрецы муз. И будь человек, решивший осуществить подобное право, поэтом, духовной особой или политиком, - я думаю, что с моей стороны было бы более мудро (ибо более милосердно) попытаться спасти его, нежели сохранять оставшиеся медные сандалии как памятник его безумия.

Та разновидность торжественных проповедей, большая часть написанного мною здесь (если причастные к сему лица не отойдут, устыдившись, от нынешнего своего способа торжествовать достопамятные даты), может отвратить многих от самих ее принципов и лишить их благодеяний той революции, годовщину которой они празднуют. Признаюсь Вам, сударь, мне никогда не нравились эти бесконечные разговоры о сопротивлении и революции, как и обычай делать крайнее предусмотренное законом лекарство хлебом насущным. Таким образом в привычки общества может войти опасная мнительность; побуждаемое любовью к свободе, оно начинает повременно принимать внутрь сулему или поглощать возбуждающий настой из шпанских мушек⁴⁵⁾.

Подобная неумеренность в лечении, сделавшись привычкою, ослабляет и подтачивает, ввиду своего грубого и распущенного применения, тот дух, который должен действовать лишь при особых обстоятельствах. Во времена самой худшей тирании тема тираноубийства стала в римских школах обычным предметом упражнений в

риторике: "Cum perimit saevos classis numerosa tyrannos"⁴⁶). При нормальном положении вещей в государстве, подобном нашему, обсуждение таких тем влечет за собою наихудшие последствия, даже для той свободы, коей они злоупотребляют в разнузданных рассуждениях. Почти все чистопородные республиканцы моего времени сделались довольно быстро самыми отъявленными царедворцами. Они мигом бросили кропотливое, умеренное, но действенное сопротивление, оставив его на долю тех из нас, кого в опьянении от гордых своих теорий они недавно презирали, говоря, что те, дескать, ничем не лучше тори. Лицемерие, разумеется, с наслаждением предается возвышенным рассуждениям, ибо никогда не намеревается идти далее высокопарных и ни к чему не обязывающих слов. Но даже в тех случаях, когда за этими напыщенными речами можно скорее заподозрить легкомыслие, нежели обман, суть дела не меняется. Сии профессора, обнаружив, что их крайние принципы не применимы к случаям, которые требуют лишь ограниченного, или, сказал бы я, цивилизованного и законного сопротивления, вовсе не прибегают к сопротивлению. Им подавай войну или революцию, или вовсе ничего. Обнаружив, что их политические прожекты не приложимы к состоянию мира, в коем они живут, они нередко начинают легкомысленно относиться ко всем общественным принципам и готовы оставить их ради самых обыденных интересов, кои, по их мнению, могут принести им самую обыденную выгоду. Некоторые из них, правда, натуры более постоянные и упорные, но сим горячим политикам не удалось пройти в парламент, а потому у них нет соблазна отказаться от своих излюбленных прожектов. Они постоянно нацелены на какие-либо изменения в государстве, церкви или в них обоих. Затем, и это весьма существенно, они всегда дурные граждане, на них нельзя положиться. Ибо почитая свои прожекты бесценными и ничуть не дорожа существующими в государстве установлениями, они относятся к государству в лучшем случае с безразличи-

ем. Они не видят заслуги в хорошем и никакого греха в дурном ведении общественных дел; последнее их скорее радует, ибо благоприятствует революции. Ни в людях, ни в поступках, ни в политических принципах они не видят иных достоинств или недостатков, помимо одного-единственного: приближают те или отдаляют замысленные ими перемены. И потому если сегодня они поддерживают самые широкие и беспощадные полномочия властей, то завтра - самые крайние демократические идеи свободы, и бросаются из одной крайности в другую, не обращая внимания ни на причины, ни на людей, ни на партию.

Франция переживает сегодня революционный перелом, переход от одной формы правления к другой - и вы не можете видеть этот тип людей в той же ситуации, в какой видим его мы у себя на родине. У нас люди эти воинствующие, у вас торжествуют победу, и вы знаете, на что они способны, когда власть их соразмерна с их вожделениями. Никто не заподозрит меня в том, что сказанное мною я отношу к какому-то одному разряду людей или же ко всем людям одного звания - нет! Отнюдь нет! Я столь же неспособен на такую несправедливость, как и на то, чтобы быть снисходительным к тем, кто провозглашают крайние принципы, кто под видом религии проповедают не что иное, как безумную и опасную политику. Самое худшее в этой революционной политике состоит вот в чем: она делает нечувствительной и ожесточает душу, дабы приуготовить ее к отчаянным ударам, к которым иногда приходится прибегать в крайних обстоятельствах. Но обстоятельства эти могут никогда не сложиться, а разум уже запятнан, и нравственному чувству уже наносится немалый ущерб, при том, что ни одна политическая цель не достигается такой испорченностью. Люди такого рода столь захвачены теориями о правах человека, что совершенно забыли о его природе. Не открыв ни одного нового пути для понимания, они перекрыли те, что ведут к сердцу человека. Они успешно развратили в себе и в тех, кто

следует за ними, все склонности, свойственные душе человека.

Интересующая нас проповедь, произнесенная в Старом Гетто, проникнута в политической своей части одним лишь этим духом. Заговоры, убийства, покушения представляются некоторым людям самой обычной ценой за революцию. Реформы, за которые не заплачено ценою крови, свобода, не запятнавшая себя никакой виной, кажутся им плоскими и пресными. Им подавай грандиозную перемену декораций, потрясающие сценические эффекты; великое зрелище должно возбуждать их воображение, оцепеневшее от ленивого наслаждения безопасностью на протяжении шестидесяти лет, и все еще тешащееся общественным процветанием. И французская революция дала нашему проповеднику все, чего алкала его душа. Весь его организм исполнился юношеской горячностью. По ходу проповеди в нем все больше разгорается воодушевление, и в заключительной части он уже пылает восторгом. И вот, обозрев с вершины своей кафедры свободную, высоконравственную, счастливую, процветающую и славную Францию, словно изобразив нам вид земли обетованной с птичьего полета, он в экстазе восклицает:

"Мы живем в поистине историческую эпоху! Я преисполнен благодарности за то, что мне довелось быть ее свидетелем. Я чуть было не сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое». Мне довелось увидеть распространение знаний, подорвавшее предрассудки и заблуждения. Мне довелось увидеть, как права человека были поняты лучше, чем когда-либо прежде, как народы, казалось, утратившие представление о свободе, возжаждали ее. Мне довелось увидеть, как тридцать миллионов человек, возмущенных и решительных, презрительно отринули оковы рабства и властно потребовали свободы. *Короля влекли они в своем триумфальном шествии, и своевольный монарх склонился перед своими подданными*"⁴⁷⁾.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я должен заметить, что доктор Прайс, как видно, переоценивает величайшие достижения просвещения, кои осенили его в нашем веке. Мне представляется, что в прошлом веке мы были не менее просвещенными. Тогда, хотя и в другом месте, также произошла не менее памятная победа, чем триумф, воспетый доктором Прайсом. И кое-кто из великих проповедников той эпохи воспринял ее не менее восторженно, чем он - триумф во Франции. На процессе достопочтенного Хью Питерса, обвиненного в государственной измене, было установлено, что когда короля Карла привезли в Лондон на суд, наш тогдашний апостол свободы возглавил триумфальное шествие. "Я видел, - говорит свидетель, - его величество в карете, запряженной шестью лошадьми, а перед королем ехал верхом триумфатор Питерс". Доктор Прайс, когда он сегодня вещает так, будто совершил открытие, в действительности идет проторенным путем, ибо после начала суда над королем Карлом предшественник нашего проповедника, тот самый доктор Питерс, заключил долгое моление в королевской капелле в Уайтхолле (и самое это место было им избрано как весьма подобающее для триумфа) словами: "Я молился и проповедовал последние двадцать лет и теперь вместе с Симеоном могу я сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое»"⁴⁸⁾. Питерс не пожал плодов своей молитвы, ибо он покинул нашу юдоль не так скоро, как желал, и отнюдь не с миром. Он стал (и я от души надеюсь, что никто из его последователей не станет более в нашей стране) жертвою в том триумфальном шествии, которое возглавлял некогда в качестве первосвященника. Быть может, во времена Реставрации с этим беднягой обошлись чересчур сурово. Однако мы обязаны во имя его страданий помнить, что у него было не менее просвещения и рвения, что он столь же успешно подрывал все предрассудки и заблуждения, способные воспрепятствовать великому делу, в коем он

участвовал, как и любой его последователь из века нынешнего, присваивающий себе исключительные познания в области прав человека и все достославные последствия оных познаний.

После вспышки красноречия проповедника из Старого Гетто, которая отличается лишь местом и временем, но совершенно согласуется по духу и букве с образчиками красноречия, относящимися к 1648 году, господа из Общества революции, все эти законодатели, определяющие образ правления, ниспровергатели королей, избирающие себе повелителей и ведущие государей в своем триумфальном шествии, все это сборище героев, раздувшееся от сознания небывалого распространения знаний (изрядная доля коих досталась каждому из них), поспешило щедро поделиться ниспосланными им дарами. Желая распространить среди окружающих переполнявшие их знания, они перешли из молельного дома в Старом Гетто в лондонскую таверну, где доктор Прайс, в коем еще не иссякло пророческое вдохновение, предложил собравшимся принять резолюцию, то есть тот самый поздравительный адрес, который впоследствии лорд Стэнхоуп передал Национальному собранию Франции.

Я вижу, как проповедник Евангелия бесчестит прекрасное пророческое восклицание, называемое обычно "nunc dimittis" ("ныне отпускаеши"), возвестившее первое появление Спасителя нашего в Храме, как сей проповедник с бесчеловечным и неестественным восторгом применяет эти слова к самому ужасающему, зверскому и наводящему отчаяние зрелищу, которое когда-либо представлялось исполненному жалости и возмущения человечеству. Это "ведение короля в триумфальном шествии" есть в лучшем случае вещь бесчеловечная и противная вере. То, что наполняет нашего проповедника нечестивым восторгом, должно, по моему разумению, потрясать нравственное чувство в каждом благородном человеке. Нескольким англичанам пришлось стать возмущенными и ошеломленными свидетелями сего па-

мятного триумфа. Зрелище это напоминало (если нас не ввели в заблуждение) скорее процессию американских дикарей, вступающих в Онондагу⁴⁹⁾ после какой-нибудь резни, называемой ими победою. Индейцы возвращаются в свои увешанные скальпами вигвамы, ведя за собою пленников, между тем как их женщины, не уступающие в зверстве мужчинам, осыпают несчастных насмешками. Да, триумф во Франции напоминал более такое шествие дикарей, нежели торжество цивилизованной нации - если цивилизованная нация или вообще люди великодушные способны испытывать чувство торжества при виде поверженного и сокрушенного врага.

Это, милостивый государь, вовсе не было триумфом Франции. Я не могу не верить в то, что сей "триумф" исполнил ваш народ стыдом и ужасом. Я не могу не верить, что члены Национального собрания испытывают чувство величайшего унижения за то, что неспособны покарать инициаторов этого триумфального шествия и тех, кто принимал в нем участие, ибо оказались в положении, при котором любое расследование данного предмета будет лишено даже видимости свободы и беспристрастности. Депутатов Национального собрания еще можно оправдать, приняв во внимание их положение, но одобрять *то*, что они сами вынуждены были сносить, - значит совершать самый недостойный выбор, свойственный лишь испорченному уму.

Вынужденные сохранять видимость обсуждения, члены Национального собрания на самом деле голосуют под давлением суровой необходимости. Они заседают как бы в чужой республике, их резиденция находится в городе, конституция коего не обязана своим возникновением ни хартии их короля, ни их собственной законодательной власти. Они окружены там армией, созданной не по королевскому указу и не по их собственному постановлению, армией, которая, если они отдадут приказ о роспуске, немедленно распустит самое Национальное собрание. Они заседают там после того, как банда убийц увела несколько сот их прежних сотовари-

шей⁵⁰⁾, а те, кто придерживаются сходных умеренных принципов, выказывая лишь большее терпение или надежду, продолжают каждый день подвергаться неистовым оскорблениям и угрозам убийства. Там большинство, иногда подлинное, иногда облыжно таковым представляемое, само будучи в плену, заставляет плененного короля издавать в качестве королевских эдиктов грязную бессмыслицу, пришедшую из самых легкомысленных и беспутных кофеен. Общеизвестно, что все обсуждаемые Национальным собранием меры предприняты заранее. Несомненно, что под угрозой штыков, виселицы или поджога здания, где они заседают, депутаты вынуждены принимать все жестокие и отчаянные меры, предлагаемые клубами, состоящими из чудовищной смеси всех сословий, наречий и народностей. Там без труда можно найти людей, по сравнению с коими Катилина показался бы щепетильным, а Цетер⁵¹⁾ - человеком трезвым и умеренным. Но не в одних только этих клубах замыслы, направленные якобы ко благу общества, сделались чудовищами. Они предварительно искажаются в школах и факультетах, коим предназначается роль рассадников для упомянутых клубов, устраиваемых во всех местах скопления публики. На подобных собраниях любой обсуждаемый план воспринимается тем восторженнее, чем более в нем наглости, жестокости и вероломства, в коих видят печать высшего гения. Человечность и сочувствие ближнему осмеиваются, как плоды предрассудков и невежества. Мягкость к отдельным людям почитается изменой общественному благу. По их правилам свобода должна почитаться тем более совершенной, чем менее неприкосновенна собственность. В разгар убийств, резни и конфискаций здесь составляют планы наилучшего общественного устройства в будущем. Сжимая в объятиях низких преступников и раздавая местечки родственникам (на основании якобы нанесенных им обид), эти чудовища одновременно растлевают сотни добродетельных людей, вынуждая их кормиться подаванием или преступлением.

Их орган, Национальное собрание, играет перед ними фарс свободных дебатов, где так же мало порядочности, как и свободы. Депутаты его походят на ярмарочных комедиантов, выступающих перед распоясавшейся толпой - свирепыми мужчинами и потерявшими стыд женщинами, которые, повинаясь своей наглой фантазии, выкриками направляют их выступления, рукоплещут им или шикают, а иногда рассаживаются среди депутатов, управляя ими с причудливой смесью угодливой раздражительности и надменной властности. Поскольку они извратили порядок во всем, галерка для зрителей заняла место Палаты депутатов. Это собрание, свергающее королей и рушащее королевства, не имеет даже облика серьезного законодательного органа - *nec color imperii, nec frons erat ulla senatus*⁵²⁾. Оно обладает властью, данной ему для гнусной цели - развращать и разрушать; но у него нет власти ничего создать, кроме лишь механизмов, пригодных для дальнейшего подрыва и разрушения.

Кто из людей, привязанных душою к органам национального представительства, не отвернется с ужасом и отвращением от сей низкой пародии, от гнусного извращения священного для нас учреждения? И приверженцы монархии, и приверженцы республики должны равно питать к нему отвращение. Члены вашего Национального собрания должны и сами стенать от тирании, весь позор которой они несут, не получая от нее никакой выгоды. Я уверен, что многие депутаты, даже большинство их, должны чувствовать то же, что и я, несмотря на рукоплескания Общества революции. Несчастный король! Несчастное собрание! Как скандализовано должно было быть Национальное собрание поведением тех своих членов, которые назвали день, когда даже солнце, казалось, перестало сиять на небе, "*un beau jour!*"⁵³⁾. Как, должно быть, возмущались они в душе, слыша выступления своих сотоварищей, провозглашавших, "что государственное судно устремится теперь к возрождению с невиданной доселе скоростью", подгоня-

емое шквалом измены и убийств, который предшествовал торжествующим излияниям нашего проповедника! Что должны были они чувствовать, слушая с наружным спокойствием и внутренним возмущением известие об умерщвлении невинных депутатов Национального собрания и о том, что "пролитая кровь была не слишком чиста"⁵⁴⁾? Что должны были они чувствовать, когда их осаждали жалобами о беспорядках, сотрясавших их страну до самого основания, а они вынуждены были отвечать просителям, что те находятся под защитой закона и поэтому им следует обратиться к королю (королю-узнику), дабы он привел в действие законы, долженствующие защитить их? Когда поработанные министры пленного короля официально известили их о том, что у них не осталось ни закона, ни власти, ни сил защищать законность? Что должны они были чувствовать, когда им пришлось, поздравляя короля по случаю нынешнего нового года, просить короля-узника забыть о невзгодах прошлого во имя того великого блага, которое он - он! - наверное принесет своему народу? И, видимо, ради вящего достижения означенного блага они не торопились с практическими выражениями своей верности королю, но заверяли его в своем повиновении - когда у короля не оставалось никакой власти повелевать!

Это новогоднее поздравление составлено, несомненно, с большой доброжелательностью и любовью. Однако среди множества революционных изменений, произошедших во Франции, следует все же отметить весьма революционное изменение в представлениях о вежливости. Говорят, мы, англичане, заимствуем хорошие манеры с вашей стороны пролива, что мы склонны наряжаться в поношенное платье с чужого плеча. Если это так, то мы все еще остались людьми старого покроя, мы еще не успели усвоить новейшей парижской моды хорошего воспитания, и не научились думать, будто самая изысканная любезность (будь то при выражении соболезнования или при поздравлении) состоит в том, чтобы заявить самому униженному и попранному из

людей, что общество извлечет великое благо из убийства его слуг, из покушения на жизнь его самого и его жены, из всех оскорблений и унижений, которые он претерпел. Наш священник из Ньюгейтской тюрьмы слишком человеколюбив, чтобы обратиться с таким утешением к преступнику, стоящему у подножия виселицы. Я хотел бы думать, что парижский палач - теперь, когда голосование в Национальное собрание сделало из него уважаемого члена общества, а звание его и герб получили доступ в геральдическую палату прав человека, - что палач этот был бы человеком слишком великодушным и благородным, слишком исполненным сознанием нового своего достоинства, дабы употреблять столь обоюдоострое утешение по отношению к любому лицу, какое по обвинению в "оскорблении нации" может быть предоставлено его *исполнительной власти*.

Человек должен быть в самом деле повержен, если ему так льстят. Раз ему прописывают такое болеутоляющее, стало быть, желают разбавить язву горькой памятью. Давать опиум забвения, изрядно сдобрив его презрением, - значит подносить к губам страдальца не целительный бальзам, а чашу, до краев полную горечью, заставляя испить ее до дна.

Согласившись с доводами, по меньшей мере столь же вескими, как те, что были так деликатно изложены ему в поздравлении по случаю нового года, король Франции, быть может, попытается забыть и про эти события, и про самое поздравление. Но история, надолго сохраняющая все наши поступки и выносящая свой страшный приговор любым преследованиям царствующих особ, не забудет ни этих событий, ни эры либеральных усовершенствований в развитии человечества. В истории будет записано, что утром 6 октября 1789 года, после целого дня неразберихи, тревоги, смятения и резни король и королева Франции прилегли, дабы, уступая природе, на несколько часов забыться в беспокойном и горестном сне, веря в обещанную им обществом безопасность. Королева пробудилась ото сна, услышав го-

лос часового у своих дверей, кричавшего, чтобы она спасалась бегством, - последнее доказательство верности, которое успел он дать своей повелительнице перед гибелью. Он был заколот на месте. Банда жестоких головорезов, перепачканных кровью часового, ворвалась в покои королевы и принялась что есть мочи колоть штыками и кинжалами постель, с которой вскочила минутой раньше несчастная женщина. Едва одетая, она кинулась по переходам дворца, не известным убийцам, искать спасения у ног своего короля и супруга, чья жизнь также была под непрерывной угрозой.

Затем король и королева вместе с малолетними детьми (кои в будущем должны были стать гордостью и надеждой великого и благородного народа) были вынуждены покинуть свое прибежище - один из прекраснейших в мире дворцов, который они оставили утопающим в крови и обезображенным изувеченными телами убитых. После чего царствующую фамилию решено было препроводить в столицу королевства. Между тем обнаружилось, что двум гвардейцам, происходившим из знатных французских семейств, удалось избежать ничем не вызванной беспорядочной резни, жертвою коей стала не оказывавшая сопротивления королевская гвардия. Этих двух благородных дворян с соблюдением всех внешних форм правосудия приволокли на плаху и публично обезглавили на дворцовой площади. Головы их насадили на пики и понесли во главе процессии; за ними следовали царственные узники; вокруг гремели душераздирающие вопли, раздавались непристойные оскорбления, а посреди всей этой адской мерзости неистово плясали фурии преисподней, принявшие облик гнуснейших женщин. После того как в медленной попытке двенадцати миль пути, продолжавшегося шесть часов, их заставили капля за каплей испытать нечто худшее, нежели горечь смерти, августейшие узники под охраной тех самых солдат, которые сопровождали их в этом доблестном триумфальном шествии, были размещены в одном из старых дворцов Парижа, превратившегося в

Бастилию для королей.

Разве подобный триумф надлежит освящать на алтарях? Увековечивать благодарственными молебнами? Разве надлежит расписывать его человечеству в ореоле благочестивого восторга? Уверяю Вас, что фивейские и фракийские оргии, имевшие место во Франции, коим рукоплескали господа из Старого Гетто, вызывали пророческий экстаз совсем у немногих в нашем королевстве. Впрочем, наш святой, которому, должно быть, были явлены какие-то особые видения, наш апостол, окончательно победивший низкие предрассудки сердца, мог счесть благочестивым и пристойным сравнивать сей триумф со вступлением в мир Спасителя мира, о коем провозвестил в святом храме достопочтенный мудрец, а незадолго до того глас ангельский возвестил ни о чем не ведающим пастухам⁵⁵⁾.

Сперва мне было нелегко объяснить этот приступ умеренного восторга. Я знал, конечно, что страдания монархов - просто пиршество на вкус иных гурманов. Присутствовали, правда, и здесь соображения, которые могли бы удержать их аппетиты в границах умеренности. Но когда я принял во внимание одно обстоятельство, мне пришлось сознаться, что членам Общества революции следовало сделать скидку, ведь искушение было слишком велико для обычной сдержанности. Я хочу сказать, что атмосфера всего этого триумфа, победный клич "епископов на фонари" вполне могли вызвать взрыв восторга по поводу предвидимых последствий сего счастливого дня. Я признаю, что такой избыток восторга несколько отклонялся от благоразумия. Я готов понять нашего пророка с его радостными и благодарственными гимнами по случаю события, кое он мнит предтечей нового тысячелетия, будущего пятого царства⁵⁶⁾, ибо на глазах его рушатся все установления церкви. Однако в самом разгаре сего ликования было нечто такое, что должно было призвать этих достойных господ к терпению (как всегда бывает в людских делах), к испытанию их веры. При всех его благоприятных событи-

ях этому "прекрасному дню" не доставало подлинного убийства короля и королевы, а заодно их сына. Недоставало и подлинного убийства епископов, хоть к нему и призывали многочисленные благочестивые восклицания. Правда, сцена цареубийства уже была намечена смелыми мазками - но лишь набросана вчерне. Она, увы, осталась незаконченной в этом великом историческом полотне убийства невинных. Чья умелая кисть довершит его, пока неясно. Наш век покуда еще не проникся всеми преимуществами того распространения знаний, кое подорвало предрассудки и заблуждения; королю Франции еще недостает последнего толчка, дабы предать забвению и собственные страдания, и патристические преступления просвещенного века, принимая во внимание все то благо, какое может из них произрасти.

Пусть просвещение и знания не так уж долго воздействовали на умы, как должно было по всем вероятностям быть; все же я должен счесть, что такое обращение с любым человеческим существом должно просто потрясать всякого, кроме тех, кто создан, дабы совершать революции. Но я не могу остановиться на этом. Под влиянием врожденных чувств, не будучи просвещен ни единым лучом света, распространяющегося в новейшем обществе, я сознаюсь Вам, сударь, что высокое положение страдальцев, а особенно нежный пол, красота и привлекательные качества королевы, наследницы многих поколений королей и императоров, а также малолетний возраст детей королевской четы (лишь детская невинность делала их нечувствительными к чудовищным оскорблениям, коими вместо криков ликования толпа осыпала их родителей) - все это в немалой степени усиливает мои чувства по поводу сего прискорбного события.

Я слышал, что король (августейшая особа которого была главным объектом торжества нашего проповедника), хотя и сдерживался, но глубоко переживал позорное это происшествие. Как мужчина он не мог не пере-

живать за свою супругу и детей, а также за преданных гвардейцев, хладнокровно убитых возле него; как государь он не мог не чувствовать странного и пугающего перерождения своих цивилизованных подданных и не печалиться за них более, нежели печься о себе самом. Все это отнюдь не умаляет его стойкости, несравненно возвеличивая в то же время его гуманность. Как горестно, как воистину горестно, что сии особы оказались в столь тяжких обстоятельствах, при коих нам приличествует восхвалять великие их добродетели!

Мне довелось услышать, и я был рад этой вести, что благородная дама, другой предмет триумфа, снесла этот день (людям интересно бывает узнать, что существа, обреченные на страдания, сносят их достойно) и все последовавшие за ним, а также заключение супруга и свое собственное, изгнание друзей, оскорбительное низкопоклонство приветствий и всю тяжесть обрушившегося на нее горя с невозмутимым спокойствием - так, как приличествует особе ее положения и происхождения, отпрыску королевы, прославленной своим благочестием и мужеством; что, подобно своей матери, она одарена возвышенными чувствами, что достоинство ее заставляет вспоминать римских матрон, что и в последней крайности она уберется от крайнего унижения, и если суждено ей пасть, то и в падении бесчестье не коснется ее.

Прошло шестнадцать или семнадцать лет с той поры, когда я видел французскую королеву, тогда еще наследную принцессу, в Версале. Несомненно, сей мир, которого она, казалось, едва касалась, никогда не посещало более прелестное видение³⁷⁾. Я видел ее, едва взошедшую над горизонтом той высшей сферы, украшать и радовать которую она тогда только начинала - она сияла подобно утренней звезде, она была полна жизни, блеска, радости. А ныне - что за превращение! И что за сердце у меня, раз я способен бесчувственно обозревать это величие и это падение! Разве мог я представить, глядя на молодую принцессу, в отношении к коей

преклонение сливалось с восторженной и почтительной любовью, что ей когда-нибудь придется хранить в груди горькое противоядие от оскорблений! Разве мог я представить, что доживу до того, чтобы увидеть, как обрушатся на нее столь жуткие беды среди нации, мужи коей славятся доблестью, нации рыцарей и галантных кавалеров. Я считал, что десять тысяч шпаг вырвутся из ножен, дабы отомстить за один взгляд, способный оскорбить королеву. - Но увы, век рыцарства миновал. На смену ему пришел век демагогов, экономистов, век людей расчетливых, и слава Европы угасла навсегда. Никогда, никогда более не узрим мы сей безоглядной преданности высокородной особе слабого пола, этого гордого повиновения, этого исполненного достоинства подчинения, этой покорности сердца, которое и в самом служении сохраняло живым дух возвышенной свободы. Некупленное благородство жизни, бескорыстная защита отечества, вскормившая мужественные чувства и героические дела, миновала! Миновала чуткость к принципам, эта безупречность чести, когда пятно на ней ощущалось как рана, которая вдохновляла на смелость и обуздывала жестокость, облагораживала все, чего случалось ей коснуться, при которой самый порок был вдвое меньшим злом, ибо терял всю свою грубость.

Эта смесь убеждений и чувств вела свое происхождение от старинного рыцарства, а принцип, пусть изменившийся внешне, в силу изменившегося состояния людских дел, все же выжил и чрез долгую череду поколений оказывал свое действие даже на наше время. Если он когда-нибудь исчезнет окончательно, потеря, боюсь, будет огромной. Именно он придал свой характер нынешней Европе. Именно он был ее сутью под всеми формами правления, и столь выгодно отличал ее от государств Азии, а, может быть, и от тех государств, что цвели в самые блестящие эпохи древнего мира. Именно он, не смешивая сословий, создавал благородное равенство и передавался через все ступени общественной иерархии. Именно эти убеждения смягчали королей,

превращая их в сотоварищей, а простых людей возвышали до дружества с королями. Без силы или противодействия они побеждали гордыню и жестокость. Они заставляли правителей склониться под мягкий ярем общественного признания, вынуждали суровую власть отступать пред утонченностью и смиряли добрыми нравами могущество, поправшее законы.

Но теперь все должно перемениться. Все сладкие иллюзии, придававшие власти благородство, а повиновению - привкус вольности, иллюзии, кои сливали в единую гармонию разные оттенки жизни и примешивали в политику чувствительность, украшали и смягчали частную жизнь, должны теперь раствориться в победоносной империи просвещения и разума. Завесу пристойности надлежит грубо отдернуть. Всем высшим идеям, заимствованным из гардероба нравственного воображения, идеям, кои вынашивает сердце, а разум оправдывает, видя, что необходимо прикрыть недостатки нагой природы и поднять ее до достоинства нашего разума, всем им теперь предстоит быть отринутыми как смешным, нелепым и вышедшим из моды.

При этом порядке вещей король всего лишь человек, королева - всего лишь женщина; женщина - всего лишь животное, да и то не высшего разряда. Почтение к слабому полу как таковому следует почитать романтикой и безумством. Цареубийство и отцеубийство, а также святотатство - всего лишь суеверный вымысел, подрывающий правосудие, нарушая его простоту. Убийство короля, или королевы, или епископа, или отца - лишь обычное убийство, причем, если оно может каким-то образом принести народу выгоду, то убийство это вполне простительно и нам не следует расценивать его слишком взыскательно.

Исходя из построений сей варварской философии, обязанной своим появлением на свет холодности сердца и замутненному рассудку, сей философии, лишенной здравого смысла в той же мере, как вкуса и изящества, законы следует поддерживать только путем устрашения

и той заинтересованности, которая может возникать в них у каждого человека, исходя из его личных выгод и того времени, какое может он уделить закону от личных своих дел. В рощах их Академии в конце каждой просеки взгляд наталкивается лишь на виселицы. Государство лишь устрашает, не вызывая к себе никаких теплых чувств. Исходя из принципов сей механистической философии, наши установления никак не могут воплощаться (если уместно здесь такое слово) в отдельных лицах, дабы возбуждать в нас любовь, преклонение, восхищение или симпатию. Но умствования, изгоняющие из наших душ сии чувства, не способны сами занять их место. Сии общественные симпатии вкупе с правилами поведения подчас необходимы как дополнения, иногда как поправки и всегда - как поддержка закона. Рецепт создания поэм, принадлежащий великому человеку и великому критику, равно верен и для государств. "Non satis est pulchra esse poemata - dulcia sunt"⁵⁸). В каждом народе должен быть свод правил поведения, способный дать наслаждение правильно сформированному уму. Чтобы мы могли любить отечество, отчизна наша должна быть любезна сердцу.

Власть любого рода способна пережить потрясение, в коем гибнут и убеждения, и правила поведения; она найдет другие, худшие средства, дабы поддержать свое существование. Узурпация, которая ради того, чтобы извратить старинные установления, разрушила старинные принципы, будет удерживать власть средствами, сходными с теми, коими она ее захватила⁵⁹). Когда угаснет в душах людей старинный феодальный рыцарский дух вассальной верности, который, избавляя королей от страха, избавлял и королей, и подданных от принудительных мер, свойственных тирании, тогда заговоры и покушения будут предотвращаться превентивными убийствами и превентивными конфискациями имущества, тогда на вооружение будет взят обширный арсенал мрачных и кровавых максим, составляющих политический кодекс всякой власти, которая не держится

на собственной своей чести и чести тех, кто должен ей повиноваться. Когда подданные сделаются мятежниками из принципа, короли станут тиранами из соображений политических.

Нельзя оценить тот урон, который наносит отмена старинных убеждений и правил жизни. С этой минуты у нас нет более компаса, который мог бы направлять нас, нам невозможно узнать, на какой порт держим мы курс. Несомненно, Европа, взятая в совокупности, пребывала в цветущем состоянии в тот час, когда прогремела ваша революция. Насколько благоденствие это обуславливалось духом старинных наших нравов и убеждений, сказать не легко; но ввиду того, что подобные причины не могут быть безразличны для результата, то мы можем допустить, что в целом воздействие их было благодетельным.

Мы слишком склонны видеть вещи такими, какими их застаем, не обращаясь в достаточной мере к причинам, их породившим и, возможно, их поддерживающим. Нет ничего более надежного, чем то, что наши нравы, наша цивилизация и все прочие хорошие вещи, связанные с нравами и цивилизацией в нашем европейском мире, веками покоились на двух принципах, будучи фактически порождением сочетания оных принципов. Я имею в виду дух благородства и дух религии. Дворянство и духовенство, одно своими занятиями, другое своим покровительством, поддерживали ученость даже в разгар войн и сумятиц, когда правительства еще только формировались. Ученость с лихвою вернула долг дворянству и духовенству, развив их понятия, образовав умы. Сколь счастливо могли они продолжать свой неразделимый союз, оставаясь каждый на своем месте! Сколь счастливы были бы они, если б ученость, не обольщаясь честолюбием, удовлетворилась бы положением наставника, не стремясь сделаться господином! Теперь же вместе со своими естественными защитниками и охранителями ученость будет втоптана в грязь копытами скотоподобной толпы⁶⁰⁾.

Если (как кажется мне) современная литература обязана старинным нашим нравам гораздо большим, чем ей бы хотелось, то это в равной мере относится и к другим областям, кои мы отнюдь не склонны недооценивать. Даже торговля, ремесла и промышленность, эти божества наших политэкономов, вероятно, порождены ими; это лишь последствия, кои мы стали обожествлять, словно они суть причина. Они, несомненно, возросли под тою же сенью, под коей процветала ученость. И с упадком принципов, бывших их естественною охраною, они также могут прийти в упадок. У вас, по крайней мере в нынешнем положении, всем им вместе грозит исчезновение. Повсюду, где народ нуждается в развитии ремесел и промышленности, а дух дворянской доблести и религии остается непоколебленным, происходят, благодаря сей силе духа, необходимые изменения. Если же торговля и искусства будут утрачены в попытке испробовать, может ли государство держаться без этих основополагающих принципов, во что же превратится тогда нация грубых, невежественных, свирепых и в то же время жалких и убогих варваров, лишенных религии, чести, человеческой гордости, которые ничего не имеют в настоящем и ни на что не надеются в будущем?

Я искренне желаю, чтобы вы не слишком быстро, не чересчур коротким путем шли к столь ужасному и позорному положению. Уже успели проявить себя и убогость в понятиях, и простонародная грубость во всех начинаниях Национального собрания и всех его советников. Свобода, коей они пользуются, не освобождает их. Их наука есть самонадеянное невежество. Их гуманность дика и жестока.

Неясно, научились ли мы, англичане, этим великим принципам благопристойности, нравам, от которых еще остались весьма существенные следы, у вас, или же вы почерпнули их у нас. Но мне кажется, у вас их происхождение прослеживается лучше. Вы представляетесь мне *gentis incunabula nostrae*⁶¹⁾. Франция всегда в той или иной степени влияла на нравы в Англии. И когда

ваш источник оказался засоренным, поток не может струиться долго, он не может остаться чистым ни у нас, ни в какой-либо иной стране. Это, по моему мнению, дает Европе основания быть весьма обеспокоенной происходящим во Франции. Потому вы извините меня, если я слишком надолго остановился на чудовищных событиях 6 октября 1789 года или уделил слишком много времени размышлениям, возникшим у меня по поводу важнейшей из всех революций, начало коей можно датировать этим днем. Я имею при этом в виду революцию в чувствах, нравах, воззрениях на мораль. При нынешнем положении вещей, когда все почтенное уже уничтожено вовне нас, когда делается попытка уничтожить и внутри нас всякий достойный уважения принцип, ощущаешь себя почти вынужденным извиняться за то, что в тебе еще сохранились обычные человеческие чувства.

Почему же чувства мои столь отличны от тех, что питает достопочтенный доктор Прайс и те из его паствы, кто предпочтет согласиться с воззрениями, изложенными им в своей проповеди? По одной простой причине — мне *естественно* испытывать именно такие чувства, ибо мы сотворены так, что при подобных событиях нас охватывает печаль о неустойчивости благоденствия смертных, о величайшей неустойчивости человеческого величия; эти естественные чувства побуждают нас извлечь урок из происходящего, ибо в событиях, сходных с нынешними, сами наши влечения становятся наставником разума; ибо когда королей свергают с трона по мановению высшего постановщика этой величайшей драмы, когда они становятся предметом оскорблений со стороны низких и жалости со стороны добрых, то мы наблюдаем здесь такое нравственное бедствие, которое подобно чуду в физическом порядке вещей. Тревога заставляет нас размышлять, разум наш (как уже давно замечено) очищается страхом и жалостью, наша слабая нерассуждающая гордость смиряется перед промыслом таинственной мудрости. Если б подобное зрелище раз-

вертывалось передо мной на сцене, оно и тогда могло бы исторгнуть слезы из моих глаз. Я бы устыдился, обнаружив в себе поверхностное, театральное чувство наносной печали в ту минуту, когда я столкнулся бы с таким событием в жизни. Со столь извращенным восприятием я никогда не показывался бы на постановках трагедий. Люди могли бы подумать, что слезы, кои, бывало, исторгала из моих глаз игра Гаррика⁶²⁾, а позднее госпожи Сиддонс, были слезами лицемера, я же должен был знать, что это были слезы безумия.

В самом деле, театр - лучшая школа нравственных чувств, нежели такие церкви, где столь чудовищно извращается чувство гуманности. Поэты, коим приходится иметь дело с людьми, еще не прошедшими школы прав человека, должны приспособляться к нравственным законам сердца, и не осмелятся изобразить вышеописанное триумфальное шествие как предмет ликования. Там, где люди следуют своим естественным побуждениям, они не снесут отвратительных правил макиавеллиевой политики, независимо от того, применяют ли их для монархической или демократической тирании. Люди отвергнут их на сцене современной, точно так же как отвергали на античной, ибо публика античного театра не могла вынести даже гипотетического изложения подобной низости из уст актера, правдиво изображавшего тирана. Ни в одном театральном зрелище афинская публика не допустила бы того, что произошло в действительности во Франции в день достопамятного триумфа. Здесь актер, исполнявший главную роль, взвешивал, точно на весах в камере ужасов: столько-то подлинного преступления против такой-то возможной выгоды - и произносил, что выгода перевесила. Афиняне не потерпели бы того, чтобы преступления новой демократии заносились в расчетную книгу против преступлений старого деспотизма, а счетоводы от политики признавали, что демократия еще задолжала, но ни в каком случае не желает выплачивать разницу. На театре первый произвольный взгляд безо всяких раздумий

показал бы, что такой способ политических подсчетов оправдал бы любую меру преступлений. Публика поняла бы, что согласно таким принципам, даже там, где самые страшные поступки не совершаются, происходит это скорее благодаря удаче заговорщиков, нежели от того, что они опасались проливать кровь и прибегать к измене. Публика увидала бы, что преступные средства, которые однажды были допущены, вскоре делаются предпочтительными. Они дают возможность сократить дорогу к цели, по сравнению с торной дорогой нравственных добродетелей. Когда ради общественной выгоды оправдывается вероломство и убийство, то общественная выгода скоро сделается предлогом, а вероломство и убийство - целью, покуда жадность, злоба, мстительность и страх, еще более ужасный, чем мстительность, не насытит их алчных appetитов. Таковы должны быть последствия того, что в великолепных триумфах прав человека забываются все естественные понятия о добре и зле.

Однако достопочтенный пастор ликует по поводу того, что Людовика XVI вели в триумфальном шествии, поскольку он был "самодержавным монархом", иначе говоря, не больше не меньше как потому, что он Людовик XVI, и потому, что он имел несчастье родиться королем Франции, prerогативы коего определились длинной чередой предков и вековым согласием народа, причем все это досталось ему безо всякого труда. То, что он родился королем Франции, действительно обернулось для него несчастьем. Но несчастье не преступление, необдуманнные поступки - не всегда большая провинность. Никогда не смогу я почесть, что государь, все деяния коего на протяжении всего его царствования были цепью уступок своим подданным, государь, желавший ослабить свою власть, уменьшить свои prerогативы, дать своему народу такую долю свободы, коей не знавали, а, может быть, и не желали предшествующие поколения, - что такой государь, будь он даже подвержен обычным слабостям, свойственным людям и государям,

даже если он однажды счел необходимым противопоставить силу кровожадным замыслам, явно направленным против его особы и остатков его власти, - итак, если принять все это во внимание, мне будет чрезвычайно трудно поверить, что он заслуживает жестокого и оскорбительного триумфального шествия, устроенного в Париже и восторженно встреченного доктором Прайсом. Я трепещу за дело свободы, думая о таком примере для королей. Я трепещу за дело гуманности, глядя на то, как самые дикие и злобные выходки остаются безнаказанными. Однако есть люди с низким и извращенным складом ума, с почтительностью и восхищением взирающие на королей, умеющих прочно сидеть на троне, твердой рукой править своими подданными, защищать свои прерогативы и с суровой бдительностью деспота подавлять первые признаки свободы. Против таких королей эти люди никогда не возвысят голоса. Отступники от принципа, соблазненные богатством, они никогда не видят никакого проку в страдающей добродетели, никакого преступления в благоденствующей узурпации.

Если бы мне стало ясно, что король и королева Франции (я имею в виду тех, кто носил эти титулы вплоть до прискорбного триумфального шествия) были безжалостными и жестокими тиранами, что они замыслили резню членов Национального собрания (на нечто подобное намекают в некоторых публикациях), я счел бы их заточение справедливым. Если бы это было правдой, то необходимо было бы сделать и многое другое, но иным способом. Наказание истинных тиранов есть благородный и величественный акт справедливости, его справедливо полагали утешительным для человеческого разума. Но если бы мне пришлось покарать дурного короля, я полагал бы должным сохранить в возмездии достоинство. Справедливость серьезна и благопристойна; даже карая, она скорее подчиняется необходимости, нежели прибегает к каре по выбору. Если бы речь шла о Нероне, Агриппине, Людовике XI или Карле IX, если б,

сударь, в ваши руки или в мои попался король Швеции Карл XII после убийства Паткуля⁶³⁾, или его предшественница Христина после убийства Мональдески⁶⁴⁾, то я уверен, что мы с вами вели бы себя по-другому.

Если французский король, или король французов (или какой там еще титул дан ему вашим новым уложением законов), вкупе со своей супругой, действительно совершил все эти недоказанные, но преступные покушения на убийство и последующие за ними низости, по жестокости превосходящие убийство, то вряд ли он был бы достоин даже того ограниченного доверия, коим, как я понимаю, он доселе облечен, он не был бы достоин того, чтобы именоваться главою народа, который притеснял. Новое государство не могло бы сделать худшего выбора для такой должности, чем низложенный тиран. Но оскорблять и унижать человека, как худшего из преступников, а затем доверить ему, как верному, честному и преданному слуге, свои высшие интересы - это несовместимо со здравым смыслом, неблагоразумно политически и опасно на практике. Те, кто сделали такой выбор, виновны в наиболее вопиющем злоупотреблении доверием народа. И поскольку это единственное преступление, где ваших ведущих политиков можно упрекнуть в непоследовательности, то я прихожу к заключению, что для сего чудовищного обвинения просто не было оснований. Того же мнения я держусь относительно прочей клеветы.

У нас в Англии в эти обвинения не верят. Мы честные противники и преданные союзники. Мы с отвращением и возмущением отбрасываем клевету тех, кто приносит нам сюда всякие небылицы, в подтверждение предъявляя клеймо⁶⁵⁾ лжи на плече. Мы заточили лорда Джорджа Гордона⁶⁵⁾ в Ньюгейтскую тюрьму, и ни его открытое обращение в иудаизм, ни то обстоятельство, что в своем рвении против католиков и других священников он поднял сброд (простите мне это выражение, у нас оно все еще в ходу), разрушивший все наши тюрьмы, не помогли ему сохранить свободу, которую он не умел

достойно употребить. Ньюгейт был отстроен заново и заселен жильцами. У нас есть тюрьмы почти столь же прочные как Бастилия - для тех, кто осмеливается клеветать на королеву Франции. Пусть наш благородный бунтовщик и далее пребывает в духовном уединении. Пусть он размышляет там над Талмудом, покуда не научится вести себя сообразно своему происхождению и положению в обществе, дабы не оскорблять древнюю религию, в которую обратился, или покуда кто-нибудь с вашей стороны пролива не выкупит его, на радость его собратьям-евреям. Он может тогда с помощью тайных сокровищ синагоги купить при очень скромной пошлине и с выплатой процента в тридцать сребреников (Прайс уже показал нам, какие чудеса совершает процент через 1790 лет) земли, которые, как оказалось в последнее время, были узурпированы галльской церковью. Пошлите нам своего паписта - архиепископа Парижского, а мы пошлем к вам нашего раввина-протестанта. Мы будем обращаться с особой, кою вы направите к нам в обмен, как с честным человеком благородного звания, каковым он является, и пусть он возьмет с собою сумму, которая поможет ему оказывать гостеприимство и благотворительность - что касается нас, то мы и шиллинга не конфискуем из этого благочестивого фонда, нам и в голову не придет обогащать свою казну за счет содержимого копилки для бедняков.

Сказать вам по правде, милостивый государь, я полагаю, что к чести нашей нации, мы озабочены тем, чтобы отречься от действий общества, заседающего в Старом Гетто и лондонской таверне. Мне никто не давал полномочий. Я говорю только от своего имени, когда самым решительным образом отказываюсь иметь что-либо общее и с теми, кто был среди устроителей позорного триумфа, и с теми, кто восхищался ими. Когда я утверждаю что-либо, касающееся английского народа, я говорю, основываясь на собственных наблюдениях, а не от чьего-то имени. Однако я говорю, исходя из весьма широкого и разнообразного опыта общения с граждана-

ми нашего королевства всех званий и сословий - опыта внимательного наблюдения, начавшегося еще на заре моей жизни и продолжающегося почти сорок лет. Меня часто поражало то обстоятельство, что хотя нас отделяет от вас лишь узкая полоска воды в двадцать четыре мили, а взаимное сообщение между двумя странами было в последнее время весьма оживленным, вы все же так мало знаете о нас. Подозреваю, что произошло это потому, что вы составили мнение о нашем народе на основе двух-трех сочинений, где совершенно ошибочно представлены (если представлены вообще) мнения и нравы, господствующие в Англии. Тщеславие, неуговорчивость, самоуверенность и интриганство нескольких мелких клик, пытающихся скрыть полную свою незначительность за суетой и шумом, за раздутыми претензиями и цитированием друг друга, создают у вас впечатление, будто наше презрительное пренебрежение их возможностями есть знак всеобщего согласия с их мнениями. Уверяю Вас, это отнюдь не так. Только от того, что полдюжины кузнечиков, расшалившихся под кустом папоротника, заставляют поле звенеть от их назойливой трескотни, покуда тысячи коров и быков, отдыхающих под сенью британского дуба, молчаливо жуют свою жвачку, ради Бога, не воображайте, будто те, кто устраивает весь этот шум, являются единственными обитателями поля; не думайте, будто их много или же они представляют собою нечто иное, кроме крохотных, сморщенных, прыгучих, хотя и громкоголосых и беспокойных насекомых.

Я почти отважусь утверждать, что и один из сотни моих сограждан не станет участвовать в "триумфах" Общества революции. Если бы король и королева Франции со своими детьми оказались в наших руках из-за превратностей войны, то и в разгар войны (а я осуждаю подобные события, осуждаю вражду) Лондон встретил бы их совсем другим триумфом. В прошлом король Франции уже бывал в таком положении, вы читали о том, как относился к нему победитель на поле брани. С

тем же почтением его впоследствии приняли в Англии. Прошло четыреста лет, но полагаю, мы с тех пор в сущности не изменились. Благодаря нашему угрюмому сопротивлению новшествам, благодаря холодной вялости нашего национального характера, мы все еще несем на себе клеймо наших предков. Мы не утратили (я надеюсь) великодушия и достоинства, отличавших нас в четырнадцатом веке; мы покуда еще не превратились в дикарей. Мы не адепты Руссо и не последователи Вольтера⁶⁶⁾. Идеи Гельвеция⁶⁷⁾ не привились среди нас. Среди наших проповедников нет безбожников, безумцы не предписывают нам законов. Мы знаем, что не совершили открытий, и полагаем, что вообще невозможно совершить открытий в области нравственности; и лишь очень немного - в сфере основополагающих принципов правления или идей о свободе, кои задолго до нашего рождения понимались почти столь же полно, как будут пониматься, когда наша самонадеянность уже скроется под могильным холмом, и молчание гробницы укротит нашу наглую словоохотливость. У нас, англичан, еще не до конца выпотрошили душу, мы все еще ощущаем в себе, лелеем и развиваем те врожденные чувства, кои являются верными стражами и действенными побудителями долга, истинной опорой всякой свободной и мужественной нравственности. Нас не поймали в силки, чтобы потом набить, как музейное чучело, которое набивают соломой, тряпьем и прочим хламом наподобие бумажонки о правах человека. Мы сохранили всю полноту чувств в ее врожденной целостности, не изошренной педантизмом или предательством. В нашей груди бьется обычное сердце из плоти и крови. Мы чувствуем страх Божий, мы с благоговением возносим взоры к королям, любим свой парламент, мы подчиняемся представителям муниципальной власти, мы почитаем священников и уважаем дворян⁶⁸⁾. Почему? Потому что, когда разум наш касается подобных идей, в нас пробуждаются естественные чувства, тогда как прочие ощущения лживы и неискренни, они совращают наш разум, отсту-

пают от основ нравственности, делая нас непригодными для разумной свободы. Они учат нас холопской, развязной, безудержной наглости, мы потешимся ею несколько разгульных дней, а в итоге она как нельзя лучше подготовит нас к вполне заслуженному рабству, кое будем мы влачить на протяжении всей оставшейся жизни.

Вы видите, сударь, что в сей просвещенный век у меня достаёт смелости сознаться, что мы в большинстве своем - люди неискушенных чувств, что вместо того, чтобы выбросить вон все наши старые предрассудки, мы нежно лелеем их и, к еще большему для себя позору, лелеем их именно потому, что они предрассудки, и чем долее они просуществовали, чем распространенней они были, тем более они нам дороги. Мы страшимся представлять людей своему собственному разумению, ибо подозреваем, что запас этого разумения невелик, и что людям лучше прибегнуть к общему капиталу, накопленному целыми народами на протяжении веков. Многие люди, наделенные способностью рассуждать, предпочитают вместо того, чтобы подрывать всеобщие предрассудки, направить свою проницательность на то, чтобы обнаружить скрытую в них мудрость. Если они обнаруживают то, что искали, а так и бывает чаще всего, то полагают, что разумнее продлить существование предрассудка, окутывающего мудрость, чем, отбросив покров предрассудка, оставить истину неприкрытой. Ибо предрассудок, действуя заодно с мудростью, окутывает ее чувством, придающим ей устойчивость. Предрассудок всегда под рукой в час опасности, он побуждает человека идти путем истины и добродетели, не оставляет его в колебании в роковую минуту - во всем сомневающегося, обескураженного и нерешительного. Предрассудок превращает добродетель в привычку, не давая ей остаться последовательностью не связанных между собою поступков. Посредством предрассудка долг делается частью человеческой натуры.

Ваши литераторы и политики, как и весь клан просвещенных лиц у нас, существенно отличаются в этом

отношении от прочих людей. Не уважая мудрость других, они искупают сей недостаток полной уверенностью в собственной непогрешимости. Они могут спокойно разрушить привычный порядок вещей только потому, что он стар. Что же касается до нового, они ничуть не страшатся, долговечно ли будет здание, построенное наспех, ибо долговечность вовсе не является целью для тех, кого мало или совсем не заботит сделанное до них, для тех, кто возлагают все надежды на новые открытия. Люди эти полагают, и весьма последовательно, что все извечное вредно, а потому ведут непрестанную войну против всех установлений. Они думают, что способы правления могут меняться, как моды, и от этого не будет большего вреда; что государственное законодательство не должно основываться на иных принципах, кроме принципа удобства. В речах своих они всегда исходят из убеждения, будто между ними и властями имеется некая твердая зависимость, обязывающая власти, но обратной связи не существует, и народ, в своем величии, имеет право сию зависимость уничтожить - безо всякой иной причины, кроме своеволия. Такие люди преданы отечеству лишь настолько, насколько оно годится для их мимолетних проектов, привязанность эта начинается и кончается с тем замыслом, который согласуется с их сиюминутным мнением.

Такого рода доктрины, или, скорее, чувства, по-видимому, преобладают среди ваших государственных мужей. Но чувства сии совершенно противоположны тем, исходя из которых всегда поступали в нашей стране.

Я слышал, будто во Франции иногда говорят, что происходящие у вас события имеют своим образцом Англию. Позволю себе заметить, что навряд ли что-либо из случившегося у вас произошло из господствующих в нашем народе обычаев или взглядов. Спешу добавить, что мы столь же не стремимся усваивать эти уроки у французов, насколько уверены в том, что никогда не преподавали им ничего подобного. Те клики, кои с уча-

ствием относятся к происходящему у вас, насчитывают покуда лишь горстку людей. Если, к несчастью, своими интригами, проповедями и сочинениями, а также уверенностью, почерпнутой от ожидаемого союза с силами Франции, они привлекут значительное число сторонников и впоследствии попытаются устроить в Англии нечто подобное происходящему у вас, то (осмелюсь высказать уверенность) событие это будет исчерпано тем, что принеся определенное беспокойство своей стране, они вскоре довершат собственный разгром. Англичане отказались в отдаленные времена менять свой закон из почтения к непогрешимости пап, они и теперь не изменят его из благочестивой веры в догматы философов, невзирая на то, что папы имели в своем распоряжении анафему и крестовый поход, а философы - клевету и фонари.

Прежде дела ваши касались только вас. Мы по-человечески сочувствовали жертвам, но держались в стороне, ибо мы не граждане Франции. Но когда нам предлагают образец для подражания, мы должны и чувствовать, и поступать как англичане. Ваши дела, независимо от нас, стали частью наших интересов - по крайней мере настолько, чтобы заставить нас держать на расстоянии вашу панацею или вашу чуму. Если это панацея, мы ее не хотим. Мы знаем, каковы последствия лекарства, не являющегося необходимым. Если же это чума, то она такого рода, что нам следует установить самый суровый карантин.

До меня отовсюду доходят слухи о том, что клика, называющая себя философской, пожинает славу многих недавних событий, что мнения и системы сих философов поистине лежат в основе всего происходящего во Франции. Мне не доводилось слышать ни о какой партии в Англии, ни литературной, ни политической, которая походила бы на них. Это ведь не те люди, кого простонародье в своем ослеплении обычно называет безбожниками? Если бы это было так, мне бы пришлось признать, что и у нас бывали писатели подобного толка,

достаточно нашумевшие в свое время. Ныне они пребывают в забвении. Кто из родившихся в последние сорок лет прочел хоть строчку Коллинза, Толанда, Тиндела, Чабба и Моргана и всей этой братии, именовавшей себя свободомыслящими? Кто читает нынче Болингброка⁶⁹⁾? Кто вообще сумел прочесть его полностью? Спросите лондонских книгопродавцев, что случилось с этими светочами просвещения. Пройдет столь же краткий срок, и их последователи сойдут в склеп "всех Капулетти". Но кем бы ни были они прежде, кем бы не являлись теперь, в нашей стране они оставались совершенно несвязанными между собою лицами. У нас они сохраняли присущие им свойства и не сбивались в стадо. Они никогда не действовали сообща, не были известны как партия и не претендовали как таковая на влияние в каком-либо из вопросов, волновавших наше общество. Должны ли они были вообще существовать и следовало ли позволять им действовать - это другой вопрос. Поскольку же подобных клик в Англии не бывало, они и не могли оказать влияния ни на первоначальные установления нашей конституции, ни на те исправления и усовершенствования, кои она претерпела. Вся она была создана под покровительством веры и в соответствии с предписаниями благочестия. Вся она пронизана простотою нашего национального характера и тою природною прямою и ясною пониманием, каковая долго была свойственна людям, пользовавшимся среди нас авторитетом. Такие наклонности и поныне сохранились, по крайней мере, в большинстве нашего народа.

Мы знаем, и, что еще лучше, мы внутренне ощущаем, что религия есть основа цивилизованного общества, основа всего доброго и утешительного⁷⁰⁾. У нас в Англии столь убеждены в этом, что ни одно заржавевшее предубеждение, ни одна нелепость, связавшаяся с религиею на протяжении веков в человеческом разуме, не могла бы склонить девяносто девять из ста англичан предпочесть неверие. Мы никогда не станем такими глупцами, чтобы приглашать врага всякой системы исп-

равлять недостатки нашей системы или улучшать ее. Если наши религиозные догматы будут когда-либо нуждаться в дальнейшем усовершенствовании, мы не обратимся за разъяснениями к атеизму. Мы не станем зажигать в нашем храме огонь от оскверненного пламени. Мы осветим наш храм иными огнями. И мы будем воскурять в нем фимиам, а не ядовитые снадобья, доставляемые контрабандистами поддельной метафизики. Если наши церковные установления будут нуждаться в пересмотре, то ни жадность, ни ненасытные аппетиты (будь то отдельные лица или общество в целом) не будут допущены к проверке доходов церкви или священных ее статуты. Не обрушиваясь ни на греческую, ни на армянскую церковь, ни даже на церковь римско-католическую (бури уже отгремели) мы предпочитаем протестантское вероисповедание. И не потому, что мы думаем, что оно дальше от христианства, а потому, что, по нашему разумению, в нем христианства больше. Мы протестанты не от безразличия к религии, а от религиозного рвения⁷¹⁾.

Мы знаем и с гордостью сознаем, что человек по природе своей животное религиозное, что безверие противно не только разуму, но и нашим инстинктам, что оно не может возобладать надолго. Но если в минуту смятения или опьянения парами, клубящимися над адским котлом, который столь яростно кипит теперь во Франции, мы обнажим свою наготу, сбросив покров христианской религии, бывшей доселе нашей гордостью и утешением, величайшим источником цивилизации для нас, как и для множества других народов, то можно опасаться (ибо разум не может долго терпеть пустоты), что ее место вскоре займут грубые, пагубные и унижительные суеверия.

По этой причине, прежде чем лишить наши установления естественного человеческого уважения и отдать их на поругание, как сделали вы, - и поступая таким образом, навлекли на себя все кары, каких вполне заслужили, - мы желаем рассмотреть другие имеющиеся у

нас возможности. А затем уж мы составим собственное суждение.

Исходя из этих идей, вместо того, чтобы враждовать с установлениями, как поступают те, кои сделали враждебность к установлениям своей религией и философией, мы изо всех сил держимся за них. Мы решительно поддерживаем господствующую церковь, господствующую монархию, аристократию и демократию, в той степени, в коей каждая из них существует, но не в большей. Теперь я постараюсь показать вам, в какой мере обладаем мы каждым из перечисленных установлений.

Беда нынешнего века (а не слава его, как полагают господа из Общества революции) состоит в том, что все подлежит обсуждению, точно конституция нашего государства должна была бы навсегда остаться предметом препирательств, а не радости. По этой причине, а также для удовлетворения тех из вас, кто может пожелать обогатиться полезным примером (если такие люди имеются среди вас), я отважусь докучать вам кое-какими размышлениями по поводу каждого из этих установлений. Не думаю, чтобы древние римляне, кои, желая пересмотреть свои законы, посылали своих представителей для изучения наиболее благоустроенных в отношении законодательства республик, были неразумны.

С Вашего позволения, я прежде всего рассмотрю нашу господствующую церковь, являющуюся первым из наших предрассудков, предрассудком отнюдь не лишенным смысла, а напротив, окутывающим глубокую и обширную мудрость. Я говорю о ней в первую очередь. Она и первая, и последняя в наших мыслях, она их средоточие. Ибо, основываясь на религиозной системе, коей мы ныне обладаем, мы продолжаем действовать, исходя из давно усвоенного и непрерывно продолжавшегося сознания человечества. Сознание это не только, подобно мудрому зодчему, выстроило величественное государственное здание, но, подобно рачительному владельцу, охраняет это здание от разрушения и оскверне-

ния, как святой храм, очищенный от всякой скверны: обмана, насилия, несправедливости и тирании; оно торжественно и навсегда освятило государство и все, что воплощено в нем. Это освящение совершается ради того, чтобы все, кто участвуют в управлении людьми, то есть как бы олицетворяют самого Господа, имели высокие и достойные понятия о своих обязанностях и предназначении, дабы надежды их были обращены к бессмертию, дабы они не оглядывались на презренные сиюминутные заботы, не искали брэнной похвалы просто-народа, но устремляли помыслы к истинной, вечной жизни в вечной природе, к славе, к тому примеру, который оставляют они в наследство миру.

Такие высокие принципы следует прививать в людях высокого положения; а религиозные установления обеспечивают их непрерывное обновление. Всякое нравственное, гражданское и политическое установление, способствующее разумным и естественным узам, связующим человеческое разумение и человеческие привязанности с божественным, более нежели необходимо, дабы возвести чудесное здание - Человека, - чья привилегия состоит в том, чтобы в значительной степени самому создавать себя⁷²⁾. Человека, которому, когда он создан надлежащим образом, предназначено выдающееся место в мироздании. Но повсюду, где человек поставлен над людьми (ибо первое место по праву положено тому, кто лучше других), он должен, насколько возможно, приближаться к совершенству.

Освящение государства посредством государственных религиозных установлений необходимо также для того, чтобы внушить благоговение его свободным гражданам, ибо для того, чтобы обезопасить свою свободу, они должны иметь определенную долю власти. Поэтому религия, соединенная с государством и долгом граждан по отношению к нему, становится даже более необходимой для свободных граждан, нежели в тех обществах, где народ самим своим подневольным положением ограничен, замкнут в частных чувствах и семейных делах. Все

лица, обладающие какой бы то ни было долей власти, должны нести в себе мощное и благоговейное сознание того, что они действуют по доверенности, их поведение должно оправдывать доверие одного верховного владыки, зиждителя общества.

Этот принцип должен быть даже еще сильнее запечатлен в умах тех, кто правит сообща, нежели в умах единодержавных государей. Без соответствующих орудий государь ничего не может сделать. Всякий же, кто использует орудия, сталкивается не только с подмогой, но и с ограничениями. И потому власть государей ни в коем случае не полна, потому злоупотребление властью не дает им безопасности. Такие особы, сколько бы их ни возвеличивали лестью, сколь бы высоко они сами себя ни ставили, должны сознавать, что, находясь или не находясь под покровом предписывающих законоустановлений, они даже в здешнем мире отвечают в той или иной степени за свои злоупотребления дарованным им доверием. Если им не ставит предела народный мятеж, их могут зарезать собственные янычары, коих они держат, дабы оградить себя от мятежа. Так, например, мы видели, как король Франции был предан собственными солдатами за прибавку к жалованию.

Но там, где власть народа неограниченна, там народ имеет бесконечно большую (поскольку гораздо лучше обоснованную) уверенность в собственной власти. Народ сам в значительной мере свое орудие, и поэтому он ближе к предмету своих действий. Кроме того, он меньше чувствует ответственность перед одной из самых мощных движущих сил на земле - стремлением к славе и признанию. В самом деле, доля бесчестия, которая станет уделом каждого лица, отправляющего общественные обязанности, весьма мала; воздействие мнения обратно пропорционально численности тех, кто злоупотребляет властью. Одобрение собственных поступков имеет для них видимость общественного приговора, вынесенного в их пользу. Таким образом, совершенная демократия есть самая бесстыдная вещь на све-

те. А поскольку она самая бесстыдная, она одновременно и самая бесстрашная. Ни один человек не чувствует, что лично его может коснуться возмездие. Разумеется, народ в целом и не должен так чувствовать: к примеру, поелику всякая кара преследует, в конечном итоге, цель сохранить весь народ в целом, последний никогда не может стать предметом возмездия со стороны любого человека⁷³). Потому бесконечно важно не допустить того, чтобы народ не вообразил, будто его воля более, нежели воля королей, есть мерило добра и зла.

Народ следует убедить в том, что он имеет столь же мало оснований устанавливать произвол, ибо это грозит ему (не менее, чем королям) утрату безопасности. И потому, захватывая власть под предлогом ложной свободы, а на самом деле для осуществления неестественного и извращенного господства (тиранического, если быть точным), народ не отличается от тех, кто правит государством, не отдаваясь этому всецело, как своему праву, но видит в нем игрище случайных своих желаний. Тем самым он убивает во всех, кто ему служит, все моральные принципы, всякое чувство достоинства, всякое суждение и постоянство характера, одновременно отдавая себя на волю презренного холопского честолюбия народных лизоблюдов или придворных льстецов.

Когда народ освободил себя от всяческих прихотей себялюбивой воли - а без религии это совершенно невозможно - когда он осознает, что осуществляет власть, коя, дабы быть законной, должна соотносываться с вечным непреложным законом, где воля и разум суть одно, он будет более осторожно относиться к тому, чтобы отдавать власть в низкие, неспособные руки. Он будет вручать верховную власть не так, как назначают на какую-то жалкую должность, но как благословляют на святое служение, исходя не из низких самолюбивых интересов, не по минутной прихоти, не по произволу; он облечет сей властью (какую всякий человек трепещет, принимая или отдавая другому) лишь тех, в ком обнаружит среди огромной массы человеческих несовер-

шенств преимущества действенной добродетели и мудрости, кои необходимы для исполнения сей задачи.

Когда народ по привычке убежден, что любое зло неприемлемо ни в поступках, ни в соизволении, для того, чья суть - добро, ему будет легче искоренить из умов всех местных носителей власти, гражданской, церковной или военной, все, что имеет хоть малейшее сходство с гордым и беззаконным господством.

Но один из первейших и ведущих принципов, освящающих государство и законы, состоит в том, чтобы временные владельцы его, не беспокоясь о том, что им вручили предки и что они должны передать потомкам, не вели себя так, будто они полноправно им владеют, чтобы они не считали одним из своих прав ограничение передачи родового имения по наследству или нанесение вреда передаваемому имуществу, разрушая по своей прихоти первоначальное здание общества и тем самым подвергая риску оставить потомкам руины вместо прочного жилища - а преемников своих научить уважать их нововведения не более, чем сами они почитали установления предков. Такая невероятная легкость частых и резких изменений в государстве, словно речь идет о причуде или модах, привела бы к тому, что может порваться вся цепь преемственности в государстве. Ни одно поколение не будет связано с другими. Люди станут ничуть не лучше подёнок.

Прежде всего, юридическая наука, гордость человеческого разума, которая при всех своих недостатках, избыточности и заблуждениях, представляет собою накопленный вековой опыт, сочетающий принципы истинной справедливости с бесконечным разнообразием дел человеческих, не будет более изучаться и станет восприниматься как куча старинных ошибок. Личная независимость и самонадеянность (неизменные спутники всех тех, кто никогда не испытывал влияния разума, превосходящего их собственный) узурпируют суд. Разумеется, ни один закон, устанавливающий незыблемые основания надежды и страха, не будет удерживать

действия людей в определенной колее или направлять их к определенной цели. Отсутствие постоянства в способах владения собственностью или исполнении обязанностей не может стать прочным основанием, на коем каждый родитель сможет обдумывать воспитание своих отпрысков или выбирать им будущее место в мире. Ни один принцип не сможет смолоду войти в привычку. Не успеет самый способный наставник завершить свой кропотливый труд, как с ужасом обнаружит, что ученик не в силах двигаться вперед, пользуясь своими совершенными познаниями, которые смогли бы обеспечить ему уважение и положение в обществе, ибо все успело измениться, и что он выставил своего бедного своего ученика на позор пред миром, ибо тот невежествен относительно подлинных основ мироустройства. Как добиться того, чтобы деликатное чувство чести пробудилось в ребенке почти с первым ударом сердца, коль скоро ни один человек не будет знать, в чем мерило чести для нации, которая непрерывно меняет стоимость своей монеты? Ни в одной области жизни не останется того, что было накоплено прежде. Ввиду отсутствия прочного образования и установившихся принципов, варварство проникнет в науку и литературу, неумелость - в художества и промышленность. И само государство на протяжении нескольких поколений рассыплется в прах, на его месте останутся лишь отдельные люди, отданные на милость всех ветров.

Потому, дабы избежать всех зол непостоянства и перемен, кои в десять тысяч раз хуже тех, что приносит упрямство и самый слепой из предрассудков, мы освятили государство, дабы человек не пытался смотреть на его изъяны без должной осторожности, дабы он не возмечтал начинать реформы с извращения государственных основ, дабы он относился к недостаткам государства как к недугам отца - с трепетной и почтительной заботливостью. Этот мудрый предрассудок учит нас с содроганием глядеть на таких детей отечества, кои готовы поспешно разрубить его на куски и положить в котел

чародея, надеясь, что ядовитыми снадобьями и дикими заклинаниями можно омолодить престарелого своего родителя.

Общество поистине есть договор. Второстепенные договоры по поводу, представляющему чисто случайный интерес, могут быть при желании расторгнуты, но государство не должно считаться чем-то вроде партнерского соглашения в торговле перцем или кофе, миткалем или табаком; к нему нельзя относиться как к интересам временным и незначительным, расторгая договор, когда вздумается какой-то из сторон. К государству следует относиться куда с большим почтением, ибо это партнерство касается не только до второстепенных вопросов плотского существования бременной природы. Это партнерство, относящееся до всей науки, всего искусства, любой добродетели, любого совершенства. И поелику цели такого партнерства не могут быть достигнуты за много поколений, оно становится партнерством не только между живущими, но и между теми, кто жив, кто умер и кто еще не родился. Всякий договор во всяком отдельном государстве есть лишь одна из статей великого первоизданного договора вечного общества, связующего низкую природу с высшей, соединяющего видимый и невидимый миры, сообразно установленному договору, утвержденному ненарушимую клятвою, на коей держится все физическое и нравственное естество каждого рода на предназначенном ему месте. Закон этот не подвластен тем, кто, согласно долгу бесконечно более высокому, обязан подчинять свою волю сему закону. Местным объединениям сего вселенского царства не дано нравственной свободы по своей воле, исходя из своих рассуждений о возможных усовершенствованиях, разрывать узы иерархической общности и растворять ее в нецивилизованном, несвязном хаосе стихийных принципов.

Необходимость сия первичная и высшая. Она не выбрана, но сама выбирает, сия необходимость главенствует над любыми соображениями, не допускает обсуж-

дений, не признает никаких доводов, которые только и могли бы оправдать обращение к анархии. Необходимость сия не является исключением из правила, ибо сама составляет часть того нравственного и физического строя вещей, коему волей-неволей должен подчиняться человек. Однако если то, что является лишь уступкой необходимости, сделается объектом выбора, то закон будет нарушен, требования природы не выполнены, а мятежники окажутся вне закона, будут изгнаны из царства разума, порядка, мира, добродетели и благотворного раскаяния во враждебный мир безумия, распрей, порока, неразберихи и бессмысленной скорби.

Таковы, милостивый государь, были и, как я полагаю, долго еще будут настроения, свойственные многим ученым людям нашего королевства. Те, кто относятся к сему почтенному сословию, составляют свои понятия на таких основах, на коих надлежит людям ученым. Менее любознательные получают оные от того авторитета, на который могут без стыда полагаться те, кому провидением предназначено жить, принимая на веру мнения других. Два эти разряда людей действуют, согласуясь с законами вселенной. Все они знают или ощущают великую древнюю истину: "*Quod illi principi et praepotenti deo qui omnem hunc mundum regit - nihil eorum quae quidem fiant in terris acceptius quam concilla et caetis hominum jure sociati quae civitates appellantur*"⁷⁴). Они принимают это убеждение разума и сердца не оттого, что на нем запечатлено имя великого человека, но оттого, что лишь сие убеждение может дать истинный вес и одобрение любому ученому воззрению на общую природу и общую зависимость между людьми. Убежденные в том, что все должно делаться с оглядкой на то, к чему все должно быть направлено, они считают себя связанными - не только как связаны отдельные люди, в святынище душ своих, или как братство отдельных людей, собравшихся, дабы возобновить память о своем высоком происхождении и жребии, - но также в совместном своем свойстве воздавать национальные почести зиждите-

лю и защитнику цивилизованного общества, без коего человек сего общества ни в коем случае не может достичь совершенства, на которое способна его природа, не может даже отдаленно приблизиться к нему. Они постигли, что Тот, кто сотворил для нашей природы возможность совершенствоваться с помощью добродетели, предписал также необходимое средство для такого совершенствования - повелел существовать государству. Он повелел, чтобы государство соединялось с источником и прообразом всякого совершенствования. Люди, убежденные, что в этом состоит Его воля, являющаяся законом законов и правителем правителей, не могут счесть предосудительным, чтобы это наше общее преклонение, почтение, признание верховенства, - я чуть было не сказал - причащение к государству, как достойному дару верховного алтаря, осуществлялось так, как все торжественные акты - в прекрасных зданиях, музыке, в достойных речах, соответствующих обычаям человечества, преподанных ему природой - иначе говоря, со сдержанным великолепием, со скромною величием и строгою торжественностью. Использовать определенную долю богатств страны для таких целей не менее целесообразно, чем для роскоши, коей наслаждаются отдельные лица. Мы видим в этом красу и утешение общества, питающие в нем надежду. Последний бедняк обретает в таких церемониях свое достоинство, тогда как богатство и гордость отдельных лиц заставляет человека смиренного звания острее чувствовать свою приниженность, а тем самым делает его состояние еще ниже. Дабы человек, ведущий жизнь смиренную, возвысился, дабы привести его в такое состояние, при коем привилегии богатства перестанут иметь значение и он почувствует, что по природе своей равен, а добродетелью, быть может, даже превосходит других, - вот для чего служит доля национального богатства, способствующая возвеличению и освящению его страны.

Уверяю Вас, я не претендую на оригинальность. Я излагаю Вам мнения, среди нас общепринятые, с незапа-

мятных времен до сего дня они пользовались неизменным одобрением, и настолько проникли в мой ум, что я не в состоянии отделить то, чему научился от других, от плодов собственных размышлений.

Сообразно таким принципам, большинство английского народа, далекое от того, чтобы почитать религиозные и государственные установления незаконными, напротив, полагает незаконным жить без оных. Вы, французы, коренным образом ошибаетесь, если не верите, что мы привязаны к ним превыше всего, что сия привязанность развита у нас более, чем у прочих народов. И когда наш народ поступал неразумно и неоправданно ради сей привязанности (как, несомненно, иногда случалось), то в самих этих заблуждениях вы можете обнаружить, насколько горячо было его рвение.

Этот принцип проходит сквозь всю систему английской политики. Англичане видят в церковных установлениях не удобное приспособление, но самую суть своего государства, не нечто инородное, отделимое от него, или такое, что можно сохранить или отбросить, исходя из временных понятий об удобстве. Англичане видят в ней основу всей своей конституции, с каждой частью коей они составляют неразрывное целое. Церковь и государство для их разума суть понятия нераздельные, и одно редко упоминается без другого.

Образование наше построено таким образом, чтобы подтверждать и укреплять это ощущение. Воспитание у нас в каком-то смысле полностью находится в руках церкви на всех ступенях, от младенчества до зрелости. Даже тогда, когда наше юношество, покидая школы и университеты, вступает в тот наиболее важный период жизни, где ученость начинает соединяться с опытом, когда оно посещает другие страны, то вместо старых слуг, кои часто служили гувернерами у знатных людей в других странах, три четверти тех, кто сопровождает наших молодых дворян за границу, — церковнослужители. Это не суровые наставники и не приживалы, но старшие друзья, наделенные большею серьезностью и

нередко не уступающие своим подопечным благородством происхождения. Связь между ними, подобно родственной, обычно остается очень тесной на протяжении всей жизни. Мы думаем, что такая связь приближает наше дворянство к церкви, а служители церкви делают-ся вольнее в общении с самыми знатными людьми государства.

Мы настолько привержены к старинным церковным обрядам, что начиная с XIV или XV века они почти не претерпели изменений. Здесь, как и во всем прочем, мы следуем старому доброму правилу: никогда целиком или сразу не отказываться от старины. Мы полагаем, что сии древние установления в целом благотворны для нравственности и дисциплины, мы полагаем, что их можно исправлять, не меняя основ. Мы полагаем, что они могут совершенствоваться, и в особенности, сохранять достижения наук и литературы, такими, как появляются они по воле Провидения. Ведь при нашем грубом и обезьяньем образовании (ибо таково оно в своих основах), мы можем гордиться не менее значительными достижениями в литературе, во всех науках, искусствах, кои просвещают и украшают современный мир, чем любая иная европейская нация. Мы думаем, что достижениями этими мы обязаны тем, что не презирали наследственного достояния, оставленного нам предками.

Именно по привязанности своей к церковным установлениям англичане не считали разумным вручать сии коренные интересы тому, на что они не полагаются ни в гражданской, ни в военной службе - а именно неустойчивому и опасному добровольному участию отдельных лиц. Англичане идут еще дальше. Они, несомненно, никогда не допустят, чтобы закрепленное за церковью имущество было заменено жалованьем, выплачиваемым вместо десятины, чтобы оно зависело от казначейства, чтобы выплата его могла быть задержана или даже прекращена вследствие финансовых трудностей. Трудности такого рода могут иногда служить предло-

гом, а подоплекою могут быть те или иные политические цели, они нередко вызываются крайностями, нерадивостью или неумеренными аппетитами политиков. По мнению народа Англии, имеются веские основания, как конституционные, так и религиозные, кои не позволяют превращать независимое духовенство в сословие, находящееся на службе у государства. Англичане трепещут, думая, что духовенство, находящееся в зависимости от короны, может повлиять на их свободу; они трепещут, воображая, что общественное спокойствие может быть нарушено раздорами духовенства, если оно окажется в зависимости от других властей, кроме королевской. И потому они сделали церковь независимой, точно так же как своего короля и свое дворянство.

Исходя из заботы о религии и конституции, из понятия о необходимости подать утешение слабым и наставление невежественным, англичане включили церковные имущества в категорию частной собственности, коею государство не имеет право ни пользоваться, ни владеть, имея лишь права ее охранять. Англичане решили, что сие установление должно быть столь же прочным, как земля, на кою оно распространяется, что оно не должно колебаться по прихоти финансовых и политических течений.

Англичане - я хочу сказать, просвещенные и ученые люди Англии, чей ум (если они таковым располагают) прост и прям, - устыдились бы, как глупой уловки, исповедовать какую-то религию и в то же время пренебрегать ею в своих делах. Если в своих поступках (единственный язык, который редко лжет) они отнеслись бы к великому принципу, управляющему нравственностью и природой, как к хитроумному изобретению, придуманному для того, чтобы удерживать в повиновении простонародье, то такое поведение, по мнению просвещенных англичан, подрывало бы и преследуемые ими политические цели. Они сочли бы, что трудно заставить других веровать в то, к чему сами они относятся с очевидным неверием. Христианские государственные му-

жи Англии прежде всего действительно заботятся о массе, поскольку она масса и как таковая есть первый объект церковных учреждений, как и всех прочих. Они знают, что то обстоятельство, что Евангелие некогда проповедовали бедным, было одним из величайших подтверждений его истинного предназначения. И потому наши государственные люди полагают, что те, кто не заботятся о том, чтобы христианство проповедовали беднякам, в него не веруют. Но поскольку им известно, что милосердие не ограничивается одним каким-нибудь сословием, но распространяется на всех, имеющих в нем нужду, то они не лишены чувства жалости и по отношению к бедствиям людей великих. Они не настолько прихотливы, чтобы смрад самоуверенности и надменности сильных мира сего мог помешать им лечить их духовные недуги и кровоточащие раны. Они понимают, что религиозное наставление для этих людей еще важнее, чем для прочих, ведь и степень искушения, коему они подвергаются, и важные последствия их ошибок, и заразительность дурного примера, подаваемого свыше, - все это делает еще более настоятельной необходимость склонить упрямые выи сих знатных людей под ярмо умеренности и добродетели. В придворных сферах, среди высших военачальников и в сенатах не меньше, чем среди земледельцев и мастеровых, глупости и грубого невежества относительно того, что наиболее важно знать людям.

Англичан радуется, что утешение и поучение, даруемое религией, необходимо и для великих мира сего. Ведь они тоже бывают несчастны. Они тоже испытывают личные горести и домашние беды. В этом отношении они не имеют преимуществ, им надлежит выплатить сполна свою долю податей, собираемых со смертных. Они тоже жаждут всеутоляющего бальзама религии, ибо их тоже терзают заботы и тревоги - пусть здесь менее настойчиво заявляют о себе нужды низшей, животной жизни, зато тем беспредельнее и разнообразнее прочие тяготы, кои множатся в бесчисленных сочетани-

ях мысли, блуждающей по диким, безграничным просторам воображения. Сколь нуждаются сии наши братья, зачастую глубоко несчастные, в милосердном вспомоществовании, дабы заполнить мрачную пустоту, царящую в уме, коему не на что надеяться и нечего страшиться; сколь надобно им нечто, облегчающее убийственную вялость и утомление тех, кому нечего делать; нечто, способное разжечь в них вкус к жизни среди пресыщенности, сопровождающей все удовольствия, которые можно купить, где природе не оставляют возможности действовать по своему усмотрению, где даже желания предупреждаются и потому исполнение всех прихотей и причуд не приносит наслаждения, ибо ни ожидание, ни препятствие не отделяют желание от удовлетворения оною.

Англичане знают, что наставники веры будут иметь мало влияния на богатых и на тех, кто долго остается у власти, а еще менее того на тех, кому недавно улыбнулась судьба, если духовный пастырь не предстанет пред паствою сообразно представлениям о достоинстве, сложившимся у людей, на коих надлежит ему оказывать влияние, а в некоторых случаях даже иметь над ними нечто вроде власти. Что должны люди высокого звания думать о духовных наставниках, если они ставят их не выше своих домашних слуг? Если бы бедность была добровольной, тут могло бы быть какое-то различие. Мощные примеры самоотречения оказывают сильное воздействие на наш ум; человек, не имеющий желаний, приобретает колоссальную свободу и силу, даже достоинство. Но поскольку масса любого сословия людей - всего лишь люди и бедность их не может быть добровольной, то пренебрежение, кое распространяется на всякую бедность среди мирян, не обойдет и бедность церковнослужителей. Посему в нашей дальновидной конституции предусмотрено, чтобы те, кому надлежит наставлять самонадеянное невежество, надзирать за распоясавшимся пороком, не навлекали на себя презрения имущих и не жили за счет их подаяния, дабы у бо-

гатых не было искушения пренебрегать истинным исцелением, кое несут пастыри их душам. По этим-то причинам, хотя мы в первую очередь печемся о бедных, и делаем это с родительскою заботою, мы не сослали религию (будто это нечто такое, что мы стесняемся показать) в отдаленный уезд или в деревенскую глушь. Нет! Мы желаем, чтобы возвышенное ею чело, увенчанное митрою, являлось и при дворе, и в парламенте. Мы желаем, чтобы она вмешивалась в толщу жизни, проникала во все сословия. Англичане покажут и высокомерным властелинам мира, и их многоречивым демагогам, что свободный, великодушный и просвещенный народ почитает высших иерархов своей церкви; что он не потерпит, чтобы ни наглые богачи или аристократы, ни высокомерные выскочки посмели с презрением взирать на то, что он почитает, посмели топтать то приобретенное личными заслугами благородство, кое они всегда намерены охранять и кое часто бывает плодом, если не наградою (ибо что может быть тут наградою?) учености, благочестия и добродетели. Англичане могут безо всякого недовольства и зависти смотреть на то, что архиепископ предшествует герцогу. Они спокойно относятся к тому, что архиепископ Даремский или епископ Винчестерский имеют десять тысяч фунтов годового дохода; они не считают, что богатство это находится в худших руках, нежели имущества сходной величины, принадлежащие такому-то графу или эсквайру. Пусть епископ не содержит такого же количества собак или лошадей, кормящихся тем, чем должны были бы питаться дети бедняков. Верно, что не всегда доходы церкви до последнего шиллинга расходуются на благотворительность (быть может, этого и не следует делать), однако значительная их часть идет на эти нужды. Лучше делеять добродетель и гуманность, оставляя более на усмотрение свободной воли людей, даже если это приведет к некоторым потерям, нежели пытаться свести людей к роли машин и орудий политических благодетелей. Мир в целом более выиграет от свободы, без коей

не может существовать добродетель.

Коль скоро наше государство установило, что церковные имения являются собственностью церкви, оно не может полагать их ничем иным. Здесь и избыток, и недостаток оказались бы изменой принципу собственности. Какое зло может произрасти из того, что изобилие находится в каких угодно руках, когда высшая власть имеет полный надзор за ним, как и за всякою иною собственностью, и потому не допустит злоупотреблений со стороны отдельных лиц; и когда всякий раз, как происходят какие-либо отклонения от должного порядка вещей, она может направлять дело в надлежащее русло?

Большинство англичан полагает, что именно недоброжелательность и зависть по отношению к тем, кто составил себе состояние, а вовсе не любовь к самоотречению и умерщвлению плоти, свойственная старинной церкви, заставляет иных косо смотреть на отличия, почести и доходы, кои ни у кого не отняты и оставлены про запас для добродетели. У англичан чуткие уши. Они хорошо слышат грубые речи этих завистников. Самый язык выдает их. Они говорят на тарабарском наречии мошенников и лицемеров. Англичане не могут думать иначе, когда эти болтуны заклиняют духовенство вернуться к исходной евангельской бедности, коя должна всегда гнездиться в его духе (да и в душах всех нас, нравится нам это или нет), однако же вещественное ее обличие должно измениться, когда изменилось отношение духовенства к государству, когда и нравы, и образ жизни, и весь ход людских дел претерпел настоящую революцию. Мы только тогда поверим в то, что сии реформаторы искренни в своем рвении, когда увидим, что они сами раздают свое добро и подчиняют себя строгому уставу первых христиан; теперь же мы можем почитать их лишь обманщиками и лжецами.

Поскольку в умах британских парламентариев глубоко укоренились описанные выше воззрения, то в случае национальных потрясений они никогда не станут прибегать к конфискации церковных имений и имущества

бедняков. Святотатство и опала не принадлежат к числу тех методов, коим станет пользоваться наш Комитет ассигнований Палаты общин. Евреи из меняльного ряда покуда еще не осмеливаются питать надежду поживиться за счет закладных на доходы, принадлежащие епископу Кентерберийскому. Я не боюсь опровержения, утверждая, что в нашем королевстве не найдется *ни одного* заметного в обществе человека, на чьи высказывания пожелали бы теперь сослаться французы, ни одного человека в любой партии или сословии, не осуждающего бесчестных, вероломных и жестоких конфискаций, которые вынуждено было провести ваше Национальное собрание - конфискаций той собственности, охранять кою было его долгом.

С чувством естественной гордости заявляю Вам, что те среди нас, кто желали разделить с парижскими обществами чашу их мерзостей, были разочарованы. Разграбление вашей церкви еще более укрепило безопасность владений нашей. Оно возмутило наш народ. С ужасом и тревогою взирает он на ваши бесконечные и бесстыдные конфискации. У многих уже открылись, а у многих еще шире откроются глаза на себялюбивую просвещенность ума, на узость свободомыслия в тех коварных людях, кои, начав с лицемерной суровости и обмана, кончили открытым насилием и грабежом. В нашей стране мы также замечаем сходные ростки. Мы не допустим, чтобы они принесли подобные плоды.

Надеюсь, мы никогда не утратим настолько всякое чувство долга, налагаемого на нас законом общественного единения, чтобы под предлогом общественной пользы конфисковать добро, принадлежащее хотя бы одному ни в чем не повинному гражданину. Кто, кроме тирана (название, выражающее все, что искажает и унижает человеческую природу) может помыслить о захвате собственности ни в чем не обвиненных, не выслушанных, не подвергшихся суду людей, целых сословий, сотен и тысяч? Кто, не утратив последних следов гуманности, может помыслить о том, чтобы низвергнуть

людей, занимавших высшее положение в государстве, имевших опору в земельной собственности, исполнявших священные обязанности, часть из которых в преклонных летах - а одно это уже вызывает к почтению и сочувствию, - низвергнуть их до состояния нищеты, угнетения и презрения?

Конфискаторы, правда, уделили жертвам крохи с собственного стола, откуда их столь грубо изгнали, чтобы щедрой рукой пригласить к нему гарпий ростовщичества. Но заставить людей, привыкших к независимости, жить на подавание - само по себе великая жестокость. То, что может быть терпимо для людей одного состояния, не знавших ничего иного, может при изменении всех условий стать ужасным потрясением, потрясением, вызывающим в добродетельном человеке такую боль, которая не удовлетворится ничем, кроме казни виновного. Однако для многих пострадавших унижение и позор хуже смерти. Несомненно, жестокость испытываемых ими страданий умножается от того, что людям, кои были приучены образованием и отпращиванием прежних обязанностей вдвойне пристрастно относиться к религии, приходится получать остатки своей собственности как подавание от нечестивцев, разграбивших все остальное их достояние; получать их (если им вообще что-либо уделят) не как благочестивое подавание верующих, но как знак оскорбительного снисхождения к вере присяжных безбожников, как пособие, отмеряемое на весах презрения к самой религии, дабы обратить тех, кто воспоществование это получает, в гнусных подонков, недостойных уважения человечества.

Но этот акт захвата собственности нам преподносят как законный приговор, а не как конфискацию. По видимости, в академиях Пале-Рояля и якобинцев⁷⁵⁾ обнаружили, что определенные люди не имеют права на собственность, коею владеют согласно закону, обычаю, решениям суда, а также вековым грамотам. Они утверждают, что церковнослужители суть лица вымышленные, выдумка государства, а потому их можно, если за-

благорассудится, и притеснять, и ограничивать на каждом шагу; что добро, коим они владеют, на самом деле принадлежит не им, но государству, породившему вымышленное сие сословие, и потому нам не следует беспокоиться из-за того, как обращаются с церковнослужителями. Что кому за дело до того, под каким именем вы притесняете людей и лишаете их справедливого вознаграждения за профессиональные занятия, государством не только дозволявшиеся, но и поощрявшиеся, исходя из коего они строили свою частную жизнь, входили в долги и вели за собою массу, всецело зависевшую от них?

Вряд ли Вы полагаете, сударь, что я намерен странно обсуждать сии жалкие оговорки и тем их возвеличивать. Доводы тирании столь же презренны, сколь чудовишна ее сила. Если бы ваши конфискаторы прежними своими преступлениями не приобрели мощи, позволяющей им безнаказанно совершать преступления, в коих повинны они до сих пор и кои могут учинить в будущем, - тогда не логические доказательства, но плеть палача опровергла бы сию софистику, сделавшуюся сообщницею грабежа и убийства. Склонные к софистике парижские тираны громко обличают былую тиранию королей. Они потому так смелы, что им не грозят темницы и железные клетки прежних господ. Следует ли нам проявлять более мягкости к нынешним тиранам, когда они пред нашими глазами разыгрывают еще более страшные трагедии? Разве не воспользуемся мы тою же свободою, что и они, будучи ограждены тою же безопасностью? Когда, честно говоря правду, мы подвергаем себя лишь презрению тех, чье мнение вызывает в нас омерзение?

Вопиющее нарушение всех прав собственности во Франции сперва прикрывалось самым поразительным (если учесть то, что там происходит) из возможных предлогов - попечением о доверии к государству. Враги собственности сначала изображали самую нежную, трогательную и неподкупную заботу о том, чтобы были вы-

полнены королевские долговые обязательства перед обществом. Эти профессора по правам человека столь заняты поучением других, что у них нет досуга учиться самим; иначе они знали бы, что первую заботою цивилизованного общества являются не требования кредиторов государства, а собственность отдельного гражданина. Требования гражданина первенствуют по времени, имеют высшие основания и подкреплены верховною справедливостию. Достояние отдельных лиц, будь оно благоприобретенным, полученным по наследству или как доля в имуществе определенной общины, не входит в обеспечение долгов государства перед любым его заимодавцем. Тому и в голову не приходило учитывать это достояние, когда он заключал сделку. Он хорошо знал, что народ, представлен ли он монархом или сенатом, может поручиться за свои обязательства лишь общественным достоянием, причем у него нет иного общественного достояния, кроме того, которое он получает, облагая справедливым и пропорциональным сбором всех граждан в целом. Это и было обеспечением долга; другого залога кредитор государства получить не мог. Никто не может заложить свою несправедливость под залог своего же вероломства.

Здесь нельзя обойтись без некоторых замечаний касательно противоречий, проистекающих из чрезвычайной строгости и одновременно чрезвычайной снисходительности новых убеждений вашего общества, которые повлияли на это предприятие, причем влияние это согласовывалось не с природою обязательства, а с сословием лиц, на коих оно распространялось. Национальное собрание не признает ни один из указов прежнего королевского правления, кроме его денежных обязательств, законность всех остальных почитается весьма сомнительной. Все прочие указы королевского правительства рассматриваются в столь гнусном свете, что требовать чего бы то ни было на основе сих указов почитается чем-то вроде преступления. Пенсия, предоставленная в награду за услуги, оказанные государству, - безуслов-

но, столь же веское основание собственности, как и любое обеспечение под деньги, ссуженные государству, и даже еще лучшее, ибо деньги выплачиваются не даром, а за оные услуги. Тем не менее, мы видели во Франции множество людей, коих даже самые известные своим самоуправством министры во времена самого отъявленного произвола не лишали пособий, - но Национальное собрание, провозгласившее права человека, ограбило их безо всякой жалости. И когда они требуют принадлежащего им по праву хлеба, за который заплатили своею кровью, им говорят, что они, дескать, служили не той стране, которая существует ныне.

Ослабление доверия к обществу не ограничивается оными злосчастными лицами. Национальное собрание, со столь свойственной ему последовательностью, взяло на себя достопочтенный труд - оно изучает, насколько обязывают его договоры, заключенные с другими государствами при прежнем режиме. Особый комитет должен доложить Национальному собранию, какие из этих договоров ему следует утвердить, а какие - нет. Тем самым депутаты поставили доверие, кое можно питать к их младенческому государству во внешних делах, на одну доску с честностью его в делах внутренних.

Нелегко уразуметь, на основе какого рационального принципа, если уж надобно выбирать одно из двух, королевское правительство не должно было скорее обладать правом вознаграждать за службу и заключать договоры на основе своих прерогатив, нежели поручаться пред кредиторами государственными доходами, действительными и возможными. Измена нации менее всего дозволялась прерогативами короля Франции или же любого другого государя Европы. Но, чтобы закладывать общественные доходы, необходимо обладать полнейшим суверенным правом распоряжаться общественным кошельком. Оно далеко выходит за доверие, требуемое для временного или одноразового налога. Однако акты, обязанные своим возникновением сей опасной власти (явной черты безграничного деспотизма), одни

лишь и остались священными. Откуда в демократическом собрании выросло это предпочтение собственности, порожденной наиболее резкими и отвратительными проявлениями монархической власти? Разум не подсказывает ничего, способного примирить нас с такою непоследовательностью; нельзя здесь также объяснить дело пристрастием к принципам справедливости. Но противоречие и пристрастность, не поддающиеся никакому оправданию, все же не беспричинны, и, полагаю, оные причины не трудно отыскать.

На значительные долги Франции незаметно выросли большие проценты. Согласно старинным обычаям этого королевства, общее обращение собственности, а в особенности обратимость земель в деньги и денег в землю, всегда было затруднено. Фамильные владения, более распространенные⁷⁶⁾ и строго определенные, чем в Англии; *jus retractus*⁷⁶⁾; значительная доля земельной собственности, принадлежащей короне и считавшейся по французскому закону неотъемлемой, как и обширные поместья и церкви, - все это вместе взятое отделяло земельные интересы от денежных, они менее смешивались, а владельцы двух этих видов собственности были не столь взаимно доброжелательны, как у нас в Англии.

Простой народ Франции привык смотреть на денежную собственность весьма неодобрительно. По его понятиям, собственность эта связана с его горестями, она отягощает их. Не менее недоброжелательно смотрели на денежную собственность и владельцы земель - отчасти по тем же причинам, по коим она была отвратительна для простого люда, а еще более оттого, что на нее падала тень показной роскоши, незавидных родословных и пустых титулов некоторых дворян. Даже когда дворянство, представляющее более постоянную земельную собственность, соединялось браками (как иногда случалось) с другим сословием, то богатство, спасавшее семейство от гибели, почиталось чем-то его компрометирующим и унижающим. Итак, враждебность и взаим-

ная досада обеих сторон разжигалась даже теми средствами, кои обычно прекращают раздоры и обращают их в дружбу. Тем временем гордость богатых людей, не принадлежавших к дворянству и не приобретших его в недавнее время, росла вместе со своею причиною. Они с озлобленностью воспринимали приниженное свое положение, не признавая причин оною. Они готовы были на все, дабы отомстить за вопиющую гордыню противника и возвысить свое богатство до того почтенного положения, кое, по их мнению, было для него естественно. Они обрушивались на дворянство, нападая на короля и церковь. Более всего нападали они на сторону, казавшуюся им наиболее уязвимой, то есть на церковные имения, кои, благодаря покровительству короны, обычно переходили к дворянству. Епископства и крупные аббатства (с временными правами епископов) относились, за редкими исключениями, к этому разряду.

В этом состоянии подлинной, хотя не всегда заметной войны между дворянством, представлявшим старинную земельную собственность, и владельцами новой, денежной собственности - большая, поскольку более легко применимая, сила была в руках последних. Денежная собственность по своей природе более пригодна к любым рискованным начинаниям, а ее владельцы более расположены к новым предприятиям любого рода. Будучи недавно приобретенною, денежная собственность легче срастается со всякою новизною. Потому-то именно к сему виду собственности прибегают все стремящиеся к переменам.

Вместе с денежной собственностью выросло новое состояние людей, вскоре заключивших с нею явный и тесный союз. Я имею ввиду политических писателей. Литераторы, любящие выделяться, редко противятся нововведениям. В блестящую эпоху своего царствования Людовик XIV, любивший пышность и не лишенный политичности, всячески покровительствовал им, но со времен заката сего государя и далее, при регентстве и последующих королях, связь литераторов со двором ос-

лабла - вместе с потоком благодеяний и подарков, им расточаемым. Утратив прежнее покровительство двора, литераторы решились укрепить свое положение, создав собственное братство, расцвету коего немало способствовали две французские академии, а впоследствии гигантское предприятие энциклопедистов⁷⁷⁾.

Несколько лет назад литературная клика выработала нечто вроде систематического плана разрушения христианской религии. Члены ее преследовали сию цель со рвением, встречавшемся дотоле лишь у проповедников религиозных учений. Они были охвачены духом прозелитизма в самой фанатической степени, а из него легко развилась страсть к гонению всего несовместного с их доктриною⁷⁸⁾. Все, что не вело к их великой цели напрямую, должно было обратиться к ней путем воздействия на общественное мнение. Дабы руководить общественным мнением, надобно прежде всего установить власть над теми, кто им заправляет. Они замыслили захватить все пути, ведущие к литературной славе. Многие из них в самом деле высоко стояли в ряду литераторов и ученых. Мир воздал им справедливость и ради общих их талантов простил злостные устремления проповедуемых ими принципов. Это была подлинная либеральность. Они отплатили за нее тем, что попытались оставить область здравого смысла, учености и вкуса всецело за собою и своими последователями. Отважусь сказать, что сей узкий дух исключительности был не менее пагубным для литературы и вкуса, нежели для нравственности и истинной философии. У сих отцов атеизма есть свой фанатизм, они выучились обличать монахов в истинно монашеском духе. Но в прочих отношениях они поистине люди светские. Дабы восполнить недостаток доводов и разумения, они обращаются к интриге. К их литературной монополии добавляется неустанное рвение любыми способами очернить тех, кто не относился к их клике. Людям, заметившим направление деятельности сих литераторов, стало давно ясно, что им недоставало только способности превратить не-

терпимость языка и пера в настоящие гонения, дабы обрушиться на собственность, свободу и жизнь.

Слабые и беспорядочные меры, против них предпринимавшиеся (скорее в угоду приличиям и внешним формам, нежели исходившие из подлинного негодования), нисколько не ослабили ни сил их, ни деятельности. В целом же, отчасти благодаря противодействию, отчасти благодаря успеху, злонамеренный их пыл, равного коему не было доселе известно в мире, всецело овладел умами оных писателей, превратив даже беседу их, могущую при иных обстоятельствах быть приятною и поучительною, в совершенно несносную⁷⁹⁾. Дух заговора, интриги и прозелитизма пропитал все их мысли, слова и поступки. А поскольку тяга противоречить скоро обращает мысли к силе, они стали исподволь внушать свои взгляды иноземным государям, вступив с ними в переписку и надеясь чрез их влияние, о коем они поначалу отзывались с крайней льстивостью, осуществить замысленные перемены. Им было безразлично, произойдут ли оные перемены вследствие разряда деспотической молнии или землетрясения народных волнений. Переписка между литературной братией и покойным королем Пруссии⁸⁰⁾ прольет немало света на дух их деятельности⁸¹⁾. По той же причине, по коей они интриговали с государями, они явно искали дружбы денежных магнатов Франции; отчасти благодаря предоставленным последними наиболее надежным и широким средствам сообщения, им удалось наглухо перекрыть все пути свободного мнения.

Писатели, особенно когда они выступают сообща и действуют заодно, имеют большее влияние на настроение общества, и потому связь⁸²⁾ сих писателей с владельцами денежной собственности⁸²⁾ немало содействовала прекращению всеобщей зависти и недоброжелательности к богачам. Сии писатели, как распространители всевозможных новшеств, изображали великое рвение, любовь к беднякам и низшим сословиям, в то время как в сатирах своих они с помощью всяческих преувеличе-

ний вызывали ненависть к изъясам двора, дворянства и духовенства. Они превратились в своего рода демагогов. Они послужили звеном, объединившим богачей, дотоле отвратительных народу, с мятежною и отчаявшейся беднотою.

Поскольку два сии разряда людей оказываются вожаками во всех последних событиях, следственно, их союз и образ действий, а не какие бы то ни было принципы законности или выгоды, суть *причина* того всеобщего неистовства, с коим нападают на земельных собственников и духовенство, а также того тщания, с коим, вопреки всем провозглашаемым ими принципам, охранялась денежная собственность, ведущая свое происхождение от королевской власти. Вся ненависть против богатства и власти была искусственно направлена против других разрядов богатства. Ибо исходя из какого иного принципа, кроме указанного мною, можем мы объяснить появление столь необычайной и противоестественной ненависти к церковным имуществам, прошедшим столько поколений, охранявшимся в века бурных гражданских потрясений и справедливостью, и предрассудком, но использованным на погашение долговых обязательств, сравнительно недавних, ненавистных, данных открыто осужденным и свергнутым правительством?

Было ли государственное достояние достаточным залогом всех государственных долгов? Допустим, что нет, и что нехватку надлежало где-то изыскать, - тогда какое же из имуществ, находившихся в законном владении в тот момент, когда заключалась сделка между сторонами, должно было потерпеть ущерб исходя из принципов естественной и законной справедливости? Ясно, что это должна была быть либо сторона, вверившая свое имущество, либо убедившая его вверить или же обе вместе, но никак не третья сторона, вовсе не касавшаяся к делу. При всяком банкротстве страдают те, кто проявили слабость, положившись на недостаточное обеспечение, или те, кто мошеннически предлагали обеспечение, ничего не стоившее. Закону не известны

никакие иные правила вынесения решений. Но при новом порядке прав человека справедливость требует, чтобы страдали как раз те, кого надлежит охранить от ущерба, а долг должны выплачивать те, кто не закладывали имущества и не брали залога, кто не были ни должниками, ни займодавцами!

Какое отношение имело духовенство к сей сделке? Что у него было общего с любыми публичными долговыми обязательствами, помимо обязательства выплачивать свои собственные долги? Под сию последнюю обязанность церковные имущества, конечно же, подпадали все, до последнего акра. Ничто не помогает нам лучше постичь истинный дух Национального собрания, принимающего решения о конфискациях, основываясь на своей новой справедливости и новой морали, чем разбор его поведения касательно долговых обязательств духовенства. Сие собрание конфискаторов, верных тем денежным интересам, ради коих они предали все прочие, признало духовенство обязанным выплатить некий законный долг. Разумеется, оно при этом объявило духовенство законным владельцем собственности, ибо это необходимо для правоспособности выплачивать долги и закладывать имущества; таким образом, права сих преследуемых граждан признаны в том самом законодательном акте, коим права эти были столь грубо нарушены.

Если, как я уже говорил, какие-либо лица обязаны возмещать убытки государственным кредиторам, кроме народа в целом, то это должны быть те, кто заключал оное соглашение. Почему же тогда не конфискуются имущества всех государственных контролеров⁸³⁾? Почему не конфискуются имущества многочисленных министров, финансистов и банкиров, обогащавшихся, покуда государство нищало из-за их сделок и советов? Почему не объявляется конфискация имущества г-на Лаборда⁸⁴⁾ вместо имущества архиепископа Парижского⁸⁵⁾, каковой не имел ни малейшего касательства к ведению государственных финансов? Или, коль скоро вам необходимо конфисковать старинную земельную собственность в

пользу ростовщиков, почему тяготы должны ограничиваться одним сословием? Я не знаю, осталось ли после непомерных трат герцога де Шуазель⁸⁶⁾ что-нибудь от бесконечных сумм, полученных им от щедрот своего государя в то царствование, кое всеми видами расточительства во дни войны и мира способствовало созданию нынешних долгов Франции. Если же от сих богатств еще что-то уцелело, почему они не конфискованы? Помнится, я был в Париже при старом порядке. Это было как раз после того, как герцог Эгийонский⁸⁷⁾ был избавлен от плахи рукою оградившего его деспота (так все тогда полагали). Герцог был министром и имел определенное отношение к делам того расточительного времени. Почему же не вижу я, как его имение раздается тем муниципалитетам, где оно расположено? Члены благородного семейства Ноай⁸⁸⁾ долго были слугами (и я готов признать - достойными слугами) королей Франции, и, разумеется, оному семейству перепала некоторая доля королевских щедрот. Почему мне не приходилось слышать о том, что имения сего семейства употреблены для выплаты государственного долга? Почему имение герцога де Рошфуко⁸⁹⁾ более свяшенно, нежели имение кардинала де Рошфуко⁹⁰⁾? Первый из них, я не сомневаюсь в том, человек достойный и (если б не было неким непотребством говорить о том, как пользуется он своим достоянием) можно сказать, рачительно использует свои доходы; однако не будет непочтением к нему утверждать, причем исходя из достоверных сведений, что брат его⁹¹⁾ кардинал, архиепископ Руанский, применяет свое имущество еще более достойно, на благо ближних. Можно ли слышать, что такие люди оказались в опале, а имущество их конфисковано, не испытывая возмущения и ужаса? Если вы не испытываете никаких чувств при таких известиях, вы недостойны называться человеком, если не выражаете их - вы не достойны звания свободного человека.

Мало кто из завоевателей-варваров был когда-либо повинен в столь ужасных потрясениях в области собст-

венности. Никто из глав партий в Древнем Риме, провозглашая "*crudelem illam hastam*"⁹²⁾ на всех грабительских аукционах, не распродал добро покоренных граждан в такой чудовищной степени. В защиту тиранов древности можно сказать, что они едва ли творили свои преступления хладнокровно. Страсти их были воспламенены, разумение помрачено под воздействием мести, обостренной бесчисленными и недавними взаимными грабежами и убийствами. Они были выведены из состояния равновесия мыслью о том, что, вместе с собственностью, к семьям тех, кого они обозлили сверх всякой надежды на прощение, вернется власть.

Римские конфискаторы, находившиеся еще на стадии тирании и не просвещенные по части прав человека, совершая всевозможные жестокости безо всякого к тому повода, полагали необходимым прикрыть чинимую ими несправедливость неким покровом. Они заявляли, что побежденная партия состоит из врагов, поднявших оружие на государство, или вредивших ему другими способами. Они утверждали, что побежденные лишили себя собственности вследствие совершенных ими преступлений. Но у вас, при более просвещенном состоянии умов, подобных формальностей не соблюдали. Вы захватили пять миллионов фунтов стерлингов годового дохода, выгнав сорок или пятьдесят тысяч людей из дому, ибо "так вам было угодно". Известный своим тиранством английский король Генрих VIII, поскольку он был не лучше римлян времен Мария и Суллы просвещен по части прав человека и не обучался в ваших новейших школах, не знал, какое действенное оружие деспотизма можно отыскать в великом арсенале наступательного оружия, носящем название "Права человека". Решившись ограбить аббатства (точно так же, как ваш клуб якобинцев ограбил всех священников), он начал с учреждения комиссии для проверки преступлений и злоупотреблений, в них совершавшихся. Как и следовало ожидать, в докладе комиссии правда была перемешана с преувеличениями и ложью. Но правдиво или облыжно,

комиссия все же доложила о злодеяниях и нарушениях закона. Однако, поскольку злоупотребления можно исправить, поскольку не всякое совершенное преступление влечет за собою лишение целого сословия принадлежащего ему имущества, поскольку, наконец, собственность в тот мрачный век не почиталась предрассудком, все оные злоупотребления (а их было предостаточно) все же полагались достаточным основанием для конфискации, кою замыслил король. Потому он добился формального отказа духовенства от своих имений. Все сии трудоемкие процедуры были исполнены одним из самых отъявленных тиранов, известных в истории, прежде чем он отважился, подкупив членов двух рабочих палат парламента обещанием доли добычи и вечным освобождением от налогов, потребовать от них подтверждения своего чудовищного решения парламентским актом. Если б судьба сохранила Генриха VIII до наших времен, он бы вполне справился со своею задачей с помощью короткого заклинания, состоящего из четырех технических терминов: "Философия, Просвещение, Свобода, Права Человека".

Мне нечего сказать в защиту актов тирании, кои до сих пор ни один голос еще не защищал, несмотря на фальшивые их покровы, но все же сами оные покровы были данью, отданной деспотизмом справедливости. Власть, стоявшая превыше всякого страха и сожаления, не стояла превыше стыда. Покуда стыд стоит на страже, добродетель еще не вовсе угасла в сердцах, а умеренность не безвозвратно покинула умы тиранов.

Я верю, что каждый честный человек разделяет в сем случае чувства нашего политического поэта, посвятившего сему происшествию свои строки, что он вместе с автором возносит молитву о том, чтобы всякий раз, как его взору и воображению представляются акты ненасытного деспотизма, не сбывались мрачные пророчества:

Казна пуста. Реформ не миновать.
Опять начнут добро конфисковать.

Указ грабительский скрепил рукой своей
Наш христианнейший из королей.
Грех сребролюбия вменяет нам в вину
Тот, кто до нитки разорил страну.
Пусть роскошь - грех. А мотовство - не грех?
А что закон? он писан не для всех?
Но голь законы обращает в прах -
Тот, кто не нищ, - преступник в их глазах⁹³⁾.

То самое богатство, кое во все времена при любом образе правления есть измена и преступление против государства в глазах обнищавшего и ненасытного деспотизма, было и для ваших новых правителей искушением, соблазнившим их нарушить установления собственности, закона и религии, объединенные в одном предмете. Но разве Франция пребывала в состоянии столь несчастном и несовершенном, что не оставалось никакого иного средства, кроме грабежа, дабы поддержать ее существование? По этому вопросу я желал бы получить некоторые сведения. Когда собрались Генеральные штаты, разве было состояние французских финансов таково, что проведя жестокую экономию, нельзя было, исходя из принципов справедливости и милосердия, распределить бремя на все сословия и таким образом его восстановить? Если такие равные подати были достаточны, то, как Вам хорошо известно, их можно было легко ввести. Г-н Неккер⁹⁴⁾ в проекте бюджета, представленного им представителям сословий, собравшимся в Версале, сделал подробный обзор положения французской нации.

Если верить ему, вообще не было нужды прибегать к какому-либо обложению, дабы привести доходы Франции в соответствие с ее расходами. Он указал, что постоянные долговые выплаты всех видов, в том числе проценты по новому займу в четыреста миллионов, составляли 531.444.000 ливров, а установленные подати доставляли 475.294.000 ливров, то есть дефицит равнялся 56.150.000 ливров, или чуть менее 2.200.000 фунтов стерлингов. Но для уравнивания одного дефицита г-н Неккер предлагал использовать сбережения и

усовершенствования податей (почитавшиеся вполне надежными), дававшие сумму, превышавшую дефицит. Он завершил свою речь такими патетическими словами: "Есть ли страна, господа, кроме нашей, где *без новых налогов, с помощью простых незаметных средств* можно добиться исчезновения дефицита, надевавшего столько шуму в Европе". Что касается погашения долга, а так же других важных целей государственного кредитования и политических установлений, упомянутых в докладе г-на Неккера, то не могло возникнуть никаких сомнений относительно того, что их можно было бы обеспечить сполна путем весьма умеренного и пропорционального налогообложения всех граждан без различия.

Если сей доклад г-на Неккера был неверен, то депутаты Национального собрания в высшей степени виновны в том, что вынудили короля взять себе министром, а после низложения короля сами назначили своим министром человека, способного столь беззастенчиво злоупотребить доверием своего повелителя и их собственным, причем в столь важном и непосредственно касающемся его министерства деле. Однако если доклад г-на Неккера был верен (в чем я не сомневаюсь, зная, каким уважением всегда пользовался г-н Неккер в вашей стране), тогда что же можно сказать в защиту тех, кто вместо умеренного, разумного и общего налогообложения прибегли к не обусловленной никакой нуждою, жестокой и несправедливой конфискации?

Отказались ли духовенство и дворянство внести свой вклад под предлогом привилегий? Безусловно, нет. Что до духовенства, то оно даже опережало желания третьего сословия. Еще до созыва Генеральных штатов, духовенство во всех своих наказах депутатам предписывало им отказаться от привилегий по части налогообложения, кои ставили представителей сего сословия в иное положение по сравнению с их согражданами. Духовенство выражало свой отказ от привилегий даже более открыто, нежели дворянство.

Но допустим, что дефицит оставался на том же уровне 56 миллионов ливров (или 2.200.000 фунтов стерлингов), как его впервые определил г-н Неккер. Допустим, что источники, кои намеревался он употребить для погашения дефицита, были бесстыдною и безосновательною выдумкою, допустим, что Национальное собрание (или его лорды-законодатели⁹⁵⁾ из Якобинского клуба) могли вполне оправданно возложить бремя оно-го дефицита на духовенство. Но даже допуская все это, потребность в 2.200.000 фунтов стерлингов не объясняет необходимости в конфискациях на сумму в пять миллионов. Налогообложение на духовенство в размере 2.200.000 фунтов стерлингов было бы односторонним, а потому притеснительным и несправедливым, но оно не стало бы совершенно гибельным для него, а потому и не отвечало истинным целям тех, кто его замыслил.

Быть может, люди, не знакомые с состоянием Франции, услышав, что духовенство и дворянство имели привилегии по части налогообложения, могут подумать, что до революции оба сии сословия ничего не платили в государственную казну. Это большая ошибка. Сословия эти, безусловно, не вносили одинаковой суммы и не столько, сколько взималось с простолюдинов. Однако оба привилегированные сословия вносили суммы весьма значительные. Ни дворянство, ни духовенство не были освобождены ни от акцизных сборов, ни от таможенных пошлин, ни от прочих косвенных налогов, кои во Франции, как и в нашей стране, составляют столь значительную долю всех выплат в казну. Дворянство платило подушную подать, а также налог на землю, называвшийся "двадцатый грош", но доходивший иногда до трех, иногда до четырех шиллингов на фунт; обе эти выплаты - прямые и отнюдь не незначительные налоги, дававшие казне немалый доход. Духовенство провинций, присоединенных к Франции, (кое по количеству составляло около восьмой части всего сословия, но по богатству доля его была куда большей) платило также подушную подать и "двадцатый грош" в том же

размере, как и дворянство. Духовенство исконных французских провинций не платило подушную подать, ибо оно откупилось от нее суммою около 24 миллионов ливров, или чуть менее миллиона фунта стерлингов. Оно было также освобождено от "двадцатого гроша", но оно делало добровольные взносы, оно одалживало государству деньги, а так же несло некоторые другие выплаты, достигавшие в целом тринадцатой части его чистого дохода. Ему надлежало бы ежегодно выплачивать примерно на сорок тысяч фунтов больше, чтобы сравняться с налогами, выплачивавшимися дворянством.

Когда ужасы нынешних колоссальных проскрипций нависли над духовенством, оно предложило через архиепископа Экского внести колоссальный взнос, который не следовало принимать уже в силу необычайной его величины. Однако взнос этот несомненно принес бы кредиторам государства гораздо более пользы, нежели все, чего можно было ожидать от конфискации. Почему же не был он принят? Причина очевидна - не было никакого желания позволить, чтобы церковь была допущена послужить государству. Государственная польза была превращена в предлог для разрушения церкви. На своем пути к разрушению церкви эти люди не остановились бы пред разрушением собственной страны - и они ее разрушили. Одна из главных целей всего проекта не была бы достигнута, если бы вместо конфискации был бы принят план вымогательства. Не была бы создана новая земельная собственность, связанная с новой республикой и обязанная ей самим своим существованием. Такова была одна из тех причин, из-за коих не был принят столь необычайный выкуп.

Безумие первоначального проекта конфискации стало вскоре очевидным. Вынести разом на рынок сию громадную массу земельной собственности, увеличенную еще конфискацией обширных королевских имений, означало, несомненно, свести на нет предполагавшиеся выгоды от конфискаций из-за понижения стоимости оных земель, а в сущности, и всех земельных угодий

Франции. Такой внезапный отток всех обращавшихся денег из торговли ради покупки земель должен был создать дополнительные осложнения. Какие же шаги были предприняты? Возвратились ли депутаты Национального собрания, осознав неизбежные неблагоприятные последствия проектировавшейся распродажи, к первоначальным предложениям духовенства? Нет, никакое бедствие не могло побудить их взять курс, опозоренный хоть крупницей справедливости. Отказавшись ото всех надежд, связанных с немедленной и полной распродажей земель, они перешли к другому проекту, в коем, по видимости, преуспели. Они предложили выпустить ценные бумаги в обмен на церковные имения. При таком плане появлялись большие трудности в приравнивании стоимости различных видов собственности, подлежавших обмену. Возникли и другие препятствия, заставившие конфискаторов вернуться к идее распродажи. Муниципалитеты забились тревогой. Они и слышать не желали о передаче всей добычи, награбленной со всего королевства, парижским акционерам. Многие из сих муниципалитетов пребывали уже в самой жалкой нищете. Денег ниоткуда не предвиделось. Посему их довели до той крайней точки, до коей столь пламенно желали довести. Они жаждали денег, неважно каких, лишь бы возродить умирающую свою промышленность. Тогда муниципалитетам позволили участвовать в дележе добычи, что, естественно, сделало первый план (если к нему вообще когда-либо относились серьезно) совершенно неприменимым. Критическое положение государства оказывало давление на все стороны. Министр финансов повторил свой призыв о сборе налогов самым тревожным и настойчивым голосом. Тогда, теснимое со всех сторон, Национальное собрание вместо первого плана, предусматривавшего превращение своих банкиров в епископов и аббатов, вместо выплаты старых долгов, влезло в новые долги под три процента прибыли, выпустив новые бумажные деньги, обеспеченные доходом с предполагавшейся распродажи церковных зе-

мель⁹⁶⁾. Оно выпустило эти бумажные деньги, чтобы удовлетворить требования, предъявленные на сии ложные богатства главным образом Дисконтным банком⁹⁷⁾, т. е. попросту гигантской бумагоделательной фабрикой.

Дележ церковных земель стал теперь единственным источником всех их финансовых операций, жизненным принципом их политики; только он способен был обеспечить поддержание их власти. Необходимо было всеми, даже наиболее насильственными средствами довести каждого человека до крайности, всех увлечь на дно, и связать весь народ круговой порукой вины, дабы заставить его поддерживать сию меру и власти, ее предпринявшие. Чтобы принудить к соучастию в грабеже самых упорных, депутаты Национального собрания объявили бумажные деньги обязательными при любых платежах. Если вы примете во внимание, что все их замыслы были направлены к этой цели, что она представляет собою единый центр, из коего вытекают все их последующие поступки, то вы не сочтете, что я слишком долго останавливаюсь на этой стадии деятельности Национального собрания.

Дабы перерезать всякую видимость связи между короной и общественной справедливостью, привести всех в повиновение парижским диктаторам, прежние независимые судьи парламентов⁹⁸⁾ со всеми присущими им достоинствами и недостатками были совершенно упразднены. Покуда парламентские судьи существовали, было очевидно, что народ может рано или поздно прибегнуть к их помощи, сплотиться под знаменем древних законов. Однако теперь пришлось учитывать, что судьи и другие должностные лица недавно упраздненных судов некогда купили свои должности за большие деньги, причем и за эти суммы, и за обязанности, ими исполняемые, они получали крайне незначительные выплаты. Простая конфискация - благо только тогда, когда речь идет о духовенстве. Применительно же к стряпчим следует соблюсти некое подобие справедливости, посему им надлежит выплатить огромные компенсации.

Компенсации эти становятся частью государственного долга, для ликвидации коего имеется лишь один неистощимый источник. Стряпчие должны получить компенсации новыми ценными бумагами, выпущенными под обеспечение церковных земель, что вполне идет в ногу с новыми принципами отправления правосудия и законности. Смещенные судьи должны, как и священники, испить свою чашу или получить принадлежащую им же собственность из такого источника и такими путями, на кои те, кто успели впитать старые принципы юриспруденции, кто были присяжными охранителями собственности, не могут глядеть без содрогания. Даже священники должны получить причитающиеся им жалкие подачки теми же обесцененными бумажками, на коих стоит печать святотатства, знак гибели духовенства - или же голодать. Столь вопиющее поругание доверия, собственности и свободы, как сии принудительные бумажные деньги, редко проявлялось союзом банкротства и тирании в истории всех времен и народов.

В ходе всех этих перипетий наконец выходит на свет Божий великая тайна: в действительности церковные земли (насколько можно уяснить нечто определенное из сих событий) вообще не должны распродаваться. Согласно недавнему решению Национального собрания они должны достаться тому, кто предложит наивысшую цену. Однако рекомендуется соблюдать такой порядок, "чтобы лишь определенная часть денег в счет сей покупки была выложена при совершении купчей". Для выплаты оставшейся части суммы будет дана отсрочка в двенадцать лет. Таким образом, философы-покупщики, выплатив некую пеню, будут немедленно введены во владение имением. В некотором роде оно сделается подарком, коим они могут владеть на основах феодальной преданности новому режиму. Сей проект, очевидно, рассчитан на то, чтобы покупщики получили землю, не платя денег. Вследствие сего покупщики, или, скорее, получатели дара, будут выплачивать оставшуюся сумму не только из доходов с недвижимости по мере

их нарастания (кои с тем же успехом могло бы получать и государство), но также из доставшейся им добычи в виде построек, леса и прочих ценностей, а также из того, что смогут они, привыкшие к ростовщичеству, выжать из бедного крестьянина. Нельзя рассчитывать на человека, коего побуждают к всяческому вымогательству посредством растущих требований на растущие прибыли с имения, находящегося в ведении новой и ненадежной политической системы.

Когда все обманы, мошенничества, насилия, грабежи, поджоги, убийства, конфискации, принудительное обращение бумажных денег и прочие проявления тирании и жестокости, к коим прибегли, чтобы вызвать и совершать сию революцию, оказывают естественное свое воздействие, то есть потрясают нравственное чувство во всех добродетельных и трезвых людях, тогда изобретатели сей философской системы тотчас, напрягая глотки, обрушиваются на старое монархическое правление Франции. Достаточно очернив низложенную власть, они затем переходят к следующему предмету, как будто все, кто не одобряют их последних злодеяний, должны непременно быть сторонниками злодеяний прежних, будто те, кто порицают введенные ими жестокие свободы, должны почитаться приверженцами рабства. Я признаю, что они воистину не по доброй воле вынуждены прибегать к столь низкому и презренному обману. Ничто не может примирить людей с их поступками и проектами, кроме мысли, что третьего не дано, что приходится выбирать между ними и самою гнусною тиранией, какую только можно отыскать в анналах истории или в вымысле поэтов. Вся эта болтовня едва ли заслуживает даже имени софистики. В ней нет ничего, кроме откровенной наглости. Разве эти господа никогда не сталкивались ни в теории, ни на практике с чем-либо, лежащим между деспотизмом монарха и деспотизмом толпы? Разве никогда не слышали они о монархии, коя направляется законами, сдерживается и уравнивается большим наследственным богатством и наследст-

венным достоинством нации, причем обе эти составляющие власти находятся под трезвым надзором разума и чувства всего народа, действующего через посредство особого постоянного органа? И разве невозможно найти человека, который, не питая преступных намерений и не впадая в жалкую бессмыслицу, предпочтет такое смешанное и умеренное правление каждой из двух крайностей? Кому придет в голову, что народ настолько лишен благоразумия и всякой добродетели, если, имея возможность с легкостью получить такое правление или поддержать то, которым он уже *располагает*, он почел бы сообразным совершить тысячу преступлений и подвергнуть свою страну тысяче бедствий, дабы избежать сего нового правления? Разве столь уж общепринятой является истина, будто чистая демократия есть единственно терпимая форма, в кою можно отлить человеческое общество, что человеку недозволено даже сомневаться в ее достоинствах, не навлекая на себя подозрение в том, что он друг тиранов, или, иными словами, враг человечества?

Я не знаю, под какое определение подпадает власть, ныне господствующая во Франции. Она прикидывается чистой демократией, хотя я думаю, что она вскорости кратчайшим путем превратится в подлую и пагубную олигархию. Однако я покуда признаю ее капризом природы и следствием того, чем она желает слыть. Я не осуждаю ни одной формы правления на основе одних только отвлеченных принципов. Возможно такое положение, при котором чисто демократическая форма станет необходимою. Возможны такие (очень немногочисленные, обусловленные очень своеобразными обстоятельствами) случаи, когда она окажется безусловно желательной. Я не считаю, что Франция или любая другая великая держава относится к случаям такого рода. Доселе не приходилось нам видеть примеров крупных демократических стран. Древним они были известны лучше. Не будучи вовсе незнаком с сочинениями древних авторов, видевших большинство тогдашних демократий

и лучше других в них понимавших, я не могу не согласиться с их мнением, что абсолютная демократия не более, нежели абсолютная монархия, должна почитаться законною формою правления. Они полагают абсолютную демократию скорее разложением и упадком, нежели трезвым образом правления в республике. Если мне не изменяет память, Аристотель замечает, что у демократии есть несколько точек поразительного сходства с тиранией⁹⁹⁾. Я уверен в том, что при демократии большинство граждан способно жесточайшим образом притеснять меньшинство каждый раз, когда выявятся резкие различия во мнениях, как должно нередко случаться, а также в том, что притеснение меньшинства будет распространяться на все большее число людей и проводиться с гораздо большею свирепостью, чем можно представить себе в государстве, управляемом единым скипетром. Страдания отдельного человека, подвергающегося гонениям при господстве народа, куда мучительнее, чем при любом ином правлении. При жестоким государе гонимые им подданные ощущают сочувствие всего человечества, исцеляющее их жгучие раны; восторженное преклонение всего народа возбуждает в них великодушную твердость, даже и в самих страданиях. Те же, кто страдают при правлении большинства, лишены всякого внешнего утешения; они, кажется, оставлены всем человечеством, раздавлены всеобщим разговором молчания.

Но допустим, что демократия не имеет склонности к партийной тирании, коя, по моему мнению, ей свойственна; допустим, что она, в чистой своей форме, обладает всеми теми достоинствами, коими, на мой взгляд, она обладает лишь в сочетании с другими формами правления. Но неужели монархия, со своей стороны, не имеет ничего привлекательного? Я не часто цитирую Болингброка, да и вообще сочинения его не наложили постоянного отпечатка на мой ум¹⁰⁰⁾; он автор высокомерный и поверхностный. Но есть у него одно замечание, по-моему, не лишенное глубины и основательно-

сти. Он говорит, что предпочитает монархию прочим видам правления, ибо к монархии легче привить черты демократии, нежели к демократическим формам какие-либо монархические особенности. Полагаю, здесь Болингброк совершенно прав. Мысль его подтверждается историческими фактами и согласуется с воззрениями разума.

Я знаю, как легко распространяться о пороках прошедшего величия. Когда в стране бушует революция, вчерашний раболепный придворный обращается в сурового критика двора. Но люди твердого независимого ума, обращаясь к столь серьезному для человечества вопросу, как образ правления, с презрением отвернутся от роли сатириков и обличителей. Они будут судить о людских установлениях так же, как о человеческих характерах. Они отделят хорошее от дурного, хотя в установлениях смертных они перемешаны так же, как в них самих.

Прежнее правление во Франции, хотя его обычно и, думаю, обоснованно, почитали лучшею из неограниченных или малоограниченных монархий, все же изобиловало злоупотреблениями. Злоупотребления сии накапливались с течением времени, как должны они накапливаться в любой монархии, не находящейся под постоянным надзором представителей народа. Я достаточно знаком с ошибками и недочетами ниспровергнутого во Франции правления, и, полагаю, у меня ни по натуре, ни по расчету нет склонности слагать панегирики любому явлению, долженствующему быть на деле предметом справедливой и естественной критики. Однако пред нами стоит теперь вопрос не о пороках французской монархии, но о ее жизнеспособности. Верно ли, что прежнее французское правление было уже совершенно неспособно продолжать свое существование, или не заслуживало реформы - так что было совершенно необходимо низвергнуть все здание, дабы расчистить место и воздвигнуть экспериментальное сооружение, основанное на теории? В начале 1789 года вся Франция дер-

жалась иного мнения. Наказы депутатам Генеральных штатов ото всех провинций тогдашнего королевства были полны проектами реформ правления, но в них не содержалось и отдаленного намека на желание его свергнуть. Если бы кто-то тогда намекнул на подобные замыслы, думаю, что в ответ раздался бы единый глас, отвергающий их с презрением и ужасом. Подчас людей постепенно доводят, или же внезапно ввергают в такие происшествия, даже и отдаленного подобия коих они не допустили бы, если б способны были заранее увидеть всю совокупность событий. Когда давались указы депутатам Генеральных штатов, не было иного вопроса, кроме как о том, что наличествуют злоупотребления - и посему потребны реформы - мысль, остающаяся верной и по сей день. В промежутке между временем, когда составлялись указы, и революцией все изменило свой привычный облик, и вследствие сих перемен теперь главный вопрос состоит в следующем: были ли правы те, кто желал реформ, или те, кто все разрушил?

Слушая, как иные толкуют о французской монархии, можно вообразить, будто они говорят о Персии, истекающей кровью под мечом свирепого Тахмас Кули-хана¹⁰¹⁾, или, по меньшей мере, описывают варварский и анархический деспотизм Турции, где прекрасные страны, наслаждающиеся превосходнейшим в мире климатом, опустошены в условиях мира более, нежели страны, пережившие войну; где неведомы искусства, где промышленность чахнет, где наука угасла, где земледелие в упадке, где самый род человеческий вымирает на глазах. Разве такова была Франция? У меня нет другого способа судить о ее положении, кроме как на основании фактов. Факты же не подтверждают ни малейшего сходства с нарисованною выше картиною. Наряду с немалым злом в монархии как таковой есть определенное благо, а во французской монархии зло, бесспорно, должно было умеряться под воздействием религии, законов, нравов и убеждений, и, будучи устройством, не основанном на свободе, а посему далеким от со-

вершенства, она была все же деспотизмом скорее с виду, нежели на деле.

Среди мерил, по коим надлежит судить о достоинствах власти в любой стране, я полагаю не последним состояние ее населения. Ни одна страна, где население процветает и непрерывно улучшает свое бытие, не может иметь сузубо дурной власти. Лет шестьдесят назад управители финансовых округов составили отчет о населении нескольких провинций. У меня нет под рукой сих объемистых томов и мне неизвестно, где можно их раздобыть, потому я вынужден говорить по памяти и с меньшею уверенностью, но думаю, что население Франции, согласно этим отчетам, состояло даже в те времена примерно из двадцати двух миллионов душ. В конце же прошлого столетия оно обычно оценивалось цифрою в восемнадцать миллионов. Г-н Неккер, авторитет коего для своего времени не уступает авторитету указанных управителей для времен прошлых, оценивает, имея к тому, очевидно, надежные основания, население Франции в 1780 году цифрою в двадцать четыре миллиона шестьсот семьдесят тысяч человек. Но была ли сия цифра предельной для прежнего режима? Доктор Прайс придерживается мнения, что рост населения Франции ни в коем случае не был в тот год наивысшим. В сих делах я, разумеется, полагаюсь на мнение доктора Прайса куда больше, нежели в вопросах общей политики. Исходя из данных г-на Неккера, доктор Прайс уверяет, что с момента подсчетов, произведенных министром финансов, население Франции быстро возросло, настолько быстро, что в 1789 году жителей сего королевства, как он полагает, насчитывалось не менее тридцати миллионов. Сделав значительную поправку (а я полагаю, что значительное уменьшение здесь необходимо) к радужным подсчетам доктора Прайса, я все же не сомневаюсь в том, что население Франции в самом деле существенно возросло в сей последний период. Но допустим, оно увеличилось не более чем для того, чтобы округлить 24.670.000 до 25 миллионов. Все же

население в 25 миллионов (притом постоянно растущее), размещенное на площади около 27 тысяч квадратных лиг - колоссально. Оно, к примеру, значительно превышает в пропорциональном исчислении населенность нашего острова и даже Англии, самой населенной части Соединенного королевства.

Нельзя сказать, чтобы Франция была повсюду плодородна. Значительные части ее пустынно и страдают от неблагоприятных природных условий. В тех частях ее территории, где условия более благоприятны, насколько я мог обнаружить, численность населения сообразна щедротам природы. Округ Лилля (мне кажется, это самый яркий пример), простирающийся на 404 с половиною лиги, около десяти лет назад насчитывал 734.600 душ, что составляет 1772 жителя на квадратную лигу. Средний показатель для остальной территории Франции - около 900 жителей на квадратную лигу.

Я не приписываю сию населенность рачительности свергнутого правительства, не будучи охотником преувеличивать значение людских ухищрений там, где люди в большей степени обязаны милости Провидения. Однако поносимая ныне власть не препятствовала, а, скорее всего, благоприятствовала воздействию естественных причин (каковы бы они ни были), будь то почва или навыки населения, вызвавшие столь большой прирост по всему королевству, когда в определенных местностях он достигал столь необыкновенной величины. Я никогда не смогу думать, что те виды власти, кои по опыту оказываются благоприятны для роста численности населения - самые худшие из политических учреждений.

Богатство страны - другой, и тоже немаловажный показатель, по коему мы можем судить о том, является ли образ правления (в целом) фактором охраняющим или разрушающим. Франция намного превосходит Англию по населению, но я полагаю, что ее богатство меньше нашего, что оно не распределено с тою же равномерностью и не столь легко обращается. Я полагаю, что раз-

личие образа правления двух стран есть одна из причин преимущества Англии. Я говорю об Англии, а не обо всех английских владениях, кои, ежели сопоставить их с французскими, до некоторой степени ослабят наши сравнительные преимущества в богатстве. Однако же благосостояние, пусть и не выдерживающее сравнения с богатствами Англии, может все же составлять основу весьма значительного довольства. В книге г-на Неккера, опубликованной в 1785 году, собраны интересные факты, относящиеся к государственной экономике и политической арифметике, а рассуждения его проникнуты мудростью и либеральностью. В сем труде автор дает нам картину Франции, весьма не похожую на образ страны, где правительство есть совершенное бедствие, абсолютное зло, не допускающее никакого иного лечения, как посредством столь жестокого и ненадежного снадобья как всеобщая революция. Г-н Неккер утверждает, что с 1726 до 1784 год на монетном дворе Франции было отчеканено золотых и серебряных монет примерно на сто миллионов фунтов стерлингов.

Невероятно, чтобы г-н Неккер ошибся в оценке количества монет из благородных металлов, отчеканенных на государственном монетном дворе. Перед нами официальный отчет. Соображения сего способного финансиста касательно качества золота и серебра, находившегося в обращении, когда он писал свою книгу - в 1785 году, или примерно за четыре года до низложения и заключения французского короля - не столь надежны, но они все же покоятся на весьма твердом основании и с ними трудно в значительной степени не согласиться. Г-н Неккер оценивает количество звонкой монеты, существовавшее тогда во Франции, примерно в 88 миллионов английских фунтов. Весьма большое богатство для одной страны, как бы велика она ни была! Г-н Неккер был столь далек от того, чтобы полагать, будто сей источник изобилия прекратился, что написал в 1785 году, что он рассчитывает на прирост в будущем году в 2 процента от денег, пущенных в оборот во Франции за тот

период, от коего он ведет свой отсчет.

Должен же был существовать некий источник всех денег, отчеканенных на монетном дворе Франции, некая причина должна была удержать их в стране или же вернуть в ее лоно столь огромный поток богатств, о коем упоминает г-н Неккер в своих оценках внутреннего обращения. Постараемся сделать разумные вычеты из цифр г-на Неккера - остаток должен все же достигать огромной суммы. Причины, побуждающие накапливать и сохранять деньги, нельзя отыскать ни в отсутствии поощрения предпринимательства, ни в ненадежности собственности, ни в совершенно пагубном правлении. В самом деле, когда я представляю картину французского королевства, многочисленность и довольство его городов, полезность и великолепие его просторных дорог и мостов, возможности его искусственных каналов и рек, открытых для судоходства на столь обширной территории суши; когда я обращаю взор к колоссальным работам, совершающимся в его портах и гаванях, к его флоту, предназначенному и для торговли, и для войны, когда я окидываю глазом его крепости, построенные со столь великим мастерством и смелостью и содержащиеся не считаясь с затратами, представляющие вооруженный фронт и непроницаемую для врагов стену с каждой стороны; когда я вспоминаю о том, сколь небольшая часть сего обширного пространства невозделана, и о том, какого совершенства достигло во Франции разведение множества самых лучших плодов земли; когда я задумываюсь о ее превосходных мануфактурах и фабриках, уступающих лишь нашим (а в иных случаях и не уступающим), когда я обзираю крупнейшие благотворительные учреждения, как государственные, так и частные; когда я созерцаю состояние всех искусств, украшающих и облагораживающих жизнь; когда я вспоминаю мужей, воспитанных ею, дабы они прославили ее в войнах; ее достойных государственных деятелей, множество ее ученых, адвокатов и богословов, ее философов, ее критиков, историков и хранителей древно-

стей, ее поэтов, ее церковных и светских ораторов, я зрю во всей этой картине нечто покоряющее воображение, нечто останавливающее ум на пороге поспешной и неразборчивой хулы, нечто, требующее от нас очень серьезной проверки того, насколько велики были скрытые пороки, кои могли бы дать нам основание вдруг сравнять столь величественное здание с землею. Я не узнаю, взирая на Францию, ни деспотизма, свойственного Турции, ни вообще характера правления, кое было бы в совокупности столь притеснительно, или столь развращено, или столь нерадиво, чтобы быть совершенно непригодным для любой реформы. Я должен считать такое правление вполне заслуживающим того, чтобы достоинства его были возвеличены, недостатки его исправлены, а возможности улучшены конституцией, подобной британской.

Принявшись за изучение деяний сего свергнутого правительства за несколько лет, нельзя не заметить, среди свойственного дворам непостоянства и отклонений, искреннего стремления к процветанию и усовершенствованию страны; нельзя не признать, что уже давно предпринимались многочисленные попытки исправить, а в некоторых случаях и устранить злоупотребления и пагубные обыкновения, господствовавшие в государстве; даже безграничная власть монарха над личностью подданных его, несовместная с законом и свободой (каковою власть сия, безусловно, оставалась), с каждым днем проявлялась все умереннее. Отнюдь не отвергая возможности реформ, правительство было в разумной степени восприимчиво ко всякого рода новшествам. Оно, скорее, оказывало слишком большую поддержку духу нововведений, вскорости обратившемуся против тех, кто его поощрял, что и привело к их падению. Будет лишь данью беспристрастной справедливости, а вовсе не лестью поверженной монархии, сказать, что на протяжении многих лет она в иных своих замыслах грешила скорее снисходительностью и опрометчивостью, нежели недостатком усердия или стрем-

ления способствовать благу общества. Сравнить правление Франции за последние пятнадцать или шестнадцать лет (или за любой другой период времени) с неким мудрым, продуманным и прочно установленным устройством, не значило бы поступать справедливо. Однако если сравнить последнее царствование с любым ему предшествовавшим в отношении расточительности в расходах или жестокости в применении власти, то, полагаю, беспристрастные судьи не смогут с доверием отнестись к благим намерениям тех, кто постоянно рассуждают о подарках фаворитам, расходах двора или ужасах Бастилии при Людовике XVI¹⁰².

Сможет ли система (если она заслуживает такого имени), строящаяся ныне на руинах древней монархии, добиться лучших достижений в численности населения и богатстве страны, кою взяла она на свое попечение? - Весьма сомнительно. Не думаю, чтобы произошедшая перемена оказалось благотворительной; напротив, я полагаю, что должна пройти долгая вереница лет, прежде чем Франция сможет хоть как-то оправиться от последствий сей философической революции, а нация - вновь обрести опору. Если доктор Прайс сочтет уместным через несколько лет благодетельствовать нас подсчетом населения Франции, он вряд ли сможет рассказать нам сказку о 30 миллионах душ, якобы проживавших в стране в 1789 году, или сообщить нам цифру в 26 миллионов душ, составлявших население Франции за тот год согласно данным Национального собрания, или даже в 25 миллионов, кои составляли ее население в 1780 году по подсчетам г-на Неккера. Я слышал, что имеет место значительная эмиграция из Франции, что многие покидают ее роскошный климат и беспечную вольность в садах Цирцеи, находя пристанище в морозных землях Канады, под пятой британского деспотизма.

При теперешнем исчезновении твердой монеты никто не может почтить Францию тою же страною, где нынешний министр финансов мог насчитать восемьдесят миллионов фунтов стерлингов наличными. Глядя

ныне на Францию, можно заключить, что она в продолжение определенного срока управлялась учеными академиками Лапуты и Бальнибарби. Население Парижа уже настолько уменьшилось, что г-н Неккер сообщил Национальному собранию о необходимости обеспечить пропитанием население, на пятую часть меньшее, нежели было потребно прежде. Говорят (и мне не приходилось слышать возражений), что сто тысяч человек в Париже не имеют работы, хотя он стал местом пребывания заточенного двора и Национального собрания. По достоверным сведениям, ничто не может сравниться с потрясающим, отвратительным зрелищем нищенства, представляющегося взору в сей столице. В самом деле, голосование в Национальном собрании не оставляет сомнений относительно масштабов этого явления. Недавно был назначен постоянный комитет по нищенству. Намереваются создать полицейские силы для решительных мер противу нищих и одновременно на первое время ввести налог для содержания бедных, для облегчения участи коих в государственном бюджете сего года предусмотрены крупные суммы. Тем временем заправили законодательных клубов и кофейен все еще опьянены собственною мудростью и способностями. Они с высокомерным презрением говорят об остальном мире. Они утешают народ, который сами же облачили в лохмотья, тем, что французы - нация философов. То шарлатанскими парадом, шумом и суматохой, то тревожными разговорами о заговорах и вторжении извне они пытаются заглушить крики нищеты, отвлечь взор от разрухи и убожества в государстве. Отважный народ, несомненно, предпочтет свободу, сопровождаемую добродетельною бедностью, развращенному и сытому рабству. Но прежде чем платить за свободу удобствами и довольством, следует вполне убедиться в том, что свобода эта истинная, и что ее невозможно приобрести иной ценой. Тем не менее, я всегда буду считать, что свобода, не сопровождаемая мудростью и справедливостью, не ведущая за собою процветания и довольства,

выглядит весьма сомнительно.

Апологеты французской революции, не удовлетворяясь преувеличением пороков старого порядка, посягают на славу своей страны, расписывая почти все, что могло бы привлечь в ней внимание иностранцев - я имею в виду дворянство и духовенство, - как нечто ужасное. Если бы то была лишь клевета, от нее было бы не много проку. Но у нее есть практические последствия. Будь ваше высшее и прочее дворянство, составляющее большинство ваших землевладельцев и весь разряд ваших офицеров, похоже на то, которое существовало в Германии в ту эпоху, когда ганзейским городам приходилось объединяться, дабы защитить себя от дворян и оградить свою собственность; будь оно таким, как семейства Орсини и Вителли в Италии, имевшие обыкновение совершать грабительские набеги из своих укрепленных логовищ на торговцев и путешественников; будь оно таким, как мамлюки в Египте или наяры на побережье Малабара, я с готовностью признаю, что не следовало бы подвергать чересчур критическому рассмотрению те средства, кои способны избавить мир от такой язвы¹⁰³⁾. Тут можно было бы на минуту занавесить статуи справедливости и милосердия. Самые нежные сердца, столкнувшись с крайностью, где нравственность отступает ради собственных своих принципов, могли бы отвернуться, покуда мошенничество и насилие довершат разрушение мнимо благородного сословия, обесчестившего себя гонением на человеческую природу. Люди, коим претят кровопролития, измены и произвольные конфискации, должны были остаться молчаливыми зрителями сей гражданской войны между пороками.

Но разве знать, собравшаяся по королевскому повелению в Версале в 1789 году, или избравшие ее дворяне, заслуживали того, чтобы на них смотрели как на наядов или мамлюков нашего века, или как на Орсини и Вителли века прошлого? Если бы я тогда задал такой вопрос, меня приняли бы за помешанного. Что же сделали французские дворяне с тех пор, почему довели их

до изгнания, до того, что за ними охотятся, калечат, пытаются, раздробляют их семейства, что дома их обращены в пепелища, сословие их упразднено, а память о нем, поелику возможно, уничтожается, для чего им велит менять имена, под коими были они известны? Прочтите указы дворян своим представителям. Они не менее наказов любого другого сословия дышат горячим стремлением к свободе и реформам. Дворяне добровольно отказываются от привилегий в уплате податей точно так же, как король с самого начала отказался от любых поблажек в справедливом налогообложении. Во Франции царило единодушие относительно желательности свобод. Абсолютная монархия пришла к своему концу. Она выпускала последний вздох без стога, без борьбы, без содроганий. Вся борьба, все раздоры возникли уже потом, из-за предпочтения деспотической демократии правлению, основанному на взаимном контроле. Триумф победившей партии был победою над принципами британской конституции.

Мне пришлось наблюдать в Париже долголетнюю и всеобщую любовь к памяти о вашем короле Генрихе IV, доходившую до совершенно детского обожания. Если что-либо способно было вызвать в вас нерасположенность к благородному характеру сего короля, так именно чрезмерные похвалы этих коварных панегириков. Их особенно усердно расточали как раз те лица, кои впоследствии свергли с трона наследника и потомка Генриха IV - человека столь же благородной души, как он сам, столь же любящего свой народ, сделавшего для исправления давних пороков государства бесконечно более, чем его великий предшественник сделал или (можно с уверенностью утверждать) намеревался сделать. Счастливы те, кто восхвалял Генриха IV, что им не пришлось иметь дела с ним самим. Ибо Генрих Наваррский был решительным, деятельным и искушенным в политике государем. Он в самом деле был наделен большой человечностью и умеренностью, но человечность и умеренность никогда не были препятствием

к достижению им своих целей. Он никогда не искал любви, не добившись сперва такого положения, когда его могли бояться. Он выражался мягко, но решительно действовал. Он укреплял свою власть в целом, делая уступки лишь в частностях. Он щедро тратил доходы, доставляемые ему привилегиями, но тщательно следил за тем, чтобы капитал оставался в целости; никогда ни на минуту не отступаясь от своих притязаний, основанных на неоспоримых законах, он не щадил крови тех, кто ему противился, - на поле брани, а подчас и на эшафоте. Именно потому, что он умел заставить людей неблагодарных уважать свои достоинства, он и заслужил восхваления тех, кого, живи они в его времена, он заключил бы в Бастилию и предал бы казни вместе с царевубийцами, повешенных им после того, как он голодной осадой принудил Париж сдаться.

Если сии панегиристы искренни в своих восхвалениях Генриха IV, они должны помнить, что невозможно поставить его выше, чем он ставил французское дворянство, чью добродетель, мужество, верность и любовь к отечеству он не устал превозносить.

- Но со времен Генриха IV французское дворянство пришло в упадок. - Возможно. Однако я не могу представить себе, чтобы сие было справедливо в достаточно серьезной степени. Я не претендую на то, что знаю Францию столь хорошо, как иные. Но на протяжении всей своей жизни я старался получше узнать человеческую природу, иначе я был бы непригоден даже для той скромной службы, кою надеюсь сослужить человечеству. Наблюдая человеческую природу, я не мог обойти той ее разновидности, коя обусловлена условиями страны, расположенной всего в двадцати четырех милях от берегов нашего острова. На основе пристального наблюдения, соединенного с тщательным изучением, я прихожу к выводу, что дворянство ваше состоит, в большинстве своем, из людей высокого духа и утонченного чувства чести, как по отношению к себе самим, так и к своему сословию в целом (за которым они следили куда бо-

лее строго, чем принято в других странах). Дворяне ваши чрезвычайно воспитанны, весьма отзывчивы, человечны и гостеприимны, откровенны в разговоре, с хорошей воинской жилкой, и вполне прилично знакомы с литературою, особенно с авторами, писавшими на их родном языке. Многие из французских дворян могли бы притязать на описание гораздо более похвальное, но я говорю о тех, коих встречал наиболее часто.

Что же до их отношения к нашим сословиям, то мне показалось, что французские дворяне держатся по отношению к ним с доброжелательностию, коя приближается к гораздо более вольному обращению, нежели принято у нас в отношениях между высшими и низшими классами общества. Поднять руку на человека даже самого презренного состояния было бы для них вещью неслыханною и позорною¹⁰⁴⁾. Примеры иных проявлений дурного обращения с низшими сословиями были редки. Что же до нападков на собственность или личную свободу простолюдинов, то от последних я никогда не слышал ни о чем подобном. Да и вообще при старом порядке, когда почитались законы, подобное тираническое обращение не было бы допущено. Что до поведения французских дворян-землевладельцев, то и тут не могу я отыскать никаких пороков, хотя в отношении владельцев древних ленов можно было бы сделать много упреков и высказать много пожеланий. При сдаче земли в аренду я не обнаружил ничего притеснительного в соглашениях их с арендаторами; то же касается тех случаев, когда дворяне входили в долю с крестьянами - как часто случалось, - мне не приходилось слышать, чтобы первые требовали себе львиной доли урожая. Пропорциональная доля сторон не кажется и здесь несправедливою. Могли быть известные исключения, но они, разумеется, оставались всего лишь исключениями. У меня нет оснований верить в то, что в сем отношении знатные землевладельцы Франции были хуже, чем среднее дворянство, владеющее землею в моей стране, и несомненно они ни в коем случае не были более отяго-

тительны для крестьян, чем незнатные землевладельцы их страны. В городах дворянство не вело себя властно, в деревне же это проявлялось в весьма незначительной степени. Вы знаете, сударь, что в гражданском правлении и в политике (в самых существенных ее областях) весьма многое не находилось в руках того дворянства, о коем мы сразу вспоминаем, рассматривая сии вопросы. Сбором податей - а система налогообложения была наиболее прискорбной частью в прежнем французском правлении - ведали отнюдь не дворяне, и они не несли ответственности ни за порочность самих основ этой системы, ни за притеснения, возникавшие при ее применении, ежели таковые имели место.

Отрицая, с полным на то правом, что дворянство Франции сколько-нибудь значительно участвовало в притеснении народа, в тех случаях, когда таковое притеснение действительно существовало, я готов признать, что оно не было лишено существенных недостатков и заблуждений. Глупое подражание худшим английским нравам, повредившее природному характеру французских дворян, не поставив на их место того, что они, быть может, желали перенять, несомненно, сделало их хуже, нежели были они в прошлом. Привычная легкость нравов длилась свыше той поры жизни, когда она прощительна, и была более распространенною, чем у нас; распущенность эта оставляла меньше надежд на возможность излечения, хоть, быть может, приносила менее вреда, чем у нас, ибо была прикрыта внешними покровами приличия. Французские дворяне чересчур поощряли ту философию вседозволенности, коя способствовала впоследствии их крушению. Они совершили еще одну и даже более роковую ошибку. Те простолюдины, кои по состоятельности своей приближались к знати или превосходили ее, не пользовались в обществе всеми правами и почтением, кои состояние, из соображений как политики, так и здравого смысла, должно придавать человеку в любой стране (хотя, на мой взгляд, оно и не должно уравнивать своих обладателей

с прочею знатью). Во Франции родовая и финансовая аристократия были отделены друг от друга чересчур строго - впрочем, менее, нежели в Германии и некоторых других странах.

Как я уже имел случай высказать Вам, я полагаю такое разделение главною причиною падения старой знати. Военная карьера, в частности, была предназначена почти исключительно для лиц благородного происхождения. Но в конце концов, то была лишь ошибка в суждении, которая могла быть выправлена с помощью суждения противоположного. Постоянное представительное собрание, в коем простолюдины имели бы свою долю власти, вскоре отменило бы все наиболее ненавистные и оскорбительные из этих различий; даже недостатки нравственности самой знати могли бы, возможно, быть исправлены при большем разнообразии занятий и стремлений, коему могло дать толчок сословное устройство подобного собрания.

Все яростные вопли против знати, на мой взгляд, были вызваны искусственно. Согласно законам, мнениям и глубоко укоренившимся обычаям нашей страны, выросшим из вековых предрассудков, пользоваться почтением и даже привилегиями отнюдь не предосудительно, сие ни в ком не вызывает ужаса или возмущения. Даже слишком держаться за оные привилегии отнюдь не есть преступление. Борьба каждого человека за сохранение того, что, по его мнению, ему принадлежит и его отличает, есть одна из гарантий против несправедливости и деспотизма, заложенная в нашей природе. Она действует как инстинкт, способствуя прочности собственности и общественному спокойствию. Что может вызвать здесь негодование? Знать есть величественное украшение общественного порядка. Она представляет собою коринфскую капитель над совершенною колонною общества. "*Omnes boni nobilitati semper favemus*"¹⁰⁵⁾, - сказал человек мудрый и добродетельный. Это в самом деле признак свободного и доброжелательного ума - относиться к знати с некоторой пристрастностью. Ни один

благородный принцип не пробуждает в сердце человеческого желания уравнивать все искусственные степени, установленные, дабы придать вещественность мнению и устойчивость преходящему признанию. Лишь характер недоброжелательный, злобный, завистливый, не имеющий вкуса к действительности или к какому-либо воплощению добродетели, с радостью взирает на незаслуженное падение того, что века процветало в великолепии и славе. Мне не по душе никакие разрушения, никакие пустоты, образующиеся в обществе, никакие руины на лице земли. И потому я не испытал ни разочарования, ни неудовлетворенности, когда, наблюдая и изучая дворянство Франции, я не заметил в нем никаких неисправимых пороков, никаких злоупотреблений, кои не могли бы быть пресечены посредством реформы, весьма далекой от упразднения сего сословия. Ваше дворянство не заслуживало наказания, а ведь унижить - значит наказать.

С таким же удовлетворением я обнаружил, что и результаты моего расследования относительно вашего духовенства оказались сходными. Мой слух отнюдь не ласкают сообщения о том, что большие объединения людей оказываются непоправимо испорченными. Я не испытываю особого доверия к словам тех, кто дурно отзывался о тех, кого он намеревается ограбить. Тут у меня скорее рождается подозрение, что пороки вымышлены или преувеличены, ибо от их наказания ожидается выгода. Враг - дурной свидетель, а грабитель - еще худший. Пороки и злоупотребления, несомненно, существовали в сем сословии, так и должно было быть. Ведь оно возникло давно и не подвергалось частому пересмотру. Однако я не увидел за членами духовного сословия никаких преступлений, заслуживающих конфискации всего их имущества, жестоких оскорблений и унижений, всех тех неоправданных гонений, кои заняли место усовершенствований.

Если б существовала какая-то справедливая причина для таких гонений, сходных разве с преследованием

иноверцев, то атеистические клеветники, разжигающие в толпе жажду грабежа, стали бы самодовольно расписывать пороки нынешнего духовенства: ведь они никого не любят настолько, чтоб пощадить. Но ничего подобного они не сделали. Им пришлось копаться в истории минувших веков (они перетряхнули ее со злобным, развратным тщанием), не забывая ни единого случая несправедливых преследований, в коем было повинно духовенство, дабы оправдать на основе чудовищных (ибо бессмысленных) принципов возмездия свои собственные жестокости. Уничтожив все родословные и все фамильные различия, они изобрели некую родословную преступлений. Не вполне справедливо карать людей за проступки их предков, но принимать принадлежность к определенному званию за некое коллективное наследие, за основание для наказания людей, не имевших никакого отношения к провинности, кроме наименования их сословия, - это уже усовершенствование правосудия, принадлежащее всецело философии нашего просвещенного века. Ваше Национальное собрание карает людей, многим (если не большинству) из которых жестокости духовных лиц, совершавшиеся в прежние времена, ненавистны не менее, нежели нынешним их гонителям; людей, кои столь же громко и резко осудили бы ужасы прошлого, если б не были уверены в том, с какою целью употребляется сия декламация.

Объединенные сообщества людей непреходящи - но лишь для пользы своих членов, а не ради наказания оных. Сами нации тоже представляют собою такие объединения. С тем же успехом мы, англичане, могли бы объявить вечную войну французам за то зло, кое причинили они нам в эпохи нашей взаимной вражды. Вы, со своей стороны, могли бы полагать, что вполне оправданно нападать на всех англичан по причине ни с чем не сравнимых бедствий, кои обрушились на народ Франции вследствие вторжений наших Генрихов и Эдвардов. Воистину и вы, и мы могли бы найти взаимное оправдание для уничтожения друг друга - оправдания,

ничуть не менее обоснованные, чем есть у вас для ничем не вызванного преследования ваших соотечественников по причине поведения людей, носивших то же звание в иные времена.

Мы не извлекаем из истории тех нравственных уроков, кои могли бы извлечь. Наоборот, если мы ослабим бдительность, то историю можно будет использовать для развращения наших умов и разрушения нашего счастья. История разворачивает нам в назидание длинный свиток, дабы на ошибках и слабостях человечества, совершенных в прошлом, взрастить нашу будущую мудрость. Но историю можно использовать и во зло — для журнальных статей, снабжающих наступательным и оборонительным оружием все стороны в церкви и государстве, для сохранения и оживления раздоров и злобы, для того, чтобы подливать масло в огонь гражданской вражды. История, по большей части, состоит из несчастий, кои принесли в мир гордость, честолюбие, жадность, мстительность, похоть, подстрекательство к мятежу, лицемерие, несдержанное рвение и все разнообразие неумеренных appetитов, подвергающих общество тем же

...житейским бурям, что, внося разлад,
жизнь безмятежную нам превращают в ад 106).

Все эти пороки суть *причины* таких бурь. Религия, нравственность, законы, прерогативы, привилегии, вольности, права человека суть лишь *предлоги*. Предлоги всегда рядятся под благовидный облик истинного добра. Разве обезопасите вы людей от тирании и подстрекательства к мятежу, вырывая из умов принципы, к коим применяют сии мошеннические предлоги? Нет, ибо так вы вырвете с корнем все, что есть ценного в человеческом сердце. Поскольку же это предлоги, то обычные причинители и орудия великих общественных бедствий суть короли, священники, чиновники, сенаты, парламенты, национальные собрания, судьи и военачальники. Вы не исцелитесь от зла, порешив, что не должно

более быть ни монархов, ни государственных чиновников, ни священнослужителей, ни толкователей законов, ни полководцев, ни общественных советов. Вы можете изменить названия, но сами вещи должны в какой-то форме остаться. Определенный quantum власти всегда должен существовать в обществе, должен находиться в чьих-то руках и как-то именоваться. Мудрый применит лекарство к порокам, а не к именам, к причинам зла, являющимся неизменными, а не к случайным орудиям, коими оно пользуется, не к переменчивым облициям, в коих оно проявляется. Иначе вы будете обладать исторической мудростью, но окажетесь глупцом на деле. Редко два века имеют сходные моды на предлоги. Зло всегда изобретательно. Покуда вы обсуждаете моду, она успела пройти. Тот же самый порок приобретает новую форму. Дух его переселяется в новое тело, отнюдь не меняя принципа о изменении наружности, он обновляется в новых органах и действует со свежим пылом юности. Он отправляется за границу, он продолжает свое разрушительное воздействие, покуда вы выставляете на позорище его труп или рушите гробницу. Вы пугаете себя призраками и видениями, покуда дом ваш становится пристанищем грабителей. Так происходит со всеми, кто, обращая внимание лишь на оболочку и шелуху истории, думают, что ведут войну с нетерпимостью, гордостью и жестокостью, пока, под видом ненависти к порочным принципам старинных партий, они питают и признают законными отвратительные пороки в иных партиях, быть может, еще худших.

Ваши граждане Парижа прежде, во время печально известной Варфоломеевской ночи, оказались послушным орудием, готовым для резни последователей Кальвина. Что скажем мы тем, кто может помыслить о возмездии нынешним парижанам за ужасы и злодеяния того времени? Они в самом деле научились ненавидеть тогдашнюю резню. Как бы ни были они сейчас кроваважны, нетрудно пробудить в них отвращение к резне, поскольку политики и модные наставники морали не

заинтересованы в том, чтобы страсти их потекли по тому же самому руслу. Однако они заинтересованы в том, чтобы дикие нравы оставались живы. Всего день назад они повелели представить на сцене давнишнюю резню для развлечения потомков тех, кто ее совершали¹⁰⁷⁾. В этом трагическом фарсе они изобразили кардинала Лотарингского в священническом облачении, отдающего приказ о резне. Было ли сие зрелище рассчитано на то, чтобы пробудить в парижанах отвращение к гонениям и ненависть к кровопролитию? Нет, оно было рассчитано на то, чтобы научить их преследовать собственных пастырей, чтобы, возбудив в зрителях отвращение и ужас к своему духовенству, разжечь в них охоту уничтожить целое сословие, кое, если ему вообще надлежит существовать, должно существовать не только в безопасности, но пользоваться почтением. Зрелище это должно было растравить каннибальские аппетиты (кои, кажется, и без того достаточно развились) с помощью разнообразия и приправ, чтобы зрители с нетерпением ожидали новых убийств и резни, коль скоро они послужат целям нынешних Гизов¹⁰⁸⁾. Собрание, в коем заседало множество священников и прелатов, вынуждено было терпеть это поношение в своих стенах. Автора не отправили на галеры, актеров не заключили в исправительный дом. Вскоре после сего спектакля те же самые актеры предстали перед Национальным собранием, выступив с заявлением об обрядах той самой религии, кою осмелились они изображать. И покуда они выставляли продажные свои лица на показ в сенате, архиепископ Парижский¹⁰⁹⁾, о должности коего народу было известно лишь по молитвам и благословениям, а о богатстве его — лишь по раздаваемой им милостыни, вынужден был покинуть свой дом и бежать от своей паствы, точно от кровожадных волков — ибо в шестнадцатом столетии кардинал Лотарингский доподлинно был мятежником и убийцей.

Таков результат извращения истории теми, кто ради тех же нечестивых целей извратили всякую науку. Но

люди, способные вознестись на вершину разума, откуда можно обозреть прошлые века в их истинном свете, откуда открывается перспектива, позволяющая сравнить их; на вершину, где тонут во мраке незначительные имена и стираются оттенки между незначительными партиями, куда не воспаряет ничто, кроме духовной и нравственной ценности человеческих поступков, сии люди скажут наставникам из Пале-Рояля: кардинал Лотарингский был убийцею в шестнадцатом столетии, вам же принадлежит честь быть убийцами в столетии восемнадцатом - в том и состоит вся разница между вами. Однако, я надеюсь, в девятнадцатом столетии история будет понята глубже, и она научит цивилизованных наших потомков ненавидеть злодеяния обоих сих варварских веков. Она научит священников и судей будущего не мстить созерцательным и пассивным атеистам грядущих времен за гнусные преступления, совершаемые ныне практикующими изуверами и яростными фанатиками атеизма - сего несчастного заблуждения, кое в своем бездействующем состоянии само несет в себе кару, неизменно поражающую его приверженцев. История научит потомков наших не вести войн во имя какой бы то ни было религии или философии, ибо лицемерные сторонники обеих обратили во зло два сии наиболее ценные блага, ниспосланные нам щедротами Покровителя вселенной, всемерно пекущегося о роде человеческом.

Если ваше духовенство (или любое другое) проявит себя порочным свыше тех границ, кои отведены человеческой слабости, и тех профессиональных заблуждений, кои вряд ли могут быть отделены от профессиональных добродетелей, то хотя пороки сего сословия и не могут стать притеснительными, я признаю, что влияние его, естественно, сможет весьма ослабить наше возмущение против тиранов, которые в своих наказаниях превышают и меру, и справедливость. Я могу допустить, что духовенство, во всех его разновидностях, должно обладать определенным упорством в убеждении-

ях, определенным избытком пыла в их распространении, определенной пристрастностью к собственной религии, определенной привязанностью к интересам своего сословия, определенным расположением к тем, кто послушно внимает их наставлениям, - по сравнению с теми, кто презирает и высмеивает их. Я допускаю все это, ибо я человек, коему надлежит иметь дело с людьми, ибо я не желаю за счет насильственного насаждения терпимости оказаться замешанным в величайшей из всех возможных нетерпимостей. Я должен оставаться на стороне слабостей, покуда они не переродятся в преступления.

Несомненно, естественное развитие страстей, их продвижение от прощительной слабости к пороку, надлежит предотвращать бдительным оком и твердой рукой. Но верно ли, что основная масса вашего духовенства перешла за пределы допустимого? Из всевозможных сочинений, публиковавшихся у вас в последнее время, можно заключить, что духовенство Франции есть сборище чудовищ, ужасающая коллекция предрассудков, невежества, праздности, мошенничества, скупости и тирании. Но верно ли это? Верно ли, что протекшее время, исчезновение противоположных интересов, прискорбный опыт зла, возникшего из одностороннего гнева, никак не способствовали тому, чтобы постепенно смягчить умы? Верно ли, что духовенство ежедневно возобновляет свои покушения на гражданские власти, нарушая спокойствие страны и подрывая действия правительства? Верно ли, что духовенство нашего времени давит на мирян железною рукою и повсюду разжигает костры диких гонений? Разве пыталось оно обманным путем расширить свои владения? Разве превысило оно границы дозволенного в требованиях дохода с тех поместий, коими владело? Разве, неумолимо вытесняя правду неправдою, оно обратило законные притязания в обременительное вымогательство? Разве, не обладая властью, оно преисполнилось пороками тех, кто ей завидует? Разве, подгоняемое честолюбием умственного пре-

восходства, было оно готово бросать вызов любой власти, жечь церкви и убивать священнослужителей других вероисповеданий, рушить алтари и по руинам свергнутых правительств пролагать себе путь к империи, где нераздельно царствовала бы одна доктрина? Разве пыталось оно, то лестью, то принуждением, отвращать сердца людей от власти гражданских установлений, дабы они покорились их личному авторитету, как обычно случается, когда начинают с требования свободы и кончают злоупотреблением властью?

В сих пороках, не без основания, упрекали в прежние времена некоторых представителей духовного сословия, принадлежавших к двум крупнейшим партиям, раздиравшим и разделившим Европу.

Коль скоро во Франции, как и в других странах, среди духовенства наблюдалось явное смягчение, а не усиление пороков, то вместо того, чтобы громоздить на нынешних членов сего сословия преступления других людей и гнусности иных веков, им следовало, по справедливости, воздать хвалу, поощрить и поддержать за то, что они отошли от духа, бесчестившего их предшественников, за то, что они усвоили воззрения и нравы, более совместимые с их саном.

Когда обстоятельства забросили меня во Францию в конце предшествующего царствования, духовенство, во всех его разновидностях, возбуждало мое любопытство.

Я не обнаружил нигде жалоб на духовное сословие (исключая один разряд людей, тогда не слишком многочисленный, хотя и очень активный), коих мог я ожидать, основываясь на некоторых прочитанных сочинениях; более того, я заметил и в обществе, и среди отдельных лиц очень мало недоброжелательства по отношению к нему. При дальнейшем знакомстве я обнаружил, что представители французского духовенства — люди умеренных взглядов и изысканных манер, причем я имею в виду и черное, и белое духовенство обоих полов. Мне не удалось познакомиться с большим числом приходских священников, но по рассказам у меня со-

ставилось превосходное представление об их нравах и отношении к своим обязанностям. С некоторыми представителями высшего духовенства я был лично знаком, относительно же других представителей сего сословия располагал весьма подробными сведениями. Они были почти сплошь люди благородного происхождения. Походя на прочих лиц высокого звания, они если чем-либо и отличались, то отличие всегда было в их пользу. Они получили более разностороннее образование, нежели военная знать, так что ни в коем случае не могли обесчестить своего сословия невежеством или неспособностью пользоваться данной им властью. Они показались мне, помимо профессиональных своих качеств, людьми свободомыслящими и открытыми, людьми с благородным сердцем, людьми чести; в их манерах и поведении не было ни раболепия, ни бесцеремонности. Они показались мне скорее высшим сословием людей, среди коих вы могли без удивления обнаружить Фенелона¹¹⁰⁾. Среди священников Парижа (в иных местах подобных людей редко встретишь) я видел людей великой учености и чистосердечия; и у меня были основания полагать, что сии качества не ограничиваются духовенством Парижа. Выбор священников, с коими я познакомился в прочих местах, был случаен, и поэтому давал достоверную картину. В течение нескольких дней в одном провинциальном городке¹¹¹⁾ в отсутствие епископа я проводил вечера с тремя священниками, его викариями, людьми, сделавшими бы честь любой церкви. Все они обладали обширными познаниями, двое из них были глубоко и разносторонне начитаны в древней и современной, восточной и западной литературе, в особенности же касательно предметов своей профессии. Они знали о наших английских богословах гораздо более, нежели я ожидал, и вникали в писания сих авторов с критической точностью. Один из упомянутых священников, аббат Моражи¹¹²⁾, с тех пор скончался. Я от души отдаю дань уважения памяти сего благородного, ученого и превосходного человека; с равною готовностью воздал

бы я должное достоинствам двух других, кои, я надеюсь, еще живы, если б не боялся повредить тем, кому не могу послужить.

Некоторые из высокопоставленных священников, несомненно, являются людьми, достойными всемерного уважения. Они заслуживают благодарности от меня, как и от многих других англичан. Если послание это когда-нибудь попадет к ним в руки, я надеюсь, они поверят, что многие в нашей стране глубоко сочувствуют их незаслуженному падению и жестокой конфискации их владений. То, что говорю я о них здесь, есть свидетельство, кое должен я произнести во имя истины, хотя мой одинокий, слабый голос и не может разнестись далеко. Когда бы ни затрагивался вопрос о противоестественном гонении на французское духовенство, я всегда буду воздавать ему должное. Никто не может помешать мне быть справедливым и благодарным. Нынешнее время требует уплаты этого долга, ибо особенно подобает проявить справедливость и благодарность тогда, когда те, кто ее достойны получить и от нас, и от прочего человечества, испытывают всеобщее поношение и преследуются деспотическою властью.

Перед революцией у вас было около ста двадцати епископов. Некоторые из них были людьми необыкновенной святости и безграничного милосердия. Говоря о героизме, мы, безусловно, говорим о добродетели редкостной. Я верю, что образцы особой порочности были среди французских епископов столь же редки, как и образцы необыкновенной добродетели. Не стану оспаривать: примеры скупости и распущенности могли без особого труда отыскать те, кто находит удовольствие в расследованиях, ведущих к подобным открытиям. Человек моего возраста не удивится, узнав, что несколько лиц в каждом сословии не ведут совершенной, исполненной самоотречения жизни, будь то область богатства или область удовольствий. Образа жизни, коего желают для духовенства все из нас, ожидают - некоторые, но никто не требует с большей непреклонностью, нежели те, кто

наиболее пристрастен к собственным интересам или наиболее снисходителен к собственным страстям. Я уверен, что в бытность мою во Франции число порочных прелатов было там невелико. Иные из них, не отличавшиеся праведным образом жизни, успели восполнить недостаток суровых добродетелей, вместе с тем они были одарены качествами, делавшими их полезными для церкви и государства. Как мне рассказывали, за незначительными исключениями, Людовик XVI при возведении в сан епископа проявлял более внимание к нравам, нежели его непосредственный предшественник, и я полагаю (поскольку определенный дух реформ господствовал на протяжении всего его царствования), что так оно и было. Однако нынешние властители Франции проявили лишь одно желание касательно церкви - ограбить ее. Они покарали всех прелатов, отдав тем самым предпочтение священникам порочным - по крайней мере, в смысле репутации. Они установили унижительное пособие, при коем ни один человек либеральных взглядов и свободный в средствах не станет предназначать своих детей в священники, вследствие чего духовенство непременно должно стать прибежищем самых низких классов общества. Поскольку же низшее духовенство у вас недостаточно многочисленно сравнительно с его обязанностями, поскольку, далее, обязанности эти выше меры мелочны и утомительны, а так же поскольку вы не оставили среднего духовенства в довольстве, в будущем в лоно Галликанской церкви¹¹³⁾ не придет никто из людей ученых и эрудированных. Дабы завершить свой злодейский план, Национальное собрание, не обращая ни малейшего внимания на то, кто наделен правом занимать духовную должность, решило впредь священников выбирать - установление, кое изгонит из духовного звания всех здравомыслящих людей, всех, кто может претендовать на независимость в отправлении своих обязанностей и в поведении, кое отдаст целое направление умственной жизни государства на откуп банде развратных, дерзких, хитрых, фальшивых и

льстивых негодяев, людей такого положения и привычек, для коих сие презренное пособие (по сравнению с коим жалование акцизных чиновников доходно и почетно) станет целью низких, незаконных интриг. Те чиновники, коих до сих пор величают у вас епископами, должны быть избраны на сию, сравнительно низкую должность посредством сходных ухищрений (ухищрений, неотличимых от выборов) людьми всех религиозных убеждений, кои только известны или могут быть измыслены. Новые законодатели никак не определили всего, что касается требований к епископам, ни в отношении вероисповедания, ни в отношении нравов; впрочем, то же относится и к низшему духовенству. Как видно, и высшее, и низшее духовенство может по своему усмотрению исповедовать и проповедовать любую разновидность веры или неверия, какую им заблагорассудится. Я еще не понимаю, какова будет юрисдикция епископов над подчиненными им священниками, да и будут ли они вообще обладать какой-нибудь юрисдикцией.

Короче говоря, сударь, мне представляется, что сие новое церковное установление носит характер временный и рассчитано на то, чтобы приуготовить к полному упразднению христианской религии в любой ее форме (когда умы созреют для сего последнего удара против нее) посредством осуществления плана, направленного на то, чтобы вызвать к служителям религии всеобщее презрение. Те, кто не поверит, что фанатики от философии, заправляющие этим делом, давно вынашивают подобные замыслы, совершенно не знакомы с их нравами и действиями. Сии иступленные приверженцы атеизма без смущения признают свои взгляды насчет того, что государство может лучше существовать безо всякой религии, нежели с нею. По их словам, они готовы заменить все ценное, что может быть в религии, с помощью собственных новшеств, а именно некоего изобретенного ими воспитания, покоящегося на знании физических нужд человека и постепенно ведущего его к просвеще-

нию по части собственных интересов; когда же последние будут, наконец, поняты, то они якобы отождествятся с интересами всех людей вместе взятых. Идея такого воспитания давно известна. В последнее время ее обозначили (ибо появилась целая новая система наименований) названием "гражданское воспитание".

Надеюсь, сторонники сих новшеств в Англии (которым я склонен скорее приписать неблагоприятное поведение, нежели конечную цель сих отвратительных замыслов) не преуспеют ни с ограблением духовенства, ни с введением всеобщих выборов епископов или приходских священников. Это при нынешнем состоянии мира довело бы церковь до последней степени развращенности; разрушился бы самый характер духовенства, что явилось бы самым страшным потрясением, когда-либо обрушивавшимся на государство из-за ложных понятий об организации религии. Я достаточно хорошо знаю, что и под покровительством королевской власти (как теперь в Англии или еще недавно во Франции) епископства и приходы порою приобретаются недостойными методами, однако другой способ - избрание священников - с гораздо большею определенностью и в гораздо более широком охвате подвергает духовенство всем мерзким уловкам низкого честолюбия, кое, действуя на большее число людей, принесет пропорционально больший вред.

Те из вас, кто ограбил духовенство, полагают, что все протестантские государства с легкостью примирятся с их поведением, ибо духовенство, ими ограбленное, униженное, отданное на презрение и поругание, есть духовенство римско-католическое, иначе говоря, противное их религиозным убеждениям.

Не сомневаюсь, что и у нас, и в других местах найдутся несколько жалких фанатиков, кои ненавидят секты и партии, отличные от их собственных, более, нежели преданы сути религии; кои более гnevаются на тех, кто отличается от них в частностях системы, нежели на тех, кто нападает на самые основы общей нашей надеж-

ды. Такие люди будут выступать и писать по сему поводу в той манере, коей следует ожидать от их склада и нравов. Бюрне¹¹⁴⁾ говорит, что когда он посетил Францию в 1683 году, там был в ходу "способ привлекать людей самого высокого звания к папизму, состоявший в следующем: они доводили себя до сомнения во всей христианской религии. Когда сие достигалось, становилось уже почти безразличным, какой именно формы религии следует в дальнейшем придерживаться внешне". Если такова была тогда политика духовенства Франции, то с тех пор у него появилось слишком много оснований в ней раскаиваться. Оно предпочитало атеизм форме религии, несообразной с их воззрениями. Сию форму религии ему удалось разрушить, а атеизм преуспел и в разрушении самого духовенства. Я вполне верю в историю, рассказанную Бюрне, ибо я наблюдал слишком много сходных настроений (ведь здесь и "чуть-чуть" — уже слишком много) среди своих соотечественников. Однако же оные настроения не захватили всех.

Учители церкви, реформировавшие религию Англии, отнюдь не походили на ваших парижских докторов-реформаторов. Быть может, они находились (подобно их противникам) под чересчур сильным воздействием партийных настроений, однако они были людьми искренне верующими, людьми пламенного и восторженного благочестия, готовыми погибнуть (а некоторые из них действительно погибли) истинно героической смертью, защищая свои особые представления о христианстве; с равной стойкостью и даже с большей радостью пошли бы они на мучительную смерть за общие истины веры, за общий ствол того древа, ветви коего отстаивали своей кровью. Эти люди с ужасом отреклись бы от негодаев, утверждавших свое родство с ними лишь на той основе, что ограбили лиц, с коими вели они споры, от тех, кто презирал общую религию, ради чистоты коей они действовали с пылом, неоспоримо свидетельствовавшим об их величайшем почтении к сути той системы, кою желали они реформировать. Многие из их по-

томков сохранили тот же пыл, но (будучи менее вовлеченными в спор) проявляют его с большею умеренностью. Они не забывают, что справедливость и милосердие - существенные части религии. Нечестивые люди не могут зарекомендовать себя в их глазах беззакониями и жестокостью по отношению к любому сословию их собратьев.

Мы слышим, как новые наставники нравственности непрерывно похваляются своею терпимостью. То, что люди, не ценящие ни одного воззрения, терпимы ко всем, есть достоинство небольшое. Равное пренебрежение не есть непредвзятая доброжелательность. Род расположения, произрастающий из презрения, не есть истинное милосердие. В Англии существует множество людей, наделенных терпимостью в истинном смысле. Они полагают, что догматы всех религий, пусть и в различной степени, несут важнейшую истину и что между ними, как и между всеми ценностями, имеется справедливое основание для предпочтения. Потому они отдают свое предпочтение одной религии и терпимо относятся к остальным. Они терпимы не потому, что презирают все мнения, но потому, что почитают справедливость. Они будут преданно и любовно оберегать всякую религию, ибо любят и почитают великий принцип, относительно коего нет разногласий между разными религиями, а также великую цель, к коей все они направлены. Они все более ясно различают, что все мы боремся за одно общее дело, против одного общего врага. Их не собьет с пути дух узкой партийности, они сумеют отличить то, что совершается ради разделения религий, от актов вражды, которая, действуя на одну какую-нибудь часть, направлена на все целое, куда входят и они сами, пусть под иным названием. Я не в состоянии сказать, как могут быть настроены люди всех званий в нашей стране. Но я говорю от имени большинства, а для него, должен вас уверить, согласно исповедуемой им вере, совершаемые у вас святотатства вовсе не относятся к ряду добрых дел, и потому оно весьма далеко от того,

чтобы принять вас в свои ряды на основании сиих бесчинств. Если ваши профессора желают вступить в их сообщество, им придется тщательно скрывать свое учение о законности гонений на невинных людей, а также возместить все награбленное ими добро. До тех пор они не будут принадлежать к нашему сообществу.

Вы можете подумать, что мы не одобряем предпринятой у вас конфискации доходов епископов, настоятелей, капитулов и приходских священников, владевших независимыми поместьями, ибо у нас в Англии существуют сходные установления. Возражение это, скажете вы, не может касаться конфискации имущества монахов и монахинь или упразднения их орденов. Верно, что сия особенность общих ваших конфискаций не касается Англии, не является для нее прецедентом, однако разум применим и здесь. "Долгий парламент" конфисковал земли настоятелей и капитулов в Англии на основании тех же идей, исходя из коих ваше Национальное собрание предприняло распродажу земель монашеских орденов. Однако опасность состоит именно в принципе несправедливости, а не в звании людей, на коих она была впервые распространена. Я вижу, как страна, находящаяся неподалеку от нашей, ведет политику, бросающую вызов справедливости. Для Национального собрания Франции собственность есть ничто - равно как закон и обычай. Я вижу, как Национальное собрание открыто отвергает право приобретательной давности, которое, как справедливо сообщает нам один из крупнейших¹¹⁵⁾ юридических авторитетов, в сие собрание входящих, есть часть законов природы. Он говорит нам, что установление границ права давности владения и защита его от посягательств были среди причин, ради коих и было создано гражданское общество. Если право давности однажды поколеблено, ни один вид собственности не будет в безопасности, когда он становится приманкою, достаточно завидною, чтобы соблазнить алчность нищей власти. Я наблюдаю в практике Национального собрания полное соответствие тому презре-

нию, с коим отнеслось оно к сей основополагающей части естественного права. Я вижу, как конфискаторы начинают с епископов, капитулов и монастырей, но не думаю, чтобы они на этом остановились. Я вижу принцев крови, кои, согласно старинным обычаям вашего королевства, владели обширными поместьями (вряд ли это вообще было когда-нибудь предметом дебатов), а ныне лишены своих владений и вместо прочной независимой собственности должны тешиться надеждами на некое сомнительное пособие, кое будет выдаваться им по милости Национального собрания, а оно, разумеется, будет мало заботиться о правах тех, кто получает пособие по его соизволению, поскольку попирает права законных владельцев. Опьяненные наглостью первых своих бесславных побед и под давлением нужды, вызванной их жаждою греховной выгоды, разочарованные, но не обескураженные, депутаты Национального собрания в конце концов отважились ниспровергнуть всю собственность всех сословий на всей территории обширного королевства. Они вынудили всех людей при всех коммерческих сделках, при передаче земель, при гражданских соглашениях и во всем укладе жизни принимать как надлежащую оплату, как законную валюту символ их спекуляций в планируемой ими распродаже нагребленного добра. Какие остатки собственности они сохранили? Право арендатора огорода, годовой процент на лачугу, передача прав на кабачок или бакалейную лавочку, самая тень конкретной собственности пользуются в нашем парламенте большим уважением, нежели у вас стариннейшие и ценнейшие земельные владения, находящиеся в руках наиболее почтенных лиц, или же все монетарные и коммерческие интересы вашей страны в целом. Мы высоко ставим законодательную власть, но мы никогда ни сном, ни духом не помышляли, чтоб у парламента была возможность подрывать собственность, нарушать право давности или вводить выдуманную им валюту вместо валюты реальной и признанной законом всех стран. Но вы, начав с отказа под-

чиниться самым умеренным ограничениям, кончили установлением неслыханного доселе деспотизма. Именно так, по моему мнению, рассуждают ваши конфискаторы: что, действительно, их решения не нашли бы поддержки в суде - однако установления права давности не являются обязательными для законодательного собрания¹¹⁶⁾. Тогда такое законодательное собрание свободной нации служит не безопасности, а разрушению собственности, да и не одной только собственности, но всех правил и законов, кои придают ей прочность, а равно и тех единственных средств, кои способны пустить ее в обращение.

Когда анабаптисты Мюнстера¹¹⁷⁾ в шестнадцатом веке привели Германию в смятение своею системою уравнивания всех и вся и дикими своими мнениями касательно собственности - в какой из стран Европы не вызвало справедливого беспокойства распространение сего вида бешенства? Изю всего существующего на свете для мудрости наиболее опасны эпидемии фанатизма, ибо изю всех врагов своих именно против него она наименее способна найти какую-то защиту. Мы не можем не принимать во внимание духа атеистического фанатизма, возбуждаемого множеством сочинений, распространяемого с невероятным усердием и расточительностью в проповедях, произносимых на всех улицах во всех общественных местах Парижа. Сии писания и проповеди преисполнили парижские толпы черным, дикарским зверством, заглушившим в них обычные естественные чувства, а равно все понятия нравственности и религии настолько, что сии несчастные склонны нести с угрюмым терпением нестерпимую нужду, в кою вовлекли их резкие превращения, происшедшие с собственностью¹¹⁸⁾. Дух прозелитизма сопровождает дух фанатизма. Появились общества, споспешествующие пропаганде сих убеждений на родине и за границей. Бернская республика, одно из самых счастливых, процветающих и наиболее достойно управляемых государств в мире есть одна из главных целей, к разрушению коей они стре-

мятся. Мне рассказывали, что смутьянам до определенной степени удалось посеять там семена недовольства. Они ведут заговорщицкую деятельность на всем пространстве Германии, не обходят стороною Испании и Италии. Во всеобъемлющем плане, направленном на распространение их зловерных милостей, не забыта и Англия; в Англии же мы находим тех, кто раскрывают им объятия, кто предлагают нам последовать их примеру (такие речи раздаются не с одного только амвона), кто на публичных своих собраниях принимают решение переписываться с ними, кто рукоплещут им и считают их образцом для подражания, кто принимают от них залоги братства и знамена, освященные их таинственными обрядами¹¹⁹, кто предлагают им союз вечной дружбы в тот самый миг, когда власть, кою наша конституция наделила исключительными объединительными правами, может счесть целесообразным начать с нами войну.

Я страшусь не того, что под влиянием примера Франции будет проведена конфискация нашей церковной собственности, хотя и полагаю, что пример этот может принести немало вреда. Главное, что вызывает у меня озабоченность - это чтобы в Англии поиски источников конфискации не стали государственной политикой, когда всякое сословие граждан сможет глядеть на любое другое как на свою добычу. Ныне нации все глубже и глубже втягиваются в океан безграничных долгов. Государственные долги, сперва являвшиеся для правительств гарантией их устойчивости (ибо в поддержании общественной безопасности заинтересованы многие), могут, возросши, сделаться средством их свержения. Если правительства выплачивают долги путем тяжелого налогообложения, они погибают, став ненавистными народу. Если же они не выплачивают долгов, то их свергнут усилия самой опасной из всех партий - я имею в виду денежных магнатов, потерпевших ущерб, но все еще влиятельных. Люди, представляющие денежную собственность, заботясь о своей безопасности,

ищут в правительстве, во-первых, надежности, во-вторых - силы. Если они обнаруживают, что старое правительство истощило свою силу, что пружины его мощи ослабли, и потому оно не имеет достаточно решимости для достижения своих целей, то могут начать поиски нового правительства, наделенного большею энергией, и энергия эта будет черпаться не из приобретения средств, но из презрения к справедливости. Революции благоприятствуют конфискациям, и невозможно предугадать, под каким преступным именем будет дано соизволение на следующую конфискацию. Я уверен, что принципы, главенствующие ныне во Франции, затрагивают очень многих людей и многие сословия во всех странах - всех тех, кто полагает свою безобидную безопасность гарантией своей безопасности. Сей род безобидности у владельцев собственности может вызвать по их адресу упрек в бесполезности, а бесполезность могут счесть свидетельством того, что они непригодны для своих поместий. Во многих частях Европы господствует неприкрытый беспорядок. Во многих других местах слышится глухой подземный гул, чувствуется какое-то непонятное движение, грозящее общим землетрясением в политическом мире. В нескольких странах уже создаются общества и конфедерации самого необычайного рода¹²⁰⁾. При таком положении вещей мы должны быть начеку. При всяких переменах (коль скоро перемены сии неизбежны), притупить наиболее острый их вред и увеличить пользу, кою способны они принести, можно только в том случае, если умы наши непоколебимо держатся за справедливость и принцип собственности.

Однако, могут нам возразить, конфискация во Франции не должна тревожить другие государства. Говорят, что она совершается вовсе не из беззастенчивой жадности, что она представляет собою великое мероприятие национальной политики, предпринятое, дабы избавиться от глубоко въевшегося и вредного предубеждения. Лишь с величайшим трудом способен я отделить по-

литику от справедливости, ибо справедливость сама по себе - величайшая политика цивилизованного общества и всякое резкое отступление от нее, при любых обстоятельствах, сильно смахивает на отсутствие какой бы то ни было политики.

Когда, при определенных обстоятельствах, людей поощряют вступить на какой-то жизненный путь, обещая им законное и потому охраняемое законом занятие, когда они уже приспособили к такому образу жизни все свои идеи, все свои привычки, когда закон издавна сообщил их приверженности к правилам профессии достоинство доброго имени, а отступление от них почитается бесчестьем и даже влечет за собою наказание, - я уверен, что несправедливо произвольным законодательным актом совершать внезапное насилие над умами и чувствами людей, насильно обесценивать их положение и условия жизни, клеймить позором тот характер и те обычаи, кои прежде были мерилом их счастья и чести. Если прибавить к сему изгнание из жилищ и конфискацию всего имущества, то у меня не достает проницательности, чтобы уразуметь, как можно отличить сии деспотические действия, играющие чувствами, сознанием, предрассудками и собственностью людей, от самой страшной тирании.

Если несправедливость того, что совершается ныне во Франции, совершенно ясна, то те блага, иначе говоря, та выгода, кою может извлечь из нее общество, должна была бы быть, по меньшей мере, столь же очевидной и столь же важной. Человека, который действует не под влиянием страстей, не имеет иных целей, кроме общественного блага, немедленно поразит огромная разница между тем, что диктовал бы здравый смысл при введении подобных установлений, и при полном их упразднении, когда они пустили широкие и разветвленные корни, когда из-за долгой привычки вещи более ценные, нежели они сами, столь приспособились к ним, столь переплелись с ними, что нельзя разрушить одно, не повредив ощутимо другого. Такой человек должен

бы прийти в замешательство, если бы положение действительно было таково, каким изображают его софисты в своих презренных рассуждениях. Впрочем, здесь, как и во многих государственных вопросах, есть середина. Существует и еще нечто, кроме полного уничтожения или неизменного существования. *Spartam pactus es; hanc exorna*¹²¹⁾. По моему мнению, высказывание сие обладает глубоким смыслом, оно должно стать правилом для всякого честного реформатора. Я не могу уразуметь, как можно человеку дойти до такой степени самонадеянности, чтобы почитать свою страну ничем иным, как *carte blanche*, на коей можно писать все, что ему заблагорассудится. Человек, исполненный горячих и благих намерений, может желать, чтобы общество, к коему он принадлежит, было устроено иначе, чем он его застал; но честный патриот и подлинный политик всегда учитывает, как можно извлечь максимум из существующих ресурсов страны. Стремление сохранять и способность улучшать, вместе взятые - вот критерий государственного человека. Все остальное вульгарно в своем замысле и опасно в осуществлении.

Случаются в судьбе государств минуты, когда особые люди бывают призваны совершать улучшения ценою огромных умственных усилий. В такие минуты, даже когда люди сии, кажется, пользуются доверием и государя, и страны, облечены всею полнотою власти, они не всегда располагают надлежащими орудиями. Политик, дабы совершить великое, ищет *силы* - того, что наши механики именуют *энергией*. И если он такую силу находит, то в политике, как и в механике, он не может ошибиться в ее применении. В монашеских объединениях, по моему мнению, была найдена великая энергия для приведения в действие механизма политических благодеяний. Были здесь доходы, направленные на благо общества, были люди, от всего отрекшиеся и преданные лишь общественному благу, не имевшие иных привязанностей, кроме общественных уз и общественных принципов, люди, не способные превратить обществен-

ное имущество в личное богатство, люди, отказавшиеся от собственных интересов (даже скупость их была обращена на благо общине), для коих личная бедность была честью, а внутреннее повиновение заменяло свободу. Напрасно будем мы искать чего-либо подобного, когда возникнет у нас в нем нужда, – ветру нет закона, он дует, куда пожелает. Монашеские объединения были плодом духовного восторга, орудием мудрости. Мудрость не может создавать материальных благ, последние являются подарком природы или случая; главная заслуга мудрости – умение ими распорядиться. Извечное существование людских объединений и история их судеб открывают особенно много возможностей для того, кто глядит далеко вперед, кто обдумывает замыслы, осуществление коих требует значительного времени. И потому тот, кто получил в свое распоряжение силу, опирающуюся на богатство, дисциплину и обычаи таких объединений (кои у вас поспешно разрушили), но не мог найти никакого способа преобразовать их для долголетней пользы своей страны, не заслуживает ни высокого положения, ни даже упоминания в ряду государственных мужей. Обозревая сии предметы, изобретательный ум видит тысячу применений своим способностям. Уничтожение любой энергии, свободно произрастающей из творческих способностей человеческого ума, почти равносильно в сфере нравственной разрушению движущих свойств тел в сфере материальной. Это все равно, что пытаться разрушить (если б сие зависело от нас) взрывчатую силу пороха, или силу пара, силу электричества или магнетизма. Сии виды энергии всегда существовали в природе и всегда были различимы. Казалось, некоторые из них невозможно использовать, другие представлялись вредными, третьи – всего лишь детской шалостью. Так было, покуда способность к размышлению, соединенная с практическими навыками, не укротила дикой их природы, не покорила их пользе и не сделала наиболее могучими и одновременно наиболее послушными помощниками человека в его дальном

видных замыслах. Разве не в состоянии вы разумно употребить пятьдесят тысяч человек, чей умственный и телесный труд вы могли бы направлять, или сотни тысяч годового дохода, которые и подавно не были заражены предрассудками или ленью? Разве вы не способны были лучше использовать этих людей, чем обратив монахов в государственных пенсионеров? Разве не могли вы сыскать лучшего способа распорядиться их имуществом, чем мотовская распродажа? Если вы настолько лишены разума, следовало предоставить события их естественному ходу. Ваши политики не знают своего ремесла - потому-то они и распродают свои орудия.

Однако, скажут мне, многие установления, по самой их сути, неразрывно связаны с предрассудками и питают их устойчиво и постоянно. Я не намерен сего оспаривать, но это не должно помешать вам извлечь из самих предрассудков нечто, что можно обратить на общественную выгоду. Вы извлекаете пользу из самых разных настроений и страстей человеческой природы, окраска коих столь же сомнительна в глазах морали, как и сами предрассудки. Ваша задача состояла в том, чтобы исправить и умерить все, что было в страсти к суеверию пагубного, как и во всех страстях. Но разве предрассудок, разве суеверие - самое страшное из всех зол? Думаю, что будучи в избытке, оно действительно превращается в большое зло. Однако суеверие есть категория нравственности и, разумеется, встречается во всевозможных степенях и разновидностях. Предрассудок есть религия слабых умов, и следует терпимо относиться к самым разным смесям, в подобных умах возникающим, - от самых пустячных до самых возвышенных, иначе вы лишите слабые умы прибежища, необходимого и для умов сильных. Суть всякой истинной религии, безусловно, состоит в повиновении воле Властителя мира, в доверии к Его откровениям и в попытке подражать Его совершенствам. Все остальное - наше собственное. Оно может носить характер предрассудка, может быть вспомогательным средством. Люди мудрые, кои по сути

своей не слишком привержены к таким вещам (они не являются, по меньшей мере, любителями Мипега Теггае¹²²), не испытывают к ним, однако, бурной ненависти. Мудрость не есть суровый исправитель заблуждения. Они, скорее, представляют собою соперничающие виды безумства, ведущие непрерывную войну и столь жестоко пользующиеся своими преимуществами, что могут привлечь неумеренное простонародье на ту или другую сторону в своих раздорах. Благоразумие было бы нейтральным по отношению и к мудрости, и к заблуждению. Но если человеку благоразумному пришлось бы делать выбор между нежной привязанностью и яростной антипатией в поединке принципов, кои по природе своей не созданы для вызывания такой горячности, то какие заблуждения склонен был бы он предпочесть? Быть может, он подумал бы, что суеверие, кое созидает, более сносно, нежели то, которое разрушает; что суеверие, которое украшает страну, лучше того, кое ее обезображивает; что обогащающее суеверие предпочтительнее того, которое грабит; что легче мириться с суеверием, раздающим мнимые благодеяния, нежели с тем, которое поощряет подлинную несправедливость; что суеверие, которое заставляет человека отказывать себе в законных удовольствиях, терпимее того, которое побуждает его принуждать к самоотречению других, вырывая у них последние крохи. Таково, или весьма близко к сему, на мой взгляд, соотношение между старинными основателями обезьяньих суеверий и суевериями мнимых философов на час.

Я покуда откладываю все соображения о предполагаемой общественной выгоде от распродажи церковных имений, кои я, впрочем, полагаю вполне обманчивыми. Я буду здесь рассматривать ее лишь как передачу определенной собственности из рук в руки. Некоторыми соображениями относительно такой передачи я и осмелюсь докучать вам.

В каждом процветающем сообществе производится нечто помимо того, что идет на непосредственное содер-

жание производителя. Сей избыток образует доход земельного капиталиста. Он будет истрачен собственником, который не трудится. Однако его праздность есть сама по себе пружина труда, его бездеятельность подстегивает предпринимательство. Единственная забота государства состоит в том, чтобы капитал, взятый в виде доходов с земли, вновь возвратился в предпринимательство, откуда он и пришел, а также, чтобы растрачивание его происходило при возможно минимальном ущербе для нравственности и тех, кто его расходует, и тех, к кому он возвращается.

Обозревая все виды доходов, расходов и личной занятости, трезвый законодатель тщательно сравнит владельца, коего ему рекомендовали изгнать, с тем незнакомцем, которого прочат на его место. Прежде чем решиться на неудобства, кои *необходимо* сопровождают все насильственные революции, касающиеся собственности и действующие посредством широких конфискаций, нам надлежит иметь некую разумную уверенность, что покупатели конфискованной собственности будут в значительной степени более трудолюбивы, добродетельны, трезвы, менее склонны вымогать у труженика неразумно большую долю заработка, или же тратить на себя бóльшую долю, нежели сообразно с потребностями отдельного лица; либо, что сии покупатели будут приучены тратить избыток средств более постоянным и равным образом, чем прежние владельцы, коих вы можете называть епископами, канониками, аббатами, монахами или как вам еще заблагорассудится. Монахи ленивы. Пусть так. Допустим, они ничего не делают, только поют хором. Значит, они приносят такую же пользу, как и те, кто не поет и не разговаривает. Даже такую же пользу, как те, кто поет на сцене. Они приносят не менее пользы, чем если б с зари до зари трудились на бесчисленных рабских, унижительных, неподобающих человеку, зачастую бессмысленных и вредных работах, на кои в общественной экономике обречено так много бедняг. Если бы это не нарушало столь резко

естественного хода вещей и не препятствовало в какой-то степени вращению того огромного колеса, кое приводится в движение непонятно на что направленным трудом сих несчастных людей, я был бы бесконечно более склонен насильно спасти их от убогого занятия, нежели насильно нарушать спокойное отдохновение монахов. Человечность, а возможно, и благоразумие, лучше оправдают меня за первое, нежели за второе. Это предмет, о коем я много размышлял, который влиял на все мои размышления вообще. Я уверен, что ни одно соображение, кроме необходимости впрячь в ярмо роскоши и деспотической прихоти тех, кто по своей воле раздадут излишки плодов земли, не может оправдать терпимости к подобным промыслам и занятиям в хорошо устроенном государстве. Однако же целям такого распределения, мне кажется, праздные расходы монахов служат столь же успешно, как и праздные расходы светских бездельников.

Когда преимущества существующего и замысленного одинаковы, то нет причины для перемен. Но в рассматриваемом нами случае они, быть может, отнюдь не равны, причем преимущество на стороне существующего. Мне не кажется, что характер расходов тех, кого намереваетесь вы изгнать, столь же непосредственно способствует развращению и обнищанию людей, чрез коих расходы сии проходят, как это имеет место с тратами ваших любимцев, коим вы отдаете дома законных владельцев. Почему должны мы с вами нетерпимо относиться к расходам крупных земельных собственников, представляющим собою распределение избытка плодов земли, когда они направлены на собирание обширных библиотек, где хранится история силы и слабости ума человеческого; на коллекции древних памятников, медалей и монет, свидетельствующих о законах и обычаях минувшего; на заказы картин и статуй, кои, подражая природе, кажется, раздвигают границы творения; на воздвижение величественных гробниц, продлевающих признательность людям и за порогом смерти; на собира-

ние образцов всех родов и видов природы, существующих на свете, кои, возбуждая любознательность, облегчают прокладывание новых путей в науке? Если благодаря постоянным людским объединениям все сии цели, на кои расходуются деньги, менее подвержены непостоянству личных причуд и капризов, то разве это хуже, чем если бы теми же вкусами обладали отдельные лица? Разве каменщик или плотник, проливающие пот ради того, чтобы получить часть продуктов, возвращенных потом и кровью крестьянина, трудятся на возведении и починке величественных зданий, где обитает религия, с меньшею охотой и пользой, нежели на постройке ярмарочных балаганов или смрадных хлевов порока и роскоши, разве работа их ради создания вековых соборов менее почетна и прибыльна, нежели на службе у минутной прихоти или сладострастия: в оперных театрах и домах терпимости, в игорных домах и клубах, либо при установлении обелисков на Марсовом поле¹²³⁾? Разве избыточный продукт оливковых рощ и виноградников хуже используется ради пропитания людей, коих благочестивое воображение возвело до высочайшего достоинства в их служении Богу, нежели ради изнеженного существования бесчисленного множества тех, кого унизили, сделав бесполезными и подобострастными прислужниками человеческой гордыни? Разве украшения храмов - расход менее целесообразный и мудрый, нежели ленты, кружева, галуны и национальные кокарды, нежели павильоны, званные ужины и все прочие бесчисленные виды щегольства и легкомысленных прихотей, на кои богатство расходует время изобилия?

Мы терпим даже и их - не из любви, но опасаясь худшего. Мы терпим их, ибо собственность и свобода, до некоторой степени, требуют от нас такой терпимости. Но почему следует объявлять вне закона иное и, безусловно, во всех отношениях более похвальное использование богатства? Зачем, нарушая все права собственности, оскорбляя все принципы свободы, насильно застав-

ять владельцев его сделаться хуже, чем они есть?

Такое сравнение между новыми лицами и прежними условиями и корпорациями сделано было исходя из предположения, что последние не поддаются никакой реформе. Однако во всем, относящемся до реформ, я всегда полагал, что всяческие объединения (как единые, так и подразделяющиеся на множество более мелких) гораздо более восприимчивы к общественному руководству со стороны государства касательно использования собственности, а также образа жизни и привычек своих членов, нежели могут быть или, возможно, должны быть частные граждане. Сие соображение представляется мне весьма существенным для тех, кто предпринимает нечто, заслуживающее название политического начинания. На сем оставим вопрос о монастырских имениях.

Что же касается имений, находящихся во владении епископов, каноников или коммендационных аббатов, то я не могу понять, по какой причине нельзя владеть определенной частью земель иначе, как по наследству. Может ли какой-нибудь мародер-философ доказать абсолютное или относительное зло такого способа владения землею, при коем она надежно переходит по наследству от одного лица к другому, причем обоснованием сего владения является всегда существующая в теории, но часто и на практике, необыкновенная степень благочестия, нравственности и учености; такого вида собственности, коя предназначена давать благороднейшим семействам обновление и поддержку, а самым низким - возможность возвышения? Разве есть что-либо дурное в собственности, владение коею сопряжено с отправлением неких обязанностей (неважно при этом, как оценивать самые обязанности) и соблюдением, по меньшей мере, внешней благочинности; собственности, владельцам коей надлежит оказывать щедрое, но умеренное гостеприимство и взирать на часть своего дохода как на средства, доверенные им для благотворительности? Ведь владельцы такой собственности, даже если

они не оправдывают возложенного на них доверия, если они отклоняются от истинного своего характера и скатываются до положения обычной светской знати или поместного дворянства, все же ни в коем случае не хуже тех, кто может стать их преемниками, когда они лишатся имущества вследствие конфискации. Разве лучше, чтобы землю владели те, кто не имеет обязанностей, нежели те, кто их имеет? Разве хуже, чтобы земельные поместья находились в руках тех, чей характер и предназначение обращает их к добродетели, нежели тех, кто не имеет иных правил в расходовании доходов с имения, кроме собственной воли и appetитов? К тому же далеко не все сии поместья относятся по природе своей к "мертвой руке"¹²⁴⁾ и наделены теми пороками, кои обычно связывают с таким видом земельных владений. Напротив, собственность эта переходит из рук в руки гораздо быстрее, чем любая иная. Никакое излишество не является благом, в том числе и слишком большая доля земельной собственности, которую можно удерживать пожизненно, однако мне не представляется логичным, что государство может терпеть материальный ущерб из-за того, что существуют определенные поместья, кои можно получить иным путем, помимо предварительного накопления денег.

Письмо мое чрезвычайно затянулось, хотя оно и кратко по сравнению с бесконечным объемом самого предмета. Различные побочные занятия время от времени отвлекали меня от него. Так, без сожаления дал я себе досуг, дабы удостовериться, нельзя ли в мероприятиях Национального собрания найти резонанс, способных побудить меня изменить или умерить первые мои впечатления. Но все, что удалось мне разузнать, лишь утвердило меня в первоначальном моем мнении. Первая моя цель состояла в том, чтобы обозреть принципы Национального собрания касательно великих и основных установлений, сравнить все, чем вы заменили то, что успели разрушить, с некоторыми особенностями нашей конституции. Однако план этот более обширен, не-

жели полагал я первоначально, к тому же я обнаружил, что вы отнюдь не стремитесь подражать каким-либо образцам. В настоящее время я должен удовлетвориться некоторыми замечаниями касательно ваших новых установлений, оставив на будущее то, что намеревался я высказать относительно духа нашей британской монархии, аристократии и демократии в нынешнем их состоянии.

Я обозрел все совершенное властями, управляющими Францией. Я, несомненно, говорил об этом свободно. Людям, презиравшим исстари существующий здравый смысл и намеренным разработать план общества, основанного на новых принципах, следует, естественно, ожидать, что те из нас, кто более высокого мнения о мыслительных способностях человечества вообще, нежели об их собственных, должны счесть и вводимые ими новшества чем-то нуждающимся в проверке. Им надлежит принять как нечто само собою разумеющееся то, что мы уделяем много внимания побудительным причинам их деятельности, но не их полномочиям. Ни один из великих предрассудков, влияющих на мнение людей, не говорит в их пользу. Они признают, что враждебны общему мнению. Разумеется, им не следует ожидать поддержки от того влияния, которое они вместе со всякой другою властью, лишили всех прав.

Я никогда не смогу почитать ваше Национальное собрание ничем иным, как добровольным собранием лиц, кои, воспользовавшись обстоятельствами, захватили власть в государстве. Они не имеют более тех полномочий авторитета, коим они обладали, когда собрались впервые. Члены Национального собрания взяли на себя полномочия совсем иные по характеру, совершенно изменили и извратили все отношения, в коих первоначально стояли к обществу. Согласно конституционным законам государства, они не имеют власти, кою применяют. Они отклонились от наказов народа, напавшего на них, тогда как наказания эти, коль скоро Национальное собрание не действовало на основе какого-ли-

бо старинного обыкновения или принятого закона, являлись единственным источником его полномочий. Наиболее важные акты Национального собрания не были приняты подавляющим большинством, и именно с учетом такого почти равного распределения голосов, которое служило поддержкой власти, надлежит судить о зонах и решениях сего собрания.

Если бы это новое, неопробованное правление было установлено как необходимая замена уничтоженной тирании, можно было бы ожидать, что время и привычка сделают свое, превратив правление, бывшее в начале своем насильственным, в законное. Все те, кто имеет чувства, побуждающие их охранять гражданский порядок, признают законным, даже в колыбели, то дитя, происходящее от тех принципов неоспоримой целесообразности, коим обязаны своим рождением все справедливые правительства и коими оправдывают они продолжение своего правления. Однако те же люди не станут торопиться с поддержкой действий власти, не обязанной своим рождением ни закону, ни необходимости, но ведущей происхождение от тех пороков и низких поступков, кои часто потрясают общественное согласие, а иногда разрушают его до основания. Ваше Национальное собрание действует едва ли на протяжении года. По его утверждениям, оно совершило революцию. Совершить революцию - это мера, коя *prima fronte*¹²⁵⁾ требует оправданий. Совершить революцию - значит ниспровергнуть старинные законы страны; для такого насильственного деяния должны существовать причины необычайные. Здравый смысл уполномочивает нас изучать способы, коими захватило власть новое правительство, и критиковать употребление сей власти с меньшим почтением и трепетом, чем то, с коим люди обычно относятся к власти, давно установившейся и общепризнанной.

Захватывая и укрепляя свою власть, депутаты Национального собрания действуют, исходя из принципов, в корне противоположных тем, коими, судя по всему, ру-

ководствуются в использовании власти. Отметив оное различие, мы сумеем постичь истинный дух их деяний. Все, что они сделали или продолжают делать, дабы получить и сохранить власть, суть самые грубые ухищрения. Они поступают точно так же, как поступали те, кто лелеяли честолюбивые замыслы прежде них. Проследите за всеми их уловками, мошенничествами и актами насилия - вы не найдете ничего нового. Депутаты ваши следуют прецедентам и образцам со скрупулезною точностью помощника стряпчего. Они никогда ни на йоту не отклоняются от доподлинных формул тирании и узурпации. Однако во всех установлениях, касающихся общественного блага, дух их действий прямо противоположный. Тут они все оставляют на милость непроверенных построений, отходят от самых наиважнейших для общества интересов и удаляются в те туманные теории, на кои ни один из них не стал бы полагаться в малейшей из личных своих забот. Столь различный подход обусловлен тем, что в желании получить и обеспечить власть они исключительно серьезны, и потому идут проторенным путем. Общественные же интересы их по-настоящему не заботят, они всецело оставляют их на волю случая - я говорю "случая", ибо прожекты, ими развиваемые, не подкреплены никаким опытом, подтверждающим их благотворность.

Мы всегда должны с сожалением, не чуждым уважения, смотреть на ошибки тех, кто робок и сомневается в себе там, где дело касается счастья человечества. У этих же господ нет и тени отеческой заботливости, страшнейшей эксперимента ради разрубить на части дитя. По размаху обещаний и уверенности в своих предсказаниях они намного превосходят похвальбу эмпириков. Наглость их притязаний вынуждает нас разобраться в том, каковы основы их деятельности.

Я убежден, что среди вождей Национального собрания существуют люди весьма способные. Некоторые из них в речах своих и писаниях проявляют подлинное красноречие, немыслимое без мощного и заботливо

взращенного таланта. Однако красноречие может существовать и без сколько-нибудь заметной степени мудрости. Говоря о талантах, необходимо ввести разграничение. То, что сделали они ради поддержания своей системы, свидетельствует о том, что они люди необыкновенные. В самой же системе, кою можно считать проектом республики, созданной для обеспечения процветания и безопасности ее граждан, а также для развития мощи государства, я, признаюсь, не могу отыскать ничего, изобличающего хоть в едином случае работу широкого и распорядительного ума или даже меры самой обычной осмотрительности. Цель состояла, как будто, в том, чтобы повсюду, где только возможно, уклониться от трудности - тогда как великие мастера во всех областях прославились тем, что умели противостоять трудностям и побеждать их. Преодолев первую трудность, они обращали ее в орудие для новых завоеваний, для победы над новыми трудностями; так расширяли они царство своих знаний, выходя подчас за пределы своих первоначальных замыслов, ставших вехами на пути человеческого познания. Трудность есть суровый наставник, назначенный нам указом верховного опекуна и законодателя, знающего нас лучше, чем мы сами себя знаем, и любящего нас более нас самих. *Pater ipse colendi haud facilem esse viam voluit*¹²⁶⁾. Борясь с нами, Он укрепляет наш дух и обостряет наше умение. Противник наш есть наш помощник. Сей дружественный поединок с трудностью заставляет нас близко познакомиться с предметом, заставляет нас рассматривать его во всех связях. Он не дозволит нам быть поверхностными. Именно недостаток присутствия духа, потребного для поединка с трудностями, извращенная любовь к трюкам, дающим возможность сокращать путь к цели, и мелкие хитрые приспособления создали в столь многих уголках мира правительства, основанные на деспотической власти. Они создали прежнюю французскую деспотическую монархию. Они же создали и деспотическую Парижскую республику. При них недостаток разума необходимо вос-

полнять избытком силы. Таким образом, они ничего не достигают. Начав свою деятельность с принципа праздности, они разделяют общую судьбу нерадивых людей. Трудности, коих они скорее уклонялись, нежели избегали, снова встают на их пути, умножаются, и бремя их становится еще тягостнее, они чрез лабиринт перепутанных частных сбиваются в клубок, не имеющий ни границ, ни направления, и в итоге весь труд этих людей становится ничтожным, порочным и ненадежным.

Именно неспособность бороться с трудностями заставила деспотическое Национальное собрание Франции начать систему реформ с упразднения и полного разрушения¹²⁷⁾. Но разве истинное умение проявляется в разрушении? Чернь ваша проделает сию работу, по меньшей мере, столь же хорошо, как и Национальное собрание. С такою задачей вполне справится самое поверхностное понимание, самая грубая рука. Неистовая ярость в полчаса снесет больше, нежели благоразумие, осмотрительность и дальновидность могут построить за столетие. Ошибки и недостатки прежних установлений очевидны и ощутимы. Не нужно много таланта, чтоб указать на них, а там, где имеется абсолютная власть, довольно одного слова, чтобы полностью уничтожить порок - заодно с самым установлением. Тот же ленивый и беспокойный нрав, обожающий праздность и ненавидящий спокойствие, направляет политиков, когда они берутся за дело, дабы заменить разрушенное ими. Сделать все точно в противоположность тому, что они видели прежде, столь же легко, как и разрушать. Когда ничего не пытаются предпринимать, не возникает никаких трудностей. Критика оказывается сбитой с толку, когда ей приходится искать пороков в том, что еще не существовало; страстное воодушевление и обманчивая надежда имеют пред собою все широкое поле воображения, где они не испытывают почти никакого противодействия.

Сохранять и одновременно реформировать - дело со-

всем иное. Когда сохраняются полезные части старинных установлений, а то, что добавляется впоследствии, должно соответствовать сохраняемой их части - тут-то и необходимо употребить энергичный ум, неослабное внимание, умение сравнивать и сочетать, способность оценки целесообразности; всем этим свойствам надлежит действовать в непрерывном противодействии объединенной силе противостоящих пороков, упрямству, отвергающему всякое улучшение, и легкомыслию, кое быстро утомляется и отвращается ото всего, чем владеет. Но вы можете возразить: "Процесс такого рода медлителен. Он непригоден для собрания, кичащегося тем, что за несколько месяцев оно совершило работу веков. Такой способ проведения реформ, вероятно, займет много лет". Сие, без сомнения, вполне вероятно, но так и должно быть. Одно из преимуществ такого способа, где время есть один из помощников, в том и состоит, что действие его медленно, а в некоторых случаях почти незаметно. Если осмотрительность и осторожность есть составные части мудрости, когда мы имеем дело с предметом неодушевленным, то они, несомненно, становятся составляющими долга, когда предмет разрушения и строительства - не кирпич и доски, но мыслящие существа, коих резкое изменение их положения, условий и привычек может ввергнуть в несчастье. Однако в Париже, видимо, преобладало мнение, что нечувствительное сердце и недоступная колебаниям совесть суть единственные предпосылки образцового законодателя. Мои представления о сей ответственной роли вполне противоположны. Истинный законодатель должен обладать исполненным чувствительности сердцем. Он должен любить и уважать себе подобных и страшиться самого себя. Его темпераменту можно позволить охватить свою конечную цель интуитивно, однако шаги его по направлению к сей цели должны быть обдуманними. Политические решения, коль скоро они направлены на достижение общественных целей, должны вырабатываться лишь общими средствами, то есть при совместных уси-

лиях многих умов. Для такого согласия умов, кое одно только способно создать все добро, к которому мы стремимся, потребно время. Терпением мы достигнем большего, нежели силой. Если отважиться прибегнуть к тому, что настолько вышло из моды в Париже - я имею в виду опыт, - то могу сказать Вам, что судьба сводила меня с великими людьми (в меру сил я работал сообща с ними) и мне покуда не приходилось видеть ни одного плана, который не был бы исправлен вследствие замечаний, сделанных людьми, кои стояли гораздо ниже по своему пониманию, чем лицо, возглавлявшее дело. Идя путем медленного, но упорного прогресса, мы следим за воздействием каждого шага; успех или неуспех первого шага освещает второй, и так от одной вспышки света к другой мы надежно продвигаемся на протяжении всего пути. Мы видим, что части системы не вступают в столкновение. Недостатки, скрытые в самых многообещающих затеях, устраняются по мере своего возникновения. Одним преимуществом стараются, насколько возможно, не жертвовать во имя другого. Мы компенсируем, мы примиряем, мы уравниваем их. Мы в состоянии объединить в одно целое различные аномалии и противоречивые принципы, существующие в умах и делах людей. Отсюда возникает не совершенство простоты, но нечто более высокое - совершенство соединения. Там, где замешаны величайшие интересы человечества, связанные с длинной чередой поколений, череда сия должна иметь определенный голос в советах, кои наделены столь сильным влиянием. Если того требует справедливость, то сама работа требует помощи разума людей, принадлежащих к разным поколениям. Именно с такой точки зрения наилучшие законодатели часто удовлетворялись установлением какого-то надежного, прочного руководящего принципа правления, силы, подобной той, кою кто-то из философов назвал пластической природою, а установив принцип, они затем оставляли его действовать на свой лад.

Продвигаться таким образом, как-то: действовать

энергично, руководствуясь направляющим принципом, есть, по мне, критерий глубокой мудрости. То, в чем политики ваши видят знак смелого, отважного гения, на самом деле лишь доказательство прискорбного недостатка способностей. Из-за своей неистовой торопливости и пренебрежения к естественному ходу вещей они вслепую доверяются всякому прожектеру и авантюристу, всякому алхимику и эмпирику. Они отчаялись в попытках извлечь пользу из вещей обыденных. Среди употребляемой ими системы снадобий нет места диете. Самое же худшее состоит в том, что такое их отчаяние в излечении обычных хворей обычными способами происходит не только из недостатка понимания, но, боюсь, и из какой-то злонамеренности. Ваши законодатели, видно, составили свое мнение о людях всех профессий и разрядов, основываясь на шутовских обличениях сатириков, кои сами удивились бы, если б их воспринимали буквально. Прислушиваясь лишь к подобным источникам, ваши вожди разглядывают всякую вещь лишь с оборотной, порочной стороны, зато пороки сей оборотной стороны видят они со всеми возможными преувеличениями. Несомненно, именно так обстоит дело, хоть это и может показаться парадоксальным. Да и вообще те лица, коих обычно используют для обнаружения и изображения недостатков, не способны проводить реформы: дело не только в том, что разум их не усвоил образцов справедливости и добра, но и в том, что по привычке они не находят удовольствия в рассмотрении подобных предметов. Ненавидя пороки слишком сильно, они в конце концов начинают слишком мало любить людей. Потому совсем не удивительно, что эдакие обличители не склонны служить другим и не способны на это. Отсюда возникает у некоторых ваших вождей внутренняя предрасположенность разносить все вдребезги своею критикой. В сей злонамеренной игре они в полном блеске проявляют всю свою *учетверенную* энергию. Что же до всего прочего, то парадоксы красноречивых писателей, родившиеся вследствие простой за-

бавы, из стремления употребить свой талант, привлечь внимание и вызвать удивление, воспринимаются такими господами совсем не в том духе, в каком воспринимал их сам автор, полагавший их средством развития вкуса и усовершенствования стиля. Подобные парадоксы становятся у них серьезными основаниями для действий, их принимают они во внимание, устраивая наиболее важные государственные дела. Цицерон весьма потешно описывает, как Катон, под влиянием школьных парадоксов, в коих изощрялись юные последователи стоической философии, готов был предпринимать государственные преобразования¹²⁸⁾. Если это было верно в отношении Катона, то сии господа подражают ему в стиле некоторых лиц, живших в его времена - *pede pundo Catonem*¹²⁹⁾. Г-н Юм говорил мне, что сам Руссо посвятил его в свои принципы композиции¹³⁰⁾. Сей зоркий, хоть и эксцентричный наблюдатель проницательно заметил, что дабы завладеть интересом публики, необходимо нечто необычное, - но поскольку чудеса языческой мифологии уже давно утратили свой эффект, поскольку романтические великаны, волшебники, феи и герои, пришедшие им на смену, истощили меру легковерия, присущую их веку, то теперь писателю не осталось ничего, кроме того рода необычного, какой еще воздействует на публику, и не менее сильно, чем ранее, хотя и другим способом, - иначе говоря, ему остается необычное в жизни, в нравах, в характерах и в необычайных положениях, дающее начало новым и неожиданным ходам в политике и морали. Я верю, что если б Руссо был жив и находился в одном из периодов просветления, он был бы потрясен тем, как неистовствуют на практике его ученики, кои в парадоксах своих остаются рабскими подражателями, и даже в скептицизме обнаруживают скрытую веру.

Люди, предпринимающие нечто значительное, даже обычным путем, должны прежде убедить нас в своих способностях. Но тот, кто берется за исцеление государства и, не удовлетворяясь лечением болезней, отважи-

вается преобразовывать конституцию, должен представить доказательства способностей незаурядных. Те, кои в замыслах своих не опираются ни на чей опыт, кто не подражает никаким образцам, должны проявить мудрость совершенно исключительную. Было ли проявлено нечто подобное во Франции? Я попытаюсь обозреть (весьма кратко) то, что предприняло Национальное собрание, во-первых, в отношении конституции и законодательства; затем, в отношении исполнительной власти; далее, в области юридической, военной и, наконец, в системе финансов - дабы убедиться, можем ли мы в каком-нибудь из их замыслов усмотреть необыкновенные способности, могущие как-то оправдать превосходство, с каким сии смелые преобразователи взирают на человечество.

Следовало ожидать, что наиболее ярко способности их должны проявиться в системе государственного устройства - главенствующей и ведущей сфере деятельности новой республики. Именно здесь должны были доказать они право на гордые свои притязания. План их преобразований и причины, коими он обоснован, я почерпнул в протоколах Национального собрания от 29 сентября 1789 года, а также из отчетов о последующих мероприятиях, которые производили в сем плане какие-либо изменения. Постольку поскольку в деле столь запутанном можно увидеть свет, система, в сущности, остается точно такою же, какою была первоначально. Я лишь вкратце коснусь ее духа, ее направленности, ее способности сформировать народное государство (кое они провозглашают своею целью); того, насколько их система пригодна для задач любого государства вообще и в особенности государства такого рода. В то же время я намерен разобраться, не противоречит ли эта система своим собственным принципам.

Старые установления проверены своими последствиями. Если народ счастлив и сплочен в мощном государстве, мы полагаем, что и все прочее благополучно. При старом порядке были найдены различные меры исправ-

ления возможных отклонений от теории. Оные меры являются следствием разных необходимых и целесообразных соображений. Они редко задумываются, исходя из какой-то теории, скорее теории составляются на основании таких мер. Они, как правило, лучше всего способствуют достижению цели там, где средства не вполне совместимы с тем, что представляется нам первоначальным замыслом. Средства, извлеченные из опыта, быть может, лучше соответствуют политическим целям, чем те, что были предусмотрены в самом плане. Они заново воздействуют на первичные основы законодательства и тем подчас вносят усовершенствования в самый замысел, от которого как будто отклонились. Думаю, все это можно превосходно подтвердить на примере британской конституции. В самом худшем случае при этом выявляются и учитываются всякого рода ошибки, а корабль покуда продолжает идти своим курсом. Так происходит со старинными установлениями, но в новой и чисто теоретической системе можно ожидать, что всякая ее часть будет служить цели, особенно же там, где планировщики ничуть не стеснены попыткой приспособить новое здание к старому - ни к стенам его, ни к фундаменту.

Французские строители, расчищая место, выбрасывали, точно мусор, что ни попадалось им под руку; подобно французским садовникам, подстригающим все под одинаковый уровень, они порешили построить общее и местное законодательство на трех различных основах: геометрической, арифметической и финансовой. Первую из сих основ они называют *территорией*, вторую - *населением*, третью - *системой налогообложения*. Для достижения первой из своих целей они делят территорию страны на восемьдесят три строго квадратных по форме куска, величиною восемнадцать на восемнадцать лиг. Эти крупные куски они называют *департаментами*. Их они делят далее, действуя по той же квадратной методе, на 1720 участков, называемых *коммунами*. Последние, в свою очередь, подразделяют-

ся на еще меньшие квадраты, называемые *кантонами*, численность коих достигает 6400.

На первый взгляд сей геометрический принцип не заслуживает ни особой похвалы, ни особого осуждения. Он не требует великих государственных талантов. Тут не требуется ничего, кроме аккуратного землемера, вооруженного мерной цепью, визиром и теодолитом. При старом делении страны существовали границы, возникшие вследствие разных случайностей, происходивших в разное время и связанных с переходом собственности из рук в руки, сменой юрисдикции и прочим. Границы эти, несомненно, не вытекали из какой-то твердо установленной системы. Они вызывали определенные неудобства, но неудобства такого рода, что обычай находил средства с ними сладить, а привычка давала терпение и примиряла. При новой же методе вписывания квадрата в квадрат, при сей полуорганизации, основанной на системе Эмпедокла и Бюффона¹³¹⁾, а не на каком-либо политическом принципе, не могут не возникнуть бесчисленные местные неудобства - неудобства, к коим люди не привыкли. Но на этом я не останавливаюсь, ибо для того, чтобы их описать, требуются точные знания о стране, коими я не располагаю.

Когда сии государственные землемеры обратили внимание на свою измерительную работу, они вскоре обнаружили, что в политике геометрическое доказательство - вещь самая обманчивая. Тогда они прибегли к другой основе (или, скорее, к подпорке) для поддержания здания, шатающегося на столь непрочном фундаменте. Было очевидно, что качество почв, численность населения, его богатство и величина вклада в казну создают столь бесконечное количество вариаций между одним квадратом и другим, что измерение делается смехотворнейшим стандартом для определения могущества в государстве, а геометрическое равенство - наиболее неравной из всех мерок. Однако ваши законодатели никак не могли с ним расстаться. Разделив свое политическое и гражданское представительство на три

части, они сформировали одну из них, исходя из своих квадратных измерений, без единого факта или расчета удостоверяющего, что такая территориальная пропорция представительства является правильной и должна в действительности, согласно какому-либо принципу составлять одну треть. Однако же, отдав геометрии треть (видимо, из почтения к сей высокой науке), они сформировали оставшиеся две трети в соответствии с населением и участием в налогообложении.

Когда новые ваши законодатели перешли к исчислению населения, то дело пошло уже не так гладко, как в области геометрии. Тут они призвали на помощь арифметику в союзе с юридической метафизикой. Если б они держались за свои метафизические принципы, процесс арифметических вычислений был бы и вправду весьма прост. По их мнению, люди абсолютно равны и имеют равные права на самоуправление. Согласно такой системе, каждый человек должен иметь один голос и каждый должен голосовать непосредственно за то лицо, которое будет представлять его в органе законодательной власти. "Но - понемногу, исподволь, не враз... "¹³²). Оказывается, сей метафизический принцип, пред коим должны были склониться закон, обычай, политика, разум, должен был, в свою очередь, отступить пред желаниями законодателей. Прежде, чем избиратель сможет прийти в соприкосновение со своим депутатом, ему надлежит преодолеть множество степеней и ступеней. В самом деле, как мы вскоре увидим, два эти лица вообще не должны соприкасаться между собою.

Прежде всего, избиратели кантона, составляющие так называемое "первичное собрание", должны пройти ценз. Как! Ценз на неотъемлемые права человека? - "Да, но ценз этот будет очень низок. Несправедливость наша будет весьма мало притеснительна - всего лишь взнос в пользу государства, равный по стоимости трехдневному труду. Ведь это совсем не много". - Охотно с тем соглашусь, но все же это явное нарушение вашего

же принципа равенства. Как ценз, его вполне можно не принимать во внимание, ибо он не отвечает ни одной из тех целей, для коих цензы устанавливают, однако с точки зрения ваших идей, он исключает из голосования человека, чье естественное равенство особенно нуждается в защите и охране, - я имею в виду человека, не огражденного ничем, кроме естественного своего равенства. Вы велите ему покупать право голосования, прежде сказав ему, что природа дала ему сие право даром при рождении и что оно не может законно лишиться ни одна власть на свете. С точки зрения человека, неспособного выйти на ваш рынок, вы с самого начала устанавливаете тираническую аристократию, хотя изображаете себя ее заклятым врагом.

На последующих ступенях продолжается тот же процесс. Первичные собрания кантонов избирают депутатов в коммуны - одного от каждых двухсот прошедших ценз жителей. Вот первая из промежуточных ступеней, поставленных между первичным избирателем и представителем законодательной власти, и здесь же устанавливается новый заслон, где с прав человека взимают новый побор, а именно, второй ценз, - ибо никто не может быть избран в коммуны, если он не выплатит взноса, равного стоимости десяти дней труда. Но и это еще не конец, перед нами еще одна ступень¹³³⁾. Коммуны, избранные кантонами, избирают в департамент, а депутаты департамента избирают депутатов Национального собрания. И здесь мы сталкиваемся с третьим заслоном бессмысленного ценза. Каждый депутат Национального собрания должен уплатить прямой взнос - 8 унций серебра. Все три ценза сходны между собою в том, что они не способны обеспечить независимости суждения, они способны лишь уничтожить права человека.

Во всем этом процессе, основные элементы коего якобы учитывают только *население* и покоятся на принципе естественного права, проявляется явное внимание к *собственности*, которое, сколь бы ни было оно справедливо и благоразумно при ином порядке, делается со-

вершенно невыносимым с точки зрения замыслов ваших законодателей.

Когда же они доходят до третьей основы своих преобразований - участия в налогообложении, мы обнаруживаем, что они вовсе потеряли из виду права человека. Эта последняя основа *всего* опирается на собственность. Тем самым принимается принцип, совершенно отличный от принципа равенства людей и совершенно с ним непримиримый. Но едва успев принять сей принцип, они его (как водится) нарушают, причем нарушают (мы незамедлительно в этом убедимся) вовсе не ради того, чтобы приблизить неравенство богатств к природному состоянию. Дополнительная доля мест в представительном органе (определяемая исключительно более высокими налоговыми выплатами), делается с учетом только самого *округа*, а не его жителей, вносящих деньги. Учитывая весь ход их рассуждений, не составляет труда понять, насколько были смущены ваши законодатели противоречивостью своих идей о правах человека и о преимуществах богатства. Конституционный комитет не нашел ничего лучшего, как признать, что они совершенно непримиримы. "Зависимость между правами человека и его участием в налогообложении, несомненно, *не имеет силы* (говорят они), когда дело касается равновесия политических прав двух отдельных лиц; иначе *личное равенство будет разрушено и установится аристократия богачей*. Но это неудобство полностью исчезает, когда пропорциональность участия в налогах учитывается только в *больших группах* населения, причем только между разными провинциями. В таком случае она служит лишь для образования справедливого взаимного соотношения между отдельными городами, не нанося ущерба личным правам граждан".

Итак, принцип учета налоговых взносов двух разных лиц отвергается, он *не имеет силы*, его полагают разрушительным для равенства и пагубным, поскольку он ведет к установлению аристократии богачей. Однако принцип этот не должен быть напрочь оставлен. И спо-

соб избавиться от затруднения состоит в установлении неравенства между разными департаментами, оставляя всех людей в каждом из департаментов совершенно равными! Заметьте, что это равенство между отдельными лицами было нарушено ранее, когда был введен ценз внутри департаментов; кроме того, не представляется столь уж важным то обстоятельство, как именно будет нарушаться равенство между людьми - при учете группы людей или отдельных лиц. Отдельный человек не обладает одинаковою важностью в небольшой группе и в группе многочисленной. Было бы чересчур, если б человеку, ревниво оберегающему свое равенство, сказали, что избиратель, голосующий за трех депутатов, имеет одинаковые права с тем избирателем, который голосует за десять.

Теперь взглянем на дело с другой точки зрения и допустим, будто введенный вашими законодателями принцип представительства согласно участию в налогообложении, то есть пропорционально богатству, хорошо продуман и необходим для создаваемой ими республики. В этой своей третьей основе они исходят из того, что богатство следует уважать, что справедливость и благообразие требуют, чтобы богатство тем или иным образом давало право на большую долю в ведении общественных дел; теперь остается рассмотреть, как обеспечивает Национальное собрание богатым более высокое положение или хотя бы безопасность, наделяя их (ввиду состояния, каким они располагают) большей долей власти в округе - преимуществом, коего они лишены как личности. Я охотно признаю (в сущности, я должен сделать это главенствующим принципом), что при республиканском правлении, имеющем демократическую основу, богатые действительно нуждаются в дополнительных гарантиях безопасности, помимо тех, кои необходимы им при монархии. Они являются предметом зависти и, вследствие этого, могут быть подвергнуты притеснениям. При нынешнем устройстве невозможно уразуметь, какую выгоду они извлекают из аристокра-

тического преимущества, на коем зиждется неравное представительство групп населения. Оно не может дать богачам ни большего чувства достоинства, ни ощущения безопасности своего богатства, ибо аристократический слой формируется на сугубо демократических принципах, а преимущество, данное ему в общем представительстве, не имеет отношения или связи с лицами, при учете собственности коих устанавливается оное преимущество данного слоя. Если создатели такого плана имели в виду каким-то образом вознаградить богатых за значительность их вклада в казну, им надлежало наделить преимуществом либо отдельных богачей, либо какой-то класс, составленный из богатых людей (как, по представлениям историков, поступил Сервий Туллий¹³⁴), создавая раннюю конституцию Рима), ибо единорство между богатыми и бедными есть поединок не между разными группами, но между людьми; соревнование не между разными округами, а между разными сословиями. Цели более отвечал бы обратный порядок: если б количество голосов для всех групп было уравнено, но внутри каждой из них голоса были бы пропорциональны собственности.

Допустим (для простоты), что в округе налоговые выплаты одного человека равны выплатам ста его соседей. Но у этого человека всего лишь один голос. Если б у каждой группы был только один представитель, бедные соседи получили бы над богачом перевес голосов в соотношении сто к одному, голосуя за этого единственного представителя. Весьма скверно. Но ведь будут внесены поправки. Какие же именно? Округ, благодаря богатству нашего богача, может выбрать, например, десять представителей вместо одного; иначе говоря, выплачивая чрезвычайно большой взнос, богач сподобится счастья увидеть, как соседи-бедняки получают над ним перевес голосов в сто против одного при голосовании за десять представителей, вместо того, чтобы совершенно в той же пропорции проиграть на выборах одного представителя. В действительности, вместо того, чтобы по-

лучить выгоду от большего количества представителей, богач подвергается дополнительным тяготам. При этом в представительном органе провинции вместо одного оказывается еще девять человек (и еще столько, сколько может быть демократических кандидатов) для того, чтобы льстить народу, за его счет интриговать и строить козни, все более его притесняя. И вот интерес определенного круга лиц сосредотачивается на том, как получить восемнадцать ливров в день (для таких людей - цель великая), не говоря уж об удовольствии пребывания в Париже и возможности управлять королевством. Чем более увеличивается число подобных демократически доступных мест, тем большей опасности подвергаются богатые люди.

Итак, отношения между бедняками и богачами в провинциальном представительстве должны быть аристократическими, хотя характер их внутренних отношений - противоположный. Я не могу понять, как во внешних отношениях, то есть отношениях с другими провинциями, неравное представительство, данное группам на основе богатства, становится средством сохранения равновесия и спокойствия в государстве. Ибо если при этом преследуется цель оградить слабых от губительного притеснения сильных (цель, несомненно, принимаемая во внимание в любом обществе), то как самые бедные и убогие из членов группы могут быть спасены от тирании более богатых? Разве можно добиться сего, неуклонно увеличивая средства, имеющиеся в распоряжении богатых для подавления бедных? Когда дело доходит до равновесия между представительством разных провинций, то здесь вероятность возникновения местнической зависти не меньше, чем среди отдельных лиц, различия вызовут здесь еще более пылкий дух раскола, доходящий чуть ли не до войны.

Я вижу, что описанные аристократические группы создаются на основе того, что называют принципом прямого налогообложения. Нельзя измыслить более неравного способа, чем этот. Косвенные налоги, взимае-

мые как пошлины на потребляемые товары, являются лучшим мерилом, они более естественно обнаруживают богатство, нежели прямые налоги. В самом деле, затруднительно определить, какой местности следует отдать предпочтение на основе только первого, или только второго, или даже обоих видов налогообложения вместе, поскольку некоторые провинции могут выплачивать больше каждого из сих налогов или обоих вместе, вследствие не внутренних своих особенностей, но причин, обусловленных особенностями тех самых округов, над коими они получают преимущество, исходя из выказанных налогов. Если бы каждая административная единица была независимым и суверенным образованием и выплачивала бы в центральную казну определенную долю; если б государственные доходы не состояли (как это имеет место в действительности) из множества обложений, распространяющихся на отдельных лиц, а не на объединения людей, то есть из обложений, кои по природе своей путают все территориальные границы, - тогда можно было бы высказаться в пользу налога, основанного на групповом принципе. Но такое представительство, кое должно определяться участием в налогообложении, наиболее трудно обосновать на принципах справедливости в стране, почитающей свои округа частями целого. Ведь большой город, вроде Бордо или Парижа, выплачивает, по видимости, огромную долю налогов, не идущую ни в какое сравнение со сборами, поступающими из других мест, а потому население оных городов должно пользоваться соответственными правами. Но неужели вклад этих городов в сбор налогов действительно столь велик? Нет. Разбросанные по всей Франции потребители товаров, ввозимых в Бордо, платят пошлину на ввоз в этом городе. Урожаи виноградников Гюйенна и Лангедока дают Бордо средства вносить налоги благодаря вывозу товаров за границу. Землевладельцы, тратящие в Париже доходы со своих поместий, тем самым позволяют Парижу вносить в казну деньги, полученные из провинций, откуда поступа-

ют их доходы. Почти те же доводы приложимы и к доле в представительстве, коя выделяется, исходя из *прямого* участия в налогообложении: прямые налоги должны исчисляться с богатств истинных или предполагаемых, тогда как богатство данной местности проистекает зачастую от причин не местных, что, по справедливости, не должно давать ей преимущества.

Весьма примечательно, что в столь основополагающем установлении, определяющем представительство группы населения исходя из выплачиваемых ею прямых налогов, законодатели ваши все еще не решили, как именно такие налоги будут взиматься. Быть может, в странном этом явлении скрыта некая тайная политика, направленная к продлению срока полномочий нынешнего Национального собрания. Однако, покуда порядок взимания налогов не будет определен, не будет надежной конституции. Ведь она должна зависеть в конечном счете от системы налогообложения и должна изменяться при всякой перемене в оной системе. При том, как повели дело ваши депутаты, у них не налогообложение зависит от конституции, а скорее конституция от налогообложения. Это должно повлечь за собою страшную неразбериху, точно так же, как различные цензы при голосовании внутри округа должны (если когда-нибудь вообще будут проведены подлинные выборы, основанные на соревновании) вызвать бесчисленные внутренние противоречия.

Если мы сопоставим между собой все три основы нового законодательства, причем будем исходить не из политических соображений, а из идей, коими руководствуется Национальное собрание, и попытаемся проверить, насколько они сообразны друг другу, то мы не можем не отметить, что первая основа, которую комитет именует *принципом населения*, не исходит из того же, из чего исходят две другие основы - *принципы территории и участия в налогах*, оба из которых носят аристократический характер. Вследствии этого там, где все три принципа начинают действовать сообща, возникает

самое бессмысленное неравенство, вызываемое воздействием первого принципа на два остальных. Каждый кантон имеет территорию в 36 квадратных лиг, причем считается, что в нем проживает в среднем 4000 жителей, или 680 избирателей *в первичном собрании* (причем число это меняется в зависимости от населения кантона), кои посылают *одного депутата* в коммуну на каждые 200 выборщиков. *Девять кантонов образуют коммуну.*

Теперь давайте представим кантон, где имеется *город с морским торговым портом, или же большой промышленный город*. Допустим, население такого кантона состоит из 12700 жителей или 2193 выборщиков, кои составляют *три первичных собрания*, и направляют в коммуну *десять депутатов*.

Сопоставим с *одним* таким кантоном *два* других из оставшихся восьми кантонов той же коммуны. Допустим, население их - 4000 жителей и 680 выборщиков в каждом, или 8000 жителей и 1360 выборщиков в обоих кантонах вместе. Это даст только *два первичных собрания*, направляющих всего шесть депутатов в коммуну.

Когда собрание коммуны голосует *по принципу территории* (принцип, признанный первым в деятельности такого собрания), то *один-единственный кантон*, составляющий лишь *половину территории двух других*, будет иметь *десять голосов* против *шести* при выборе *трех депутатов* в собрание департамента, избираемого (как провозглашено) на основе территориального представительства.

Такое неравенство, поразительное само по себе, еще более усугубится, если мы предположим (отнюдь не безосновательно), что *несколько других кантонов коммуны окажутся населенными ниже среднего уровня*, в той же пропорции, как *главный кантон превышает средний уровень населенности*. Теперь обратимся к третьему принципу - *участию в налогообложении*, который тоже заранее признан основой деятельности собрания коммуны. Давайте снова возьмем *один кантон*,

вроде того, который взяли в расчет в предыдущем случае. Если все прямые налоги, выплаченные большим торговым или промышленным городом, будут поровну разделены между жителями, окажется, что каждый из них выплатил более, нежели средний деревенский житель. Вся сумма, выплаченная жителями первого кантона, будет больше суммы, выплаченной жителями упомянутых остальных кантонов, - по крайней мере, на треть. Тогда 12700 жителей, или 2193 выборщика одного кантона выплатят столько же, сколько 19050 жителей или 3289 выборщиков *других кантонов*, что составляет примерно пропорциональную часть жителей и выборщиков *пяти* других кантонов. Теперь 2193 выборщика будут, как я говорил раньше, направлять всего *десять* депутатов в собрание, а 3289 выборщиков направят *шестнадцать*. Так при равной доле участия в налогообложении всей *коммуны* будет разница *шестнадцать* голосов *к десяти* при голосовании за депутатов, которые должны быть избраны по принципу, отражающему участие в налогах, собираемых со всей *коммуны*.

При том же методе расчета мы увидим, что 15875 жителей, или 2741 выборщик *других кантонов*, выплачивающие *на одну шестую* МЕНЬШЕ в налоговые сборы от всей *коммуны*, будут иметь *на три* голоса БОЛЬШЕ, чем 12700 жителей, или 2193 выборщика *одного кантона*.

Таково фантастическое и несправедливое неравенство между одною группою населения и другою при сем любопытном распределении прав представительства, вытекающих из принципов *территории* и *участия в налогообложении*. Ценовые права, предоставляемые ими, - по сути своей права отрицательные, кои дают привилегии в обратной пропорции к обладаемым правам.

Во всем конституционном плане, покоящемся на трех описанных основах, в каком бы свете вы его ни рассматривали, я вижу не разнообразие целей, примиренных в едином целом, но несколько противоречащих друг дру-

гу принципов, кои ваши философы небрежно соединили воедино; непримиримые эти принципы подобны диким зверям, запертым в общей клетке, которые грызутся между собою, ускоряя всеобщую погибель.

Боюсь, я зашел слишком далеко в разборе методов составления вашей новой конституции. У ваших законодателей много дурной метафизики, много дурной геометрии, много неправильной пропорциональной арифметики; но если б все они и впрямь были такими, как надлежит быть метафизике, геометрии и арифметике, если б планы сии были отменно последовательны во всех частях, то все это создавало бы лишь более приятную видимость. Поразительно, что в их великом плане переустройства человечества нельзя найти ни одного упоминания о чем-то, относящемся к нравственности, к политике; ничего, касающегося забот, страстей и интересов людей. *Nominem non sapiunt*¹³⁵⁾.

Вы видите, я рассматриваю сию конституцию лишь как "избирательную" ступень, ведущую к Национальному собранию. Я не вхожу во внутреннее правление департаментов и его формирование, восходящее к коммунаам и кантонам. Эти местные органы правления согласно первоначальному плану должны поелику возможно составляться тем же способом и на основе тех же принципов собраниями выборщиков. Каждый из них представляет собою замкнутое целое.

Вы не можете не заметить, что в таком плане явно проводится линия на раздробление Франции на множество республик¹³⁶⁾, а также на то, чтобы сделать их совершенно независимыми друг от друга, безо всякого прямого конституционного средства связи, соединения или подчинения, кроме того, каким может служить их молчаливое согласие с определениями общего съезда посланцев всех независимых республик. Таковым в действительности является Национальное собрание, и я признаю, что подобные правительства существуют на свете, хотя и в формах бесконечно более сообразных с местными, привычными условиями жизни народов. Но

подобные объединения, отличные от единых политических образований, были, как правило, следствием необходимости, а не выбора; и я полагаю, нынешняя французская власть есть первое собрание граждан, кои, получив полные полномочия делать со всею страной все, что им заблагорассудится, избрали путь столь варварского ее расчленения.

Нельзя не отметить, что осуществляя оное геометрическое деление и арифметическое устройство, ваши псевдограждане относятся к Франции в точности как к покоренной стране. Действуя в духе завоевателей, они подражают политике самых жестоких из них. Политика таких завоевателей-варваров, презирающих покоренный народ, оскорбляет его чувства, она всегда была направлена на разрушение всех примет древних установлений в религии, законодательстве и нравах; на то, чтобы спутать все территориальные границы в стране, вызвать в ней всеобщую бедность, сокрушить ее монархов, знать и священнослужителей, пустить собственность побежденных на распродажу, унижить все, что возвышалось над общим уровнем, что служило объединению и сплочению отчаявшегося народа под знаменем прежних воззрений. Ваши правители сделали Францию свободной в том же смысле, в коем столь искренние друзья прав человека как римляне освободили Грецию, Македонию и прочие страны. Под видом обеспечения независимости каждого из городов они нарушили узы, скреплявшие их союз.

Когда депутаты новых органов управления кантонами, коммунами и департаментами, намеренно созданными посредством такой неразберихи, начнут действовать, они обнаружат, что являются в значительной мере чужими друг другу. Повсеместно, особенно же в сельских кантонах, выборщики и избранные зачастую окажутся лишенными тех качеств, той природной дисциплины, кои составляют душу подлинной республики. Чиновники и сборщики налогов более не знают своих округов, епископы - своих епархий, кюре - своих при-

ходов. Сии новые колонии прав человека сильно напоминают тот род военных поселений, кои наблюдал Тацит в дни заката Рима. В лучшие и более мудрые времена римляне (какого бы курса ни придерживались они по отношению к зарубежным странам) были достаточно осторожны, чтобы сочетать элементы методического подчинения и самостоятельности таких колоний, они даже закладывали основы гражданской дисциплины в армии¹³⁷⁾. Но когда все искусства и знания пришли в упадок, римляне стали действовать подобно вашему Национальному собранию, исходя из равенства людей, и столь же мало заботясь о том, что делает республику сносной или долговечной. Но в этом отношении, как почти во всех прочих, новое ваше государство было рождено, выкормлено и возвращено в той развращенности, коя отмечала разложившиеся и выдохшиеся республики. Дитя ваше приходит в мир с признаками смерти, *facies Hippocratica*¹³⁸⁾ определяет его вид, пророчествуя о его судьбе.

Законодатели, создавшие древние республики, знали, что задача их слишком трудна, чтобы справиться с нею при помощи столь слабых средств, как метафизика недоучившегося студента или математика акцизного чиновника. Им приходилось иметь дело с людьми, и потому они должны были изучать человеческую природу. Им приходилось иметь дело с гражданами, и потому они должны были изучить влияние тех привычек, кои сообщаются обстоятельствами гражданской жизни. Они осознавали, что воздействие сей второй природы на первую породило новое сочетание, и отсюда возникло множество различий между людьми,сообразно с их рождением, воспитанием, профессиями, возрастом, с тем, жили ли они в городе или в деревне, с тем, какими путями они добывали или закрепляли за собою собственность, а также и качеством самой этой собственности - со всем тем, что сделало их столь различными породами тварей. Посему основатели древних республик почитали себя обязанными так распределить граждан по клас-

сам и поставить их в такое положение в государстве, какое позволяли им занять их особые привычки; предоставить им сообразные привилегии, позволявшие обеспечить каждому сословию то, что требовали его особые обстоятельства и дававшие каждому званию такую силу, какая могла оградить его в противоборстве, порождаемом соперничеством интересов, кое должно существовать в любом неоднородном обществе. Иначе законодатель постыдился бы того, что даже грубый крестьянин хорошо знает, как распределять и использовать своих овец, лошадей, быков, имеет довольно здравого смысла, чтоб не уравнивать их всех в одной отвлеченной категории скота, не позаботившись для каждого вида о сообразном корме, уходе и занятии, тогда как он, экономист, управитель, пастырь собственного племени, возвысив себя до положения витающего в облаках метафизика, готов был не знать о своей пастве ничего, кроме того, что она состоит из людей вообще. Не здесь ли причина того, что, как справедливо отметил Монтескье¹³⁹⁾, в классификации граждан великие законодатели древности наиболее полно проявляли свои способности и даже превосходили самих себя. А новейшие ваши законодатели именно в оной классификации погрузились в ряд отрицательных величин, опустившись даже ниже собственной ничтожности. Если первые законодатели, внимательно изучив разные разряды граждан, объединяли их в одно государство, то вторые - метафизики и алхимики в законодательстве - взяли курс прямо противоположный. Они попробовали, насколько можно смешать все разряды граждан в единую однородную массу, а после распределили эту амальгаму на несколько несвязанных между собою республик. Они сводят людей к несвязанным между собой фишкам, чтобы облегчить их подсчет, а не к определенным величинам, значение которых может существенно возрастать в зависимости от их места в таблице. Самая метафизика, за кою они держатся, могла бы преподать им лучший урок. Круг ее категорий должен был научить их тому, что в мире разу-

ма имеется нечто, помимо сущности и количества. Из метафизического катехизиса они могли узнать, что в каждом продуманном рассуждении наличествуют еще восемь категорий¹⁴⁰⁾, о коих они никогда не помышляли, хотя именно эти восемь из десяти основных понятий составляют дисциплину, в коей человек может проявить себя.

Далекие от искусных планов древних республиканских законодателей, с дотошною точностью следовавших нравственным условиям и склонностям людей, новые ваши законодатели уравниали и перемололи воедино все обнаруженные ими сословия, даже при твердом и естественном монархическом устройстве, где способ управления отдельными разрядами людей не столь важен, как при республике. Верно, однако, что всякая подобная классификация, ежели она произведена правильно, хороша для любых способов правления, она создает мощный заслон излишества деспотизма и в равной мере является необходимым средством, сообщающим республике действенность и постоянство. Если из-за недостатка подобной классификации нынешний проект республики потерпит неудачу, то с ним вместе рухнут и все гарантии умеренной свободы, будут сметены все косвенные ограничения, смягчающие деспотизм. Сие будет иметь столь важные последствия, что если монархия вновь когда-нибудь достигнет полного господства во Франции - при нынешней или любой иной династии, - она, вероятно, станет (коль скоро при самом начале ее не будут сознательно сдерживать мудрые и добродетельные советники государя) наиболее деспотическою властью, какая когда-либо появлялась на земле. Итак, вы ведете преопаснейшую игру.

Сумятицу, сопутствующую всем подобным преобразованиям, правители ваши провозглашают даже одною из своих целей, они надеются упрочить свою конституцию угрозой возврата тех бедствий, кои сопровождали процесс ее выработки. "Тем самым, - говорят они, - разрушение ее сделается затруднительным для властей,

кои не смогут ее разрушить, не приведя в расстройство все государственные дела". Они предполагают, что если новая власть когда-нибудь достигнет той же степени могущества, коей достигли они, она использует его более умеренно и непорочно, и будет трепетать пред тем, чтобы вовсе не расстроить порядка в государстве такую дикостью, кою проявили они. Они ожидают, что добродетели вернувшегося деспотизма обеспечат их вульгарным порокам возможность наслаждаться безопасностью.

Я желал бы, милостивый государь, чтобы вы и мои читатели внимательно изучили работу г-на де Калона¹⁴¹⁾ по сему вопросу. В ней вы найдете изложение не только красноречивое, но и поучительное. Я ограничусь тем, что он говорит касательно конституции нового государства и положения со сбором налогов. Что же до споров сего министра со своими соперниками, то здесь я не желал бы высказываться. Столь же мало намерен я выражать свое мнение относительно путей и средств - финансовых или политических, - предлагаемых г-ном де Калоном для того, чтобы извлечь его страну из нынешнего ее позорного и прискорбного состояния рабства, анархии, банкротства и нищенства. Я не могу рассуждать о том столь же пылко, как он, но он француз и обязан воспринимать сии предметы более непосредственно; он, к тому же, может лучше судить о них, нежели я. Я желал бы, чтобы с особым вниманием было рассмотрено приводимое г-ном де Калоном формальное признание одного из главных вождей Национального собрания касательно замысла не столько сделать Францию из монархии республикою, но и превратить ее из республики в простую конфедерацию. Оно подкрепляет мои наблюдения. В самом деле, работа г-на де Калона множеством новых и поразительных доводов по большинству предметов, затронутых в нынешнем моем послании, восполняет недостатки оного.

Именно это решение - расчленив страну на отдельные республики - привело нынешних французских вла-

стителй к большинству трудностей и противоречий. Если б не это, то все вопросы о точном равенстве и равновесии, кои никогда не удастся урегулировать, о правах отдельных лиц, населении и участии в налоговом бремени были бы совершенно бесполезны. Обязанности представительного органа, хоть и составленного из представителей отдельных частей государства, относились бы к нему в целом. Каждый депутат Национального собрания был бы представителем Франции и людей всех званий, ее населяющих, - большинства и меньшинства, богатых и бедных, обширных и малых округов. Все эти округа сами были бы подчинены некоей постоянной власти, существующей независимо от них, - власти, в коей берет начало их представительство и все ему принадлежащее, и к коей оно направлено. Такая постоянная, неизменная, основополагающая власть сделала бы (и только она могла бы сделать) всю территорию подлинно единым целым. У нас в Англии, избрав представителей народа, мы направляем их в совет, где каждый человек по отдельности есть подданный, всецело подчиненный правительству во всех его обычных отправлениях. У вас же выборное собрание есть повелитель - таким образом все его члены являются составными частями сей единственной верховной власти. У нас все обстоит совершенно иначе. У нас депутат, отделенный от прочих частей правления, не может ни действовать, ни существовать. Правительство есть точка отсчета полномочий для отдельных членов и округов нашего представительства. Здесь - центр нашего единства. Такое полномочное правительство есть попечитель *целого*, а не частей. Такова и другая ветвь нашего общественного совета - я имею в виду Палату лордов. У нас король и лорды - разные и вместе с тем объединенные гарантии равенства для каждого округа, каждой провинции, каждого города. Когда приходилось вам слышать в Великобритании о провинции, страдающей от неравенства в представительстве, об округе, вовсе не имеющем представительства? Не только наша монар-

хия и наше пэрство обеспечивают сие равенство, от коего зависит наше единство - оно составляет и самый дух Палаты общин. Именно неравенство в представительстве, на какое подчас жалуются так нелепо, быть может, и есть то, что препятствует нам думать или действовать как членам округов. Корнуолл избирает столько же представителей, как вся Шотландия. Но разве Корнуолл пользуется большею заботою, нежели Шотландия? Немногочисленные члены нескольких клубов ломают закружившиеся свои головы над основами вашего законодательства. Большинство же тех, кои желают каких-либо разумных перемен в нашем государстве, стремятся к ним, исходя из совсем иных идей.

Ваша новая конституция прямо противоположна нашей по своим принципам, и я удивлен тем, как кто-то вообще мог мечтать о том, чтобы что-то в ней стало примером для Великобритании. У вас мало или, лучше сказать, вообще нет связи между последним депутатом и первым избирателем. Депутат Национального собрания не избирается народом и не ответствен перед ним. Прежде, чем его изберут, он проходит три круга выборов: два ряда чиновников оказываются между ним и первичным собранием, что делает депутата, как я уже сказал, посланником государства, а не представителем народа внутри государства. Тем самым меняется весь дух выборов; никакая из поправок, изобретенных продавцами вашей конституции, не может сделать такого депутата иным, чем он есть. Уже одна попытка этого неизбежно приведет к беспорядку, еще более ужасному, чем нынешний, если такое вообще возможно. Нет никакого способа установить связь между первоначальным избирателем и депутатом, иначе как посредством целой цепочки: кандидату пришлось бы обратиться сперва к первичным выборщикам, чтобы те полномочными своими наказами (а может, и чем-то более весомым) могли заставить два следующих друг за другом избирательных органа сделать выбор, согласующийся с их желаниями. Но это явно извратит всю систему. Это

означало бы вновь погрузить французов в смятение и неразбериху народных выборов, коей они надеются избежать посредством выборов промежуточных, а в конечном счете - отважиться доверить судьбу государства тем, кто менее всего в ней разбираются, наименее в ней заинтересованы. Это извечная дилемма, в кою они ввергнуты порочными, слабыми и противоречивыми принципами, ими избранными. Покуда народ не разрушит такой ступенчатой системы, очевидно, что он вообще не избирает в Национальное собрание, - в самом деле, видимость тут не противоречит сути.

Чего мы все ждем от выборов? Чтобы выборы отвечали своим истинным целям, вам необходимо иметь возможность узнать о пригодности вашего кандидата и иметь какое-то влияние на него, для чего он должен быть связан каким-то личным обязательством, как-то зависеть от вас. Зачем вашим первичным выборщикам льстят или, скорее, насмеваются над ними, предоставляя им выбор? Они никогда не могут ничего узнать о качествах того, кто будет их представлять, к тому же этот депутат не связан никакими обязательствами перед ними. Изю всех неподходящих оснований для суждения наиболее неподходящими является все, покоящееся на личном выборе. В случае злоупотребления, сей орган первичных выборщиков никогда не может призывать депутата к ответу за его поведение. Он слишком отдален от них в цепи представительства. Если он совершает оплошность в конце двухгодичного своего срока, это уже не влияет на последующие два года. Согласно новой французской конституции наилучшие и мудрейшие из депутатов наравне с наихудшими отправляются в сей *Limbus Patrum*¹⁴²⁾. Считается, что днища сих судов приходят в негодность, и их надо отправить в док для починки. Всякий отслуживший свой срок в Национальном собрании не может быть избран еще на последующие два года. Едва только начинают ваши депутаты понимать в своем деле, как их, точно трубочистов, увольняют именно за то, что они этим трудом занима-

лись. Уделом всех ваших будущих правителей становится поверхностное усвоение новых знаний, а впоследствии, после перерыва, - болезненные попытки припомнить забытое. В вашей конституции чересчур много подозрительности, чтоб в ней оставалось место здравому смыслу. Вы полагаете нарушение долга со стороны депутата делом столь принципиальным, что вовсе не принимаете во внимание вопроса о том, пригоден ли он для отправления сего долга.

Сей очистительный промежуток времени вовсе не бесполезен для бесчестного депутата, ибо тот может быть столь же хорошим ходатаем перед избирателями, сколь дурным законодателем. Он может покуда выдвигаться посредством всяких козней, достичь превосходства над самыми мудрыми и добродетельными из соперников. Поскольку же в конечном счете все части вашей выборной конституции равно недолговечны и существуют лишь для потребности выборов, то впоследствии депутату, быть может, придется обращаться, прося о продлении своих полномочий, уже не к тем лицам, кои его избирали и перед кем он должен нести ответственность. Призвать к ответу всех вторичных выборщиков коммуны - вещь смехотворная, непрактичная и несправедливая; они и сами могли быть обмануты в своем выборе, точно так же как третий круг выборщиков - выборщики департамента - в своем. При ваших выборах не существует ответственности.

Не находя никакой сообразности между принципами, лежащими в природе и конституции нескольких новых республик Франции, я задумался о том, какой связующий раствор из чужеродных материалов предусмотрели для них законодатели. Их конфедерации, их представления, их гражданские празднества я при этом не принимаю во внимание. Все это не более чем трюки, но прослеживая их политику по их делам, мне кажется, я могу различить способы, с помощью коих они намерены удержать сии республики воедино. Первый из них - *конфискация*, с присовокуплением принудительных бу-

мажных денег; второй - верховная власть города Парижа; третий - общая армия государства. По поводу сего последнего я не стану высказывать своего мнения, куда не перейду к рассмотрению армии как отдельной категории.

Что же до действия первого средства - конфискации и бумажных денег в качестве скрепляющего раствора, то я не могу отрицать, что оные, завися друг от друга, могут на некоторое время составлять некий вид цемента, ежели безумие вашего управления и произвольность в подгонке частей общего механизма не породит отталкивания с самого начала. Но хотя такая система и может отчасти отладиться и какой-то срок продержаться, мне кажется, что по прошествии некоторого времени конфискация не окажется действенною для поддержки бумажных денег (настолько же, насколько нравственное мое убеждение не может признать ее таковою), и тогда вместо того, чтобы скреплять, она будет в высшей степени способствовать разъединению, расчленению и беспорядку в сих конфедеративных республиках - и в их отношении друг к другу, и применительно к частям внутри них самих. Но если конфискация успешно потопит бумажные деньги, то скрепляющий раствор кончится вместе с их обращением. А до тех пор его связующая сила будет весьма ненадежной, она будет усиливаться или ослабляться с каждым колебанием цены бумажного кредита.

Только одно надежно в сем плане, то, что будет иметь воздействие по видимости второстепенное, но зато, я не сомневаюсь, самое прямое на умы тех, кто управляют делами, - то есть влияние на образование олигархии в каждой из республик. Обращение бумажных денег, не подкрепленных никакими реальными деньгами, вложенными или заложенными, уже достигшее сорока четырех миллионов в пересчете на английскую валюту, насильно введенное в королевстве вместо прежней монеты и ставшее тем самым субстанцией его доходов, а также средством всех торговых и граждан-

ских сношений, должно отдать всю оставшуюся власть, полномочия и влияние, какую бы форму оно ни приняло, в руки тех, кто замыслил сей план и воплощает его.

У нас в Англии ощущается влияние банка, хотя это лишь центр добровольных сделок. В самом деле, тот, кто не видит могущества денежной собственности (которая по природе своей гораздо более зависит от тех, кто ею распоряжается, чем любая иная), мало знает о влиянии денег на человечество. Но здесь замешаны не только владельцы денежной собственности. В сей системе есть еще одна составляющая, неразрывно связанная с денежными воротилами. Речь идет о способе пустить на продажу конфискованные земли отдельными частями, а также наладить процесс непрерывного перехода бумаги в землю, а земли в бумагу. Проследив за последствиями процесса, мы можем узнать нечто о мощи той силы, коей надлежит привести в движение всю систему. Сей способ позволяет духу денежных сделок и спекуляций проникнуть в толщу земли и слиться с нею. Так этот вид собственности становится легковесным и неустойчивым, обретает неестественную и чудовищную подвижность и тем самым позволяет нескольким воротилам (главным и второстепенным, парижским и провинциальным) прибрать к рукам все деньги, а заодно, быть может, не менее десятой части всех земель Франции, успевших перенять худшую и пагубнейшую черту бумажного обращения - предельную ненадежность своей стоимости. Ваши депутаты совершили с земельной собственностью обратное тому, что произошло благодаря Латоне с Делосом¹⁴³⁾. Они заставили свои земли носиться по воле волн, подобно тому, как мелкие обломки кораблекрушения блуждают *oras et littora circum*¹⁴⁴⁾.

Новые дельцы, будучи обыкновенно авантюристами, не имея твердых привычек и пристрастия к определенным местностям, станут покупать поместья, чтобы потом снова пустить их в оборот в зависимости от того, что будет прибыльно на рынке ценных бумаг, денег или земель. И хотя святой ваш епископ¹⁴⁵⁾ полагает, что

земледелие извлечет великую пользу от "просвещенных" ростовщиков, имеющих приобрести конфискованные церковные имения, я, как человек давно, хоть и не слишком успешно занимающийся земледелием, позволю себе смиренно заметить его бывшей светлости, что ростовщичество - не наставник земледелию и что ежели слово "просвещенный" следует понимать сообразно новому словарю (по образцу ваших новых школ), то я не могу уразуметь, как неверие в Бога может научить человека, не имеющего иных навыков, обрабатывать землю. "Diis immortalibus sero"¹⁴⁶⁾, - говорил старый римлянин, сжимая одну рукоятку плуга, когда смерть уже держалась за другую. И даже если вам удастся объединить усилия всех глав двух академий с главами Caisse d'Escompte, все равно тут один опытный старик-крестьянин стоит их вместе взятых. Я за один короткий разговор с монахом-картезианцем приобрел более сведений касательно землепашества, нежели ото всех директоров банка, с коими мне приходилось беседовать. Однако нет причины опасаться того, что денежные дельцы суются в сельские дела. Господа эти чересчур умны. Сперва их нежное и восприимчивое воображение, быть может, пленится невинными, не приносящими прибыли радостями пасторальной жизни, но вскоре они обнаружат, что земледелие - дело куда более трудоемкое и куда менее доходное, нежели ими оставленное. Воспев земледелие, они повернутся к нему спиною, подобно великому своему предшественнику. Они, как и он, могут поначалу произнести "Beatus ille" - но каков будет конец?

Haec ubi locutus foenerator Alphius,
Jam jam futurus rusticus
Omnem relegit idibus pecuniam,
Quaerit calendis ponere¹⁴⁷⁾.

Они станут под святым покровительством упомянутого прелата возделывать Caisse d'Eglise¹⁴⁸⁾ с гораздо большею прибылью, нежели виноградники и поля. Они найдут своим талантам применение более сообразное с их привычками и интересами. Они не станут идти за

плугом, когда можно управлять казначейством и провинциями.

Ваши законодатели, приверженные ко всякой новизне, были первыми, кто основал государство на азартной игре, кто сделал дух игры жизненно важною принадлежностью его существования. Главная цель такой политики - метаморфоза Франции, превращение ее из великого королевства в один нескончаемый игорный стол, а ее жителей - в нацию игроков, где спекуляция проникает во все сферы жизни, смешивается со всеми интересами, отчего все надежды и страхи людей отходят от привычных путей, преобразуясь в порывы, страсти и суеверия тех, кто живет игрою случая. Законодатели ваши громко провозглашают, что нынешняя система их республики, вероятно, вообще не может существовать без такой азартной игры, что нить судьбы государства прядется из клубка подобных спекуляций. Существовавшая при старом режиме финансовая игра была, несомненно, достаточно пагубной - но лишь для отдельных лиц. Даже когда она достигала наибольшего размаха - в аферах, связанных с Миссисипи и Южным морем¹⁴⁹⁾, - она затрагивала лишь сравнительно немногих; там же, где она распространялась шире, как, например, в лотереях, дух азарта был направлен лишь на один предмет. Но там, где закон, в большинстве случаев запрещающий и, во всяком случае, никогда не поощряющий азартной игры, сам пускается в разгул, будто решившись вывернуть наизнанку самую свою природу и явно подтолкнуть человека к игорному столу, привнес дух и символы игры в самые мельчайшие дела, охватив всех и вся, там распространяется ужасная эпидемия сего злостного недуга, какой еще не знал свет. У вас человек не может ни заработать себе на пропитание, ни купить еды без спекуляции. Деньги, что получает он утром, уже не будут иметь той же стоимости к вечеру. Деньги, которые вынужден он принимать в уплату старого долга, уже успеют обесцениться, когда он захочет уплатить собственный долг или когда, не желая входить

в долги, решит быстро выплатить по своим обязательствам. Предпринимательство должно просто зачахнуть. Всякая хозяйственная деятельность будет вытеснена из страны за ее рубежи. Рачительная запасливость не сможет существовать. Кто станет трудиться, не зная размера заработка? Кто станет учиться, дабы приумножить то, чего никто не может оценить? Кто станет копить, когда он не знает ценности того, что копит? Если не принимать в расчет использования ваших денег для игры, то накопление бумажного богатства будет свидетельствовать не о предусмотрительности человека, но о болезненном инстинкте собирательства, свойственном скорее уж сороке.

Поистине печальная сторона такой политики систематического формирования нации игроков состоит в следующем: хотя все вынуждены играть, лишь немногие могут разобраться в правилах игры, и еще меньше оказывается тех, кому доступны необходимые знания. Большинство неминуемо оказывается одураченным теми немногими, кои держат в руках механизм подобных спекуляций. Каково должно быть воздействие всего этого на сельских жителей - вполне очевидно. Горожанин может рассчитывать свои дела со дня на день - иное дело деревенский житель. Когда крестьянин впервые выносит собранное зерно на городской рынок, власти заставляют его брать ассигнации по их номинальной цене; когда же он идет с полученными деньгами в лавку, то обнаруживает, что они утратили семь процентов своей стоимости, покуда он переходил через дорогу. Крестьянин вряд ли снова поедет на такой рынок. О, горожане придут в негодование! Они силой заставят крестьян привозить в город зерно. Начнется сопротивление, и по всей Франции могут пойти убийства, подобные тем, кои происходили в Париже и Сен-Дени.

Что значат пустые комплименты, коими почтили деревню, дав ей (в теории) даже, пожалуй, большую, чем ей полагалось, долю в национальном представительстве? Где находится у вас действительная власть, управ-

ляющая обращением денег и земель? В чьи руки отдали вы способы повышения и понижения стоимости недвижимой собственности, принадлежащей каждому человеку? Те, чьи операции могут на десять процентов понизить или повысить ценность имущества любого француза, должны оказаться хозяевами Франции. Вся власть, полученная вашей революцией, осядет в городах, среди буржуа и денежных воротил, их возглавляющих. Поместное дворянство, мелкие землевладельцы и крестьяне не имеют ни привычек, ни опыта, который может дать им какую-то долю в этом единственном источнике власти и могущества, оставшемся ныне во Франции. Самая природа деревенской жизни, самая природа земельной собственности, все занятия, все удовольствия, ею предоставляемые, делают сплочение и совместные действия (единственный способ обеспечить себе влияние и воспользоваться им) практически невозможными для деревенских жителей. С каким бы искусством и ухищрениями ни спланировали вы сельских жителей в одно целое, оно всегда распадется на отдельных людей. Все, что хоть отчасти похоже на постоянное объединение, почти невозможно среди них. Надежда, страх, тревога, ревность, мимолетные помыслы, кои, сделав свое дело, через день умирают, - все, что служит теми шпорами и удилами, посредством коих вожди поощряют и сдерживают умы своих последователей, не так легко, а может, и вовсе невозможно применить к людям, разбросанным по деревням. Они собираются, вооружаются и действуют сообща с огромными трудностями, лишь при особо важных обстоятельствах. Даже если их удастся привлечь к какому-нибудь совместному делу, усилия их не могут быть длительными. Они не могут систематически идти вперед. Если же поместное дворянство попытается оказать влияние просто за счет находящейся в его руках собственности, то какой вес сможет оно иметь рядом с теми, у кого вдесятеро большие доходы, с теми, кто может разрушить его собственность, противопоставив ей на рынке свои барыши. Еже-

ли владелец земельной собственности желает заложить ее, он понижает собственность земли и повышает стоимость ассигнаций. Он наращивает силы своего врага теми же средствами, к коим должен прибегнуть, дабы сражаться с ним. Посему поместный дворянин, распоряжающийся землями и водами в родном поместье, человек либеральных взглядов и привычек, но не привязанный ни к одной профессии, будет столь же напрочь исключен из управления страной, как если бы он был объявлен вне закона. Совершенно понятно, что в городах все те силы, кои, точно сговорившись, действуют против помещиков, идут на пользу денежному воротиле. В городах сплоченность людей естественна. Привычки буржуа, их занятия и забавы, труд и отдых непрерывно приводят их в соприкосновение друг с другом. Их добродетели и пороки носят отпечаток общественно-го; они всегда действуют скопом и посему поступают в руки тех, кто намеревается сплотить их для гражданских или военных целей уже наполовину организованными и привыкшими к дисциплине.

Все эти соображения не оставляют у меня никаких сомнений в том, что если чудовищный ваш образ правления продлится, Франция полностью подпадет под господство подстрекателей, действующих через всякие городские общества, образованные из распорядителей бумажных денег, поверенных по продаже церковных земель, стряпчих, спекулянтов, барышников и авантюристов, вкуче составляющих подлую олигархию, основанную на разрушении королевской власти, церкви, дворянства и народа. Здесь кончаются все обманчивые мечты о равенстве и правах человека. "Сербонская топь"¹⁵⁰ сей низкой олигархии поглощает их безвозвратно, они тонут в ней на веки вечные.

Пусть сие недоступно взору человека, но все же соблазнительно думать, что за ее вопиющие к небесам преступления Франции была ниспослана свыше кара - жестокая и постыдная власть, когда невозможно найти утешения даже в лживом великолепии, коим тешатся

люди при других тираниях, не дающим им почувствовать себя обесчещенными, даже подвергаясь притеснениям. Должен сознаться: меня охватывает скорбь, смешанная с возмущением, при мысли о поведении нескольких особ, некогда занимавших высокое положение и поныне славящихся высоким духом, которые, обманувшись красивыми словами, слишком глубоко зашли в трясину, чтобы понимать происходящее, которые отдали свое доброе имя замыслам тех, с кем они не могли даже поддерживать знакомство, и тем самым заставили даже сами свои добродетели служить гибели собственной страны.

Вот все, что хотел я сказать по поводу первого принципа, которому предназначено связывать Францию водно.

Второй раствор, долженствующий скреплять новую республику, - это верховная власть города Парижа. И, следует признать, он тесно связан с первым (обращением бумажных денег и конфискацией). Именно в этой части проекта должны мы искать причину разрушения всех старинных границ провинций и всех законоустановлений, как церковных, так и светских, а равно расторжения всех древних связей и образования множества мелких, не связанных между собою республик. Могущество Парижа есть явная пружина всей новой политики. Именно через могущество Парижа, ставшего теперь центром интриг, вожди сей партии направляют, или, скорее, повелевают всю деятельность законодательной и исполнительной власти. Потому должно быть сделано все, что может подтвердить господство Парижа над прочими республиками. Париж представляет собою один сжатый кулак, и потому обладает колоссальной мощью, совершенно несравнимой с мощью любой из соразмерных с ним республик; сила эта собрана и сосредоточена на сравнительно небольшом пространстве. Париж обладает естественными простыми связями между составляющими его частями, кои не пострадали от воздействия геометрической конституции, кроме того, не

так уж существенно, большей или меньшей долей в представительстве он обладает, поскольку в парижском бредне найдется всякая рыбешка. Прочие части королевства прочесаны и разорваны на куски, лишены всех привычных связей и даже основ союза, а потому не могут, по крайней мере, на протяжении определенного времени, объединиться против Парижа. Согласно плану, ото всех этих зависимых образований ничего не должно было остаться, кроме полнейшей слабости, разобщенности и неразберихи. Словно желая подтвердить сей замысел, Национальное собрание недавно приняло решение, что у двух республик не может быть общего главнокомандующего.

Человеку, обозревающему всю картину в целом, созданная таким образом сила Парижа покажется системою общих слабостей. У вас похваляются тем, что раз принята геометрическая политика, все местные идеи должны пойти ко дну, что отныне люди не будут более гасконцами, пикардийцами, бретонцами, нормандцами, но станут французами, единой страной, с единым сердцем и единым Национальным собранием. Но вместо того, чтобы всем стать французами, куда более вероятно, что жители этой территории вскоре лишатся своей страны. Ни один человек никогда не испытывал чувства гордости, привязанности и истинной любви к единице измерения площади. Он никогда не сможет гордиться принадлежностью к квадрату номер 71 или любому другому ярлыку. Наши общественные привязанности начинаются с семьи. Тот, кто холоден к родне, не может быть пламенным гражданином. Затем мы переходим к родной округе, к привычным провинциальным связям. Их центрами были таверны и места общего досуга. Такие части нашей страны, созданные долголетней привычкою, а не по внезапному капризу властей, были как бы множеством миниатюрных образов великой страны, где сердце находило нечто, на что способно было излить себя. Любовь к общему не гаснет от такого пристрастия к родным местам. Быть может, это в неко-

тором роде подготовка к восприятию чувствований более высоких и обширных, и только так может человек заботиться, как о кровном деле, о благосостоянии столь обширного королевства, коим является Франция. Самую территорию государства, как и старые названия провинций, граждане принимают близко к сердцу благодаря старинным предрассудкам и неразумным привычкам, а не вследствие геометрических очертаний. Могущество и господствующее положение Парижа, несомненно, тяготеет над всеми республиками, удерживая их вместе, - покуда оно существует. Но по причинам, кои я уже объяснил вам, я думаю, что могущество это не сможет продолжаться долго.

Переходя от творчества в области гражданских установлений и принципов, скрепляющих конституцию, к Национальному собранию как верховному органу правления, мы видим, что оно наделено всевозможною властью и не подлежит никакому надзору. Мы видим перед собою орган власти без основополагающих законов, без твердого статуса, без установившихся правил повседневной деятельности, орган, который никакими силами невозможно удержать в рамках какой-то твердой системы. Представления членов Национального собрания о своей власти всегда основываются на предельно широком толковании полномочий законодателей, ссылаясь же на обычное право, они всегда приводят в пример случаи исключительные, сопряженные с наивысшей срочностью. В будущем Национальное собрание, очевидно, будет весьма походить на теперешнее, однако при нынешних правилах проведения выборов оно будет очищено даже от незначительной степени внутреннего надзора, существующего ныне благодаря меньшинству, избранному первоначально представителями различных интересов и сохраняющему нечто от прежнего духа. Если это только возможно, следующий состав Национального собрания может быть лишь хуже нынешнего. Нынешнее Национальное собрание, все разрушив и все изменив, как видно, не оставит своим преемникам ни-

какой работы, пользующейся поддержкой в массе. Дух соревнования и пример нынешнего Национального собрания подвигнет депутатов следующего на предприятия самые смелые и самые бессмысленные. Предположение, будто такое собрание может пребывать в полном покое, смехотворно.

Ваши умелые законодатели, торопясь сделать все разом, позабыли об одной вещи, которая представляется чрезвычайно существенною, и про которую, я полагаю, никогда прежде не забывал ни один учредитель республики. Они позабыли создать *сенат* или нечто подобное ему. Никогда прежде никто не слыхивал о политическом органе, состоящем из одного только собрания законодателей и чиновников, осуществляющих власть исполнительную, без такого совета, к которому могут обращаться иностранные государства, к которому народ может почтительно возводить взор среди обычной суеты, без чего-то такого, что могло бы придать государственным делам уравновешенность и устойчивость, поддержать какую-то преемственность. Подобный орган служит обычно Королевским советом. Монархия может существовать и без него, однако он, как кажется, составляет неотъемлемую часть республиканского правления. Сенат занимает некое промежуточное положение между высшей властью, осуществляемой народом или непосредственно уполномоченными им лицами, и органом, наделенным обычной исполнительной властью. В вашей конституции нет и следа сената; не предусмотрев ничего подобного, ваши Солоны и Нумы¹⁵¹⁾, как и в прочих своих деяниях, обнаружили полную несостоятельность в области управления.

Теперь обратим взор на то, что совершили члены нашего Национального собрания для образования исполнительной власти. Для нее они избрали разжалованного короля. Сей первый назначенный ими чиновник исполнительной власти должен сделаться механизмом, не наделенным никакой, даже совещательной, свободой в любом из совершаемых им действий. В лучшем случае

он является лишь каналом, по коему на рассмотрение Национального собрания поступают вопросы, заслуживающие внимания последнего. Если б короля сделали единственным каналом сообщения, то власть его имела бы определенное значение, хотя и была бы исключительно опасной для тех, кто решится воспользоваться ею. Однако определенные факты или же воззрения, появившиеся в народе, могут равным образом быть переданы Национальному собранию с помощью прочих средств. Таким образом, должность короля как полномочного докладчика, направляющего деятельность законодателей, не имеет смысла.

Если же рассмотреть французскую систему, при которой исполнительная власть верховного чиновника имеет два естественных подразделения: гражданское и политическое, - то следует прежде всего отметить, что согласно новой конституции, высшие функции ни в одном из них не принадлежит королю. Король Франции не является источником правосудия. Он не назначает судей: ни в первой инстанции, ни тех, кто разбирают жалобы на решения суда. Он не предлагает кандидатов на соискание должности и не может отвести избранного кандидата. Он не является даже государственным обвинителем, а лишь нотариусом, подтверждающим выбор, сделанный судьями в нескольких округах. С помощью чиновников ему надлежит осуществлять их приговоры. Рассмотрев подлинную природу его полномочий, мы понимаем, что король - не более чем глава судебных приставов, тюремщиков и палачей. Невозможно поставить особу, именуемой королем, в положение более униженное. Для достоинства сего несчастного государя было бы в тысячу раз лучше, если б он вообще не имел никакого касательства к отправлению правосудия, раз он лишен всего, что есть в сей области почтенного и утешительного, не имея власти ни начать процесс, ни отложить его, ни власти умерить наказание или помиловать. Все, что есть в правосудии жестокого или мерзкого - все это свалено на короля. Неспроста депута-

ты Национального собрания так старались снять клеймо позора с определенных обязанностей, когда решили поставить особу, бывшую до недавнего времени их королем, в положение лишь одной ступенькой выше палача и вручить ему должность почти такого же свойства. Неестественно, чтобы, пребывая в том положении, в каком пребывает теперь король Франции, он мог уважать себя и пользоваться уважением других.

Поглядите на этого нового чиновника со стороны его политических полномочий, на то, как действует он по приказу Национального собрания. Исполнять законы есть должность королевская, но исполнять приказы - значит не быть королем. Однако же высокопоставленный государственный чиновник, занятый политической деятельностью, сам по себе занимает пост весьма ответственный. Это воистину большая ответственность, ибо многое зависит от преданного и прилежного исполнения таковых обязанностей и самим лицом, занимающим сей высокий пост, и его подчиненными. Средства исполнения подобных обязанностей должны распределяться в соответствии с определенными правилами, а сопутствующие такому посту обстоятельства непременно должны возбуждать стремление к нему. Он должен быть окружен почетом, достоинством и уважением, должен открывать путь к славе. Высокий пост в области исполнительной власти требует, чтобы власть сия была использована. Нельзя ожидать, чтобы бессилие справлялось с задачами, сопряженными с властью. Разве король, не способный оплатить за услуги, может занимать такой пост? Он не имеет возможности ни предоставить постоянную должность, ни наградить землями или даже пособием в пятьдесят фунтов в год, ни пожаловать самый пустой и заурядный титул. Во Франции король является источником почета не более, чем источником правосудия. Все награды, все отличия оказались в иных руках. Те, кто служат королю, не могут испытывать иных естественных побуждений, кроме страха - страха предо всеми, кроме своего господина. Обязанности внутренне-

го принуждения, возложенные на короля, столь же гнусного свойства, как те, кои он исполняет в сфере правосудия. Если следует дать льготы какому-то муниципалитету, их дает Национальное собрание. Если же следует послать войска, дабы привести муниципалитет в повиновение Национальному собранию, приказ должен отдать король. Он то и дело должен пятнать себя кровью своего народа. Он не имеет права отклонять, однако его имя и полномочия используются для подкрепления всякого жестокого декрета. Мало того, он должен соизволять резню тех, кто попытаются освободить его из заключения или проявят малейшую привязанность к его особе и прежним его полномочиям.

Исполнительная власть должна быть образована так, чтобы чиновники, ее осуществляющие, были расположены любить и почитать тех, кому они обязаны подчиняться. Намеренное пренебрежение или, того хуже, буквальное, но превратное и злонамеренное повиновение должно быть губительно для самых мудрых советников. Напрасно станет закон пытаться предусмотреть все случаи подобного умышленного небрежения и нечестной исполнительности. Закон не предназначен для того, чтоб заставить людей ревностно делать свое дело. Короли, даже те, кто воистину являются королями, могут и должны терпеть свободу действий подданных, кои им несносны. Короли могут, не умаляя своего достоинства, даже облекать таких лиц полномочиями, если это в интересах государства. Людовик XIII смертельно ненавидел кардинала Ришелье, но поддерживал своего министра в единоборстве с противниками, и это было источником всей славы царствования сего монарха, и даже служило твердою опорой его трона. Людовик XIV, когда вззошел на престол, не любил кардинала Мазарини¹⁵²⁾, но ради собственных интересов оставил его у власти. В старости он терпеть не мог Лувуа¹⁵²⁾, но на протяжении многих лет, способствовавших его величию, оставлял того на службе. Когда Георг II взял своим советником г-на Питта, который, безусловно, не был ему приятен,

тот не сделал ничего такого, что могло бы бросить тень на мудрого властителя¹⁵³⁾. Но эти министры, избранные ради дела, а не по склонности, действовали от имени королей, пользуясь их доверенностью, а не как их признанные, законные и явные господа. Невозможно, я полагаю, чтобы любой король, преодолев первые страхи, мог вкладывать душу в осуществление мер, кои, как ему известно, были продиктованы теми, кто, по его убеждению, в высшей степени дурно расположен к его особе. Разве любые министры, служа такому (с позволения сказать) королю и лишь изображая приличествующее почтение к нему, будут от души повиноваться приказам того, кого они всего третьего дня приговорили от его же имени к Бастилии? Разве будут они повиноваться приказам того, к кому применяли свое деспотическое правосудие, полагая в то же время, что проявляют к нему снисходительность; того, кого они заточили в тюрьму, веря, что предоставили ему приют? Ежели вы ожидаете такого повиновения, то среди прочих ваших нововведений и обновлений вам следовало бы произвести революцию в природе и создать новую конституцию для человеческого разума. Иначе ваше высшее правление не может гармонически сочетаться с вашей исполнительной властью. Есть случаи, когда мы не можем удовольствоваться именами и отвлеченностями. Вы можете назвать нацией полдюжины известных лиц, коих у нас есть основания страшиться и ненавидеть. Это не будет иметь иных последствий, помимо того, что заставит нас страшиться и ненавидеть их еще более. Если считать оправданным и целесообразным делом совершить такую революцию, такими средствами и чрез таких людей, как совершили вы свою, то было бы разумнее завершить все предприятие пятого и шестого октября. Тогда новый верховный чиновник был бы обязан своим постом тем, кто являются его господами; заинтересованность, сообщничество в преступлении и (если в преступлениях могут быть добродетели) благодарность побуждали бы его служить тем, кто назначил его на ме-

сто, дающее немалые прибыли и привилегии, а также нечто большее. Ибо он должен был получить нечто большее от тех, кто, разумеется, не стали бы ограничивать прерогативы своей креатуры, как поступили они с поверженным противником.

Король, находящийся в обстоятельствах, сходных с обстоятельствами нынешнего короля Франции, если он не настолько потрясен своими несчастьями, чтобы думать, будто возможность есть и спать, не помышляя о славе, есть не печальная необходимость, но награда, выпавшая на его долю, - такой король никогда не сможет стать достойным упомянутого поста. Если же он чувствует так, как обыкновенно свойственно людям, то он должен сознавать, что ответственный пост, сопряженный с такими условиями, не может принести ему ни славы, ни доброго имени. Ни один бескорыстный интерес не побуждает его к деятельности. В лучшем случае поведение его будет пассивным, направленным на самозащиту. Людям низшим такой пост мог бы показаться почетным. Но возвыситься до такого поста или быть униженным до него - вещи разные, и они вызывают разные чувства. Разве король действительно назначает министров? Ведь они будут относиться к нему сочувственно. Или ему их навязывают? Следовательно, все взаимоотношения между министрами и номинальным королем будут сводиться к взаимному противодействию. Во всех прочих странах пост министра чрезвычайно почетен. Во Франции он преисполнен опасностей и не способен принести славы. Но даже в своем ничтожестве министры будут иметь соперников, покуда в мире существует пустое тщеславие, а жажда презренного жалованья подстрекает близорукую алчность. Ваша конституция позволяет этим соперникам нападать на министров, нанося удар в самое уязвимое место, тогда как те не имеют возможности отражать нападение иначе, как из унижительного положения обвиняемого. Государственные министры - единственные люди во Франции, которые не могут быть членами Национальных со-

ветов. Что за министры! Что за советы! Что за государство!

- "Но ведь они несут ответственность". - От сей ответственности мало проку. Возвышение духа, происходящее от страха, никогда не принесет нации славы. Ответственность предотвращает преступления. Она делает все попытки нарушить закон опасными. Но никому, кроме слабоумного, не пришло бы в голову видеть в ней основу деятельного, истового служения. Разве ведение войны поручают человеку, который может ненавидеть саму ее суть, - человеку, который при каждом шаге, какой может он предпринять для успешного ведения войны, лишь утверждает власть своих притеснителей? Разве иностранные державы станут всерьез относиться к тому, кто не имеет права начинать войну и заключать мир; кто не имеет ни единого голоса ни сам, ни в лице своих министров, кто не может даже оказать влияния на кого-либо из депутатов. Презренное положение не есть положение государя - лучше уж сразу избавиться от него.

Я знаю, мне скажут, что такое отношение к судебной и исполнительной власти короля будет сохраняться лишь в одном поколении, ибо короля заставили провозгласить, что образование дофина будет сообразно его положению. Если уж его будут воспитывать сообразно положению, занимаемому им ныне, то он вообще не получит никакого образования. Воспитание его, надо полагать, будет еще хуже, чем воспитание монарха-деспота. Если он научится читать - впрочем, это неважно - какой-нибудь добрый или злой гений подскажет ему, что предки его были королями. Отныне цель его будет состоять в том, чтобы отстоять свои права и отомстить за своих родителей. Вы скажете, что не в этом состоит его долг. Возможно, но это голос природы, а куда вы возбуждаете против себя природу, вы неосмотрительны, если полагаетесь на долг. Следуя столь легкомысленной политике, ваша страна своею грудью вскармливает сегодня ростки собственной слабости,

внутренних противоречий, неспособности справиться с трудностями и упадка, приготавливая средства своей окончательной гибели. Коротко говоря, я не вижу в исполнительной власти (я не могу даже назвать ее властью полномочной) ничего такого, что имело хотя бы видимость энергии, хотя бы малейшую степень соответствия, симметрии или дружественных сношений с верховною властью - ни в том виде, в каком существует она ныне, ни в том, какой ей планируют придать в будущем.

Посредством экономики столь же извращенной, как и политика, вы ввели два¹⁵⁴⁾ вида органов власти: один из них действительный, другой фиктивный. Оба они требуют значительных расходов, причем фиктивный обходится особенно дорого. Подобный механизм не стоит и того, что идет на смазку его колес. Расходы непомерны, к тому же ни видимость, ни применение не заслуживают и десятой части затраченного. Ах, но я не воздал должного талантам ваших законодателей! Я не учитываю силы необходимости, а мне бы следовало это сделать. Ведь не они избрали нынешнюю систему исполнительной власти. Следует блюсти показную пышность. Народ не согласится расстаться с нею. Это верно, я вас понимаю. Вопреки великим своим теориям (пред коими вы, дай вам волю, заставили бы склониться небо и землю) вы все же знаете, как следует сообразовываться и с природою, и с обстоятельствами. Но раз вы были вынуждены столь далеко зайти, применяясь к обстоятельствам, вам надо было еще дальше пойти по пути покорности, превратив то, что вы были вынуждены принять, в настоящее орудие, годное для своей цели. Это было в вашей власти. Например, среди многих других способов в вашей власти было оставить королю право объявления войны и заключения мира. - Что! Оставить ответственному чиновнику наиболее опасную из всех прерогатив? Я не знаю ни одной более опасной, ни одной, требующей такого доверия. Я не говорю, что это право должно быть вручено вашему королю, покуда он не удостоится, наряду с ним, других, вспомогательных,

которыми он теперь не наделен. Но если б он обладал подобными прерогативами, то сколь ни является это рискованным, такая конституция принесла бы и определенные преимущества, более чем компенсирующие риск. Нет другого способа предотвратить интриги кое-кого из европейских монархов с членами вашего Национального собрания, избежать того, чтобы они встречали во все ваши дела и создавали в самом сердце вашей страны пагубнейшую из всех партий, соответствующую интересам иностранных держав и управляемую ими. От этого страшнейшего из зол, благодарение Богу, мы покуда избавлены. Ваши способности, ежели бы таковые у вас были¹⁵⁵⁾, могли бы найти себе хорошее применение, изыскивая косвенные средства надзора за сей опасной прерогативой. Если вам не по душе те средства, кои избраны у нас в Англии, ваши вожди могли бы направить свои усилия на изыскание лучших. Если бы было необходимо указать примеры последствий, к коим ведет такое исполнительное правление, как ваше, в ведении великих дел, я отослал бы Вас к последним отчетам г-на Монморана¹⁵⁶⁾ Национальному собранию, а также ко всем прочим протоколам, относящимся до расхождений между Великобританией и Испанией. Указывать Вам на них - значило бы относиться к Вам без должного уважения.

Я слышал, что люди, называемые министрами, высказали намерение выйти в отставку. Я скорее поражен тем, что они не вышли в отставку давным-давно. За все блага мира я не поставил бы себя в положение, в коем они были на протяжении последних двенадцати месяцев. Я исхожу из того, что они желали блага революции. Пусть это так и есть, но они не могли при своем высоком (хоть высота сия была сопряжена с унижением) положении первыми не увидеть - сообщая, не ощущать - каждый в своем департаменте, - все бедствия, вызванные революцией. В каждом шаге, какой они принимали или замыслили предпринять, эти люди должны были ощущать упадок своей страны и свою явную

неспособность служить ей. Они пребывают в таком рабском подчинении, в коем не был до них ни один человек. Не облеченные доверием ни своего повелителя, ко-ему их навязали, ни Национального собрания, навязавшего их ему, они должны были видеть, что все благородные стороны их обязанностей исполняют комитеты Национального собрания, вовсе не принимая во внимания их личной или официальной власти. Они должны руководить, не имея власти, должны нести ответственность, не имея полномочий, должны быть осмотрительны, не имея выбора. В столь головоломном положении - в подчинении у двух властителей, ни на одного из коих они не имеют никакого влияния, - им приходится действовать таким образом (намерения их при этом не существенны), чтобы иногда предавать одного, а иногда другого, и всегда предавать себя. Таково их положение, таково должно быть и положение тех, кто придет им на смену. Я глубоко уважаю г-на Неккера и желаю ему всяческого благополучия, я обязан ему за оказанное мне внимание. Когда враги заставили его покинуть Версаль, я полагал, что по случаю сего изгнания ему следует принести самые серьезные поздравления - *sed multae urbes et publica vota vicerunt*¹⁵⁷⁾. Теперь же он восседает на руинах финансовой системы и французской монархии.

Можно было бы высказать еще много наблюдений касательно странного устройства исполнительной части нового правления, однако боязнь утомить вас должна положить предел обсуждению предметов, кои сами по себе едва ли не беспредельны.

Столь же мало гения и даже талантов могу я разглядеть в плане государственного устройства, выработанном Национальным собранием. Идя своим неуклонным курсом, создатели вашей конституции начали с полного упразднения королевских парламентов¹⁵⁸⁾. Сии почтенные органы, как и прочие учреждения старого порядка, нуждались в реформах, даже если монархия и осталась бы неизменною. Они требовали определенных перемен, дабы приспособить их к системе свободной

конституции. Однако в них были также такие черты, и немаловажные, кои заслуживали одобрения мудрецов. Парламенты обладали одним основным преимуществом - они были независимы. Наиболее сомнительное обстоятельство, с ними связанное, - то, что членство в них продавалось, - тем не менее содействовало их независимому характеру. Должности парламентариев закреплялись в пожизненное владение. В сущности, их можно было считать наследственными. Назначенные монархом, они воспринимались как почти ему неподвластные. Наиболее явные проявления королевской власти, направленные против них, лишь подчеркивали их истинную независимость. Парламенты представляли собою постоянные политические органы, созданные для противостояния деспотическим новшествам; и по своему устройству они были хорошо рассчитаны на то, чтобы придать законам определенность и устойчивость. Они были надежным прибежищем для сохранения законов во всех превратностях нравов и мнений. Они спасли сие священное достояние страны во время царствования деспотических государей и распрей деспотических клик. Они сохранили живую память о конституции. Они были великим залогом незыблемости частной собственности, каковая (когда не существовало свободы личности) могла почитаться по сути не менее надежно охраняемой во Франции, чем в любой иной стране. Юридическая власть всех высших институций в государстве должна быть образована таким образом, чтобы не только не зависеть от него, но и в некотором смысле его уравнивать. Она должна обезопасить государственное правосудие от силы самого государства. Она должна поставить отправление правосудия как бы ввне государства.

Эти парламенты давали - хоть, несомненно, и не наилучший, - но все же существенный способ исправления эксцессов и пороков монархии. Такой независимый орган стал необходим в десять раз более прежнего, когда демократия приобрела в стране абсолютную власть.

При вашем образе правления выборные, временные, местные судьи, отправляющие свои обязанности, будучи зависимы от узкого круга, должны сделаться худшим из судилищ. Напрасно стали бы мы искать в них хоть видимость справедливости к посторонним, к ненавистным богатеям, к меньшинству разгромленных партий, ко всем тем, кто во время выборов поддерживал кандидатов, потерпевших поражение. Невозможно будет уберечь новые суды от самого дурного духа партийности. Все ухищрения системы голосования, как мы знаем из опыта, оказываются пустыми и детскими затеями, неспособными предотвратить проявление пристрастности. Там, где они могут наилучшим образом отвечать целям сокрытия истины, они сеют подозрения, а это влечет за собою еще более злонамеренную пристрастность.

Если бы парламенты были сохранены, а не распущены при столь губительной перемене в стране, то они могли бы исполнять в новом государстве, быть может, не совсем те (я не имею в виду прямой параллели), но примерно те же задачи, как суд и сенат Афинского ареопага¹⁵⁹⁾, то есть служить одним из противовесов, призванных уравновесить зло, происходящее от легкомысленной и несправедливой демократии. Все знают, что этот суд был великою опорой афинского государства. Все знают, с каким тщанием он был создан, и с каким религиозным благоговением освящен. Я признаю, что королевские парламенты не были вполне свободны от духа партийности, но сие зло было в них внешним и случайным, оно не коренилось в самом их строении, как то свойственно новым вашим судебным властям, избираемым каждые шесть лет. Кое-кто из англичан восхваляет упразднение старых ваших судов, полагая, что они выносили все свои приговоры, руководствуясь взятками и продажностью. Однако же они выдержали испытание и монархией, и республикой. Двор был весьма склонен признать продажность парламентов, когда они были распущены в 1771 году¹⁶⁰⁾. Те, кто распусти-

ли их снова, охотно сделали бы то же самое, если б могли, - но поскольку оба расследования оказались безуспешными, мне остается заключить, что крупные финансовые злоупотребления должны были быть скорее редкостью в деятельности парламентов.

Было бы благоразумно вместе с парламентами сохранить их старинное право утверждения (или, по крайней мере, опротестования) декретов Национального собрания, как это было с декретами, принимавшимися во времена монархии. Сие средство могло бы содействовать созиданию декретов демократического органа, принятых по определенному случаю, с принципами общей законности. Порок древних демократий и единственная причина их падения состояли в том, что они правили, подобно вашей демократии, посредством декретов, принимавшихся по отдельным конкретным случаям, *psephismata*¹⁶¹⁾. Такое обыкновение начало угрожать прочности законодательства, оно ослабило почтение народа к законам и в конце концов совершенно их подорвало.

Даровав право ремонстрации, то есть опротестования декретов, существовавшее во времена монархии в парижском парламенте, своему главному чиновнику, коего, вопреки здравому смыслу, вы продолжаете именовать королем, вы совершили нечто предельно бессмысленное. Вам ни в коем случае не следовало позволять опротестование постановлений тому, кто должен их осуществлять. Поступать так - значит не смыслить ни в делах совета, ни в делах исполнения; не понимать ни основ правления, ни основ повиновения. Особа, кою вы величаете королем, либо не должна была обладать оною властью, либо должна была обладать ею в большей степени.

Ваше нынешнее установление строго юридическое. Вместо того, чтобы подражать вашей монархии, сделавшей судей независимыми, вы видели свою задачу в том, чтобы низвести их до самого слепого повиновения. Изменив весь порядок вещей, вы измыслили и новые

принципы закона. Сперва вы назначаете судей, кои, я полагаю, должны судить согласно закону, а затем сообщаете им, что в один прекрасный день вы намерены дать им некий закон, согласно коему они должны выносить решения. Любое обучение, кое они прошли (если они прошли хоть некоторое), должно стать совершенно бесполезным. Однако, дабы восполнить сие несовершенное обучение, их заставляют присягнуть в том, что они будут подчиняться всем правилам, приказам и наставлениям, какие время от времени предстоит им получать от Национального собрания. Если судьи подчиняются этим приказам, то тем самым лишают законы всякого основания. Они всецело становятся опаснейшими орудиями в руках властей предержащих, кои в разгар дела или в преддверии его могут совершенно изменить правила вынесения приговора. Ежели сии приказы Национального собрания окажутся противоречащими воле народа, избравшего на местах вышеупомянутых судей, то начнется такая сумятица, о коей и помыслить страшно. Ведь судьи обязаны своими должностями местным властям, а приказы, коим они поклялись повиноваться, исходят от тех, кто не принимает участия в их назначении. Тем временем они имеют пред собою пример суда в Шатле¹⁶²⁾, дабы поощрять и направлять их в исполнении обязанностей. Этот суд должен судить преступников, направленных туда Национальным собранием, или по доносу из других инстанций. Члены его сидят под стражей, дабы спасти собственную жизнь. Они не знают, ни по какому закону судят, ни каким властям подчиняются, ни своих полномочий. Считается, что они обязаны иногда выносить обвинение с угрозой для собственной жизни. Это, быть может, не так уж несомненно, да и не может быть проверено, но когда они оправдывают подсудимых, мы знаем, что они видят людей, коих освободили из заключения, повешенными у дверей здания суда, а совершившие сие остаются вполне безнаказанными.

Национальное собрание в самом деле обещает, что

они составят кодекс законов, который будет краток, прост, ясен и прочая и прочая. Понятно, что своими краткими законами они оставят многое на усмотрение судьи, успев подорвать авторитет всякого опыта, какой мог бы составить основу судейского усмотрения (вещь, по меньшей мере, опасная), достойной названия *презвого* усмотрения.

Любопытно отметить, что административные органы тщательно исключены из юрисдикции новых трибуналов. Иными словами, сила закона не распространяется как раз на тех лиц, кои должны быть более всех других подчинены ему. Тем, кто распоряжается общественными финансами, надлежит наиболее твердо соблюдать свой долг. Можно подумать, что, если бы вы не имели в виду сделать сии административные органы по сути суверенными государствами, то одной из первейших ваших забот должно было стать создание пользующегося всеобщим почтением трибунала, подобного вашим прежним парламентам или нашему Суду королевской скамьи, где все чиновники могли бы снискать защиту в случае законного исполнения ими своих обязанностей и встретиться с должным принуждением, ежели они преступят свои законные обязанности. Однако причина указанного исключения очевидна. Сии административные органы суть великие орудия нынешних вождей в их движении чрез демократию к олигархии. Потому они и должны быть поставлены выше закона. Скажут, что законные трибуналы, вами созданные, не способны принудить их. Это, безусловно, так. Они не годятся ни для какой разумной цели. Скажут также, что административные органы должны быть подотчетны Национальному собранию. Боюсь, разговоры эти ведутся непродуманно, без учета природы сего собрания или объединений. Как бы то ни было, быть подчиненным сему собранию еще не значит подчиняться закону, ни в смысле защиты, ни в смысле ограничений.

Но назначение судей еще не означает законченной системы. Его надлежит увенчать новым трибуналом,

долженствующим стать верховным судом в государстве. Он должен судить преступления, совершенные против нации, то есть против могущества Национального собрания. По-видимому, имелось в виду нечто сходное с верховным судом, созданным в Англии во времена великой узурпации. Поскольку законодатели ваши еще не завершили этой части своего плана, о ней невозможно составить ясного суждения. Однако же, если они не проявят величайшей осмотрительности, дабы разработать ее в духе совершенно отличном от того, какой направлял их деятельность в области законодательства, касающейся преступлений против государства, то сей трибунал, раболепствующий пред их инквизицией - "Комитетом по расследованиям"¹⁶³⁾, - загасит последние искры свободы во Франции и установит наиболее жуткую и деспотическую тиранию, какая была когда-либо известна любой нации. Ежели они желают придать сему трибуналу некую видимость свободы и справедливости, они не должны по своему произволу истребовать из нижестоящих судов и направлять на его рассмотрение дел, касающихся членов Национального собрания. Они должны также перенести местопребывание сего трибунала из Парижской республики.

Быть может, при создании вашей армии было проявлено больше разума, нежели обнаружили мы в плане вашей судебной системы? Предусмотрительное уложение в сей области есть вещь наиболее трудная, оно требует более умения и внимательности не только в силу своей важности, но и потому, что является третьим скрепляющим принципом нового объединения республик, кое вы называете французской нацией. Воистину нелегко предсказать, чем может в конце концов сделаться сия армия. Вы проголосовали за очень большую армию и назначили ей хорошее содержание, по меньшей мере, применительно к вашим финансовым возможностям. Но какова основа дисциплины в сей армии? Кому надлежит ей подчиняться? Устрашившись волка, вы не нашли ничего лучшего, чем схватить его за уши,

и я желаю вам вполне насладиться сим счастливым положением, в кое вы предпочли себя поставить и в коем у вас есть все условия для свободных раздумий касательно армии и прочих предметов.

Военным министром и государственным секретарем по военным делам является у вас г-н де ла Тур дю Пэн¹⁶⁴). Он (как и его коллеги по ведомству) - самый ревностный сторонник революции и пламенный поклонник новой конституции, порожденной этим событием. Обзор фактов, относящихся до состояния французской армии, составленный г-ном де ла Тур дю Пэн, важен не только из-за его официальных полномочий и личного авторитета, но и потому, что в этом отчете весьма четко отражено действительное положение армии, а также потому, что он проливает свет на принципы, исходя из коих действует Национальное собрание в сем наиважнейшем деле. Все это, быть может, позволит нам выработать определенное суждение о том, насколько целесообразно нашей стране подражать военной политике Франции. Г-н де ла Тур дю Пэн 4-го июня сего года представил отчет о состоянии дел, касающихся его ведомства, при покровительстве Национального собрания. Ни один человек не знает положения армии лучше военного министра, никто не может лучше выразить его. Обращаясь к Национальному собранию г-н де ла Тур дю Пэн говорит:

"Его величество направил меня *сегодня* сюда, чтобы известить вас об усилившихся беспорядках, о коих он *ежедневно* получал самые тревожные известия. Армия (le corps militaire) угрожает впасть в самую бурную анархию. Целые полки осмелились разом нарушить почтение, кое надлежит оказывать законам, королю, порядку, установленному вашими декретами, и присяге, ими принесенной со всевозможной торжественностью. Долг повелевает мне представить вам сведения об указанных эксцессах, но сердце мое обливается кровью, когда я думаю о тех, кто в них замешан. Те, против кого я не имею права не выдвинуть *сегодня* са-

мых серьезных претензий, принадлежат к тем самым солдатам, кои до сих пор были преисполнены чести и верности долгу, к тем, чьим товарищем и другом я оставался на протяжении пятидесяти лет.

Какой непонятный дух опьянения вдруг сбил их с пути истинного? Покуда вы неустанно добиваетесь единообразия в империи, спланиваете ее в единый и четко работающий организм; покуда французы учатся у вас уважению, какие законы должны оказывать правам человека, а граждане, в свою очередь, обязаны оказывать законам, руководство армией не представляет собою ничего, кроме беспорядка и смуты. Я вижу, как во многих корпусах расслабляются или даже рушатся узы дисциплины, как самые неслыханные притязания открыто высказываются безо всякого стеснения, как приказы теряют силу, как командиры лишаются власти, как гордо бросают вызов самой королевской власти [risum teneatis]¹⁶³⁾, как офицерам угрожают, как их унижают и изгоняют, а некоторые из них даже становятся пленниками собственных войск, влача дни свои в опасности, среди всеобщего презрения. И чтобы до краев наполнить сию чашу ужасов, комендантам гарнизонов перерезают глотку на глазах подчиненных им солдат, чуть ли не их же оружием.

Бедствия эти велики, но и это еще не самые худшие последствия, кои могут возыметь подобные военные мятежи. Раньше или позже они могут стать угрозой и для самой нации. *Природа вещей требует* того, чтобы армия никогда не была ничем иным, как *орудием*. В тот момент, когда, преобразовав себя в орган обсуждения, она начнет действовать, согласно собственным решениям, *правительство, каково бы оно ни было*, немедленно вырождается в военную демократию, в род политического чудовища, кое всегда в конце концов пожирает тех, кто его породили.

Принимая все это во внимание, кто бы не встревожился при виде сих бурных прений в самозванных комитетах, составленных в некоторых полках из простых

солдат и офицеров, коим не присвоен воинский чин; они действуют, не поставив в известность своих начальников или даже пренебрегая их мнением; впрочем, даже согласование с командирами и присутствие оных не может придать полномочий столь чудовищным демократическим собраниям [comices]".

Нет нужды много прибавлять к сей законченной картине, законченной настолько, насколько позволяет сам холст. Правда, как я полагаю, картина эта не содержит всей сложной природы беспорядков в сей военной демократии, которая, как верно и мудро замечает военный министр, должна повсюду, где она существует, быть подлинною конституцией государства, под каким бы формальным наименованием она ни была бы известна. Ведь хотя министр и доводит до сведения Национального собрания, что значительная часть армии не нарушила своего долга и все еще привержена ему, однако путешественники, коим довелось видеть французские части, отличающиеся наилучшим (по сравнению с иными) поведением, отмечают в них скорее отсутствие бунта, нежели наличие дисциплины.

Не могу не остановиться на мгновение, дабы поразмыслить о выражениях удивления, кои обронил ваш военный министр относительно упомянутых им беспорядков. Для него отход войска от старинных принципов верности и чести представляется совершенно необъяснимым. Разумеется, тем, к кому он обращается, слишком хорошо известны его причины. Им известны доктрины, кои они проповедовали, декреты, кои они принимали, и действия, кои они поощряли. Французские солдаты помнят 6-е октября. Они не забыли королевских гвардейцев. Они припоминают взятие королевских замков в Париже и Марселе¹⁶⁶. То обстоятельство, что коменданты обоих замков были безнаказанно умерщвлены, не изгладилось из их памяти. Они не отказались от принципов равенства, кои были изложены столь тщательно и неприкрыто. Они не могут закрывать глаза на упадок всего дворянства Франции, на подавление самой

идеи дворянства. Полная отмена всех титулов и различий не прошла бесследно. Но г-н дю Пэн поражен неверностью войск - ведь доктора из Национального собрания учили их оказывать закону подобающее уважение. Легко, впрочем, рассудить, какой из двух уроков скорее усвоят люди, держащие в руках оружие. Что же касается власти короля, то мы можем узнать от самого военного министра (если б любые споры на эту тему не были бы вполне излишни), что войска считаются с нею не более, чем все остальные. "Король, - говорит г-н дю Пэн, - снова и снова повторял приказы положить конец упомянутым эксцессам, но кризис сей столь ужасен, что ваше (депутатов Национального собрания) вмешательство сделалось совершенно необходимым, дабы предотвратить бедствия, угрожающие государству. Вы соединяете силы законодательной власти с властью общественного мнения, еще более важной". Разумеется, армия не может вдаваться в рассуждения относительно власти или полномочий короля. Но, быть может, солдат уже успел усвоить, что и само Национальное собрание не обладает значительно большею свободой, нежели августейшая особа короля.

Теперь следует посмотреть, какие шаги были предложены в сей крайности, одной из самых страшных, какую только может испытывать государство. Военный министр просит Национальное собрание вооружиться всеми мерами устрашения, призвать на помощь все свое величие. Он желает, чтобы важные и суровые принципы, провозглашенные депутатами, придали силу заявлению короля. За сим нам следовало бы ожидать гражданских и военных судов, расформирования отдельных корпусов, казни каждого десятого и всех тяжких мер, кои диктуются в подобных случаях необходимостью, дабы пресечь распространение самого ужасающего из всех зол; в особенности можно было ожидать, что будет произведено серьезное расследование убийства комендантов на глазах подчиненных им солдат. Но ни этого, ни чего-то подобного нет и в помине. После того, как

его осведомили, что солдаты растоптали декреты Национального собрания, провозглашенные королем, Национальное собрание проводит новые декреты и уполномочивает короля выступить с новыми заявлениями. После того, как секретарь по военным делам заявил, что полки не обратили ни малейшего внимания на присягу, принесенную со всевозможной торжественностью [avec la plus imposante solennité], депутаты предлагают - что? - новую присягу. Они обновляют декреты и декларации, ощущая одновременно их бессилие, и умножают виды присяги одновременно с тем, как сами ослабляют в умах людей значение предписаний религии. Надеюсь, удобные выдержки из замечательных проповедей Вольтера, д'Аламбера, Дидро и Гельвеция касательно бессмертия Души, надзора Провидения и Будущего Государства, где каждому уготована Награда или Наказание, разосланы солдатам вместе с текстом гражданской присяги. В сем я отнюдь не сомневаюсь: насколько я понимаю, определенная разновидность чтения составляет немаловажную часть воинской подготовки, и солдаты снабжены боевым запасом брошюр не хуже, чем запасом патронов.

Дабы предотвратить бедствия, проистекающие от заговоров, бурных прений, подстрекательских комитетов и чудовищных демократических сборищ [comitia, comices] солдат, а также всех беспорядков, проистекающих от праздности, роскоши, рассеянного образа жизни и отсутствия субординации, было применено, на мой взгляд, средство самое поразительное из всех приходивших в голову людям - даже среди новшеств нашего плодovitого на новшества века. Речь идет не более и не менее как о следующем: король в циркулярных письмах всем полкам призван обнародовать свое прямое поощрение тому, чтобы воинские корпуса в нескольких муниципалитетах объединились с клубами и конфедерациями, сообща проводили праздники и участвовали в гражданских развлечениях! Столь развеселая дисциплина должна, надо полагать, содействовать смягчению

свирепého нрава солдат, примирить их с собутыльниками, происходящими из другого звания и слить отдельные заговоры воедино. Что сие средство будет приятным для солдат, описанных в отчете г-на де ла Тур дю Пэна, - в то я легко поверю; сколь бы ни были они мятежны, но именно сии королевские предписания исполнят с готовностью. Однако же я усомнюсь в том, что все заверения во взаимной дружбе, праздники и клубы более расположат солдат к повиновению офицерам, нежели они расположены к тому ныне, или научат их лучше подчиняться суровым требованиям воинской дисциплины. Все это сделает из них восхитительных граждан, соответствующих последней парижской моде, но отнюдь не столь же хороших солдат - по моде любых времен. Вполне может возникнуть сомнение относительно того, будет ли беседа за столом способствовать тому, чтобы выработать из солдат всего лишь орудие, каковым, по верному замечанию вашего старого служаки и достойного государственного деятеля, должна оставаться армия, чего и требует сама природа вещей.

О вероятности такого улучшения дисциплины вследствие устройства бесед свободных солдат с празднующими муниципальными обществами - бесед, кои официально поощряются королевским авторитетом и соизволением, можно судить по состоянию самих муниципалитетов, о чем нам известно из той же речи военного министра. В нынешнее время он основывает надежды на успех всех своих усилий по водворению порядка на благорасположении отдельных полков, однако будущее положение рисуется ему весьма туманным. Что до предотвращения возврата к прежней сумятице, "то за сие мое ведомство (говорит он) не может отвечать пред вами, покуда магистраты присвоили себе право командования войсками, каковое вашими же установлениями оставлено всецело за монархом. Вы установили границы полномочий военной власти и муниципальных властей. Вы ограничили дозволенную вами сферу воздействия последних над первыми правом реквизиции. Одна-

ко ни дух, ни буква ваших декретов никогда не уполномочивали тех, кто состоят в муниципальных советах, нарушать приказы офицеров, командовать солдатами, отдавать офицеров под суд, изгонять их с постов, на кои они назначены, останавливать походы, о коих распорядился король, - одним словом, отдавать войска на произвол капризов любого большого города или даже рыночного городка, через который они проходят.

Таков характер и склонности муниципальных обществ, призванных исправить солдат, вернуть их к принципам военной субординации и превратить в оружие в руках высших властей страны! Таковы недуги французской армии! Таково лекарство от них! Флот не отличается от армии. Муниципалитеты надзирают за приказами Национального собрания, а моряки, в свою очередь, надзирают за муниципалитетами. От глубины души сожалею о положении почтенного государственного чиновника, наподобие вашего военного министра, который в преклонные лета принужден взывать к Национальному собранию, дабы оно исполнило свой гражданский долг, принужден, со своею убеленной сединами головой, впутываться в фантастические причуды всех этих несовершеннолетних политиков. Подобные предложения не походят на замыслы человека, коему на протяжении пятидесяти лет службы пришлось побывать не в одной серьезной переделке. Они скорее похожи на планы, каких можно ожидать от тех великих преобразователей политики, что сокращают себе путь к высокому положению в государстве, от тех, кто фанатически убежден, что проник внутренним взором в суть всех вещей; исходя из такой уверенности, один из ваших докторов счел уместным предупредить Национальное собрание, что не следует прислушиваться к старикам или вообще к людям, ценящим свой жизненный опыт. Слова его были встречены рукоплесканиями, успех превзошел все ожидания. Я полагаю, что всем государственным министрам надлежит пройти соответственное испытание, напрочь отрекшись от еретических заблужде-

ний, порожденных опытом и наблюдательностью. У каждого свои удовольствия. Что же до меня, то надеюсь, что ежели мне не дано достичь мудрости, я все же сохраню нечто от сурового и властного достоинства преклонных лет. Сии господа заняты обновлением, но я ни за что на свете не позволю им обновлять заскорузлый мой организм, не стану теперь, на пороге старости, вопить на их новомодном наречии или бормотать, точно снова оказавшись в колыбели, простейшие звуки их варварской метафизики¹⁶⁷⁾. *Si isti mihi largiantur ut repuerescam, et in eorum cunis vagiam, valde recusem!*¹⁶⁸⁾.

Слабоумие любой из частей ребяческой и педантической системы, кою они называют конституцией, не может быть вскрыто, если не обнаружить совершенной несостоятельности и пагубности всякой другой части, с коей приходит она в соприкосновение, или имеющей к ней даже самое отдаленное отношение. Вы не можете предложить средства против неправоиспособности короля, не выявив слабости Национального собрания. Вы не можете размышлять о смуте в армии, не обнаружив самых страшных беспорядков в вооруженных муниципальных отрядах. Происходящее в армии вскрывает гражданские беспорядки, а те, в свою очередь, выдают военную анархию. Я желал бы, чтобы каждый внимательно изучил красноречивую речь (ибо она такова) г-на де ла Тур дю Пэна. Он относит избавление магистратов на счет достойного поведения некоторых военных частей. Сим армейским соединениям надлежит охранять лучшие из муниципалитетов (признанных самыми слабыми) от грабежа дурных, кои являются наиболее сильными. Однако муниципалитеты стремятся к независимости и будут командовать теми войсками, кои необходимы для их охраны. В самом деле, они должны либо командовать войсками, либо заискивать пред ними. Ввиду своего положения и в связи с полученными ими республиканскими полномочиями муниципалитеты вынуждены по отношению к армии быть либо хозяевами,

либо слугами, либо сообщниками - или же должны быть тем и другим попеременно, или, наконец, составить смесь из всех сих составляющих, сообразно с обстоятельствами. Какое правительство может принудить армию к повиновению, кроме муниципального, кто может принудить к повиновению муниципалитеты, если не армия? Дабы поддержать согласие там, где исчерпаны полномочия, Национальное собрание, идя на риск любых последствий, пытается излечить один недуг другим, надеясь в то же время уберечься от чисто военной демократии, привив ей беспутный интерес к муниципальным делам.

Если солдаты раз замешаются в муниципальные клубы, клики и союзы, то, увлекшись выборами, они потянутся к самой низкой и отчаянной партии. Их привычки, привязанности и симпатии останутся при них. Военные заговоры, кои должны быть предотвращены посредством гражданских союзов, мятежные муниципалитеты, кои надлежит привести в повиновение, снабдив их средством совращения тех самых государственных войск, кои должны были призвать их к порядку, - все эти химеры чудовищной и зловещей политики должны лишь усугублять смуту, из коей они родились. Здесь неминуемо прольется кровь. Она должна пролиться из-за недостатка здравого смысла, проявленного в создании всех родов войск и всех разновидностей гражданских и судебных властей. Беспорядки, возможно, удастся утихомирить на какое-то время, в какой-то части страны. Но они разразятся в других, ибо самой системе внутренне присуще зло. Все эти замыслы перемешивания мятежных солдат с бунтующими гражданами должны все более и более ослаблять военные связи солдат со своими офицерами, а наряду с тем придать буйным мастеровым и крестьянам воинской отваги. Дабы создать истинно надежную армию, офицер должен быть для солдата началом всех начал, главным предметом его внимания, исполнительности и почтения. Офицерами же должны, как кажется, становиться те, чьи главные

качества - умеренность и терпеливость. Они должны управлять своими войсками посредством избирательных навыков. Они должны держать себя скорее как соискатели должности, а не как командиры. Но поскольку в руках у них может иногда оказаться власть, то инстанция, которая назначает офицеров, приобретает особое значение.

То, что вы можете в конце концов создать, пока не ясно, к тому же это не имеет такого уж значения, покуда странная и противоречивая связь между вашей армией и всеми частями вашей республики (точно так же, как престранное отношение сих частей друг к другу и ко всему целому) останется такой же, как теперь. Вы, видимо, поручили предварительное назначение офицеров в первой инстанции - королю, оставив за Национальным собранием право их утверждения. Люди, заинтересованные в должности, умеют с необычайною проныцательностью обнаруживать истинные источники власти. Они должны скоро уразуметь, что те, кто могут неограниченно отказывать, в действительности назначают. Поэтому офицеры должны смотреть на свои интриги в Национальном собрании как на единственный путь продвижения. Однако по вашей новой конституции они должны начинать свои искательства со двора. Такой двойной путь, ведущий к получению офицерского звания, представляется мне отличною уловкою (она, похоже, и не имеет никакой другой цели) для того, чтобы создать в самом Национальном собрании фракции, кои будут возникать в зависимости от подобного обширного военного покровительства, а затем отравить офицерский корпус раздорами, еще более опасными для безопасности правительства, - раздорами, подрывающими основу, на которую оно может опираться и, в конце концов, разрушительными для самой армии. Офицеры, не получившие продвижения, определенного им королем, должны образовать фракцию, оппозиционную к фракции Национального собрания, отвергшего их призывания, они должны пестовать в самом сердце армии

недовольство властями предержажими. С другой стороны, те офицеры, кому удалось добиться успеха, поскольку они сумели заинтересовать депутатов, чувствуют себя в лучшем случае обязанными королю лишь во вторую очередь, а в первую - Национальному собранию, и посему они должны пренебрегать тою властью, что не способствует их продвижению и не может задержать его. Если, чтобы избежать сих зол, у вас не будет иного правила для командования или продвижения, чем выслуга лет, то вы получите армию чисто формальную; в то же время она станет более независимой и более похожей на военную республику. Тогда не они, а король превращается в исполнительный механизм. Короля нельзя низложить наполовину. Если он не является полноправным командующим армией, он превращается в ничто. Каково воздействие властителя, поставленного номинально во главе армии, если он не является для оной армии предметом благодарности или страха? Подобное ничтожество непригодно для дела наиболее тонкого - верховного командования военными. Их необходимо (ибо наклонности устремляют их к насыщению потребностей, у них возникших) сдерживать действенным, мощным, решительным личным авторитетом. Самая власть Национального собрания страдает от того, что она осуществляется посредством органа, столь слабого, как избранный им вид королевского правления. Армия не будет долго глядеть на то, как Национальное собрание действует через орган, представляющий собою лишь видимость власти и ощутимый обман. Военные не станут всерьез повиноваться узнику. Они либо будут презирать показную пышность, либо жалеть пленного короля. И если я не впадаю в очень грубое заблуждение, то такое отношение вашей армии к королевской власти станет серьезной дилеммой в вашей политике.

Помимо всего этого, остается еще определить, годится ли Национальное собрание, подобное вашему (даже если допустить, что оно располагало бы иным органом,

через который могли бы проходить его законы), для насаждения повиновения и дисциплины в армии. Известно, что донныне армии оказывали весьма ненадежное и сомнительное повиновение любому сенату или власти народа. Менее же всего будут они оказывать повиновение Национальному собранию, срок деятельности коего составляет всего два года. Офицеры должны совершенно утратить черты, характерные для военных, чтоб с полнейшею покорностью и должным трепетом взирать на господство стряпчих, в особенности же, когда они обнаружат, что должны обхаживать бесконечную череду оных стряпчих, чья военная политика и гениальность в командовании (если б они ею и обладали) столь же ненадежны, сколь преходяще их пребывание у власти. При слабости одного вида власти и неустойчивости всех, офицеры армии еще некоторое время будут обуреваемы духом мятежа и деления на партии, покуда какой-нибудь популярный генерал, знающий толк в искусстве спланировать военных, и обладающий характером истинного командира, не привлечет к себе глаза всех своих сотоварищей. Армии будут повиноваться его личному авторитету, ибо при таком положении вещей нет иного способа добиться повиновения военных. Однако в ту минуту, когда произойдет такое событие, личность, коя действительно возьмет в свои руки командование армией, сделается вашим господином, господином вашего короля (что немного значит), господином Национального собрания и господином всей республики¹⁶⁹⁾.

Как же Национальное собрание, при нынешней своей власти, взяло верх над армией? Главным образом, разумеется, растлив солдат и отдалив их от офицеров. Оно начало с самой что ни на есть ужасной процедуры. Оно затронуло центральную точку, на коей утверждаются частицы, составляющие армии. Оно разрушило принцип повиновения, на коем покоятся жизненно важные узы, связующие офицера с солдатом, как раз там, где начинается цепочка военной субординации, принцип,

от коего зависит вся эта система. Солдату говорят, что он гражданин, что он обладает всеми правами человека и гражданина. Ему говорят, что человек имеет право сам управлять собою и что им должны править лишь те, кому он вручает сие право самоуправления.

Весьма естественно, чтобы солдату пришла в голову мысль, что ему надлежит более всего воспользоваться правом выбора там, где ему приходится проявлять самую высокую степень повиновения. Потому он, по всем вероятностям, станет систематически делать то, что сегодня делает от случая к случаю, то есть станет пользоваться хотя бы возможностью отклонять выбор офицеров, коим ему надлежит подчиняться. В настоящее время офицеры, как известно, должны быть, мягко говоря, снисходительны и хорошо себя вести. Известно много случаев, когда офицеры были разжалованы своими войсками. Вот второе отрицательное последствие выборов короля, столь же явное, как и то, что произошло с Национальным собранием. Солдаты уже знают, что был запрос, встреченный в Национальном собрании отнюдь не в штыки, относительно того, не должны ли солдаты иметь права прямого выбора своих офицеров или некоей их части. Когда рассматриваются подобные запросы, не будет чересчур нелепо предложить, что солдаты склонятся ко мнению, наиболее благоприятствующему их притязаниям. Они не снесут того, чтобы их считали армией короля-узника, покуда другая армия в той же стране, с коею им к тому же надлежит объединяться и участвовать в празднествах, будет почитаться свободной армией свободной конституции. Они обратят свои глаза на эту другую, более регулярную армию: я имею в виду муниципальную. Сии отряды, как им хорошо известно, действительно избирают своих офицеров. Они могут не разобрать основ отличий, согласно коим они не должны избирать своего собственного маркиза де Лафайета¹⁷⁰⁾ (или как он там теперь называется). Ежели избрание главнокомандующего есть одно из прав человека, то почему же они им не должны обладать? Они

видят выборных мировых судей, выборных кюре и епископов, выборных глав муниципалитетов и выборных командующих армией города Парижа. Почему же они одни должны составлять исключение? Разве смелые воины Франции - единственные люди в сем государстве, кои непригодны судить о военных заслугах и способностях, необходимых главнокомандующему? И ежели государство им платит, разве теряют они поэтому права человека? Они сами часть нации и сами вносят лепту в получаемое ими жалование. И разве король, Национальное собрание и все, кто его избирают, не получают жалованья от государства? Вместо того, чтобы понять, что лишение сих прав обусловлено тем, что они получают жалованье, солдаты полагают, что во всех таких случаях жалованье выплачивается им за то, что они пользуются своими правами. Все ваши решения, вся ваша деятельность, все ваши дебаты, все сочинения ваших докторов религии и политики были весьма умело доведены до их сведения, и вам следует ожидать, что они применяют к собственному своему случаю ровно столько ваших доктрин и образцов, сколько будет угодно вам самим?

При таком правительстве, как ваше, все зависит от армии. Ибо вы умело разрушили все мнения, все предубеждения и - насколько это в ваших силах - все инстинкты, поддерживающие правление. И посему в ту минуту, когда возникнет какое-то различие между вашим Национальным собранием и любой частью нации, вы должны будете прибегнуть к силе. Ничего иного вам не остается, или, лучше сказать, вы ничего иного себе не оставили. Вы видите из отчета вашего военного министра, что размещение армии по стране в значительной степени произведено в видах внутреннего принуждения¹⁷¹⁾. Вы должны править посредством армии, и вы вдохнули в ту армию, посредством коей вы правите, как и во весь организм нации, принципы, кои со временем должны лишить вас возможности применить ее для той цели, для которой вы ее предназначаете. Король должен при-

звать войска выступить против собственного народа - и это после того, как миру объявили - и утверждение сие еще раздается в наших ушах, - что войска не должны стрелять в граждан! Колонии провозглашают независимые конституции и свободу торговли. Их должно удерживать силой войска. В какой главе вашего кодекса прав человека смогут они прочесть, что одно из прав человека - монополизирование и сдерживание торговли ради блага других? Когда на вас поднимутся колонисты, на них поднимутся негры. Снова войска - резня, пытки, виселицы!¹⁷²⁾ Вот ваши права человека! Таковы плоды метафизической декларации, бесцельно провозглашенной и позорно отмененной. Всего день назад крестьяне одной из ваших провинций отказались платить какую-то положенную подать владельцу земли. Вследствие этого вы издали декрет о том, что крестьянам надлежит выплачивать все подати и налоги, кроме тех, кои вы отменили как непомерные; если они откажутся платить, вы прикажете королю двинуть против них войска. Вы изложили метафизические предпосылки, из которых вытекают последствия для всего мира, а затем пытаетесь ограничить логику деспотизмом. Ваши нынешние вожди рассказывают крестьянам про права человека, в силу коих те вправе занимать крепости, убивать гвардейцев, захватывать королей, не имея даже видимости полномочий со стороны Национального собрания (все это, покуда сие собрание, как суверенный законодательный орган, заседает во имя блага нации), и вот, невзирая на то, эти же вожди намерены приказать войскам, участвовавшим в тех же самых беспорядках, принудить тех, кто основывает свое суждение на тех же принципах и следует примерам, кои поощряли депутаты Национального собрания!

Вожди научили народ с омерзением отвергать всякое проявление феодализма как варварство и тиранию, а потом сами же говорят, сколько именно от сей варварской тирании должны они терпеливо сносить. Поскольку же вожди щедры на просвещение по части непомер-

ности податей, народ находит, что они чрезвычайно скупы на меры по их устранению. Народ знает, что не только особые налоги на земли фригольдеров¹⁷³, но и личные подати, кои вы разрешили ему выкупить (не снабдив, правда, деньгами для такого выкупа), ничего не представляют в сравнении с теми обременительными податями, о коих вы вовсе не побеспокоились. Он знает, что почти вся система земельной собственности феодальна по своим истокам, что она представляет собою распределение владений первоначальных собственников, кои завоеватель-варвар роздал своим приспешникам-варварам, а также что наиболее прискорбным следствием завоевания являются, несомненно, всевозможные подати с земель.

Крестьяне, по всей вероятности, являются потомками сих древних владельцев, римлян или галлов. Однако если им не удастся доказать свои права на началах, приемлемых для антикварных лавочников и стряпчих, то они ретируются в цитадель прав человека. Там они обнаружат, что все люди равны и что земля, равно добрая мать для всех людей, не должна быть отдана в монопольное владение, дабы поощрять гордыню и роскошь таких людей, кои по природе не лучше их самих и кои, раз они не добывают себе хлеба насущного трудом, даже хуже. Они обнаружат, что, согласно законам природы, тот, кто обрабатывает землю, является ее подлинным владельцем; что нет права давности, способного противостоять природе; что соглашения (там, где таковые существуют), заключенные с помещиками во времена рабства, являются лишь следствием принуждения и силы и что когда люди вновь обрели права человека, соглашения стали столь же пусты как все прочее, что было установлено при владычестве старой феодальной и аристократической тирании. Они скажут вам, что не видят различия между праздношатающимися в шляпах с национальной кокардой и праздношатающимися в сутане или епископском стихаре. Если вы узакониваете право на ренту наследованием и правом давности, то

они скажут, ссылаясь на речь г-на Камю¹⁷⁴⁾, опубликованную для их сведения Национальным собранием, что вещи, в истоке коих лежит зло, не могут претендовать на право давности, что право собственности сих дворян-землевладельцев было порочно с самого начала, и что сила, по меньшей мере, такое же зло, как мошенничество. Что же касается до права наследственной собственности, они скажут вам, что наследование тем, кто обрабатывает землю, есть единственная родословная, дающая истинное право на владение землею, а отнюдь не полусгнившие пергаменты или их дурацкие субституты, что помещики слишком долго наслаждались плодами своей узурпации, и что если они положат этим светским монахам какую-нибудь благотворительную пенсию, то те должны быть лишь благодарны подлинным хозяевам, проявившим такую щедрость по отношению к тем, кто облыжно притязает на их добро.

Когда же крестьяне возвращают вам софистические рассуждения, на коих основаны все ваши слова, тою же монетой, вы кричите, что это фальшивые деньги и что в будущем вы станете расплачиваться с ними с помощью французских гвардейцев, драгун и гусар. Вы сохраняете, устрашения ради, порядком поизносившуюся власть короля, являющегося лишь орудием разрушения, не имеющего никакой власти защитить ни народ, ни собственную свою особу. Вам кажется, что с его помощью вы заставите народ себе подчиняться. Народ же отвечает: вы учили нас, что нет дворянства, тогда какой же из ваших принципов предписывает нам склоняться пред королями, коих мы не избирали? Мы сами, без вашего просвещения знаем, что земли жаловались для поддержания феодального величия, феодальных прав и феодальной службы. Когда вы убрали причину, сочтя ее притеснительной, почему должны сохраняться еще более притеснительные ее следствия? Поскольку теперь не существует ни наследственных почестей, ни благородных фамилий, почему должны мы платить подати, дабы сохранять то, что не должно было существовать?

Вы оставили нашим старым аристократам-помещикам права, не отличающиеся от прав сборщиков налогов, вами уполномоченных. Предприняли ли вы что-нибудь для того, чтобы пробудить у нас уважение к сим сборщикам податей? Нет. Вы послали их к нам, лишив всяких почестей, с ниспровергнутыми гербами, с разбитыми щитами со стершимися девизами; сии общипанные двуногие столь унижены и обезображены, что больше мы не узнаем их. Они для нас иноземцы. Они не носят даже имен старинных наших помещиков. Физически они, быть может, те же люди, хотя мы и в том не вполне уверены, исходя из ваших новых философических доктрин личного тождества. Во всех прочих аспектах они совершенно переменились. Мы не видим, почему у нас нет законного права отказать им в подати, подобно тому, как вы отменили все их почести, титулы и различия. Этого-то мы никогда не уполномочивали вас делать; и это один из поистине многочисленных примеров того, как вы присвоили себе не принадлежавшую вам власть. Мы видим, как парижские буржуа через свои клубы, свои сборища, своих гвардейцев управляют вами по своей воле и предписывают вам законы, которые вашими декретами затем предъявляются в качестве закона нам. Чрез вас сии буржуа распоряжаются жизнью и имуществом всех нас. Почему бы вам не уделить столько же внимания желаниям трудящегося земледельца касательно наших податей, кои влияют на нас самым серьезным образом, сколько уделяете вы требованиям сих наглых буржуа в отношении различий и почетных титулов, кои не влияют ни на нас, ни на них? Однако мы обнаруживаем, что вы уделяете больше внимания их прихотям, нежели нашим нуждам. Разве одним из прав человека является выплата подати другому, равному ему человеку? До вашей Декларации мы могли думать, что мы не вполне равны с помещиками. Мы могли испытывать к помещикам некое старинное, ничего не значащее предрасположение, однако мы не можем уразуметь, с какою иною целью, кроме того,

чтобы искоренить всякое почтение к ним, могли вы принять закон, их унижающий? Вы запретили нам относиться к ним с любыми внешними выражениями почтительности, а теперь посылаете войска, дабы саблями и ружьями покорить нас силе и страху, между тем как вы не могли вынести, чтобы мы выказывали покорность сравнительно мягкой власти обычаев?

Основания для некоторых из подобных аргументов ужасны и смехотворны для уха любого мыслящего человека, однако для политиков от метафизики, открывших школы софистики и создавших установления для анархии, они достаточно тверды. Очевидно, что исходя из одного только права, вожди Национального собрания вовсе не стали бы отменять ренту вкупе с титулами и фамильными гербами. Ведь тогда они бы делали это лишь ради того, чтобы следовать в поведении принципам своих рассуждений. Но с недавнего времени они сами сделались владельцами значительной земельной собственности - благодаря конфискациям. У них был товар на рынке, а рынок оказался бы в полнейшем крахе, ежели бы они позволили землепашцам пуститься в необузданные спекуляции, коими они сами опьянялись с такою свободою. Единственная гарантия, какую может иметь собственность любого рода, обусловлена проявлением их ненасытной жадности по отношению к кому-то другому. Они не оставили ничего, кроме собственного произвола, дабы определять, какую собственность сохранять, а какую - превратить в ничто.

Они также не оставили никакого принципа, на основе которого один из муниципалитетов можно было привести в повиновение или хотя бы обязать не стремиться к отпадению от целого, к независимости или к установлению отношений с другим государством. Жители Лиона, видимо, отказались недавно платить налоги. Да и почему бы им сего не сделать? Какая законная власть еще осталась в стране, дабы взыскать с них подати? Некоторые из сих податей ввел король. Наиболее древние из них установили прежние Генеральные штаты, сооб-

разуясь с тогдашними законами. И ныне жители Лиона могут сказать депутатам Национального собрания: "Кто вы такие? - Ведь вы не являетесь ни нашими королями, ни членами избранных нами Генеральных штатов, вы даже не следуете в своей деятельности тем принципам, на основе коих мы вас избирали. И кто мы такие, чтобы увидев, как вы велите нам выплачивать соляной сбор¹⁷⁵⁾, (от коего мы уже успели было избавиться), стали подчиняться, когда мы видим, как вы задним числом одобряете акты неподчинения вам же самим; кто мы такие, что не можем сами судить о тех налогах, кои нам надлежит и не надлежит выплачивать, и кто мы, наконец, если не воспользуемся теми же средствами, законность которых вы одобрили в иных случаях?" Ответ на подобные вопрошания гласит: "Мы двинем против вас войска". Последний довод королей становится первым доводом вашего Национального собрания. Такая военная поддержка может помочь на некоторое время, покуда сохраняется впечатление роста выплат и покуда, льстя своему тщеславию, можно претендовать на роль третейского судьи в любом споре. Однако сие оружие окажется слишком коротким, оно перестанет повиноваться руке, его направляющей. Ваше Национальное собрание содержит своего рода школу, где систематически, с неослабным упорством преподаются принципы и издаются распоряжения, разрушительные для всякого духа подчинения, и гражданского и военного, - а потом ожидает, что ему удастся удержать в повиновении отвыкший от власти народ посредством отвыкшей от власти армии.

Муниципальные войска, кои, согласно новой политике, должны уравновесить национальную армию, если рассматривать их лишь как таковые, по устройству своему куда более просты и во всех отношениях менее исключительны. Это всего лишь обычный демократический орган, не имеющий ничего общего ни с королем, ни с королевством, вооруженный, обученный и укомплектованный офицерами по воле тех округов, к коим каждый

из них принадлежит; личная служба отдельных лиц, их составляющих, или выкуп вместо личной службы определяются той же властью¹⁷⁶⁾. Ничто не может быть более единообразным. Если однако же судить о сем роде войск на основании какого-либо его отношения к королевской власти, к Национальному собранию, к общественным судам, либо на основании его связей с другими подразделениями армии или связей между составляющими их отрядами, - тогда он представляется чудовищем и вряд ли может в конце концов не привести к великому национальному бедствию. Это худшее средство охраны общего порядка, нежели временный военный союз на Крите, или польская конфедерация¹⁷⁷⁾, или любой иной плохо продуманный способ удержания порядка, который только можно вообразить при нуждах, вызванных плохо продуманной системой правления.

Завершив свой краткий обзор устройства верховной и исполнительной власти, судебной системы и армии, а также их взаимных отношений, я скажу несколько слов касательно способностей, проявленных вашими законодателями в вопросе о сборе налогов.

В мероприятиях, относящихся до сей области, они проявили, если сие только возможно, еще менее политической рассудительности или финансовой изобретательности. Когда собрались Генеральные штаты, казалось, их главной целью было увеличить доходы от налогов, исправить систему сбора податей, очистить ее от притеснений и злоупотреблений, поставить ее на более прочное основание. Во всей Европе с огромным интересом ожидали решения. Сей великий шаг должен был определить, выстоит ли Франция, и потому он (вполне справедливо, по моему мнению) стал пробным камнем, по коему будут судить о навыках и патриотизме тех, кто управляет Национальным собранием. Доходы государства и есть государство. По сути все зависит от них, идет ли речь об опоре его или реформе. Достоинство каждого занятия всецело зависит от количества и вида

преимуществ, кои могут быть из него извлечены. Подобно всем великим свойствам ума, проявляющимся в обществе, кои не являются лишь пассивными и страдательными, требуя силы для своего проявления (я чуть было не сказал - для их явного существования), сфера государственных доходов, составляющая пружину всякой мощи, дает управляющим ею возможность выразить действенные добродетели. Общественные достоинства, будучи по природе великолепны и величавы, предназначены для великих свершений и великих забот, требуют широкого простора, они не могут расти и развиваться в уединении, в обстоятельствах стесненных, узких и убогих. Лишь посредством доходов политический орган может действовать во всю меру своего гения и истинной своей природы, а потому он выявит ровно столько от своей коллективной добродетели и того достоинства, кое может характеризовать тех, кто движут им, составляя его жизнь и направляющий принцип, насколько он обладает справедливым доходом. Ибо отсюда исходят не только великодушные и либеральность, милосердие и стойкость, предусмотрительность и попечительная забота обо всех полезных промыслах и искусствах; они черпают отсюда не только силу для роста, но также воздержание и самоотречение, труд и бдительность, умеренность и все прочие свойства, где разум может возобладать над вожделениями - нигде не находятся они более в своей стихии, нежели в области обеспечения и распределения общественного богатства. Потому не без причины наука, трактующая умозрительные и практические вопросы финансов, коя должна призвать себе на помощь столь много вспомогательных отраслей знания, стоит столь высоко не только во мнении людей обыкновенных, но также мудрейших и лучших из людей. А поскольку наука эта развивалась вместе с прогрессом своего предмета, благосостояние и совершенствование наций обычно росло вместе с ростом их доходов; оба они и долгие будут расти и процветать, покуда соблюдается равновесие между тем, что оста-

ся для укрепления усилий отдельных лиц, и тем, что собрано для общих усилий государства, покуда они находятся в должной взаимной пропорции друг к другу, покуда их удерживают в тесной связи и соответствии. И, быть может, именно благодаря важности доходов и ввиду настоятельности государственных потребностей, обнаруживаются прежние злоупотребления в ведении финансов, а их истинная природа и разумная теория понимаются все лучше. Это настолько верно, что недостаточность дохода могла оказаться более пагубной в одни времена, нежели гораздо большее сокращение дохода в другие, даже если в пропорциональном отношении вес их оставался одинаков. В таком-то положении французское Национальное собрание решило что-то сохранить в своих источниках доходов, обезопасив и разумно ими распорядившись, а наряду с тем - кое-что отменить и изменить. Хотя гордая уверенность в себе депутатов Национального собрания могла бы выдержать самую суровую проверку, однако, судя об их способностях в финансовых делах, я буду учитывать лишь то, что является обычным долгом министра финансов, и лишь из этого буду исходить, а не из образца идеального совершенства.

Итак, цели финансиста состоят в том, чтобы обезопасить и расширить доходы, в том, чтобы облагать налогом по принципам равенства и разума, чтобы экономно расходовать средства, а когда необходимость вынуждает прибегнуть к кредиту, - обеспечить ему основу (как для данного случая, так и навсегда) ясностью и непорочностью своих поступков, правильностью расчетов и незыблемостью запасов. На сих началах мы можем быстро составить себе четкое представление о достоинствах и способностях членов Национального собрания, взявших на себя управление сими трудными заботами. И вот я обнаруживаю, что согласно отчету г-на Вернье¹⁷⁸⁾ в комитете по финансам от второго августа прошлого года, годовой национальный доход не только не увеличился по сравнению с его величиною до революции, но

уменьшился на сумму в двести миллионов ливров, или восемь миллионов фунтов стерлингов - иначе говоря, существенно более, чем на одну треть всего своего объема!

Ежели сие было бы следствием огромных способностей, то способности никогда, разумеется, не проявлялись более ярко, со столь поразительным результатом. Никакая простая глупость, никакая обыкновенная беспаланность, никакое заурядное пренебрежение должностных лиц, даже должностное преступление, никакая развращенность, никакое казнокрадство, вряд ли даже прямое вредительство, с коим встречались мы в современном мире, не могли бы в столь краткий срок совершить столь полного переворота в финансах, а с ними и в мощи великого королевства. *Cedo qui vestram rempublicam tantam amisistis tam cito*¹⁷⁹⁾.

Едва собралось Национальное собрание, софисты и витии начали хулить старинные порядки сбора налогов во многих наиболее существенных чертах, таких, как монополия государства на соль. Они обвиняли сию монополию (столь же оправдано, сколь и неразумно) в том, что замыслена она неумно, что она притеснительна и пристрастна. Не ограничиваясь тем, чтобы высказать такое мнение в речах, предварявших план реформ, они выразили его в торжественной резолюции, получившей юридическую силу, а затем распространенной по всей стране. И в то самое время, когда они принимали такой декрет, они с тою же серьезностью повели народу выплачивать сию бессмысленную, притеснительную и неравномерную подать, покуда они не сумеют изыскать ей взамен другую. Последствия были неизбежны. Провинции, кои никогда не подлежали обложению соляным сбором (некоторые из них выплачивали другие подати, быть может, равные по тяжести), ни за что не соглашались нести хоть часть сего бремени, хотя равное его распределение должно было избавить от непосильного напряжения другие провинции. Что же касается до Национального собрания, всецело занятого

Декларацией и нарушениями прав человека, а также проектами, направленными на установление всеобщей сумятицы, у него не было ни досуга обдумать, ни силы осуществить какой-либо план, касающийся либо замены соляного сбора иным, либо способов его выравнивания, либо компенсаций для обложенных им провинций, либо другого пути, позволяющего уладить положение с округами, кои должны были быть от него освобождены.

Население провинций, обложенных соляным сбором, раздосадованное тем, что ему приходится платить подать, осужденную органом власти, каковой в то же время предписывал ее выплачивать, вскоре показало, что терпение его истощилось. Люди эти полагали, что они не менее Национального собрания искусны в разрушении. Они освободились, попросту сбросив с себя бремя. Прочие округа или части округов, вдохновленные таким примером, стали судить о тяжести налогового бремени по собственным ощущениям и, прибегая к средствам, кои подсказывало им собственное мнение, раздвигались с прочими налогами как им заблагорассудится.

Далее мы увидим, как повели себя ваши депутаты, задумывая равное налогообложение пропорционально к средствам граждан, причем так, чтобы оно наименее вероятно отяготило активный капитал, действующий в накоплении того частного богатства, откуда должно черпаться общественное достояние. Дозволив нескольким округам и нескольким лицам в каждом округе судить, какую часть старых податей им позволительно не выплачивать, они вместо принципов большего равенства ввели новое, еще более притеснительное неравенство. Выплаты отныне определялись расположенностью и те части королевства, кои были наиболее покорны, наиболее дисциплинированы или наиболее преданы государству, несли все налоговое бремя. Оказывается, нет ничего столь притеснительного и несправедливого, как слабое правительство. Что оставалось делать безвласт-

ной стране, дабы восполнить все недостатки прежнего обложения и новые нехватки всякого рода, которых приходилось ожидать? Национальное собрание призвало к добровольным пожертвованиям. Таким образом, оценка приблизительно четвертой части дохода всех граждан должна была основываться на честном слове тех, кто должен был платить. Они получили нечто большее, чем можно было разумно подсчитать, но что все же отнюдь не соответствовало их истинным потребностям, а еще менее того - их радостным ожиданиям. Людям здравомыслящим оставалось мало на что надеяться от сего налога, рядившегося в покровы добровольности, - от налога слабого, неэффективного и неравного, налога, от которого были защищены роскошь, скупость и себялюбие, вся тяжесть коего падала на производительный капитал, на честность, щедрость и дух привязанности к обществу, - налога, определяемого добродетелью. Но, наконец, маска сброшена, и теперь они испробуют средства (впрочем, с малым успехом) взимать добровольное пожертвование силой.

Сие добровольное пожертвование, болезненный отпрыск слабости, должно было опираться на другой источник, приходящийся близнецом все тому же плодовиному тупоумию. Патриотические пожертвования должны были восполнить провал патриотической контрибуции. Истец должен был сделаться поручителем за ответчика. С помощью такого приема ваши законодатели взяли вещи, представляющие большую ценность для дающего, но имеющие сравнительно малую ценность для получателя, разрушили несколько ремесел, разграбили регалии короны, церковную утварь и личные драгоценности граждан. Изобретение сих юных поборников свободы было в действительности ничем иным, как раболепную подделкою под один из самых скудных источников слепого деспотизма. Они позаимствовали огромный старинный парик из устарелого гардероба времен Людовика XIV, дабы прикрыть преждевременную плешь Национального собрания. Они учинили сие ста-

ромодное безрассудство, хоть оно уже было многословно осуждено в мемуарах герцога де Сен-Симона¹⁸⁰⁾, хоть людям благоразумным не надо было много доводов, дабы обнаружить его пагубность. Сходное средство было на моей памяти испробовано Людовиком XV, но проку от него не было. Как бы то ни было, потребности разрушительных войн до некоторой степени извиняли тогдашние отчаянные прожекты. В час бедствий редко рассуждают здраво. Однако ваши законодатели действовали в пору, дающую возможность для распорядительности и предусмотрительности. То было время полного мира, державшегося уже пять лет и обещавшего длиться куда долее, - и тут они прибегли к сей отчаянной бессмыслице. Было ясно, что забавляясь в серьезном положении такими финансовыми фокусами и игрушками, заполнявшими чуть не половину их протоколов, они скорее нанесут урон своей репутации, нежели смогут возместить утраченное посредством скудных и временных поставок, кои они могли получить. Казалось, будто те, кто одобряли такие прожекты, вовсе не осознавали своих обстоятельств и не могли уразуметь своих нужд. Какова бы ни была польза подобных изобретений, очевидно, что ни к патриотическим пожертвованиям, ни к патриотической контрибуции уже никогда нельзя будет прибегнуть вновь. Источники общественного безумия быстро иссякают. Вся эта система сбора налогов была какою-то уловкою, направленной на то, чтобы на час создать впечатление полноты казны, хотя одновременно пресекались животворные источники многолетних запасов. Доклад, вскоре подготовленный г-ном Неккером, должен был, несомненно, создать благоприятное впечатление. Положительно отозвавшись о состоянии бюджета на текущий год, г-н Неккер выразил, как ему и надлежало, некоторые опасения относительно года последующего. Председатель Национального собрания, вместо того, чтобы изучить причины оных опасений и тем предотвратить предсказанные бедствия, выразил г-ну Неккеру друже-

ский упрек по поводу его опасений.

Что до других замыслов налогообложения, выношенных депутатами Национального собрания, то о них невозможно сказать ничего определенного, ибо они еще не были осуществлены. Однако нет такого оптимиста, который был бы способен вообразить, будто сии планы восполнят хоть сколь-нибудь ощутимую часть широкой бреши, кою их бездарность пробила в их доходах. Нынче в казначействе с каждым днем все меньше и меньше наличных, и все больше и больше фиктивных отчетов. Когда сегодня не осталось почти ничего, кроме бумаги, коя свидетельствует не о довольстве, но о нужде, порожденной отнюдь не кредитом, но применением силы, они воображают, что Англия обязана процветанием векселям, будто векселя на самом деле не связаны с процветанием нашей коммерции, прочностью нашего кредита и совершенным исключением даже мысли о применении силы в какой бы то ни было области, соприкасающейся со сделками и коммерцией. Они забывают, что в Англии ни один шиллинг бумажных денег любого рода не принимается иначе, как по выбору; что вся масса бумажных денег происходит из действительно вложенной в банк наличности; и что по любому желанию она может быть вмиг, без малейшей потери вновь обращена в звонкую монету. Наши бумажные деньги имеют ценность в коммерции, ибо по закону они не имеют никакой цены. Эта бумага обладает большой силой на бирже, потому что в Вестминстер-Холле она бес-¹⁸¹⁵сильна. При выплате долга в двадцать шиллингов кредитор может отвергнуть все бумаги английского банка. Точно так же у нас нет ни одной государственной ценной бумаги какого бы то ни было качества или природы, которая навязывалась бы властями. В сущности, легко показать, что наши ценные бумаги вместо того, чтобы обесценивать звонкую монету, имеют тенденцию повышать ее стоимость. Вместо того, чтобы быть заменителем денег, они лишь облегчают их обращение, то есть являются символом процветания, а не эмблемою

нужды. В нашем государстве недостаток звонкой монеты и избыток бумажных денег никогда не вызывали жалоб.

Пусть так! Но ведь сокращение расточительных расходов и экономия, введенная добродетельным и мудрым Национальным собранием, восполняет потери, понесенные при сборе налогов? По крайней мере здесь Национальное собрание исполнило долг финансиста? Однако взглянули ли те, кто это утверждает, на расходы самого Национального собрания? На расходы муниципалитетов, расходы города Парижа, на увеличивающиеся выплаты двум армиям и новой полиции? На содержание новых судов? Быть может, они хотя бы тщательно сравнили перечень выплачивающихся ныне пособий с прежним? Увы! Ваши новые политики были жестоки, а не экономны. Сопоставляя расходы прежнего расточительного правительства, относительно к тогдашним доходам, с расходами новой системы в соотношении с состоянием вашего нового казначейства, думаю, нельзя не прийти к выводу, что нынешнее правление заслуживает упрека несравненно более ¹⁸²⁾.

Остается только рассмотреть доказательства финансовых способностей, проявленных нынешними правительствами Франции, когда им понадобилось увеличить денежные поступления за счет кредитов. Здесь я отчасти оказываюсь в тупике, ибо кредитов, говоря по совести, у них никаких нет. Кредит прежнего правительства не был в самом деле наилучшим, но оно могло всегда на определенных условиях найти деньги, не только у себя в стране, но и в большинстве стран Европы, где был накоплен избыток капитала, причем кредит прежнего правительства увеличивался день ото дня. Установление свободы, несомненно, придало бы ему новую силу, и именно так обстояло бы дело, если б у вас действительно была установлена свобода. Но какие предложения получает это правительство мнимой свободы из Голландии, из Гамбурга, из Швейцарии, из Генуи, из Англии относительно сделок на основе печатаемой им

бумаги? Почему сим народам, славящимся своею коммерцией и экономностью, следует вступать в денежные отношения с народом, пытающимся перевернуть самую природу вещей? С народом, в коем видят они должника, штыками предписывающего кредитору, какой валютой следует платить долги? С народом, погашающим одно долговое обязательство с помощью другого? С народом, обращающим самую свою нужду в мнимое богатство? С народом, выплачивающим долговой процент жалкими угрозами?

Фанатическая уверенность во всемогуществе грабежа церковей заставила сих философов пренебречь всякою заботою об общественном достоянии, точно также, как мечта о философском камне побуждает простаков, поддавшихся более правдоподобному обману алхимии, пренебрегать всеми разумными средствами улучшить свое состояние. По мнению ваших философствующих финансистов, сия панацея, приготовленная из мумии уморенной ими церкви, должна излечить всякое зло на земле. Эти господа, быть может, не слишком верят в чудеса благочестия, но нельзя усомниться в том, что они непоколебимо веруют в чудесную силу ограбления церкви. Стоит им почувствовать, что над ними висит какой-то долг, - они выпускают ассигнации¹⁸³⁾. Следует ли выплатить компенсации или пособия, кои обещали они тем, кого лишили дохода или возможности заниматься профессиональною деятельностью, - ассигнации. Нужно ли снарядить флот - ассигнации. И если уж выпущенные ассигнации на шестнадцать миллионов фунтов стерлингов, навязанные народу, не сумели удовлетворить самых насущных потребностей страны - выпускайте, говорит один, тридцать миллионов фунтов стерлингов ассигнаций, а другой предлагает выпустить тех же ассигнаций вчетверо больше. Единственное различие между финансовыми партиями состоит в большем или меньшем количестве ассигнаций, кои следует обрушить на покорное общество. Все они там профессора по ассигнациям. Даже те, кому природный здравый

смысл и знание коммерции, не изгладившееся под влиянием философии, подсказывают решительные доводы против сей иллюзии, даже они завершают свои доводы, предлагая выпуск ассигнаций. Я полагаю, они должны заговорить на языке ассигнаций, ибо ни один другой язык не будет ими понят. Весь опыт их безуспешной деятельности ничуть их не обескураживает. На рынке опротестованы старые ассигнации - как быть? Выпускайте новые ассигнации. *Mais si maladie, opiniatria, non vult se garire, quid illi facere? assignare - postea assignare; ensuite assignare*¹⁸⁴⁾. Мир немного переменялся. Латынь ваших нынешних докторов, может быть, лучше, чем в вашей старой комедии, однако их мудрость и выбор средств остались неизменны. В их песне не больше нот, чем в кукованье кукушки, однако, в отличие от сей вестницы лета и довольства, голос их резок и зловещ, как карканье ворона.

Кто, кроме самых отчаянных авантюристов от философии и финансов, мог вообще помыслить о разрушении установившейся системы сбора налогов в государстве - единственного обеспечения государственного кредита - в надежде выстроить ее заново из строительных материалов, добытых от конфискации собственности? Если однако же чрезмерное рвение в делах государственных и повело благочестивого и досточтимого прелата¹⁸⁵⁾ (предполагавшегося отца церкви)¹⁸⁶⁾ ограбить его собственное сословие, взяв на себя, ради блага церкви и народа, обязанности великого финансиста от конфискации и государственного контролера, надзирающего за разграблением церкви, то он и его коадьюторы должны были, на мой взгляд, доказать последующим своим поведением, что они хоть несколько разбираются в делах ведомства, за управление коим они взялись. И раз они решились передать казначейству определенную часть земельной собственности завоеванной ими страны, им надлежало превратить свой банк в подлинный источник кредита - если подобный банк был вообще способен стать таковым.

Установить текущий оборотный кредит на основе какого-либо земельного банка всегда, при любых условиях, было по меньшей мере трудно. Попытки такого рода обычно оканчивались банкротством. Однако когда депутаты Национального собрания, презрев принципы морали, бросили затем вызов принципам экономики, можно было по крайности ожидать, что они сделают все возможное, дабы уменьшить сию трудность, предотвратить любое усугубление сего банкротства. Можно было ожидать, что, желая сделать ваш Земельный банк сносным, они испробуют все средства, кои могли сообщить ему открытость и непорочную репутацию по части надежности; введут все меры, способствующие восстановлению спроса. Глядя на вещи самым благожелательным взором, можно сказать, что вы очутились в положении человека, владеющего большими земельными поместьями, с коими он желает расстаться, чтобы расплатиться с долгами и обеспечить себя определенными услугами. Не имея возможности сразу продать свои поместья, вы желали заложить их. Что сделал бы в таком случае человек с ясным разумом и благородными намерениями? Разве не должен был он в первую очередь установить общую стоимость поместий, позаботиться об их должном состоянии, разобраться во всех временных и постоянных долговых обязательствах, их отягощающих, а затем, определив накопленную прибыль, рассчитать истинную ценность своей недвижимости? Когда прибыль (единственное обеспечение для кредитора) точно установлена, а собственность отдана в руки попечителей, тогда можно указать, какие земельные участки могут быть проданы, а также наметить время и условия продажи; затем он даст право государственному кредитору, если таковой им избран, приписать его акции к этому новому фонду; либо он может получить предложения относительно ассигнаций от тех, кто отпустит деньги для покупки такого вида недвижимости.

Так действовали бы деловые люди - методично и разумно, следуя единственно возможным принципам об-

щественного и частного кредита. Тогда совершающий сделку знал бы, что именно он приобрел, а единственное сомнение, которое еще могло бы отягощать его разум, состояло бы в том, что однажды могут возникнуть новые неприятности от того, что он невольно окажется связан с какими-нибудь бесчестными проходимцами, кои могли бы стать покупателями на аукционе, наряду с ни в чем неповинными их согражданами.

Открытое и четкое заявление о точной стоимости собственности, а также о времени, обстоятельствах и месте продажи были необходимы, дабы, насколько возможно, стереть позорное клеймо, дотоле тяготевшее на всяком земельном банке. Это стало необходимым и по другой причине - из-за данного прежде обещания о том, что все будущие обязательства в сем щекотливом деле должны согласовываться с первоначальными. Когда ваши депутаты пришли к решению, что государство будет пользоваться добычей, полученной от грабежа церкви, они 14-го апреля 1790 года в торжественном заявлении обещали пред всею страной, что "при установлении общественных расходов на каждый год будет учитываться сумма, достаточная для покрытия расходов римско-католической религии, содержания священников, совершающих богослужение у алтарей, для вспомоществования бедным, для выплаты пособий священнослужителям обоего пола, принадлежащим к белому и черному духовенству, - дабы поместья и имущество, находящиеся в распоряжении нации, могли быть освобождены от всех обязательств и использованы ее представителями или законодательным органом для удовлетворения важнейших и наиболее настоятельных нужд государства". Они, далее, поручились в тот же самый день, что необходимая сумма на 1791 год будет определена незамедлительно.

В той же резолюции депутаты Национального собрания признают своим долгом четко указать расходы по вышеперечисленным статьям, кои, согласно другим, принятым ранее резолюциям, должны быть удовлетво-

рены в первую очередь. Они признают, что надлежит очистить поместья ото всех тяготеющих над ними обязательств, и что сделать это следует незамедлительно. Но выполнили ли они это - незамедлительно, или вообще когда-либо? Представили ли они список земель и доходов от сдачи их в аренду или же перечень движимого имущества, конфискованного ими в обмен на ассигнации? Каким способом могут они исполнить свои обязательства, предложив общественной службе "поместья, освобожденные ото всех обязательств", не установив ценность оных поместий или количество отягощающих их обязательств, - объяснение сего я оставляю на долю их английских поклонников. Сразу после такого заверения и перед тем, как предпринять какой-либо шаг для его исполнения, они выпустили, пользуясь кредитом столь превосходной декларации, новую партию своих бумажек на сумму в шестнадцать миллионов фунтов стерлингов. Мужественный поступок. Кто, после столь мастерского хода, может усомниться в их финансовых способностях? Но потом, прежде чем снова печатать свои финансовые индульгенции, они по меньшей мере удосужились сдержать свое первоначальное обещание? Ежели такой расчет стоимости поместий или количества всех закладных и был выпущен, то он ускользнул от моего внимания. Я о нем никогда не слыхивал.

Наконец, они высказались и открыли свой чудовищный обман, держа церковные земли в качестве залога за все долги или любые услуги вообще. Они грабят только для того, чтобы дать себе возможность мошенничать, но по прошествии весьма краткого времени сами лишают всякого смысла и грабежи и мошенничество, признавая другие цели, которые подрывают весь их механизм принуждения и обмана. Я обязан г-ну де Калону за его ссылку на документ, подтверждающий сей необычный факт, - он каким-то образом ускользнул от моего внимания. В самом деле, не было необходимости выносить суждения относительно нарушения веры в декларацию от 14-го апреля 1790 года. Из доклада комитета

Национального собрания теперь следует, что расходы по содержанию сокращенного числа церквей и другие расходы, связанные с религией, а также выплаты пособий священнослужителям обоего пола, продолжающим исполнять свои обязанности или вышедшим на пенсию, равно как и прочие сопутствующие расходы того же характера, кои они взяли на себя при затеянных ими пертурбациях собственности, превышают доход от имений, ими приобретенных в сих потрясениях, - на огромную сумму в два миллиона фунтов ежегодно! - и это не считая долгов, составляющих более семи миллионов! Таковы способности плутовства! Таковы финансы философии! Вот каков результат всех заблуждений, коими несчастных людей подняли на восстание, убийство, святотатство, дабы превратить их в удобное и яростное оружие для разрушения их же страны! Никогда государство не обогащалось от конфискации имущества своих граждан. Сей новый опыт оказался не более успешным, чем все предшествующие. Всякий честный человек, всякий истинный поборник свободы и гуманности должен радоваться, обнаружив, что несправедливость вовсе не всегда хорошая политика, а грабеж не есть прямой путь к богатству. В примечании я с удовольствием привожу дельные и выразительные замечания г-на де Калона по сему поводу.

Дабы убедить мир в бездонности запасов, полученным им от конфискации церковных имений, Национальное собрание перешло к другим конфискациям земель, которые не могли быть осуществлены на общих основаниях, не будучи компенсированы из фондов, образовавшихся от такой колоссальной конфискации земельной собственности. Ваши финансисты обрушили на сей фонд, который должен был показать прибыль, не обложенную никакими закладными, еще новые обязательства, а именно компенсации всем смещенным судьям и чиновникам, коим был причинен ущерб, - обязательство, которое я не могу точно определить, но наверняка достигающее многих миллионов французских лив-

ров. Еще одно новое обязательство - ежегодная рента в четыреста восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, которая должна выплачиваться (если ваши депутаты вдруг решат сдержать слово) путем ежедневных выплат на процент по первым ассигнациям. Дали ли они себе хоть раз труд точно определить расходы по содержанию церковных земель муниципалитетами (а также легионом мелких агентов), чьим заботам, умению и прилежанию они предпочли вручить попечение о конфискованных поместьях и последствия коих столь превосходно указал епископ Нанси¹⁸⁷⁾?

Но нет необходимости останавливаться на всех этих препонах. Сделали ли они какое-либо ясное заявление относительно самого большого из препятствий - я имею в виду все общие и муниципальные установления всевозможного рода, сравнив их с обычным доходом от сбора налогов? Здесь всякая недовольства превращается в обязательство на конфискованные земли, прежде чем кредитор успеет засадить капустой хоть акр церковных имений. Нет иной опоры, кроме сей конфискации, которая смогла бы удержать все государство от полного развала. В таком положении ваши законодатели преднамеренно окутали все, что надлежало им усердно разъяснять, густым туманом, а затем, ослепив себя (словно быки, закрывающие глаза, когда кидаются на противника), они штыками заставляют своих рабов, ослепленных не менее хозяев, принимать фикцию за чистую монету и глотать бумажные пилюли по 34 миллиона фунтов стерлингов в один прием. Затем они гордо притязают на будущие кредиты, проявив несостоятельность по всем своим прежним обязательствам, и в ту минуту, когда ясно (если в таком деле что-либо вообще может быть ясным), что прибыльные имения даже не смогут отвечать даже по первым закладным - я имею в виду закладные на четыреста миллионов ливров (или шестнадцать миллионов фунтов стерлингов) ассигнациями.

Во всей этой процедуре я не могу различить ни со-

лидной честности явной сделки, ни тонкого искусства, присущего ловкому обману. Внутри Национального собрания раздавались требования поставить заслон перед сим потоком мошенничеств - они остались без ответа, но при этом сотня тысяч уличных финансистов убедительно доказала их необоснованность. Таковы цифры, коими пользуются знатоки метафизической арифметики. Таковы великие расчеты, на коих основывается кредит философствующей публики во Франции. Они не могут поднять уровня доходов, но умеют поднять и повести за собою чернь. Так пусть же теперь наслаждаются рукоплесканиями в клубе Данди¹⁸⁸⁾ за проявленные ими патриотизм и мудрость, за то, что они поставили грабеж граждан на службу государству. Я не слышу ни о каких приветствиях по сему поводу от директоров Английского банка, хотя их одобрение имело бы несколько более веса на весах кредита, чем одобрение клуба Данди. Но воздавая клубу справедливость, я полагаю, что господа, являющиеся его членами, мудрее, чем они кажутся, и потому будут менее щедры на деньги, чем на приветствия, что они не дадут и уголка самого измятого листка шотландской бумаги за двадцать ваших самых надежных ассигнаций.

В начале сего года Национальное собрание выпустило бумаг на сумму в шестнадцать миллионов фунтов стерлингов. Каково же должно было быть состояние, до коего довело оно вашу страну, раз облегчение, внесенное столь обширным поступлением, было едва ощутимо? Бумаги эти почти сразу же обесценились на пять процентов, а за краткий срок обесценивание их достигло семи процентов. Влияние этих ассигнаций на получение доходов от налоговых сборов весьма примечательно. Г-н Неккер обнаружил, что сборщики налогов, получавшие их монетой, платили в казначейство ассигнациями. Сборщики выручали на этом семь процентов, получая настоящие деньги и внося в казну обесцененную бумагу. Неизбежность этого было не слишком трудно предвидеть. Но оттого положение не стало менее

неловким. Г-н Неккер был вынужден закупить золото и серебро для монетного двора (я полагаю, в значительной степени на лондонском рынке) на сумму, примерно на двенадцать тысяч фунтов превышающую стоимость полученного прироста. Этот министр держался мнения, что государство все же не может жить на одних ассигнациях, какова бы не была их тайная питательная ценность, что некоторое количество настоящего серебра необходимо, в особенности для удовлетворения тех, кто, имея в руках отнюдь не бумажное оружие, вряд ли выказали бы исключительное терпение, осознав, что надбавка к жалованью, предложенная им в настоящих деньгах, опять была мошеннически поглощена обесцененной бумагой. Весьма огорченный происходящим, министр обратился к Национальному собранию дать приказ сборщикам налогов выплачивать подати тою же монетою, в какой они их получали. От него не могло укрыться, что если казна выплачивала 3 процента за использование валюты, которая должна была возвращаться на 7 процентов обесцененною по сравнению с тем, какой она была пущена в обращение министром, то такой оборот дела вряд ли содействовал бы особому обогащению общества.

Национальное собрание не обратило внимания на рекомендации своего министра. Депутатов занимала иная дилемма: если они будут по-прежнему принимать ассигнации, то звонкая монета должна сделаться чужаком в их казне; если же казначейство откажется принимать сии бумажные амулеты или понизит в какой-то степени их курс, то это должно разрушить кредитоспособность их единственного источника. Тогда они, видимо, сделали выбор и, придав определенный кредит своей бумаге тем, что сами приняли ее, одновременно стали произносить чванливые речи с заявлениями, превышающими, как мне представляется, полномочия законодателей, а именно: что нет разницы в ценности между монетой и ассигнациями. Это еще один, непоколебимый и прочный "символ веры", произнесенный под

угрозой анафемы достопочтенными отцами сего философского синода. Пусть верит, кто желает - разумеется, не Judaeus Apella¹⁸⁹⁾.

Благородное негодование пробуждается в умах ваших популярных вождей, лишь только они услышат, что магический светоч их финансов сравнивают с мошенническими рецептами г-на Лоу¹⁹⁰⁾. Им невыносимо слышать, как пески Миссисипи сравнивают с утесом церкви, на коем они возвели свою систему. Да будет им дано победить сей дух гордыни, покуда они не покажут миру, что под их ассигнациями есть хоть клочок твердой почвы, который они не обременили заранее другими обязательствами. Они поистине не воздают по справедливости великой матери всех мошенничеств своими выродившимися подделками. Неправда, что Лоу строил свое здание на одних только спекуляциях, связанных с Миссисипи. Он присовокупил сюда торговлю с Ост-Индией и Африкой, а также фермы, дававшие доход, равный доходу со всех ферм Франции. Все это, вместе взятое, несомненно, не могло поддержать здания, кое общественный энтузиазм, а не он сам, предпочел возвести на сем основании. Однако по сравнению с вами то были лишь чистосердечные заблуждения. Они предполагали и ставили своей целью рост французской коммерции. Они открывали пред нею весь простор обоих полушарий. Они не помышляли кормить Францию ее собственным достоянием. Богатое воображение находило нечто захватывающее в таком полете коммерческой мысли. Там было нечто, способное ослепить орлиный взор. Та афера не была задумана на манер вашей, чтобы привлечь чутье крота, который тыкается носом, зарываясь в родимую землю. Люди тогда не успели еще достаточно съежиться, сморщиться по сравнению с истинными своими размерами под влиянием убогой, ведущей к вырождению философии, приспособленной для низких, грубых заблуждений. И сверх всего, не забывайте, что обманывая людское воображение, изобретатели тогдашней системы льстили свободе человека. К их обману

не примешивалось насилие. Это было оставлено на долю нашего времени, дабы загасить крохотные вспышки разума, кои могли бы вторгнуться в непроглядную тьму нашего просвещенного века.

Вспоминая все мною сказанное, я замечаю, что еще не высказался по поводу нового искусного финансового замысла сих господ, который с такою помпой был внесен на рассмотрение Национального собрания, хотя еще и не утвержден им окончательно, - а ведь он может быть истолкован как доказательство талантов его творцов. Здесь, наконец, мы видим некоторую вещественную опору для кредитоспособности бумажных денег; много было сказано о полезности и изяществе сей системы. Я имею в виду проект переплавки на деньги колоколов закрытых ими церквей. Такова их алхимия. Бывают глупости, против которых бессильны любые доводы, которые выходят за пределы смешного, не оставляя в нас иных чувств, кроме отвращения - а посему я ничего более не скажу по этому поводу.

Столь же мало смысла рассматривать далее их первичные и вторичные проекты касательно обращения бумажных денег, направленные на то, чтоб как-то отдалить черный день; они построены на игре между казначейством и Caisse d'Escompte и на всех давно отброшенных затеях торгашеского мошенничества, возвысившихся теперь до ранга государственной политики. С налоговыми сборами шутить нельзя. Болтовня о правах человека не будет принята к оплате за бисквит или фунт пороху. И тогда метафизики снисходят с небесных высот своих рассуждений, вставая на путь верного подражания известным образцам. Каким? Примеру всех банкротов. Но побежденные, сбитые с толку, униженные, когда у них уже нет ни дыхания, ни сил, ни изворотливости, ни фантазий, они все еще сохраняют уверенность в себе. Способности изменяют им настолько, что они полагают, будто еще имеют в своем распоряжении кредит. Когда доходы исчезают у них из рук, они в последних своих протоколах еще самонадеянно припи-

сывают себе, будто принесли народу свободу от налогового бремени. Но они не освободили народа. Если они питали подобные намерения, то почему же они приказали народу выплачивать ненавистные ему подати? Народ освободил себя, невзирая на Национальное собрание.

Но, не вдаваясь в рассуждения касательно партий, кто может притязать на заслугу такого иллюзорного освобождения? Да разве вышло в действительности какое-то освобождение для народа? Г-н Байи¹⁹¹⁾, один из великих поборников обращения бумажных денег, дает нам возможность проникнуть в природу сего освобождения. Его речь перед Национальным собранием содержала высокий и хорошо продуманный гимн жителям Парижа за твердость и непоколебимую решимость, с коей сносили они лишения и нужду. Чудесная картина благоденствия общества! Сколь великое мужество и нерушимая твердость ума необходимы, дабы выдержать благоденствия и восстановление справедливости! По этой речи высокоученого мэра можно подумать, будто парижане на протяжении последних двенадцати месяцев терзались бедствиями какой-то ужасной осады, будто Генрих IV перекрыл пути подвоза припасов в столицу, а Сюлли¹⁹²⁾, стоя у ворот Парижа, грозит ему своей артиллерией, - тогда как в действительности их не осаждает никакой иной враг, кроме их собственного безумия и фантазий, собственного легковерия и порочности. Но г-н Байи скорее растопит вечные льды своих атлантических областей, нежели восстановит центральное отопление в Париже, покуда город остается "под ударами холодного, иссушающего, все обращающего в камень молота"¹⁹³⁾ ложной и бесчувственной философии. Некоторое время спустя после описанной речи, а именно тринадцатого августа прошлого года тот же самый муниципальный деятель, давая правительству отчет пред лицом того же Национального собрания, выразился так: "В июле 1789 года [время, достойное увековечения] финансы Парижа еще были в примерном порядке, затраты

уравновешивались доходами, а на своем счету в банке город имел в то время миллион ливров [сорок тысяч фунтов стерлингов]. Расходы, кои город вынужден был понести *после революции*, достигают 2.500.000 ливров. Из-за сих расходов, а также из-за значительного сокращения добровольных дааний, возникла не только проходящая, но и всеобщая нужда в деньгах". Это Париж, на прокорм коего в продолжение прошлого года были израсходованы столь колоссальные суммы за счет жизненно важных нужд всей Франции. Доколе Париж занимает место древнего Рима, доколе его будут поддерживать подчиненные провинции. Это зло неизбежно сопровождает суверенную власть демократических республик. Подобно тому, как случилось с Римом, Париж может пережить республиканское правление, при коем он возвысился. В таком случае самый деспотизм должен быть подчинен порокам народного правления. Рим при императорах соединял в себе пороки обеих систем, и сие противоестественное соединение и стало одной из главных причин его упадка.

Сказать людям, что их освободили за счет ущерба, нанесенного их общественной собственности, есть жестокий и наглый обман. Государственные мужи, прежде чем ценить себя за освобождение, кое принесли они народу, разрушив его доходы, должны были бы сперва как следует взяться за решение такой задачи: не было ли более выгодно народу вносить значительные налоги и зарабатывать соответственно, вместо того, чтоб зарабатывать мало или вовсе ничего и быть освобожденным от всех податей? Мой разум склоняется в пользу первого предположения. На моей стороне опыт и, полагаю, также мнения лучших умов. В сохранении равновесия между покупательной способностью граждан и требованиями государства, коим должен он удовлетворять, и состоит основная черта в искусстве истинного политика. Средства приобретения первенствуют во времени и в государственных установлениях. Добрый порядок есть основа всякого добра. Дабы иметь возможность приоб-

ретать, народ, не впадая в раболепие, должен быть сговорчив и послушен. Чиновники должны пользоваться почтением, законы - обладать властью. Принципы естественного подчинения не должны искусственно искореняться из сознания народа. Люди должны уважать собственность, в которой нет их доли. Они должны трудиться, дабы добывать себе то, что можно добыть трудом; а обнаружив, как это обычно бывает, что успех непропорционален затраченным усилиям, должны научиться находить утешение в грядущем воздаянии небесного правосудия. А тот, кто лишает их сего утешения, убивает их усердие, подрубает под корень всякое приобретение, как и всякое сохранение собственности. Тот, кто поступает так, есть жестокий притеснитель, безжалостный враг бедных и несчастных; вместе с тем своими злостными рассуждениями он подвергает плоды успехов предприимчивости и накопленные богатства грабежу со стороны нерадивых, разочарованных и не добившихся благоденствия.

Слишком многие из профессиональных финансистов неспособны увидеть в налоговых сборах ничего, кроме банков, обращения, годовых доходов, пожизненных рент и товаров, продающихся в мелочных лавках. При установившемся в государстве порядке такими вещами нельзя пренебрегать, а умение, требуемое ими, не следует недооценивать. Они хороши, но хороши только тогда, когда включают в себя следствия установившегося порядка и строятся на нем. Когда же люди думают, будто сии жалкие уловки могут выручить в бедах, происходящих от нарушения основ общественного порядка, и от того, что они извратили или допустили извращение всех принципов собственности, то они разрушают свою страну, оставляя после себя унылый и долговечный памятник последствий нелепой политики и творчества самонадеянных, недалёковидных и ограниченных умов.

Последствия несостоятельности, проявленной народными вождями во всех главных отраслях государствен-

ных дел, должны покрываться "одним всеискупляющим словом - свобода". В отдельных людях я воистину вижу великую свободу, однако во множестве, если не в большинстве людей нахожу лишь гнетущее унижительное раболепие. Ибо что есть свобода без мудрости и добродетели? Это величайшее из возможных зол; без направляющего или же сдерживающего начала она оборачивается легкомыслием, пороком и безумием. Те, кто знают, какова добродетельная свобода, не могут снести того, как ее позорят бестолковые головы, твердящие губами высокопарные слова. О, я отнюдь не презираю возвышенных свободлюбивых чувств. Они согревают душу, они расширяют и освобождают наш ум, вдохновляют наше мужество в трудный час противоборства. Как я ни стар, я и поныне с восторгом читаю благородные строки Лукана и Корнелия¹⁹⁴⁾. Да и мелкие уловки, направленные на снискание популярности, я не стану клеймить позором. Они облегчают исполнение многих насущных дел, они сплачивают людей, освежают умы, а подчас осеняют весельем суровое чело нравственной свободы. Всякому политику надлежит отдать дань их обаянию, разумно сообразуя их со здравым смыслом. Но в таком предприятии, как то, что совершается у вас во Франции, все эти вспомогательные ухищрения принесут мало пользы. Дабы править государством, не нужно великой мудрости. Укрепите власть, научите народ повиновению - и дело сделано. Дать народу свободу еще легче. Здесь не нужно направлять, тут достаточно отпустить удила. Но создать *свободное правление*, то есть примирить сии противоположные элементы свободы и сдержанности в едином согласованном труде - сие требует куда больше мысли, глубоких размышлений; тут нужен ум прозорливый, мощный, способный к сочетанию понятий. Его-то и не нахожу я у тех, кто заправляет ныне в вашем Национальном собрании. Быть может, они и не столь убого бесталанны, как кажется. Я склонен тому верить, иначе разумение их оказалось бы ниже обычного человеческого уровня. Но когда вожди

предпочитают сделаться зазывалами на аукционе популярности, их таланты уже не принесут пользы в строительстве государства. Они станут льстецами, а не законодателями, превратятся из вождей народа в его оружие. Если кто-нибудь из них предложит проект свободы, разумно ограниченной сообразными условиями, его тотчас перебьют конкуренты, которые предложат нечто куда более привлекательное для широких масс. Возникнут сомнения касательно преданности этого вождя общему делу. Умеренность станут чернить, называя ее добродетелью трусов, а компромисс - благоразумием предателей, покуда, надеясь сохранить доверие народа, которое позволит ему сдерживать его от случая к случаю, популярный вождь не будет вынужден стать ярим проповедником таких доктрин и учредителем таких властей, кои впоследствии разрушат всякую разумную цель, к коей он, быть может, в конечном итоге стремился.

Но разве я настолько неразумен, что не вижу в неустанных трудах Национального собрания совсем ничего, что заслуживало бы похвалы? Я не отрицаю, что среди бесконечного числа проявлений насилия и легкомыслия, оно, вероятно, сделало и нечто хорошее. Те, кто все разрушают, разумеется, уничтожат и кое-какие тяготы. Те, кто все начинают сызнова, имеют возможность создать нечто благодетельное. Но если хвалить депутатов Национального собрания за то, что они совершили в силу полномочий, ими узурпированных, или извинять их за преступления, посредством коих полномочия эти были ими достигнуты, может показаться, что подобных дел нельзя было совершить, не прибегая к такой революции. Заверяю вас, что сделать это было вполне возможно. Ведь почти каждое установление, введенное вашими депутатами, кое не является очень уж сомнительным, либо было уступкою короля, добровольно им сделанной во время заседания Генеральных штатов, либо содержалось в наказах сословий своим представителям. Некоторые обыкновения были отмене-

ны справедливо, но они были таковы, что если б они и сохранялись на веки вечные, они мало убавили бы от счастья и благосостояния любого государства. Усовершенствования, введенные Национальным собранием, поверхностны, а ошибки - глубоки и существенны.

Каковы бы ни были мои соотечественники, я желал бы, чтобы они лучше посоветовали нашим соседям взять за образец британскую конституцию, нежели сами брали пример с них при ее исправлении. В конституции нашей они имеют бесценное сокровище. У англичан, быть может, есть свои основания для опасений и жалоб - но нельзя думать, будто в том повинна наша конституция, а не их собственное поведение. Я думаю, что счастливым нашим состоянием обязаны мы нашей конституции, причем всей в целом, а не исключительно какой-то ее части; в значительной мере благодаря тому, что мы оставили в ней неприкосновенным в ходе нескольких попыток ее пересмотра и реформы, а также и тому, что мы изменили и добавили впоследствии. Истинно патриотический, свободный и независимый дух нашего народа найдет себе достойное поле деятельности в охране своих завоеваний от посягательств. Я не стал бы исключать и возможности перемен, но даже если б я стал вносить изменения, то лишь для того, чтобы лучше сохранить. Только великие притеснения заставили бы меня прибегнуть к такому средству. Во всех своих начинаниях я следовал бы примеру предков. Я производил бы исправления, насколько возможно, в стиле самой постройки. Политическая осторожность, сдержанная осмотрительность, робость, продиктованная скорее нравственностью, чем темпераментом, руководили нашими отцами в их наиболее решительных поступках. Не будучи озарены просвещением (кое, по словам господ из Франции, пролилось на них в таком изобилии), они действовали, исходя из убежденности в том, что люди невежественны и им свойственно ошибаться. Тот, кто сотворил их столь несовершенными, вознаграждал их, если в поведении своем они внимательно следили за

своею природой. Будем же подражать осторожности наших предков, если мы желаем заслужить их удел или сохранить за собою завещанное ими. Будем же добавлять, если так нам заблагорассудится, но сохраним то, что они оставили нам; стоя на твердой почве британской конституции, давайте удовлетворимся ролью наблюдателей, а не подражателей аэронавтов Франции в их отчаянных воздушных полетах.

Я искренне рассказал Вам о своих чувствах. Думаю, они вряд ли изменят Ваши. Не уверен, впрочем, что их вообще следует менять. Вы молоды; Вы не можете вести за собою Вашу страну, но должны разделять ее судьбу. Однако в будущем мои размышления, быть может, пригодятся Вам, при некоей новой форме, которую примет Ваше государство. В нынешнем своем состоянии оно едва ли сможет остаться, но до окончательного установления ему, возможно, придется пройти, как сказал один из наших поэтов, "сквозь великие, небывалые перемены"¹⁹⁵⁾ и во всех перевоплощениях очищаться огнем и кровью¹⁹⁶⁾.

В защиту своих воззрений могу лишь сказать, что они - плод длительных наблюдений и глубокой беспристрастности. Они исходят из человека, не бывшего ни орудием власти, ни льстецом величия, и не желающего последними своими поступками опорочить весь свой жизненный путь. Они исходят от человека, почти вся публичная деятельность которого была направлена на борьбу за свободу других; от человека, в груди которого никогда не загорался длительный или пылкий гнев ни по какому иному поводу, кроме того, что он почитал тиранией; от человека, отрывающего те часы, кои посвятил он вашим делам, от участия в усилиях честных людей, стремящихся подорвать доверие к торжествующему угнетению, - и поступая так, он пытается убедить себя, что не отступил от своих обязанностей. Они исходят от человека, не слишком стремящегося к великим почестям, отличиям и выгодам и вовсе не ожидающего их; от человека, не презирающего славы и не страша-

щегося поношений; от человека, который остерегается раздоров, хоть и отваживается высказать свое мнение; от человека, который старается сохранить постоянство, но который будет добиваться этого, меняя средства, дабы оберечь единство цели. И когда судну, на коем он плывет, угрожает опасность от того, что оно, накренившись на бок, теряет равновесие, он стремится бросить весь невеликий вес своих доводов на другой борт, дабы равновесие это сохранить.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ

1

1) Первое из *Писем о мире с цареубийцами* (1796); Собр. сочинений, том V, стр. 155; Маркс вполне мог знать этот отрывок; он был знаком с некоторыми из сочинений Берка. В одной из ссылок в *Капитале* он резко высказывается о Берке: "Подхалим, продавшийся английской олигархии и сыгравший роль *laudator temporis asti* по отношению к Французской революции, а в начале осложнений в Америке, продавшись североамериканским колониям, выступивший в роли либерала по отношению к английской олигархии, он был откровенным вульгарным буржуа" (*Капитал*, т. I, Москва, 1954, стр. 760, изд. 2). До этого Маркс отзывался о Берке как о человеке, которого обе партии в Англии считают образцовым британским государственным деятелем (Нью-Йорк, *Дейли Трибюн*, декабрь 1855). С марксистской точки зрения эти две характеристики, разумеется, не противоречат друг другу.

2) "Поскольку же талант есть материя, наделенная силой и предприимчивостью, а собственность неповоротлива и робка, она никогда не может обезопасить се-

бя от вторжения таланта, покуда она не получит в правительстве перевеса, пусть даже не отражающего истинные соотношения" (*Размышления*, стр. 121).

3) См. *Письмо к благородному лорду* (1796), Собр. соч., том V, стр. 110-151. См. также стр. 384, п. 42.

4) В своих ранних работах Маркс использовал уроки Французской революции слишком схематично, как, например, в своих статьях для *Rheinische Zeitung* и в работе *Гражданская война во Франции*. Но в статье 18-е брюмера Луи Бонапарта менторским и безапелляционным тоном он рисует необычайную картину того, как и в каких двусмысленных формах великая революция тяготеет над его временем.

5) См., например, отрывок (*Размышления*, стр. 290-292) о господстве финансовой верхушки и его заключительную часть: "Здесь кончаются все обманчивые мечты о равенстве и правах человека. "Сербонская топь" сей низкой олигархии поглощает их безвозвратно, они тонут в ней на веки вечные".

См. также (стр. 110) обсуждение членства в Tiers Etat и его значения: "С того времени, как я прочел этот список, я ясно увидел все, что должно произойти, и почти не ошибся."

6) *Письмо к Российской Императрице* (1791), *Переписка VI*, стр. 441-445, 448. Хотя частным образом он допускал определенные оговорки.

7) *Размышления*, стр. 175. Длинный отрывок, в котором содержатся эти слова, до сих пор импонирует приверженцам всяких форм традиционного общества. Блестящий молодой восточноафриканский писатель Али аль-Амин Мазруи говорит, что в этом отрывке Берк в своих рассуждениях более всего приближается к образу мышления "африканца", но не африканца, получившего образование в университете, а африканца, еще не раскрывшего для себя цивилизацию (*Comparative Studies in Society and History*, vol. I, no 2. Jan. 1963). Утверждение Мазруи о сопоставимости доктрины Берка, отраженной в этом отрывке, с африканским традицион-

ным мышлением, безусловно, имеет основания; его попытка приложить идеи Берка к Конго страдала, однако, от неадекватности доступной ему в то время информации. Тананаривское соглашение 1960 года было не межплеменным договором, как полагал Мазруи, а организованной в международном масштабе попыткой достижения компромисса между международными силами.

2

1) *Переписка VI*, стр. 9-12. Это самое раннее из известных высказываний Берка о революции.

2) Издатели *Переписки VI* дают следующий комментарий: "Еще в 1769 году, говоря о финансовых затруднениях Франции, Берк писал: «Мне кажется, что, рассматривая состояние дел в этой стране пусть с незначительной долей внимательности и опираясь на самую скудную информацию, остается только ожидать, что в любую минуту всю эту систему сотрясет невероятный взрыв, степень влияния которого на Францию и даже на всю Европу трудно предугадать»" (*Corr. VI*, eds. Cobban and Smith, p. 10, n. 2).

3) Это письмо, датированное октябрём 1783 года, на которое Берк ссылается в своем вступлении. Коббан и Смит, однако, утверждают, что оно было написано в ноябре и, вероятно, не было отправлено до конца этого года (*Corr. VI*, pp. 39-50).

4) *Corr. VI*, 12 November 1789.

5) *Corr. VI*, pp. 55-58, 17 December 1789.

6) Издатели *Переписки VI* датируют его "приблизительно серединой или второй половиной января 1790 года".

Они также указывают, что Берк не читал проповеди доктора Прайса и переписки Общества революции до своего приезда в Лондон "на заседание парламента 21 января" (*Corr. VI*, p. 81). Заключительная часть письма, похоже, написана уже после того, как он ознакомился с тем и другим.

7) *Размышления*, стр. 70-75 и ссылки 2-5, стр. 379-380.

8) Выступления в прениях по военному бюджету, 1790.

3

1) В марте следующего года после издания *Размышлений* миссис Берк с гордостью пересказала своему зятю беседу, которую ее муж имел с Георгом III: "Все говорят, что вы поддержали всех нас, не так ли, лорд Стэйр?..." - "Безусловно", - сказал лорд Стэйр. - "То, что Ваше Величество присоединяется к этому мнению, сделает его всеобщим, - сказал Нэд. - Я знаю, что это всеобщее мнение, и я знаю, что всякий, кто называет себя джентльменом, должен чувствовать себя обязанным вам, ибо вы поддержали благородное дело" (*Corr. VI*, pp. 237-239. Jane Burke to W. Burke, 21 March 1791). За несколько месяцев до этого Берк писал, что получил "от герцога Портленда, лорда Фицвильяма, герцога Девонширского, лорда Джона Кэвендиша Монтегю и многих других из старой гвардии вигов полнейшее одобрение идей, содержащихся в этой работе [*Размышлениях*], и любезное разрешение к публикации" (*Corr. VI*, pp. 176-180, to Sir G. Elliot, 29 November 1790).

2) Пенсия в размере 1.200 фунтов стерлингов в год, выделяемая по гражданскому листу, была назначена в 1795 году. В письме к Фицвильяму после разрыва с Фоксом Берк жалуется, что Фокс забыл "о низком обвинении в том, что на ту борьбу, которой я отдал (sic) почти два года, препятствуя распространению идей Французской революции в нашем королевстве, меня подвигло не что иное, как тайная взятка, которую я получил, якобы, от министров" (*Corr. VI*, pp. 271-276, 5 June 1791).

3) См. сноску 1, стр. 5. Маркс цитирует *Фрагменты размышлений о бедности* (1795): "Законы коммерции являются законами природы, а следовательно, и зако-

нами Божьими". "Не удивительно", - добавляет Маркс, - "что послушный законам Божьим и законам природы, он всегда продавал себя по высшей рыночной цене" (*Capital*, I, p. 760, п. 2).

4) См. Диксон Вектер, *Эдмунд Берк и его родня: исследование финансовой честности и частных отношений государственного деятеля* (Boulder, 1939). "Не стараясь прямо обвинить впечатлительного и переменчивого ирландца в личной заинтересованности", - пишет Вектер, - "вполне можно связать его защиту Восточноиндийской компании в период с 1766 по 1772 год с интересами его родни и их участием в "Фондах", а его более поздние нападки на гордость и высокомерие этой компании, проявившиеся в билле о Восточной Индии 1783 года и последующем привлечении к суду Гастингса, с тем фактом, что Уилл Берк [родственник и близкий друг Эдмунда] тем временем превратился из лондонского биржевого дельца в "правительственного служащего в Индии". Вот как комментирует исследование м-ром Вектером финансового положения Берка профессор Коупленд: "...теперь совершенно ясно, что как Ричард [брат Эдмунда], так и Уилл бывали при случае бесчестны в своих финансовых сделках. Эдмунд, хоть так и не было никогда доказано, что он когда-либо сознательно поступил бесчестно, был тем не менее настолько тесно связан с обоими, что неизбежно и вполне справедливо делил с ними ответственность за их поступки" (*Edmund Burke; Six Essays*, London, 1960).

5) *В защиту прав человека* (1790). Сын Берка Ричард, хотя горячо и даже чрезмерно поддерживал политические воззрения отца, считал, что только выиграл бы от революции: "Лично мне изменения - такие же или подобные произошедшим во Франции - принесли бы только большую пользу и очевидную выгоду..." (*Sheffield Papers*; R. Burke Jr. to Fitzwilliam, 20 July 1790).

6) *Переписка VI*, стр. 39-50; ответ де Пону, ноябрь 1789 года; см. выше, стр. 9-10. Сначала Берк колебался,

посылать ли письмо, поскольку "в периоды смут подозрительность растет", но, услышав, что события утихают, отправил его.

7) R. R. Fennessy, O.F.M.: *Burke, Paine and the Rights of Man*, The Hague, 1963 (pp. 193-194).

4

1) *Boswell's Journal of a Tour to the Hebrides*, 15 August 1773. Того же мнения придерживался и Кольридж: "Никто не был в большей степени самим собой" как Эдмунд Берк (*Essay on the Grounds of Government*, 1809). Том Мур, с другой стороны, считал, что "у него нет единого нравственного лица в поступках и творчестве" (*Memoirs of Sheridan*, 1825). Мур, в отличие от интересующегося политикой Макинтоша, считал, что отношение Берка к Французской революции есть полный отказ от его прежних убеждений.

2) *Corr. VI*, pp. 104-109; to A. J. F. Dupont, post 29 March 1790.

3) Эдмунд Берк; *Шесть очерков*.

4) "У Берка теперь такая свита, которая потопила бы кого угодно, кроме него: его сын, от которого тошнит весь свет; его братец, который пользуется чуть большей симпатией, чем его сын, но угнетает своим животным началом и ирландским акцентом, и его кузен Уилл Берк... который один в состоянии погубить всю его карьеру. У миссис Берк на попечении находится мисс Френч, самая дикая ирландка, какую когда-либо удавалось поймать" (*Sir G. Elliot*, 2 May 1793 - *Life and Letters of Sir G. Elliot*, ed. Countess of Minto, London 1874; II, 136).

5) "Нравственные чувства, столь тесно связанные с древними предрассудками, что их почти не отличить, безусловно перестанут существовать при режиме, в основе которого лежит уничтожение всех предрассудков". Собр. соч. III, стр. 108.

6) См. п. 5, pp. 379-380.

7) Имеется в виду победа Питта на выборах этого го-

да, во время которых голоса диссидентов способствовали полному поражению вигов, а следовательно, и изоляции Берка в последние годы его жизни.

8) *Corr. V*, pp. 470-474; 8-9 May 1789.

9) *Sheffield Papers*.

10) *Протестантский диссидентский катехизис* Пальмера и *Принципы нонконформизма* Робинсона.

11) *Corr. VI*, pp. 82-85; to R. Bright, 18 February 1790.

12) Его глубокая личная неприязнь прорывается в конце второго письма к Брайту. Берк пишет, что для него поддержать петицию диссидентов значило бы "явить миру весьма дурной пример крайне безнравственного поведения, то есть показать людям, что можно подвергаться гонениям и клеветать на своего верного друга... а после этого использовать его возможности для целей своей партии. Это, милостивый государь, был бы ужасный пример".

13) Один из его противников считает, что именно эта угнетенность духа и задетое самолюбие и явились толчком к написанию *Размышлений*: "После того, как в течение многих лет вы были Цицероном одной из сторон в парламенте," - пишет Мэри Уолстонкрафт, - "оказаться в забвении, видеть, как меркнут ваши заслуги - этого было достаточно, чтобы перевернуть вам душу и заставить вас написать исполненные страсти *Размышления*... (*В защиту прав человека*). Аналогичную точку зрения высказывает и Дизраэли в *Sybil*. "Берк излил чашу накопившегося гнева в взволнованное сердце христиан," и т.д. Дизраэли считал, что гнев его был направлен против Фокса за то, что тот занял его место предводителя вигов.

14) Эти разногласия не иссякли с публикацией *Размышлений*. В конце 1791 года, например, он пишет, что "со всей серьезностью наблюдает за авангардом партии, который существует среди диссидентов", и утверждает, что девять десятых из них "полностью разделяют идеи Французской революции" (*Corr. VI*, pp. 418-422; to Dundas, 30 September 1791).

15) *Размышления*, стр. 139.

16) Фамилия Берк норманнского происхождения, но норманнская и гаэльская кровь смешались уже давно. Отец Берка, говорит сэр Филипп Магнус, "вышел из семьи, которая давно смешалась с кельтским населением страны" (*Эдмунд Берк: Жизнеописание*, Лондон, 1939, стр. 1, 5).

17) В 1765 году враги Берка сообщили герцогу Ньюкасльскому, который, в свою очередь, сообщил об этом Рокингему, что Берк был папистом, получившим образование у иезуитов. Берк, опровергая это обвинение, предложил уйти в отставку, но Рокингем не принял ее. (Carl B. Cone, *Burke and the Nature of Politics: The Age of the American Revolution*, Kentucky University Press, pp. 71-72).

18) *Corr. VI*, pp. 214-216; to an unknown 26 January 1791.

19) *Размышления*, стр. 116: "Ощущать себя членом некоего малого отряда внутри общества и любить его - есть первая заповедь (или, точнее, зародыш) любви ко всему обществу".

20) *Corr. I*, p. 274. См., однако, постскрипtum на стр. 59.

21) Basil O'Connell, "The Rt. Hon. Edmund Burke... A Basis for a Pedigree", *Journal of the Cork Historical and Archaeological Society*, Vol. LXI, pp. 257-274, January-June 1956.

22) У. Б. Йейтс в конце своей жизни часто ставил Берка - наряду со Свифтом, Беркли, Голдсмитом, Граттаном и Парнеллом - в число прославленных протестантов англо-ирландского происхождения (См. *The Senate Speeches of W. B. Yeats*, ed. Donald R. Pierce, London 1961). На самом деле Берк никак не мог входить в эту категорию.

1) *Sheffield Papers*; 29 July 1790.

2) Ричард пытался убедить могущественного лорда из партии вигов в необходимости выразить свое несогласие с Фоксом и Шериданом и отречься от лидеров вигов в Палате общин, одобрительно высказывавшихся о революции. Он пишет, без ведома отца, что "он убежден, что выражает не только свои, но и его чувства". Фицвильям отвечает ему, что время и характер отречения он определит сам.

3) Это выражение не совсем риторическое. Удивительно, как часто, говоря о революции, Берк употребляет выражения из области сверхъестественного и фантастического. Вожди революции "точно по волшебству вознесенные на вершину из самого смиренного подневольного состояния" (*Размышления*, стр. 111); это люди, которые разрубают своих отцов на куски и бросают их "в котел чародея" (*ibid.* стр. 174). В частной переписке он говорит о революции: "Это странное, безмянное, дикое, одержимое создание" (январь 1791) и "это гнусная химера, бред сумасшедшего, а не правительство" (26 сентября 1791 г.); сторонников революции в Англии он называет "дьявольской фракцией" (сентябрь 1792); их прессу - "адскими газетами" (октябрь 1792). В последние годы жизни, естественно, пристрастие к таким образам становится навязчивой идеей: см. отрывок, начинающийся словами "Гарпии революции во Франции, порождение ночи и ада" в *Письме к благородному лорду* (1796); отрывок о "призраке" в первом *Письме о мире с цареубийцами* (1796); "странный призрак" (второе *Письмо*, 1796). В последнем незаконченном *Письме* он пишет: "В дни, до которых мне довелось дожить, мне все время кажется, что я хожу по заколдованной земле. Все ново и, как нынче модно стало говорить, революционно". Берк использует эту "мистическую" терминологию и говоря об Ирландии (см. стр. 27).

4) *Sheffield Papers*; с. 6 December 1796.

5) *Sheffield Papers*; to Hussey, 18 May 1795.

6) To Hussey, с. 6 December 1796. Нет сомнения, что Берк в этом отрывке имеет в виду ирландских католи-

ков: он относился к ирландским диссидентам как к привилегированной группе.

7) Т. Н. D. Mahoney, *Edmund Burke and Ireland*, London, 1960, p. ix.

8) *Sheffield Papers*; to Thomas Burgh, New Year's Day, 1780. Далее он добавляет, что, когда он понял несбыточность этой мечты, "весь блеск моего якобы высокого положения померк, и я почувствовал себя униженным своим возвышением".

9) Письмо к высокочтимому Эдмунду Перри (1778); письмо к Томасу Бургу (1780); письмо к Джону Мерлотту (1780); письмо к пэру Ирландии (1782); письмо к сэру Херкулесу Лангришу (1792); письмо к Вильяму Смиту (январь 1795); второе письмо к сэру Херкулесу Лангришу (1795); письмо к Ричарду Берку (1792). Собр. соч., том V, стр. 486, 491, 510, 282; том III, стр. 298; том IV, стр. 49, 56, 61.

10) В любом случае сомнительно, чтобы красноречие такого порядка, как в *Размышлениях*, могло быть продиктовано корыстными побуждениями. Посол одной маленькой, но дипломатически важной страны, отстаивая официальную точку зрения в споре с автором этих строк и видя, что его доводы неубедительны, вздохнул и сказал: "Мне платят за то, чтоб я высказывал эту точку зрения, но зачем мне настаивать на ней? Так много мне не платят".

6

1) Второе письмо к сэру Херкулесу Лангришу (1795). Собр. соч., том VI, стр. 56.

2) Письмо к Ричарду Берку (1792). Собр. соч., том VI, стр. 61.

3) Собр. соч., том VI, стр. 61-80; по мнению доктора Дж.А.Вудса, написано не позднее 19 февраля 1792 года.

4) Сравните с высокоидеализированным взглядом на ирландскую историю в его знаменитой *Речи о примирении с колониями* (1775); Собр. соч., том I, стр. 450: "Не

английское оружие, а английская конституция завоевала Ирландию". В этой же речи Берк использует чистоту протестантства в некоторых из колоний как аргумент в их пользу. Оба эти утверждения резко противоречат тону его последних сочинений.

5) Из письма к Ричарду Берку, которое я цитировал выше, становится ясно, что же так мучило Берка при мысли о Славной революции в Ирландии. Берк не "берет на себя смелость защищать" ирландцев, восставших против английского парламента, но считает, что, во-первых, следует признать наличие "смягчающих вину и оправдывающих обстоятельств"; что, во-вторых, ирландцы не признавали короля Уильяма "на том же основании, на каком англичане и шотландцы не признавали короля Иакова", и, наконец, что "ирландские католики были бы нелепейшими из повстанцев, если бы не поддержали короля Иакова".

6) Это, естественно, не предполагает, что Берк был якобитом, с политической точки зрения: для этого он был слишком практичен. Смысл этого сравнения в том, чтобы показать, что чувствами он был на стороне ирландских католиков, которых все еще карали за их приверженность Иакову II даже во времена Берка.

7) "Самый идеальный протестант - это, безусловно, тот, кто выступает против христианской религии вообще" (письмо к сэру Херкулесу Лангришу, 1792; Собр. соч., том III, стр. 313). См. также саркастические замечания в *Письме о положении дел в Ирландии* (1797) о "протестантской директории в Париже... и о герое-протестанте Бонапарте..." (Собр. соч., том VI, стр. 87). Однако, говоря в *Размышлениях* об Англии, Берк пишет от лица протестанта, но только такого, который не слишком сурово осуждает римско-католическую церковь (стр. 236-248).

8) Берк пытался - менее успешно - использовать в этом же плане и Американскую революцию. Преследование "какого-либо народа" (как он назвал ирландских католиков) когда-то, быть может, и могло сойти с рук:

"Но сейчас у нас революция, поэтому благоразумнее проявить справедливость" (Речь в Бристоле, 1780; Собр. соч., том II, стр. 155).

9) См. Carl B. Cone, *Burke and the Nature of Politics: The Age of French Revolution*, pp. 487-488. Берка стали рассматривать как "главного, если не единственного инициатора всех мер, направленных на облегчение участи ирландских католиков".

10) To William Smith, Esq., 26 May 1795. Собр. соч., том VI, стр. 53.

11) См. *Corr. I*, pp. 248-249.

12) *Ibid.*, стр. 215-216. Он просит своего дядю (чей сын похитил наследницу-протестантку, за что полагается смертная казнь) подумать о том, что "для всех этих людей - в Англии - он человек новый и почти чужой" и "что многие уже пытались" погубить его (To Patrick Nagle: 14 October 1765).

13) Так, покойный Джозеф Хоун, автор блестящей биографии У.Йейтса (1865-1939) - Лондон, 1942 - утверждает, что Йейтса "преследовал вопрос о том, как связать аристократический и протестантский образ мышления Свифта, Беркли и Берка с современным "гаэльским" национализмом" (стр. 379). На самом деле Берк был таким же "гаэльским" националистом, как любой из современных нам, и даже в большей степени таковым, чем некоторые из них. В литературной ретроспективе мы видим Берка большим аристократом, чем его современники, которые скорее считали его "ирландской выскочкой из католического отребья по ту сторону Бристольского канала" (Sir Philip Magnus, *Edmund Burke*, p. 216). Отношение Берка к протестантству рассматривается в тексте данной работы.

7

1) Как справедливо заметил Хэзлит: "Берк настолько не склонен к витиеватости и цветистости стиля, что про него можно сказать, что он один из наших самых стро-

гих писателей" (*Essay on the Character of Burke*, 1807).

2) См. эссе *Our Wits About Us* в *Writers and Politics*.

3) Хэзлит считал, что его речи временами "граничат с буффонадой". Невысокого мнения о его остроумии был доктор Джонсон: "Он вульгарен и тщеславен... Берку ни разу не удалась хорошая шутка". См. также собрание критических замечаний о Берке в кн.: *Edmund Burke: Selections*, edited by A.M.D. Hughes and published by the Clarendon Press in 1921.

4) *Письмо к благородному лорду* (1796); Собр. соч., том V, стр. 142.

5) Первое *Письмо о мире с цареубийцами* (1796); Собр. соч., том V, стр. 225. Яростный обличительный тон *Писем* иногда производит впечатление гиперболы карикатуриста, а не иронии писателя. В этом же *Письме* он рисует следующую картину возобновленных дипломатических отношений между революционным правительством в Париже и европейскими дворами: "Можно вообразить шествие полномочных представителей королевского бессилия в последовательности, за которую им придется много интриговать и предпочтение в которой будет оказано в соответствии с мерой их падения, раболепно вползающих на прием к цареубийце со следами улыбки, специально изображенной для их господ, все еще дрожащей на искривленных губах, в лохмотьях своего придворного изящества встречаемых пренебрежительной, плотоядной, сардонической ухмылкой кровавого головореза, который, принимая их поклоны, мерит их взглядом, уже представляя их под ножом гильотины!" (*ibid.*, стр.171).

6) Четвертое *Письмо о мире с цареубийцами*; напечатано посмертно; Собр. соч. том V, стр. 338.

7) Эти три высказывания взяты из *Размышлений*.

8) Можно было бы выделить еще несколько других комбинаций, но объем данной работы этого не позволяет. Есть, например, стиль, промежуточный между "величественным" и ироническим, который Берк любит использовать, когда спорит с доктором Прайсом, и кото-

рому Мэри Уолстонкрафт дала прекрасное определение: "Вы считаете уместным предпочесть средневековую любезность, снисходительный тон сеньора - корректности свободомыслящего человека" (*В защиту прав человека*).

9) Третье из *Писем о мире с цареубийцами* (1797); Собр. соч., том V, стр. 268.

10) Тэн считал, что "Берку не было смысла изучать Цицерона", поскольку он оставался "наполовину варваром". "Германские народы так никогда и не достигли изысканности греческого и французского языков". Он продолжает превозносить Берка в преувеличенных и неуместных выражениях. Цитаты взяты из тома VIII нью-йоркского издания книги И.Тэна *История английской литературы* 1965 года. Хэзлит, как всегда, был гораздо точнее: "Берку не хватало отточенной изысканности стиля, приглаженности, искусной правильности, тонкой модуляции Цицерона, но у него в тысячу раз больше живости ума, больше силы и блеска языка" (*Essay on the Character of Burke*, 1807).

8

1) *Corr. VI*, pp. 85-87; Francis to Burke, 19 February 1790.

2) *Ibid.* Такой совет не первый и не последний раз дается английским критиком писателю-ирландцу. Фрэнсис также ощущает пафос Берка в "отрывке о королеве": см. стр. 150-151 и примечание.

3) *Corr. VI*, pp. 88-92; Burke to Francis, 20 February 1790.

4) *Corr. VI*, pp. 150-155; Francis to Burke, 3,4 November 1790. Вполне понятно, что Берк воспринял ответ Фрэнсиса скорее "как полемику", чем как "критику друга" (Burke to Francis, 9 November 1790).

5) *Vindiciae Gallicae* (1791). Позднее Макинтош отказался от своих нападок на Берка и кардинально изменил свое первоначальное суждение о нем. По мнению

Макинтоша в 1799 году, Берк только потому не признан самым глубоким и проницательным мыслителем, что, хоть он и обладал непревзойденным даром красноречия, бесконечная сила и мощь его доводов была скрыта от вульгарного взгляда ослепительной пышностью, в которую они были облечены" (R. J. Mackintosh, *Memoirs of... Sir James Mackintosh*, London, 1835, p. 91).

6) Основная роль государства в этом вопросе заключалась, по его мнению, в подавлении пропаганды оппозиционного толка.

7) Современный французский специалист по проблеме контрреволюции утверждает: "Среди всех теоретиков контрреволюции первым, чьи труды встретились с международным откликом, был англичанин Эдмунд Берк" (Jacques Godechot, *La Contre-Révolution, 1789-1804*, Paris, 1961).

8) Собр. соч., том V, стр. 259. Здесь Берк, похоже, предвосхищает Маршалла Маклюэна.

9) *Corr. VI*, pp. 206-208; Burke to Vicomte de Cisé, 24 January 1791. К письму прилагается детальная анкета, вопросы которой очень напоминают те, какие современный контрпропагандист мог бы задать, например, беженцу из Тибета для того, чтобы собрать материал для выступления на заседании ООН.

10) *Corr. VI*, pp. 241-243; Burke to Chevalier de la Bintinaye, March 1791.

11) Ibid.

12) *Corr. V*, pp. 436-445; Burk to Windham, c. 24 January 1789. Далее он ратует за публикацию "решительных манифестов".

13) А также и преуменьшения: "Извращение истины и обман ни в коем случае недопустимы, но, как и в проявлении всякой добродетели, есть мера и в правде. Это такая сдержанность, которая позволяет человеку говорить правду не до конца с тем, чтобы говорить дольше" (Первое Письмо о мире с цареубийцами, 1796; Собр. соч., том V, стр. 230).

14. *Corr. VI*, pp. 315-320; Edmund Burke to Richard

Burke, Jr., 5 August, 1791. Это был верно рассчитанный удар. "В оппозиции нет ни одного человека, который, по мнению Берка, не должен был бы считаться врагом существующей у нас конституции, ибо кто, скажите, может знать их лучше г-на Берка?" Портленд к Лоуренсу, 23 августа 1791 (*Sheffield Papers*).

15) р. 9; п. 1.

16) "Я подчеркиваю и хочу, чтобы на это обратили внимание, речь идет о *долгой войне*, ибо без такой войны, как показывает нам опыт истории, никакую опасную силу нельзя ни обуздать, ни образумить". *Первое письмо о мире с цареубийцами*, 1796. Собр. соч., том V, стр. 195.

9

1) Письмо к члену Национальной Ассамблеи (1791). Собр. соч., том II, стр. 534.

2) *Назревшие проблемы, нуждающиеся в сегодняшнем рассмотрении* (написано в ноябре 1792 года). Собр. соч., том III, стр. 409.

3) Предисловие к *Обращению "избирателя" М. Брисс* (1794). Собр. сч., т. III, стр. 525-526.

4) *Первое Письмо о мире с цареубийцами* (1796). Собр. соч., том V, стр. 164-165.

5) *Заметки о политике союзников* (начато в октябре 1793 года); курсив автора. Собр. соч., том III, стр. 442.

6) *Второе Письмо о мире с цареубийцами* (1796). Собр. соч., том V, стр. 234.

7) Эдмунд Берк Ричарду Берку (старшему), 24 июля 1791; *Corr. VI*, р. 307.

8) Письмо к члену Национальной Ассамблеи (1791). Собр. соч., том II, стр. 542-543.

9) *Второе Письмо о мире с цареубийцами* (1796). Собр. соч., том V, стр. 232.

10

1) Даже консервативные викторианские умы не мог-

ли подумать, что Берк когда-нибудь снова может быть использован в контрреволюционных целях: "Никому в наши дни," - заявлял Эдвард Дауден, - "не придет в голову натянуть кожу Берка на барабан, чтобы исполнить на нем антиреволюционный марш. Прошло время подобного полемического критицизма..." (*Французская революция и английская литература*, Лондон, 1897).

2) Конечно, не из *Размышлений*. "Кладезем премудрости" Гладстон назвал Берка, имея в виду его статьи "об Ирландии и Америке", а не Франции.

3) Morley, *Gladstone*, III, p. 280.

4) Я согласен, что ни один серьезный студент не мог бы совершить такой ошибки, но ведь серьезный студент, по определению неспособный совершить подобную ошибку, это явление столь же редкое, как "*homo oeconomicus*".

5) *Corr.* VI, pp. 67-75, 109-115; Пэйн Берку, 17 января 1790... Клоотц Берку, 12 мая 1790..."Бросайте свой остров, мой дорогой Берк, приезжайте во Францию."

6) Burke to John Trevor; *Corr.* V, pp. 216-219.

7) Первое *Письмо о мире с цареубийцами*. Собр. соч., том V, стр. 157.

8) Доктор Прайс говорит об "отбросах общества"; по Марксу, "Lumpenproletariat" складывается из "сброда".

11

1) Приветственная речь в Тринити-Колледже в Дублине по случаю 200-летия основания клуба Берка (14 марта 1947). Ласки упоминает в ней о "тесте" Хэзлита: "В качестве проверки ума и искренности своего оппонента я всегда спрашивал такового, считает ли он Берка великим человеком" (*On the Character of Burke*, 1807).

2) Контрреволюционная агрессивность Берка в последние годы его жизни шокировала даже иных из его почитателей. "Слова Берка", - писала леди Эллиот 14 апреля 1795 года, - "сказанные им в парламенте три дня назад, многих привели в ужас. Когда Шеридан сказал,

что набирать в армию эмигрантов жестоко, ибо говорят, что, оказавшись в плену, они не могут ждать пощады, и спросил, должны ли и мы, если так оно и есть, и их действительно всех убивают, платить тем же и не проявлять милосердия ко всем, кто попадает в плен к нам, Берк воскликнул: «Конечно, мы должны мстить тем, кто оказывается в наших руках». Мне, как и большинству слышавших его слова, кажется невероятным, чтобы они могли быть сказаны человеком гуманным и чувствующим..." (*Life of Sir G. Elliot*, II, pp. 288-289). См. также Собр. соч., том III, стр. 414.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1) Толстой весьма одобрил бы школьного товарища Берка, Шеклтона, заявлявшего, что он отказывается преподавать "тех авторов, которые соблазнительным языком пишут о прелестях любви и гнусной военной профессии" (Цитируется в книге: A. P. Samuels, *The Early Life, Correspondence and Writings of the Rt. Hon. Edmund Burke L.L.D.*, Cambridge, 1923, p. 130).

2) Берку снова было предложено представлять Мальтон в 1774 году, но он предпочел представлять Бристоль. Он начал представлять Мальтон с 1780 года до выхода в отставку в 1794 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) См. предисловие. Первоначальный ответ де Пону, о котором идет речь, был, вероятно, написан в ноябре 1789 г. и отличался от *Размышлений* своим более умеренным и покровительственным тоном.

2) Общество для распространения сведений о конституции было основано в 1780 г. майором Картрайтом и стало особенно активным после 1790 г., когда его возглавил Хорн Тук, а в основу деятельности легли принципы, разработанные одним из членов - Томасом Пейном. Общество не пережило ареста и судебного разбирательства по делу его руководителей в 1794 г. См. : E. P. Thompson. *The Making of the English Working Class*.

Общество революции было основано в 1788 году, к столетней годовщине английской революции 1688 году. Председателем общества был граф Стэнхоуп (см. прим. 6). Как отмечает в этой связи издатель сочинений Берка Э. Дж. Пейн, слово "революция" претерпевало перемены; так, когда создавалось Общество революции, оно еще было в моде, хотя уже на исходе моды, после Великой Французской революции положительное его значение совершенно исчезает из английского языка (Burke. *Select Works*, 1875, vol. II,

р. 295). Правда, с тех пор оно успело вновь появиться в языке.

3) "Никогда не отделяйте напрочь в своем уме достоинства любой политической проблемы от людей, с сей проблемой связанных" (Берк. Письмо де Пону).

4) Дон Кихот.

5) Ричард Прайс (1723-1791) был в то время видным проповедником-диссидентом. Его проповедь *Рассуждения о любви к нашей стране*, произнесенная в Старом Гетто 4 ноября 1789 г. и прочитанная Берком в январе 1790 г., послужила непосредственным поводом для *Размышлений*. Это сочинение Прайса было опубликовано Обществом революции вместе с поздравительным адресом, о котором упоминалось выше, и ответным посланием Национального собрания. Прайс был связан с лордом Шелберном, противником Рокингема, которого Берк терпеть не мог (см. прим. 9).

Жан де Дье-Раймон де Кюсе Буажелен (1732-1804), архиепископ Экский, был избран председателем Национального собрания в ноябре 1789 г., вследствие чего ему было поручено ответить на приветствие, полученное из Лондона. Этот серьезный церковный деятель реформистского толка позднее был вынужден порвать с революцией и бежать в Англию, где он впоследствии и умер.

Луи Александр, герцог де ла Рош-Гийон и де ла Рошфуко д'Анвиль (1743-1792) был одним из первых знатных дворян, примкнувших к третьему сословию. Друг лорда Стэнхоупа (см. прим. 6), он выступил в качестве посредника при передаче приветствия лондонского Общества революции Национальному собранию и внес предложение об ответном послании со стороны Национального собрания с выражением признательности Обществу революции. В 1792 г. он был насмерть побит камнями в Жисоре.

О герцоге де ла Рошфуко-Лианкуре, также одном из первых представителей знати, поддерживавшем новый режим и избранном председателем Национального со-

брения 20 июля 1789 г., см. прим. 89.

Оба эти лица ныне именуются "герцог де ла Рошфуко".

6) Чарльз, третий граф Стэнхоуп (1753-1816), председатель Общества революции (1788), чье поздравление по случаю взятия Бастилии он передал в Париж. В 1790 г. он опубликовал ответ на речь Берка о французской революции. В 1795 г. он ушел из парламента (членом которого стал благодаря содействию лорда Шелберна) после того, как его предложение о невмешательстве во внутренние дела Франции не получило ни одного голоса, кроме его собственного. Он был видным ученым и изобрел счетную машину; был известен также дурным обращением со своими детьми, которых лишил наследства. Он представлял собою тип гуманиста, особенно ненавистный Берку: "Медведица любит своих детенышей, облизывает их и заботится о них - но ведь медведица не принадлежит к числу философов" (*Письмо к члену Национального собрания*).

7) Демосфен сказал, что дельфийский оракул провозглашал "*филиппики*", имея в виду, что эти пророчества служили интересам Филиппа Македонского.

8) Хью Питерс (1598-1660) - индипендентский священник и капеллан армии парламента во время Реставрации; был казнен за то, что дал согласие на казнь короля Карла I.

9) Под знатью имеется в виду Огастус Генри Фитцрой, третий герцог Графтон (1735-1811), канцлер Кембриджского университета и автор труда *Hints Submitted to the Serious Attention of the Clergy, Nobility and Gentry, by a Layman* (1789). На него нападал анонимный памфлетист, печатавшийся под псевдонимом Юниус (как считают теперь, сэр Филипп Фрэнсис, враг Уоррена Гастингса, см. прим. 32) за то, что он крал лес, и также "за его отношения с Нэнси Парсонс". Возможно, Берк также мог иметь в виду отвратительного ему Уильяма Пети, первого маркиза Лэнсдоуна, более известного как лорд Шелберн (1737-1805) - одного из крупнейших

политических деятелей того времени, покровительствовавшего диссентерам и выступавшего за примирение с Францией. "Если лорд Шелберн не стал Катилиною и Борджиа в вопросах морали, это не следует приписывать ничему иному, как только его разумению", - говорил о нем Берк.

10) "Искатели" - одна из сект конгрегационалистов (XVII в.); большинство ее руководителей впоследствии примкнули к "Обществу друзей" (квакеры) - протестантской секте, которая не имеет духовенства, отвергает религиозный обряды и проповедует пацифизм.

11) "Тем, кому не нравится порядок богослужения, предписанный общественными властями, надлежит, ежели они не могут отыскать подходящей для себя системы богослужения вне одобряемой ими церкви, установить особое богослужение для себя; поступая таким образом и подавая пример разумного человеческого богослужения, влиятельные в своем сословии и в литературе люди могут оказать величайшую услугу обществу и миру" - проповедь д-ра Прайса (*прим. авт.*).

12) Hortus siccus (лат.) - гербарий.

13) "Если б на мелочи эти потратил он все свое время казней свирепых..." (Ювенал, *Сатиры*, IV, 150, перев. Д. Недовича и Ф. Петровского).

14) "Мысли собираю и так кладу, чтоб достать было близко" (Гораций, *Послания*, I, i, 12, перев. Н. Гинцбурга).

15) Название "Декларация о праве" чаще употребляется применительно к акту, где Вильгельм и Мария были провозглашены королем и королевой (февраль 1689 г.) и который, по словам Маколея, был, в сущности, революционным документом, поскольку был написан и принят незаконным комитетом, а сама Декларация никогда не получала королевского соизволения. Затем основные положения этой Декларации были воспроизведены в Билле о правах и стали законом к концу года. Из текста ясно, что Берк имеет в виду именно этот статут.

16) Положение римского права, суть которого Берк передал в предыдущей фразе.

17) Иаков Эдуард Стюарт - сын Иакова II от второго брака, впоследствии старший претендент на престол; по мнению врагов Иакова II, не был законным наследником: они утверждали, что младенцем его тайком пронесли в Сент-Джеймский дворец.

18) Барон Джон Сомерс (1651-1716) - политический деятель, принадлежавший к партии вигов, советник Вильгельма III и лорд-канцлер.

19) "Из общего обязательства государства" - источник цитаты не обнаружен. "Возможно, Берк сам избрал это выражение, чтобы придать больше веса собственным мыслям", - считал Пейн.

20) По римскому праву наследование шло *per stirpes* - каждая линия наследников получала только ту часть наследства, которую их родители получили бы, если бы они были живы, а не *per capita*, когда все прямые наследники, отстоявшие от общего предка на одинаковую степень, получают равную долю. Здесь, как указывал Пейн, Берк имеет в виду под наследником *per capita* самого старшего и достойного представителя семейства.

21) Вергилий, *Георгики*, 4, о пчелах:

Так, хотя им самим предел ограниченный века
Жизнь обрывает (затем, что седьмого не выжить им лета),
Все ж остается их род бессмертным; и многие годы
Дом Фортуна хранит, и предки числятся предков.

(Перев. С. Шервинского)

22) Статья 25 статута Эдуарда I (1297), которая считалась конституционным основанием того принципа, что не может быть иного обложения налогом, кроме как по указу парламента.

Петиция о праве (1628) - статут Карла I - обязывала короля не собирать податей без согласия парламента и не подвергать подданных тюремному заключению без законных оснований.

Habeas Corpus Act (от лат. "Ты имеешь [доставить в суд] особу...") - "Закон о неприкосновенности личности" - предписывает представление арестованного в суд

в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста; одна из основ английской конституционной практики; принят в 1679 г.

23) "Оный король Иаков II, пытавшийся *ниспровергнуть* конституцию королевства, извратив *первоначальный договор* между королем и народом, нарушив по совету иезуитов и других злобных людей *основополагающие законы* и удалившись из королевства, *отрекся* от правления, а посему престол является свободным".

24) Теренций, *Девушка с Андроса*, I, i, 17: "Твое напоминание почти упрек..." (в оригинале: "...напоминание твое - как бы упрек..."). Берк часто цитирует по памяти, а иногда подправляет текст, чтобы он лучше подходил для его целей. В работе Пейна показано, насколько английская речь Берка отзывается классическими сочинениями древности.

25) Титулы, использовавшиеся папами.

26) Средневековые короли Арагона были обязаны представлять любые расхождения с арагонской знатью на арбитраж главного судьи (Justicia).

27) Ливий, IX, i, 10: "Война справедлива для тех, кому она необходима".

28) Сэр Эдвард Кок (1552-1634) - судья, знаток и толкователь права, сочинения которого оказали огромное влияние на английское законодательство и судопроизводство.

Сэр Вильям Блэкстон (1723-1780) - судья и законодатель, издатель Великой хартии вольностей (грамоты 1215 г., ограничивавшей королевскую власть). Его труды, оказавшие влияние на подготовку юристов в Англии и Америке, критиковались за исключительный консерватизм.

29) Джон Селден (1584-1654) - юрист и член Долгого парламента, возглавлявшего борьбу против абсолютизма во время английской революции.

30) Эммануэль Жозеф Сьейес (1748-1836) - священ-

ник, публицист и политический деятель, игравший ведущую роль на раннем этапе Французской революции и написавший проект "Декларации прав человека и гражданина" (июль 1789 г.).

31) В *Письме благородному лорду Берк* вновь говорит о том, как важно неустанно повторять, "покуда изречение сие не станет пословицей: нововведение не есть реформа".

32) В то время практическая деятельность Берка была главным образом сосредоточена на проведении импичмента генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса; см. также заключительный абзац книги ("...в усилиях честных людей, стремящихся подорвать доверие к торжествующему угнетению").

33) Сэр Генри Рич, первый граф Холланд (р. 1590) - придворный и политик, колебавшийся между королем и парламентом, был казнен в 1649 г. Берк приводит его в пример как дворянина, бравировавшего идеями, сходными с теми, которые провозгласила Французская революция, - идеями, легкомыслие и непоследовательность которых Берк не устает обличать (см. в особенности *Письмо благородному лорду*).

34) Цитата из *Панегирика милорду протектору Воллера* (поднесен в 1655 г.); впоследствии автор написал панегирик Карлу II - случай, заставляющий вспомнить о том, как в наше время Поль Клодель написал сперва оду Петену (1940 г.), а потом - де Голлю (1944 г.). Приводится в переводе А. Бабица.

35) Несмотря на свой ужас перед цареубийством, Берк все же видит в Кромвеле определенные достоинства: "Кромвель избавил Англию от безвластия. Его правление, хотя военное и деспотическое, отличалось твердым порядком. Под железом и ярмом земля приносила урожай" (*Письмо члену Национального собрания*).

36) Гиз, Конде, Колиньи - вожди разных партий в эпоху французских религиозных войн XVI столетия. Далее упоминается кардинал Ришелье, министр Людо-

вика XIII, имя которого заставляло читателей Берка вспомнить о Ришелье - их современнике; Берк не одобрял поступков последнего (см. прим. 87,88).

37) Максимилиан де Бетюн, герцог де Сюлли (1560-1641) - военный и государственный деятель, советник Генриха IV.

38) В сочинениях Берка, посвященных Французской революции, он часто упоминает о евреях и почти неизменно говорит о них презрительно или враждебно. Следует, правда, отметить, что он различает внутри еврейства разные группы: "У нас в Лондоне есть весьма почтенные лица, принадлежащие еврейской нации, коих мы оставим [у себя], однако есть и другие их соплеменники, совсем иного свойства: разрушители домов, скупщики краденого добра, изготовители фальшивых бумажных денег - их так много, что мы не можем их просто повесить" (*Письмо члену Национального собрания*).

39) Жан Сильвен Байи, см. прим. 60.

40) *Книга премудрости Иисуса сына Сирахова*, гл. 38, ст. 24, 25: "Мудрость ученого достигается в благоприятное время досуга, и кто имеет мало занятий, тот может сделаться и мудрым. Как может сделаться мудрым тот, кто правит плугом и хвалится палкой погонщика, кто погоняет волов и с песней правит ими, и ведет свой разговор с быками?"

Ст. 27: "Так же и каждый ремесленник и художник, не имеющий покоя ни днем ни ночью..."

И далее: "Однако на совете народном их не спрашивают и на собрании они не выступают, на судейском сиделище они не сидят и не размышляют о законах и праве; они не произносят наставления и суда и не разумеют притчей мудрецов. Но они искусны в житейских занятиях, и забота их - об успехе своего ремесла".

Я не устанавливаю, является ли эта книга канонической, каковой считала ее до последнего времени Галликанская церковь, или же апокрифической, каковой она почитается у нас. Однако же я уверен, что в ней содер-

жится много мудрости и правды (прим. авт.).

Цитаты даны в переводе протоиерея А. П. Рождественского. Апокрифами первоначально называли те книги *Ветхого завета*, текст которых был обнаружен только в греческом переводе, без древнееврейского оригинала; большая их часть включена св. Иеронимом в *Vulgату* (латинский перевод *Библии*).

41) Комментируя эту сентенцию Берка, Гладстон писал: "Есть у Берка одно высказывание, с которым я совершенно не согласен: «Собственность неповоротлива и робка» - совсем напротив, собственность всегда на страже, она неусыпно действует, а если порой кажется, будто ее одолела дремота - будьте уверены, что один глаз у нее открыт" (Morley, Gladstone, III, p. 469).

42) Доктор Джозеф Пристли (1733-1804) - богослов и ученый, в 1772-1780 гг. служил библиотекарем при лорде Шелберне (см. прим. 9) по рекомендации Прайса. Цитируемый отрывок является заключением труда *History of the Corruptions of Christianity* (1782).

43) Вергилий, *Энеида*, I, 140:

"...А его владенья - тяжкие скалы...

Так пусть о них и печется

И над темницей ветров

Эол господствует прочной".

(Перев. С. Ошерова)

44) Гораций, *Наука поэзии*, 465, 466:

...Вспомню

Смерть Эмпедокла: "Поэт сицилийский, в отчаянной

жажде

Богом бессмертным прослыть, хладнокровно в горящую

Этну

Спрыгнул. Не будем лишать поэта права на гибель!"

(Перев. М. Гаспарова)

В книге Диогена Лаэртского *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* рассказывается, что о смерти Эмпедокла узнали, когда из жерла Этны была выброшена одна из его медных сандалий.

45) Шпанские (испанские) мушки применялись как общетонизирующее, мочегонное, а также сексуально возбуждающее средство.

46) Ювенал, *Сатиры*, VII, 151:

Ты декламации учишь? Какая железная глотка,
Веттий, нужна, чтоб твой класс, наконец, уничтожил
тиранов!

(Перев. Д. Недовича и Ф. Петровского)

В сатире имеются в виду обычные риторические упражнения.

47) Другой из оных достопочтенных джентльменов, ставший свидетелем одного из тех зрелищ, кои явил нам Париж в последнее время, выражается следующим образом: "Король, влекомый в покорном триумфе победившими его подданными, представляет одну из тех величественных картин, какие редко возникают в череде человеческих дел, - с изумлением и благодарностью буду я думать о ней остаток своих дней". Сии господа на диво согласны в своих чувствах (*прим. авт.*).

48) См. прим. 8. Берк не скрывает триумфа, найдя столь убийственный довод, опорочивающий своего противника.

49) Место, где находилась иезуитская миссия, к югу от озера Онтарио.

50) В первом издании это место было более резким: "Они заседают после того, как банда убийц увела всех людей умеренных взглядов, оставив лишь отбросы общества". Берк внес исправления после того, как один из консервативных членов Национального собрания выступил с протестом.

51) Гай Корнелий Цетег - участник заговора Катилины (I век н. э.).

52) Лукан, *Фарсалия*, IX, 207. Предшествующие слова показывают, как именно понимал Берк смысл этого неясного отрывка.

53) *Un beau jour* - прекрасный день (*фр.*). Имеется в виду 6 октября 1789 года - день, когда король и королева были переведены революционерами из Версаля в Париж.

54) Замечание, которое якобы сделал Антуан-Жозеф-Мари-Пьер Барнав, член Национального собрания, узнав о самосуде над Фуллоном и Бертье в июле 1789 г.

(см. прим. 60). Позднее Барнав стал доверенным лицом при дворе и рыцарем королевы.

55) Берк полагает, что слова Прайса о триумфе относились к событиям 6 октября, однако последний в предисловии к четвертому изданию своей проповеди утверждал, что имел в виду события 14 июля - взятие Бастилии.

56) Пятое царство - последнее из пяти великих царств, упоминаемых в *Книге Даниила* (2; 44); отождествлялось приверженцами английской секты хилиастов XVII в., именовавших себя людьми Пятого царства, с тысячелетним царством, о котором говорится в *Апокалипсисе*.

57) Строки, посвященные королеве, вызвали возражения со стороны некоторых читателей Берка. Со слов очевидца известно, что сама Мария-Антуанетта обливалась слезами, читая их.

58) Гораций, *Наука поэзии*, 99:

Мало стихам красоты - пускай в них будет улада,
Пусть увлекают они за собой наши лучшие чувства!

(Перев. М. Гаспарова)

59) Эта мысль выражена в оде Эндрю Марвелла на возвращение Кромвеля из Ирландии.

60) Многие противники Берка утверждали, что он рассматривал всякую толпу как скотоподобную; однако поскольку в тексте употреблен неопределенный артикль перед словом "скотоподобная", можно трактовать это выражение и иначе, а именно, что Берк имел в виду лишь толпу, которая собралась в данном случае; см. след. прим. Берка:

"Вспомним судьбу Байи и Кондорсе, о коих словно говорится здесь. Сравним обстоятельства суда и казни первого с сим предсказанием" (прим. 1803 г.).

Жан-Сильвен Байи (1736-1793) - астроном и политический деятель, председательствовавший на историческом заседании депутатов третьего сословия в Зале для игры в мяч, где первым принес присягу. Будучи мэром Парижа, он пытался спасти жизнь Фуллона и Бертье

(см. ниже); именно этот случай, видимо, имеет в виду Берк. Байи был казнен с особой жестокостью 21 брюмера II года Республики (12 ноября 1793 г.).

Жан-Антуан Никола де Карита, маркиз де Кондорсе (1743-1794) - ученый, экономист и политический деятель, голосовал против казни короля и уложения 1793 года; покончил жизнь самоубийством в тюрьме 9 жерминаля II года (29 марта 1794 г.).

Жозеф-Франсуа Фуллон - ненавистный народу помещик и поставщик армии, пытался спастись от гибели, распространив известие о своей смерти, но был схвачен и вместе со своим зятем, интендантом Парижа Бертье де Совиньи, стал жертвой самосуда толпы 23 июля 1789 года.

61) Вергилий, *Энеида*, III, 105: "Gentis cunabula postgae" - "Нашего племени там колыбель" (перев. С. Ошера).

62) Дейвид Гаррик (1717-1779) - знаменитый английский актер, друг Берка.

Сарра Сиддонс (1755-1831) - великая английская трагическая актриса.

63) Иоханн Рейнхолд Паткуль (1660-1707) - ливонский политик, казненный за измену шведским королем Карлом XII.

64) Джан Ренальдо Мональдески (ум. 1657) - обедневший итальянский дворянин, обершталмейстер шведской королевы Христины, заподозренный ею в измене и убитый в Фонтенбло по ее приказанию.

65) Лорд Джордж Гордон (1751-1793) - один из вождей бунта лондонской бедноты 5-6 июня 1780 г. (когда дом и даже жизнь Берка оказались в опасности), за что подвергался судебному преследованию. Впоследствии был заключен в Ньюгейтскую тюрьму за клевету и умер там в 1793 г. Известен своими симпатиями к французской революции (перед смертью пел "Ça ira") и переходом в иудаизм.

66) "Каковы господа, таковы и ученые. Кому могло прийти на ум даже помыслить о Вольтере и Руссо как о

законодателях? Заслугою первого было то, что он недурно писал; к тому же никому не удавалось доселе столь счастливо сочетать богохульство с непристойностью. Последний же, насколько мне почти достоверно известно, изрядно повредился разумом. Впрочем, он смотрел на вещи смело, в необычайном свете и был очень красноречив. - Что же до прочего - !" (Берк, письмо неизвестному от января 1790 г.).

67) Клод-Адриан Гельвеций (1715-1771) - французский философ, его сочинение *Об уме* (1758), осужденное папой Климентом XIII, пользовалось большой популярностью.

68) Англичане, я полагаю, неверно изображены в письме, опубликованном в одной газете и написанном господином, коего почитали священником-диссидентом. Обращаясь к доктору Прайсу под воздействием духа, преобладающего в Париже, он пишет: "Настроение здешнего народа отменило все гордые различия, незаконно присвоенные королем и знатью; говорят ли здесь люди о короле, о знатном дворянине или о священнике, они прибегают к языку самому просвещенному и либеральному, какой только встречается среди англичан". Ежели этот господин намерен ограничить значение слов "просвещенный" и "либеральный" одною разновидностью англичан, то это может быть справедливо, - но отнюдь не всегда (*прим. авт.*).

69) Энтони Коллинз (1676-1729) - друг Локка, автор *Рассуждения о свободе мысли* (1713), имел несчастье привлечь к себе внимание сразу двух великих насмешников - Бентли и Свифта.

Джон Толанд (1670-1722) автор *Христианства без тайн* (1696) - произведения, открывшего войну между английскими деистами и ортодоксами.

Мэтью Тиндел (1657-1733) - автор книги *Права христианской церкви* (1706), сожженной по решению Палаты общин.

Томас Чабб (1679-1747) - деист по убеждениям и торговец сальными свечами по профессии, долгое время

считался характерным типом презренного плебея-деиста.

Томас Морган (ум. 1743) - также участник религиозных раздоров, пользовался большим уважением.

Генри Сент-Джон, виконт Болингброк (1678-1751) - политический деятель, принадлежавший к партии тори, автор сочинения *Идея о короле-патриоте* (1738), стал объектом пародии в одном из ранних сочинений Берка.

70) "Итак, пусть граждане будут с самого начала твердо убеждены в том, что всем правят боги, что все совершается по их решению и воле и что они оказывают людям величайшие благодеяния и видят, каков каждый человек, что он делает, каковы его поступки, с какими мыслями, с каким благоговением чтит он обряды и что они ведут счет и людям, исполняющим свой долг, и людям, не исполняющим его. Умы, проникшиеся такими мыслями, конечно, не будут далеки от полезных и правильных решений" (Цицерон, *О законах*, II, 7; перев. В. О. Горенштейна).

Ссылка Берка отклоняется от существующего текста источника.

Мэри Уолстонкрафт комментирует: "Хорошо известно то обстоятельство, что когда *мы*, англичане, не знаем, что делать с одним из своих сыновей, *мы* делаем из него священника" (*Возмездие прав человека*, Лондон, 1790).

71) Притязания Берка на то, что он выступает как представитель английских протестантов, раздражало некоторых его современников: обратите внимание на выделенное *мы* в словах Мэри Уолстонкрафт (см. выше прим. 70). Заявление, сделанное Берком от их имени о том, что английские протестанты более не являются яростными противниками римского католицизма, не было рассчитано на то, чтобы умиротворить таких критиков.

72) "Искусство есть натура человека", - говорит Берк в *Обращении нового вига к старым* (1791).

73) *Quicquid multis peccatur inultum* (прим. авт.) - цитата из *Фарсалии* Лукана, V, 260: "Нарушение, совершаемое многими, не карается".

74) Цицерон, *О республике*, XIII: "Ибо для того верховного бога, который правит всем миром, нет на земле ничего более приемлемого, нежели сии упорядоченные общества людей, называемые государствами".

75) Пале-Рояль - резиденция Филиппа Орлеанского (Филиппа Эгалите); сад Пале-Рояля был местом бурных собраний на первом этапе революции.

Якобинцы - известный политический клуб, заседавший в монастыре "якобинцев" (доминиканцев) на ул. Сент-Оноре. Слово "якобинцы" сперва являлось презрительным прозвищем членов клуба, но в 1792 г. было формально принято ими - они стали именовать себя "Общество якобинцев, друзей свободы и равенства".

76) "*Jus retractus*" (лат.) - "право возврата". Согласно законодательству королевской Франции, помещик имел право в любой момент выкупить отчужденные у него земли, составлявшие некогда часть его родовых владений; наследники также могли выкупить любую часть владений своих предков, им уже не принадлежащих. Любопытно, что и в наше время ирландский поэт Йейтс восхищался сходными законами, введенными в Третьем рейхе.

77) Во времена Берка во Франции существовало пять академий, к которым могло относиться это замечание: Французская академия, основанная Ришелье в 1634 г., Академия изящных искусств, основанная Мазарини в 1648 г., Академия надписей и словесности, основанная Кольбером (1663), Академия наук (1666) и Королевская академия музыки (1671); четыре первых в настоящее время входят во Французский институт.

Энциклопедия была выдающимся литературным начинанием, детищем философского духа XVIII столетия; задуманная, как словарь искусств и наук, призванный дать рациональное объяснение мира и развеять предрассудки, она под руководством Дидро, с такими со-

трудниками, как Вольтер, Монтескье и Руссо, приобрела колоссальное влияние на умственную жизнь современников (несмотря на враждебность ортодоксов) и оказалась даже выгодной с финансовой точки зрения. "Энциклопедисты" или "философы" действительно составляли некое братство, ибо их объединяло единство целей и интересов.

78) Этот период (вплоть до первой фразы следующего абзаца), а также некоторые другие вставки были сделаны моим покойным сыном при прочтении им рукописи (прим. авт.).

79) Берк посетил Париж в январе-феврале 1773 г. и соприкоснулся с некоторыми представителями парижской интеллектуальной элиты (мадам дю Деффан, аббат Морелле и др.). К сожалению, в сохранившихся письмах Берка не описаны его непосредственные впечатления.

80) Король Пруссии - Фридрих Великий.

81) Не хочу оскорблять нравственного читателя цитатами, отвратительными также и низостью языка (прим. авт.).

82) Они были связаны с Тюрго и почти со всеми финансистами (прим. авт.).

Анн-Робер-Жак Тюрго (1727-1781) - генеральный инспектор финансов (1774-1776), автор *Размышлений об образовании и распределении богатства* (1776), был знаком с философами-энциклопедистами и сам писал для *Энциклопедии*, его высоко ценил Вольтер; считается предшественником Рикардо в экономике.

83) Все они были конфискованы в свое время (прим. 1803 г.).

84) Издатели XIX века полагали, что речь идет о Жане-Жозефе Даре (1724-1794), богатом банкире, получившем при Людовике XV титул маркиза Лаборда. Однако в описываемую эпоху существовал еще один богач по фамилии Лаборд - Франсуа-Луи-Жозеф, маркиз де Лаборд-Меревилль (ум. 1801), известный финансист и политический деятель, служивший до революции хра-

нителем королевской казны, а после революции ставший членом Учредительного собрания; в 1790 г. он был назначен членом комиссии по приему патриотических пожертвований церковного серебра.

85) В ноябре 1789 г. Национальное собрание конфисковало все церковные земли.

Архиепископ Парижский - Антуан-Элеонор-Леон Леклерк де Жюинье (1728-1811), широко известный своей благотворительной деятельностью. Примерно в описываемый период он ушел с поста и отправился в ссылку.

86) Этьен-Франсуа, герцог де Шуазель (1719-1785), министр Людовика XV, умер, оставив огромные долги. Берк сожалел о том, что недоброжелательно отозвался о нем, и по просьбе вдовы согласился изменить текст во французском издании книги.

87) Эмманюэль-Арман де Виньорэ дю Плесси-Ришелье, герцог д'Эгийон (1720-1788) - губернатор Верхнего Эльзаса, был привлечен в 1770 г. к суду за злоупотребления властью. Дело было закрыто по приказанию Людовика XV. Резкий выпад Берка направлен против его сына (см. прим. 88).

88) Луи-Мари, виконт де Ноай (1756-1804) - внес на рассмотрение Национального собрания 4 августа 1789 г. предложение об отмене всех феодальных привилегий. Оно было принято при поддержке Армана-Дезире Виньорэ дю Плесси-Ришелье, герцога д'Эгийона (1761-1800), сына того герцога, о котором упоминает Берк.

89) О герцоге де ла Рошфуко - см. прим. 5. Берк был безжалостен по отношению к знатным дворянам, участвовавшим во Французской революции на ее ранних этапах, а также к тем из английских дворян, кто, по его мнению, придерживался сходных взглядов.

90) Доминик де ла Рошфуко (1713-1800) - кардинал, архиепископ Руана, происходивший из обедневшей ветви рода, выступил против революции и после падения монархии (август 1792 г.) эмигрировал.

91) Не брат и не родственник, однако эта ошибка не меняет сути доводов (*прим. 1803 г.*).

92) "*Crudelem illam hastam*" (*лат.*) - "то жестокое копье". Имеется в виду копье, которое вонзали в землю при общественных церемониях в древнем Риме; по-видимому, измененная цитата из Цицерона (*De Officiis*, II, viii, 29), упоминавшего о распродаже конфискованных земель при Сулле.

93) Цитата из стихотворения Джона Денэма (1615-1669), друга Карла I; приводится в переводе А. Бабица.

94) Жак Неккер (1732-1804) - женеvский банкир, назначенный Людовиком XVI министром финансов после Тюрго (см. прим. 82); занимал этот пост в 1776-1781, 1788-1789 и 1789-1790 гг.; отец известной французской писательницы г-жи де Сталь. Честность и мужество снискали Неккеру широкое признание, хотя как государственный деятель он не раз подвергался критике.

95) При разработке конституции Шотландии в правление Стюартов заседала специальная комиссия, подготавливавшая законопроекты, причем ни один законопроект не мог пройти, не будучи одобрен ее членами. Члены этой комиссии именовались лордами-законодателями (*прим. авт.*).

96) Имеются в виду так называемые ассигнации - ценные бумаги, выпущенные под обеспечение церковных и королевских земель, конфискованных государством. Как и предвидел Берк, это мероприятие обогатило спекулянтов.

97) Имеется в виду Caisse d'Escompte - Дисконтная касса (по учету векселей).

98) Парламенты - особые юридические органы, имевшие также административные функции, были упразднены во время революции.

99) Когда я писал эти строки, я цитировал по памяти, причем после того, как я прочел отрывок, протекло много лет. Один из моих ученых друзей нашел его:

"Этот демократический строй ближе всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию, поэтому и

характер его соответствует характеру тирании: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании [единоличные] распоряжения [тирана]. Да и демагоги и льстецы в сущности - одно и то же или, во всяком случае, схожи друг с другом; и как у тиранов огромную роль играют льстецы, так у описанной нами [крайней] демократии - демагоги" (Аристотель, *Политика*, кн. IV, гл. 4; пер. С. А. Жебелева).

100) См. прим. 69. Стилль Болингброка, с характерными для него порывами захватывающего красноречия, вероятно, оказал известное влияние на Берка.

101) Тахмас Кули-хан (1688-1747), с 1736 г. Надир-шах, властитель мощной иранской державы.

102) Мир обязан г-ну де Калону признательностью за труды, предпринятые им ради того, чтобы развеять скандальные преувеличения касательно королевской расточительности и ложные сведения о предоставляемых королем пособиях, кои распространялись со злобною целью подвигнуть народ на всевозможные преступления (*прим. авт.*).

Шарль-Александр де Калон (1734-1802), министр финансов при Людовике XVI, автор труда *Французское государство*, опубликованного в Лондоне в 1790 г. Сходство политических взглядов привело к тесному сближению между Берком и Калоном.

103) Орсини, знатное итальянское семейство, принадлежавшее к партии гвельфов и известное своими кровавыми распрями с семейством Колонна, принадлежавшим к партии гибеллинов (XII-XV вв.).

Вителли - кондотьеры, предводители наемных военных отрядов в Италии XV в.

Мамлюки (*араб.* - невольники) - воины-рабы, составившие гвардию династии Айюбидов, в XIII в. захватили власть в Египте и основали династию мамлюкских султанов, правивших до 1517 г. в Египте и Сирии.

Наяры - военная каста Малабара, разгромленная

Хайдар-Али в 60-х гг. XVIII в.

104) Тем не менее, лакеи шевалье де Роана выпороли Вольтера.

105) *Omnes boni nobilitati semper favemus* (лат.) - "Все мы, добрые граждане, всегда любим господина" (Цицерон, *В защиту Сестия*, IX, 21).

Цицерон, несомненно, был одним из любимейших авторов Берка.

106) Цитата из *Королевы фей* Э. Спенсера, II, 7, 14.

107) Играли пьесу *Карл IX, или Урок королям* Мари-Жозефа Шенье (1764-1811), брата известного поэта Андре Шенье (1762-1794). Пьеса, запрещенная в 1787 г., прошла с большим успехом в ноябре 1789 г.

108) Семейство Гизов, младшая ветвь Лотарингского рода, играло на протяжении трех поколений видную роль в политической, гражданской и церковной жизни Франции. Полагали, что Гизы претендуют на трон.

Кардинал Лотарингский, о котором упоминает Берк, - Людовик де Гиз (1555-1588), третий кардинал из рода Гизов, чье имя связывают с подготовкой кровавой резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.).

109) См. прим. 85.

110) Франсуа де ла Мот-Фенелон (1651-1715) - архиепископ Комбре, был известен своим благочестием, красноречием, ученостью и мягким нравом.

111) Берк посетил г. Осер. Епископ, о котором идет речь, - Жан-Батист-Мари-Шампньон де Сисе (1725-1806), впоследствии оказался в эмиграции, и семейство Берка оказывало ему помощь. Его братом был виконт де Сисе, с которым Берк поддерживал переписку (см. предисловие).

112) Не упомянут в письме Берка, относящемся к данному периоду.

113) Термин "Галликанская церковь" употреблен здесь в общем смысле, однако идеи галликанства, то есть большей независимости французской католической церкви от Рима, должны были поддерживать аргу-

менты Берка в глазах читателей.

114) Жильбер Бюрне (1643-1715) - епископ Солсбери при Вильяме III, автор труда по современной ему истории.

115) Имеется в виду Жан Дома (1625-1696) - автор труда *Гражданские законы в их естественном порядке* (1689).

116) См. речь г-на Камю, опубликованную по распоряжению Национального собрания (*прим. авт.*).

Арман Гастон Камю (1740-1804) - юрист, член Учредительного собрания, автор законопроектов, касающихся положения духовенства.

117) Анабаптисты, или перекрещенцы - участники радикальных сект эпохи реформации в Германии (в том числе в земле Мюнстер) и других европейских странах, требовавшие вторичного (сознательного) крещения, отмены церковной иерархии и общности имущества.

118) Не знаю, строго ли соответствует истине ниже следующее описание, однако издатели выдавали его за истину, дабы воодушевить других. В письме из Туля, приводящемся в одной из газет, имеется такой отрывок касательно жителей этого округа: "*В нынешней Революции они выстояли перед всеми соблазнами ханжества, перед гонениями и придирами со стороны врагов Революции. Забывая о своих наиболее важных интересах, дабы споспешествовать установлению общего порядка, установленного Национальным собранием, они без сетований смотрели на то, как упразднялось все это множество религиозных установлений, благодаря которым они существуют; даже теряя епископские права - единственную свою опору, которая может, или, точнее, должна была, по всей справедливости, быть им сохранена; обреченные на самую страшную нужду, не встречая нигде понимания, они не ропщут, они остаются верными принципам самого чистого патриотизма; они готовы даже пролить кровь для поддержания конституции, коя приведет их город в самое жалкое и ничтожное состояние"* (в подлиннике по-французски).

Люди эти не обязаны нести все описанные страдания и несправедливости в борьбе за свободу, ибо, как верно отмечается в том же самом отчете, они всегда были свободны. Их терпение в бедности и несчастье, то, как безропотно переносили они самую вопиющую несправедливость, если все это изложено правдиво, не может быть ничем иным, как следствием жестокого фанатизма. Великое множество лиц по всей Франции пребывает в том же состоянии и точно так же настроено (*прим. авт.*).

119) См. протоколы Патриотического общества Нанта (*прим. авт.*). Английское Общество революции подерживало переписку с этим обществом.

120) Речь идет о так называемом заговоре иллюминатов - общества, близкого к масонам.

121) "*Spartam nactus es; hanc exorna*" - "Вы получили Спарту, украшайте же ее" (одно из любимых изречений Эразма).

122) "*Munera terrae*" - "дары земли", т. е. материальные блага, в отличие от духовных (выражение Горация, см. *Оды*, II, xiv, 10).

123) Марсово поле было местом массовых революционных манифестаций.

124) "Мертвая рука" - неотчуждаемое право собственности на недвижимость, принадлежащую какой-либо организации (церковной, благотворительной и т. п.).

125) "*Prima fronte*" - здесь: "прежде всего".

126) Цитата из *Георгик* Вергилия, I, 120 ("Сам Бог повелел, чтобы путь крестьянина был нелегок").

127) Один из видных депутатов Национального собрания г-н Рибо де Сент-Этьен выразил принцип всей деятельности сего Собрания со всей возможной ясностью. Нет ничего проще: "Все установления, имеющиеся во Франции, приносят народу несчастье, и чтобы сделать народ счастливым, их надо обновить: изменить идеи, изменить законы, изменить нравы, изменить людей, изменить вещи, изменить слова; все разрушить, да, все разрушить, потому что все надо создавать заново".

во" (подл. по-французски).

Этот господин был избран председателем Собрания, заседавшего не в "Quinze-Vingt" или "Petit Maisons" и состоявшего из лиц, выдающих себя за людей благоразумных, - впрочем, его идеи, язык и поведение ни в малейшей степени не отличаются от речей, мнений и поступков тех, кто направляют ныне ход машины, работающей во Франции, независимо от того, являются ли они членами Национального собрания или нет.

Жан-Поль Рибо Сент-Этьен (1743-1793) - протестантский пастор, позднее член группы жирондистов в Конвенте. Умер на гильотине.

"Quinze-Vingt" - старинный дом призрения для слепых; "Petit Maisons" - сумасшедший дом.

128) См. : Цицерон, *За Мурену*, XXIX-XXXI.

129) Измененная цитата из первого послания Горация (I, xix, 12-14), где говорится:

Если кто-нибудь, дикий, пытался представить Катона
Взором суровым, ногой необутой и тогой короткой,
Разве явил бы он тем и характер, и доблесть Катона?

(Перев. Н. Гинцбурга)

130) Юм помогал Руссо, когда тот пребывал в Англии в 1766-1767 гг., но между ними бывали ссоры.

131) Эмпедокл - греческий философ V в. до н. э., выводил все сущее из смеси четырех элементов в разных соотношениях.

Французский натуралист Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707-1788) должен был бы быть для Берка союзником, а не объектом критики, ибо, в отличие от истинных "философов", он превозносил достоинства "опыта".

132) А. Поп, *Опыты*, эпизод IV, 129.

133) Национальное собрание, осуществляя план своей комиссии, внесло некоторые изменения - отменило одну из ступеней ценза. Это снимает часть наших возражений, однако главное возражение, а именно то, что согласно такому плану первичный избиратель никак не связан с представителем в органе законодательной власти, остается в полной силе. Имеются и другие

изменения - некоторые из них, возможно, к лучшему, иные явно к худшему, - однако автору достоинства и недостатки этих мелких изменений представляются несущественными, ибо самый план порочен в своей основе и нелеп (*прим. авт.*).

134) Сервий Туллий (578-534 до н. э.) - один из первых царей Рима, который, по преданию, разделил римлян на "центурии" - группы по 100 человек.

135) Ср. Марциал, *Эпиграммы*, X, iv, 10: "Nominem pagina nostra sapit" - "В странице нашей привкус человека".

136) Пройдет немного времени, и Берк обнаружит, что централизованная Франция эпохи Конвента вызывает еще больше тревог, чем "множество республик", которое ей предшествовало.

137) "Ибо миновали те дни, когда целые легионы - с трибунами, центурионами, рядовыми, каждый в своей центурии - переселялись так, чтобы создать благодаря своему единодушию и чувству товарищества небольшое сообщество. Поселенцы были теперь чужие среди чужих, люди, принадлежавшие к совершенно разным манипулам, безразличные друг другу, без руководства; они стали вдруг похожи на что угодно, только не на солдат; собранные в одном месте, они представляли собою скорее скопление, нежели колонию" (Тацит, *Анналы*, I, 14, разд. 27).

Все это еще более применимо к несвязной ротационной двухлетней основе Национального собрания в сей нелепой и бессмысленной конституции (*прим. авт.*).

138) Знаменитому в древности врачу Гиппократу (V в. до н. э.) принадлежит классическое описание выражения лица умирающего ("маска Гиппократа").

139) Шарль Луи де Секондат, барон де Монтескье (1689-1755) - политический философ, автор *Персидских писем* (1721) и *Духа законов* (1748), восхищался британской конституцией. Берк был поклонником Монтескье.

140) По мнению Пейна, этот тривиально-педантич-

ный абзац принадлежит перу сына Берка, Ричарда. Десять категорий метафизики перечислены в сочинении Аристотеля *Категории*.

[Прочие аристотелевы категории]: качество, отношение, действие, страдание, время, место, обладание, состояние (*прим. авт.*)

141) См. прим. 102.

142) *Limbus Patrum* - в схоластической теологии место в подземном мире, не рай и не ад, где праведники, жившие до появления христианства, находятся вплоть до второго пришествия Христа. Оно отличалось от *Limbus Infantum*, где пребывали души некрещенных детей.

143) Согласно легенде, Делос был некогда плавучим островом, но после того, как Латона родила здесь Аполлона и Диану, Юпитер закрепил остров неподвижно.

144) "Долго блуждал он вдоль берегов" (Вергилий, *Энеида*, III, 75).

145) Талейран, епископ Отенский.

146) Цицерон, *О Сенеке*, VII, 25: "Я сею для бессмертных богов" - ответ крестьянина на вопрос о том, почему он трудится.

147) Гораций, *Эпод II (На Альфия)* :

Когда наш Альфий-ростовщик так думает, -

Вот-вот уж и помещик он.

И все собрал он к Идам денежки,

Да вновь к Календам в рост пустил!

(Перев. А. Семенова-Тян-Шанского)

148) *Caisse d'Eglise (фр.)* - церковная касса; по аналогии с *Caisse d'Escompte* (учетная палата).

149) Знаменитые финансовые аферы XVIII века. См. также прим. 190.

150) Мильтон *Потерянный рай*, II, 592:

...Толща льда

И снега здесь бездонна, словно топь

Сербонская, меж Кассией-горой

И Дамиатой, где уже не раз

Тонули армии...

(Перев. А. Штейнберга под ред. С. Шервинского)

Эти строки Берка заставляют вспомнить о рассуждениях Маркса в начале *Коммунистического Манифеста*, см. предисловие.

151) Законодатели Афин и Рима, чьи имена стали нарицательными.

152) Кардинал Мазарини (1602-1661) - преемник Ришелье.

Франсуа Мишель ле Телье, маркиз де Лувуа (1641-1691) - военный министр Людовика XIV.

153) Питт критически относился к тому, что король Георг II позволял интересам Ганноверской династии влиять на его политику в Англии.

154) На самом деле три, если учесть провинциальные республиканские органы власти (*прим. авт.*).

155) Берк недолго столь презрительно относился к умственным способностям вождей французской революции. Уже через год он предупреждал, как опасно недооценивать якобинцев: "О, пусть те, кто возьмутся за восстановление благоденствия в этой стране, опасаются презирать своего врага!" (11-е августа 1791 года). Еще позднее он писал: "Я держусь хорошего мнения о способностях якобинцев: не то, чтоб я полагал их людьми большой природной одаренности, чем иных, но сильные страсти пробуждают способности, они не терпят, чтобы от человека пропала хоть кроха. Дух предприимчивости позволяет лицам этого сословия полностью использовать всю их природную энергию" (*Первое письмо о мире с цареубийцами*, 1796 г.).

156) Арманд Марк, граф де Монморан де Сент-Эрем (1745-1792) был министром иностранных дел. Берк ссылается на случай, когда Национальное собрание, прибавив унижительные условия к планировавшемуся соглашению ("Национальному проекту") с Испанией, подарило Питту дипломатическую победу. После бегства в Варенн Монморан был вынужден уйти в отставку и погиб в сентябрьских казнях.

157) Ювенал, *Сатиры*, X, 284. Суть цитаты в том, что человек стал жертвой собственной популярности.

158) См. прим. 98.

159) Ареопаг - холм неподалеку от Афин, где соби-
рался совет старейшин.

160) Парламенты были распущены канцлером Людо-
вика XV Рене-Никола де Мопеу (1714-1792).

161) Постановления собрания афинских граждан,
имевшие силу закона.

162) После взятия Бастилии Учредительное собрание
решило, что некоторые роялисты должны быть судимы
парижским судом Шатле за измену родине.

163) *Comite des recherches* - комитет Национального
собрания, созданный для раскрытия заговоров против
государства.

164) Жан Фредерик, граф де ла Тур дю Пэн (1727-
1794) - глава военного комитета Национального собра-
ния, казнен на гильотине в 1794 г.

165) "*Risum teneatis*" (лат.) - "Вам не пристало сме-
яться".

166) Комендант Бастилии Бернар-Рене-Журден де
Лони (1740-1789) был убит толпой в день взятия крепо-
сти; в апреле 1790 г. форты в Марселе были взяты На-
циональной гвардией и был убит шевалье де Боссе.

167) Сей военный министр с тех пор успел покинуть
оную школу и уйти в отставку со своего поста (прим.
авт.).

168) "Если б эти люди дали мне возможность снова
сделаться ребенком и кричать в их колыбели, я бы не-
сомненно отказался" (Цицерон, *О Сенеке*, XXIII, 83).

Берк несколько видоизменил текст.

169) Берку не суждено было увидеть осуществление
своего пророчества - 18-е брюмера 1799 года наступило
через два года после его смерти.

170) Мари-Жозеф Мотье, маркиз де Лафайет (1757-
1834), в тот момент командовавший Национальной
гвардией. В июне 1800 г. Национальное собрание отме-
нило наследственные титулы и маркиз теоретически
превратился в простого г-на Мотье.

171) Отчет был, вероятно, опубликован либо в

Courrier de Versailles à Paris et de Paris à Versailles, либо в сменившем его *Courrier des 93 Départements* - оба издавались Антуаном-Жозефом Горсасом (1752-1793), свидетелем казни которого был молодой Вордсворт.

172) См. C. L. R. James, *The Black Jacobins* (N.Y., 1963).

173) Фригольдеры (букв. "свободные держатели") - от слова "freehold", означавшего в средневековой Англии феодальное держание, наследственное или пожизненное; могло быть рыцарским, крестьянским, городским, церковным. Фригольдеры обладали личной свободой, имели фиксированную ренту, право завещания, защиты в королевских судах.

174) См. прим. 116.

175) Соляная подать - один из самых ненавистных налогов, существовавших при старом порядке.

176) По отчету г-на Неккера я вижу, что национальные гвардейцы Парижа получили сверх денег, взимаемых в их собственном городе, около 145.000 фунтов стерлингов из государственной казны. Представляет ли эта сумма выплату за девять месяцев их действительно-го существования или расчет годовичного их содержания, мне не вполне ясно. Но это не так уж важно, ведь они могут брать столько, сколько им заблагорассудится (прим. авт.).

177) При нападении общего врага города Крита объединялись для защиты (их союз назывался "систазис"); Польша на протяжении большей части своей истории являлась свободной конфедерацией полунезависимых феодальных владений.

178) Теодор Вернье, граф де Монт-Ориент (1731-1818) - один из главных финансовых экспертов Национального собрания.

179) Назвий - поэт, которого цитирует Цицерон (*О Сенеке*, VI, 20):

"Как удалось вам столь быстро привести в упадок вашу великую страну ?

Ответ гласит:

"С помощью новых ораторов, рвущихся вперед, глупые юноши".

180) Луи де Рувруа, герцог де Сен-Симон (1675-1755), автор знаменитых *Мемуаров*, описывающих период 1694-1723 гг.

181) Вестминстер-Холл долгое время оставался главным судом Англии. Здесь Берк вел дело против Уоррена Гастингса.

182) Читатель заметит, что я лишь слегка коснулся (ибо план мой не требовал большего) состояния французских финансов и требований, с ними связанных. Если бы я и намеревался поступить иначе, то материалы, коими я располагаю, недостаточно полны. По этому вопросу я отсылаю читателя к работе г-на де Калона, где нарисована потрясающая картина разорения общественного достояния, а также полного запустения во всех государственных делах Франции, вызванного самонадеянностью благих намерений несостоятельных невежд. Подобные причины всегда будут вызывать такие следствия. Глядя на этот отчет строгим взором, быть может, даже чересчур придирчиво, изымая все, что могло бы быть прибавлено смещенным финансистом, коего враги могут заподозрить в желании сгустить краски, я полагаю, нельзя не прийти к выводу, что никогда еще человечеству не было преподано более полезного урока и предостережения перед дерзким духом нововведений, чем тот, который мы познали на горьком опыте Франции (*прим. авт.*).

183) См. прим. 96.

184) Кухонная латынь, в подражание *Мнимому больному* Мольера.

185) Талейран; Берк не удостоил его более ироническим определением (см. предисловие).

186) Слова ла Брюера о Боссюэ (*прим. авт.*); Жан де ла Брюер (1645-1696) - эссеист и автор афоризмов; Жак Бенинь Боссюэ (1627-1704) - епископ Мо, великий проповедник и противник Фенелона (см. прим. 110) в полемике по поводу квиетизма.

187) Анн-Луи Анри де ла Фар (1752-1829) отказался принести присягу духовенства гражданской конститу-

ции и эмигрировал. При Реставрации был назначен архиепископом Сенским и кардиналом. Он произносил проповедь во время богослужения при коронации Карла X.

188) "Друзья вольности" - клуб Данди.

189) Гораций, *Сатиры*, I, v, 100: ". . . credit Iudeus Apella, non ego" - "Пусть иудей Апелла верит в это, но не я". Берк переворачивает фразу в одном из своих выпадов против еврейских финансистов, которые, по его мнению, были в числе тех, кто особенно нажился на революции.

190) Джон Лоу (1671-1729) - шотландский финансист, ставший главным контролером финансов Франции при регентстве и, в качестве создателя Миссисипской компании, фактическим властителем Луизианы. Он убедил правительство выпустить бумажные деньги. Безумный разгул финансовых махинаций привел его к краху, и он умер в Венеции (см. прим. 149).

191) См. прим. 60.

192) Максимилиан де Бетюн, герцог де Сюдли (1560-1641) - боевой товарищ Генриха IV и суперинтендант финансов французского королевства во время его правления.

193) Молот смерти в *Потерянном рае*, X, 293.

194) Марк Анний Лукан (39-65 н. э.) - римский поэт; Пьер Корнель (1606-1684) - французский драматург.

195) Измененная цитата из трагедии Аддисона *Катон*, акт V, сцена 1.

196) Беспристрастный тон этого предпоследнего абзаца заставляет вспомнить о комментарии Мэтью Арнольда (*The Function of Criticism at the Present Time*, 1864) о сходной и даже еще большей беспристрастности заключительных строк другого сочинения Берка *Мысли о французских делах* (1791): "Это неизменное возвращение Берка к самому себе всегда казалось мне одним из прекраснейших мест в английской литературе, да пожалуй, в литературе вообще. Это то, что я называю жить идеей, - когда вы издавна поддерживаете одну сторону,

когда все ваши чувства поглощены одним вопросом, когда вокруг себя вы слышите лишь один язык, когда ваша партия, точно паровой двигатель, непрерывно пользуется им и не может вообразить иного, - быть все же способным думать, способным столь увлекаться неотразимым потоком мысли, чтобы увидеть этот вопрос с другой стороны, но, подобно Валааму, не быть в состоянии произнести ничего, *кроме того, что Господь вложил в твои уста*. Я не знаю ничего более поразительного, я добавил бы, ничего более неанглийского". Возможно, нечто подобное имеет в виду Йейтс, когда он столь неожиданно приписывает ирландскому складу ума "холодную, взрывчатую непредвзятость".

ОГЛАВЛЕНИЕ

Конор Круз О'Брайен. "Манифест контрреволюции" (предисловие)	5
Эдмунд Берк (биографический очерк)	55
Размышления о революции во Франции	63
Примечания к предисловию.....	361
Примечания	379

